

Г. И. МИРСКИЙ

„ТРЕТИЙ
МИР“

ОБЩЕСТВО,
ВЛАСТЬ,
АРМИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ

Г. И. МИРСКИЙ

„ТРЕТИЙ МИР“:
ОБЩЕСТВО,
ВЛАСТЬ,
АРМИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

М64 **Мирский Г. И.**
«Третий мир»: общество, власть, армия. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1976.

408 с.

На фоне анализа социально-экономических условий и классовой структуры развивающихся стран показаны факторы, позволившие вооруженным силам этих стран активно выйти на политическую арену. Рассмотрены конкретные причины, вызвавшие недовольство различных слоев общества режимами, образовавшимися после ликвидации колониального господства в Египте, Сирии, Ираке, Бирме, Пакистане, Алжире, Гане, Нигерии и ряде других бывших колоний. Дается классификация организованных военными революционных и контрреволюционных переворотов, анализируются связь военных с обществом и конкретные мероприятия военных режимов.

М $\frac{11104-005}{013(02)-76}$ 2-75

327.25

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ГЛАВА I

ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫХОДА АРМИИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ АРЕНУ

Рухнула колониальная система, и на арену мировой политики вышли десятки новых независимых государств. Сбылось предвидение В. И. Ленина, который писал, что народные массы Востока поднимутся как «самостоятельные участники, как творцы новой жизни»¹, что «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира»². Начался новый этап в международных отношениях.

Политическая независимость — первый и необходимый шаг к полному освобождению от колониального господства, создающий предпосылки для ликвидации всех видов империалистического гнета. Однако сама по себе она не несет избавления от империалистической эксплуатации. Для ее ликвидации, без которой невозможно преодоление вековой отсталости, необходимы серьезные внутренние социальные преобразования. Речь идет не только о перестройке старой, колониальной структуры экономики, но и о подлинном, революционном преобразовании всего общества. Решить эту гигантскую задачу нельзя без помощи социалистических государств, без использования тех исключительно благоприятных экономических и политических возможностей, которые создает для развивающихся стран противостоящая империализму социалистическая система. Сущность преобразований зависит также от проводящей их власти, характер которой в свою очередь во многом определяется классовой структурой общества.

Колониальная эксплуатация обусловила неразвитость и как следствие слабость основных классов («основных» с точки зрения структуры развитого капиталистического общества) — буржуазии и пролетариата. За исключением немногих стран (Индия, Филиппины), промышленная буржуазия не определяет лицо капиталистического класса освободившихся стран — главную роль в нем играют представители торговой буржуазии, спекулянты, подрядчики-строители, маклеры, современные компрადоры, лица, вкладывающие капиталы в производительную сферу. В большинстве стран, о которых идет речь, промышленный пролетариат недостаточно силен, зрел и политически организован.

Эти особенности классовой структуры определили высокий удельный вес в обществе, значительную роль в политической жизни промежуточных и средних социальных слоев³, и прежде всего служащих государственных учреждений и интеллигенции — преподавателей высших и средних учебных заведений, лиц свободных профессий, объединяемых иногда названием «новые средние слои». В их число входит военная интеллигенция, то есть офицерство.

Офицерство, имея в своем распоряжении вооруженную силу, всегда обладает потенциальной возможностью насильственно воздействовать в том или в ином направлении на политику страны. Факты последних двух десятилетий показывают, что во многих странах офицерство в полной мере использует эту возможность. Только за последние 15 лет произошло около 40 удавшихся военных переворотов примерно в 30 странах Азии, Африки и Латинской Америки. Это свидетельствует об установившейся традиции вмешательства армии в политику стран «третьего мира». Во многих государствах трех континентов переход власти к военным уже не исключение, а почти правило. Речь идет не о случайных совпадениях, а об определенной закономерности.

До начала 60-х годов эта закономерность почти не изучалась нашей наукой. Анализ классовой структуры общества в экономически отсталых странах ограничивался главным образом классами, укладывавшимися в рамки «четырёхчленной формулы» — пролетариат, крестьянство, буржуазия, помещики. Интеллигенция, промежуточные слои, армия, как правило, почти не входили в

поле зрения исследователей, и лишь за последнее время эти социальные категории, серьезная роль которых в общественной жизни развивающихся стран очевидна, стали предметом изучения.

Настоящая работа — это попытка в какой-то мере восполнить пробел в нашей науке, занимающейся исследованием классов и классовой борьбы в развивающихся странах. Задача книги — выявить закономерности, обусловившие в послевоенный период в ряде стран Азии и Африки выход армии на политическую арену, проанализировать причины и предпосылки резкого усиления вмешательства вооруженных сил в политическую жизнь молодых национальных государств.

Роль армии в политической жизни различных стран далеко не одинакова. Найти общий знаменатель сложно. В Ираке, например, армия была авангардной силой в осуществлении антиимпериалистической революции 1958 г., а в период до 1968 г. во многом препятствовала развитию прогрессивных социальных тенденций. В Индонезии армия была одной из сил антиимпериалистической революции, но затем антикоммунизм ее руководства привел к тому, что именно она дважды нанесла тяжелый удар по левым организациям. Таким образом, дать однозначную оценку прогрессивности или реакционности роли армии в масштабе всего послевоенного периода не представляется возможным. Поэтому одна из главных задач работы — нащупать корни тех консервативных, антидемократических тенденций, которые в той или иной мере присущи офицерскому корпусу ряда развивающихся стран.

По характеру возникновения армии стран Азии и Африки можно разделить на четыре типа: а) армии неколонизальные, то есть армии стран, бывших или лишь формально считавшихся суверенными государствами и обладавших вооруженными силами еще до периода, когда в той или иной форме обозначилось влияние колониализма. К ним относятся армии Турции, Ирана, Эфиопии, Афганистана, Таиланда, Йемена; б) бывшие колониальные армии, то есть созданные колонизаторами и «унаследованные» национальной властью Индии, Пакистана, Ирака, Сирии, Египта, Заира и некоторых других; в) армии, возникшие в ходе национально-освободительной войны (Бирма, Индонезия, Алжир); г) армии, создан-

ные после образования национальных государств (к ним относится большинство армий африканских стран).

В армиях первого и второго типа высший командный состав связан, как правило, со старыми привилегированными классами, военное образование и идеологическую обработку он получил в основном в военных учебных заведениях метрополий. Генералитет консервативен и в большей своей части склонен к прозападной ориентации. Однако в некоторых странах (Египет, Северный Йемен, Сирия) в ходе революционных переворотов старый генералитет был в основном отстранен, и сейчас эти армии по характеру своего руководящего состава ближе к армии типа «в» и «г». Армии типа «в» имели к моменту своего создания наиболее молодой и наименее профессиональный (в классическом смысле слова) высший командный состав; это молодые революционеры в основном из разночинной интеллигенции, посвятившие себя военной карьере в период войны за независимость. Правда, многие из них успели за прошедшее время изрядно «опроециализироваться» и усвоить некоторые характерные черты милитаристской бюрократии. Армии типа «г», выросшие в основном из полицейских сил, не имели боевого опыта и политического престижа.

Создавая армии, колониальные власти стремились вербовать как солдат, так и офицеров либо из национальных меньшинств, либо из жителей отдаленных и наиболее отсталых районов. Это была сознательная политика, направленная на создание надежного для колонизаторов состава вооруженных сил колоний (в отсталые районы проникновение передовых, патриотических идей затруднено), на разжигание вражды между антиимпериалистически настроенным населением больших городов и крестьянами и горцами, составлявшими солдатскую массу. Такими соображениями деспотическая власть руководствовалась и в более развитых странах.

После достижения независимости страны Азии и Африки, бывшие ранее колониями и освободившиеся без революционной войны против угнетателей, фактически унаследовали вооруженные силы (или зародыш таковых), созданные колониальными властями (по нашей классификации армии типа «б» и «г»). Поэтому в армиях этих стран либо сохранился старый, подготовленный колонизаторами офицерский корпус, либо командные по-

сты заняли люди, прошедшие военное обучение в соответствующих заведениях бывших метрополий. Результаты будут проанализированы дальше; пока остановимся на вопросе, какое место заняли армии в жизни молодых национальных государств.

Армия — символ государственного суверенитета, национальной государственности. Практически многие национальные государства Азии, Африки и Латинской Америки вовсе не нуждаются в армии как орудии обороны от внешнего врага, но тем не менее все они хотят иметь армию, вопрос об отказе от нее даже не ставится. В ряде маленьких африканских государств крошечная армия занимает непропорционально большое место в жизни страны.

Целесообразность наличия собственных вооруженных сил для той или иной страны не подвергается сомнению. Ни один государственный деятель, пришедший к власти в освободившейся от колониального гнета стране, не рискнет навлечь на себя обвинение в антипатриотизме, выступив с идеей отказа от национальной армии. По этой же причине и оппозиция не выдвигает подобной идеи.

Надо учитывать также, что генералитет и офицерский корпус, как бы малочисленны они ни были, располагают единственной в стране организованной вооруженной силой, которую они не колеблясь пустят в ход против любых представителей гражданской власти, решивших упразднить армию. Последние отлично это сознают.

Необходимость собственных вооруженных сил при всем огромном бремени, которое они возлагают на бюджет, обосновывается и вполне реальными доводами — опасностью империалистической вооруженной интервенции, территориальными или какими-либо иными конфликтами с соседями, сепаратистскими движениями национальных меньшинств и т. п.

Следует отметить, что наличие национальных вооруженных сил встречает поддержку в народе. Народ, который в течение десятилетий или даже столетий был лишен государственности, в том числе своей армии, смотрит на национальную армию как на символ независимости, живое олицетворение суверенитета, как на подтверждение окончательного разрыва с позорным прошлым, когда в его доме хозяйничали иностранцы.

Кроме того, в большинстве стран, о которых идет

речь, военная профессия была традиционно уважаемой. Исключение составлял Китай, где в ходу было известное изречение: «Из хорошего железа не делают гвоздей, из хорошего человека — солдата». В кастовой системе Индии воины (кшатрии) уступали только брахманам. Как и индуистское, мусульманское общество высоко ставило воинов в социальной иерархии. Однако в период колониального господства служба в армии — не национальной по характеру, призванной обслуживать колонизаторов, — не привлекала националистически настроенную молодежь. Зато сейчас положение коренным образом изменилось.

Наконец, для сына крестьянина солдатская служба — дело не только почетное, но и открывающее перспективы продвижения в обществе; во всяком случае, это, пожалуй, самый благоприятный вариант из всех, которые перед ним открываются. Поэтому в экономически отсталых странах неправильно было бы рассматривать солдата просто как «крестьянина, одетого в военную форму». Сам факт принадлежности к привилегированной, уважаемой и зачастую всесильной социальной организации, каковой является армия, отделяет солдата, то есть малограмотного молодого крестьянина с неразвитым еще классовым самосознанием, от той среды, из которой он вышел. Солдат уже в меньшей степени отражает настроение своего класса, он ощущает свою принадлежность к привилегированной прослойке общества и, страшась лишиться этого положения, послушно идет за офицером на штурм президентского дворца или на площадь — разгонять толпу. Все это дает основание рассматривать в данной работе армию как единую силу. Лишь в случае, когда военные власти стали бы проводить явно «антикрестьянскую» политику, офицерство не могло бы быть уверено в «благонадежности» солдат. Тут «социальное нутро» солдата могло бы взбунтоваться. Очевидно, учитывая это, военные режимы обычно демонстрируют свое «расположение к крестьянству».

Высокий престиж армии, естественно, дает ей преимущества по сравнению с другими общественными институтами и создает условия для ее выдвижения на политическую арену. Можно утверждать, что армия — общенациональный институт в таком государстве, где нация еще проходит этап становления, где слабы общенациональные

связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности. С незапамятных времен в глазах населения государство было скорее органом административного принуждения, чем символом национального суверенитета. Люди мыслили категориями рода, племени, деревни, касты, религиозной секты. В армии же все слои населения, уроженцы различных районов, представители племенных и социальных групп перемешиваются. Неграмотные крестьяне, кругозор которых ограничен узким мирком деревни, только в армии, сталкиваясь с людьми из других районов и других общественных слоев, начинают осознавать себя членами одной национальной семьи. Именно армия прививает им национальное самосознание. Поэтому она считается символом единства нации, носителем суверенитета, и это выделяет ее в особый институт внутри государства, придает особый характер, ставит в более выгодное положение по сравнению с другими организациями.

К тому же армия — наиболее современный институт общества. Даже в экономически и культурно отсталой стране она неизбежно должна хоть в какой-то степени соответствовать общепринятым современным стандартам, быть на уровне военной науки и техники. Администрация, система народного образования, культура и наука, наконец, общественная жизнь могут в течение какого-то времени находиться на примитивном уровне, а государство может существовать, особенно в условиях его изоляции от внешнего мира (Йемен, Эфиопия, Афганистан до событий последних лет). Во всех этих сферах не обязательно было равняться на другие государства. Но в армии без этого обойтись нельзя. По самой своей природе армия связана с внешним миром. Она призвана противостоять внешнему врагу, не отставать от него в уровне подготовки и вооружения. Поэтому элемент конкуренции, равнения на внешний мир органически присущ армии. Необходимо посылать офицеров учиться за границу или хотя бы приглашать из-за границы инструкторов, необходимо знакомить офицеров с достижениями мировой техники, организацией иностранных вооруженных сил. Все это неизбежно приводит к сравнениям. Мало кто так остро чувствует отсталость государства, как офицер, познакомившийся в ходе военного образования не

только с положением дел в армиях других, более развитых стран, но и в какой-то степени с состоянием их экономики, научными и культурными достижениями. Осознание отсталости своей страны способствует подъему националистических, патриотических чувств, побуждает к борьбе за ликвидацию иностранного контроля, за обновление социально-экономической структуры общества, в конечном счете — за его реконструкцию. Иначе говоря, в умах многих офицеров совершается тот же процесс, что у большей части интеллигенции экономически отсталых стран.

По мере развития современной армии возрастает удельный вес штабной работы, число штабных офицеров — интеллигенции «внутри» военной интеллигенции, каковой является офицерство в целом. По роду службы штабные офицеры обязаны знакомиться с новыми иностранными образцами оружия, техническим прогрессом в других странах. Заинтересованные в модернизации армии, они представляют собой в отсталом обществе элемент прогресса, они особенно остро ощущают разницу между потребностями современного развития и низким уровнем, на котором это общество обречено находиться, пока оно не вырвется из-под иностранного контроля и не встанет на путь индустриализации, коренной перестройки всей экономической и социальной структуры⁴.

В отсталом обществе армия, как уже отмечалось, — единственный общественный институт, находящийся вне традиционного застойного мира, наполненного религиозными и племенными представлениями и предрассудками, разделенного на касты, общины, группы. Уже поэтому она имеет преимущество перед политическими партиями, которые, за исключением коммунистической, как правило, связаны узкими групповыми интересами. В отличие от них армия предстает перед народом как сила общенациональная.

Добавим, что армию, в первую очередь офицерский корпус, отличает внутренняя сплоченность. В офицерстве всех армий культивируется особый вид солидарности, своеобразного патриотизма, гордости от сознания принадлежности к привилегированной и пользующейся престижем корпорации.

Централизация управления, строгая иерархия, дисциплина, легкость внутренних связей — все это по срав-

нению с гражданскими организациями составляет сильную сторону вооруженных сил и способствует эффективности действий военных, когда они берутся за выполнение политических задач⁵.

Но главное преимущество армии перед всеми другими общественными институтами и организациями состоит в монополии на вооруженную силу. Армия владеет оружием и умеет им пользоваться. В неизмеримо большей степени, чем кто-либо другой, она способна и готова к насилию. По своей природе армия — инструмент организованного насилия, военнослужащие — профессиональные «специалисты по применению насилия». Если армия как политическая сила выступает единодушно, успех обеспечен на сто процентов. В послевоенной истории стран Азии и Африки не было случая, чтобы вопреки воле армии (в том случае, если она выступала единодушно) совершились сколько-нибудь серьезные перемены в характере государственной власти или в политической и социальной ориентации. Не было случая, чтобы какие-либо иные силы устраняли от власти военную верхушку, — если она пользовалась полной поддержкой армии или не утрачивала свой авторитет в результате политических потрясений. В Судане в 1964 г. военная диктатура была свергнута и на смену ей пришла гражданская власть. Это стало возможным лишь потому, что значительная часть среднего и младшего офицерства примкнула к революционному движению и увлекла за собой солдатские массы. Кстати, отметим, что в «третьем мире» офицеры почти всегда могут рассчитывать на то, что солдаты, набранные, как правило, среди политически отсталого и забитого крестьянства, подчинятся их приказам. Это обстоятельство также благоприятствует военным выступлениям политического характера.

Есть множество примеров того, как армия навязывала свою волю стране, отнюдь не желавшей военного правления. В Иране в 1953 г. армия, послушно следуя за реакционным генералитетом, под лозунгом защиты монархии подавила революционное движение. Прогрессивные силы в стране были весьма значительны, но тем не менее военная сила оказалась решающим фактором. В Мали в 1968 г. за каких-нибудь несколько часов армия свергла президента, пользовавшегося популярностью. В Гане выступления нескольких сот солдат, подчи-

нившихся приказу реакционного офицерства, оказалось достаточно, чтобы свергнуть режим, обладавший монопольной властью и контролировавший все ключевые позиции в стране, за исключением одной — армии.

Итак, армия как инструмент насилия имеет возможность проводить в жизнь, ломая сопротивление, свои политические решения. Армия осознала свое особое положение наиболее эффективной, организованной и современной силы в общенациональном масштабе. Среди офицерства культивируется сознание особой роли армии как носителя идеи национализма, как силы, на которую возложена историческая миссия. Для людей, убедившихся в необходимости социальных перемен, осознание этой миссии легко перерастает в уверенность, что именно армия должна стать авангардом в их осуществлении.

Происходит процесс активного приобщения армии к политике (здесь и далее под словом «армия» подразумевается прежде всего ее политически мыслящая часть, ее мозг, то есть офицерство). Армия выходит за рамки своих обычных, «официальных» функций, она начинает мыслить о себе как о политической силе.

Здесь следует внести одно уточнение: фактически армия все равно является политической силой, даже если сами военнослужащие этого не осознают. Вооруженные силы состоят на службе государства, являются важной составной частью системы государственной организации, орудием господствующего класса. Уже поэтому армия всегда — организация политическая. Другое дело, что при «нормальном» разделении функций в системе власти непосредственное управление государством не может входить в компетенцию вооруженных сил, и если это происходит, значит, в этой системе власти что-то нарушено. Иными словами, армия по своей природе не может не быть силой политической, но это не означает, что она сама «делает политику» и руководит государством.

В любом классовом обществе армия может стоять «вне политики» лишь формально; на самом деле, будучи орудием правящих классов, она уже поэтому связана с политикой и способствует ее проведению согласно курсу, намеченному этими классами. «Не втягивать армию в политику, — писал В. И. Ленин, — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику»⁶. Но одно

дело, когда армия влияет на политику, выступая исполнителем воли правящих классов, и другое, когда ее действия объективно направлены на свержение господства этих классов или их обанкротившихся представителей, как было, например, в Египте, Ираке, Сирии, Бирме ⁷.

Даже когда армия, что имеет место во многих странах Тропической Африки, захватывает власть фактически для того, чтобы предотвратить свержение привилегированной верхушки и, следовательно, действует в конечном счете в ее интересах, положение нельзя считать нормальным и с точки зрения самой этой верхушки, которая не может обеспечить свое господство, не прибегая к помощи вооруженных сил и теряя при этом непосредственную монополию на власть. Еще яснее обнаруживается кризис верхов в тех случаях, когда армия, созданная специально для защиты их интересов, не видит иного выхода, кроме свержения власти этих верхов или по крайней мере замены одной правящей группы другой. Очевидно, дело не только в глубоких пороках самой системы власти. Страны, в которых произошли военные перевороты, имели различные государственные устройства — от абсолютизма до буржуазного парламентаризма. Суть глубже: корень политической неустойчивости «третьего мира» — в социальной напряженности, связанной чаще всего с недостаточной эффективностью и медленными темпами процесса деколонизации, что создает почву для вмешательства армии в политику. Это вмешательство может или помочь осуществлению указанных перемен, или предотвратить их ⁸.

Каковы же предпосылки выхода армии на политическую арену? Каков тот общественно-экономический фон, на котором происходят военные перевороты?

Различные исследователи пытались найти «общий знаменатель», некие критерии, которые позволили бы установить, в каких именно странах «третьего мира» перевороты возможны, а в каких — нет. Эти попытки оказались бесплодными. Жизнь показала, что в развивающихся странах военные перевороты возможны почти повсюду. Армия брала власть и в совершенно отсталых странах с докапиталистическими отношениями (Йемен, Афганистан), и в странах, где уже имелся довольно развитый капитализм (Египет, Сирия); армия свергла и социально-консервативные монархические режимы

(Ирак, Йемен, Афганистан), и правительства, провозглашавшие революционный, прогрессивный курс (Гана, Мали). Не подтвердилась мысль, что перевороты наиболее вероятны в наименее развитых странах «третьего мира» или в наиболее молодых государствах. Военные свергали гражданские правительства и в таких древних государствах, как Эфиопия и Йемен, и в таких молодых, как Бангладеш, и в таких развитых (по африканским критериям), как Нигерия, и в таких отсталых, как Чад. «Возраст» свергнутых режимов колебался от десятков лет до нескольких месяцев.

Разумеется, нетрудно доказать (особенно постфактум), что свергнутые режимы, как правило, не имели прочных корней в обществе. Английский ученый Д. Ли писал: «Когда армия меняет состав людей, стоящих у власти, это не означает, что она разрушает всеми признанную общественную систему»⁹. Такого же мнения придерживается его французский коллега Д. Лавроф: «Главные причины военных переворотов — в упадке африканских политических систем... Армия не уничтожает эффективно функционирующую гражданскую систему, а лишь устанавливает без усилий свой контроль над страной, по существу лишенной политических структур»¹⁰. В этих утверждениях есть элемент преувеличения: вряд ли можно сказать, что, например, Гана при Нкруме или Индонезия при Сукарно были странами, «лишенными политических структур». Верно, однако, что почти все свергнутые режимы к моменту переворота уже прошли зенит своей популярности и в каждом из них обнаружили серьезные слабости или даже зияющие бреши. Американский ученый А. Зольберг справедливо отмечает как одну из важных предпосылок переворотов «растущее противоречие между идеологическими установками лидеров и их способностью проводить политику, вытекающую из этих установок»¹¹. Однако это можно отнести лишь к режимам, образовавшимся на развалинах колониальных империй, в первую очередь к режимам африканским, а не к тем, которые существовали, например, в дореволюционном Египте, Ираке или Йемене — там никаких «идеологических устремлений» у лидеров, по существу, и не было. Что же касается «новых», то есть постколониальных, режимов в Африке, а также в Пакистане, Сирии, Бирме, Индонезии, то действительно, как будет показано даль-

ше, налицо был крах или, во всяком случае, дискредитация этих режимов.

В значительной степени это связано с экономическими, материальными факторами: не удалось поднять жизненный уровень населения в той мере, в какой люди этого ожидали, рассчитывая, что уход колонизаторов чуть ли не сразу вернет мифический «золотой век». «Революция растущих ожиданий» в странах, пошедших по капиталистическому пути, стала превращаться в «революцию обманутых ожиданий». Постепенно различные слои общества охватило глубокое разочарование: чиновничество, интеллигенция, мелкий городской люд с горечью убеждались, что жизнь остается тяжелой, материальное положение если и улучшается, то очень незначительно, перспектив быстрой и блестящей карьеры для подавляющего большинства представителей нового, молодого поколения нет. «Демографический взрыв», урбанизация привели к переполнению городов людьми, не имеющими постоянного заработка. Потребности у городского населения, естественно, выше, чем у деревенского, а удовлетворить их труднее: «эффект демонстрации» оказывает сильнейшее воздействие, вопиющие социальные контрасты большого города прямо перед глазами у всех, растет недовольство новой привилегированной элитой, назревает протест.

Нищета остается, уровень жизни не идет ни в какое сравнение с уровнем индустриально развитых стран; более того, разрыв между этими двумя группами стран растет. Производство продовольствия на душу быстро растущего населения падает. Сельское хозяйство еще нигде не может выйти из состояния глубокой отсталости, урожайность, как правило, крайне низкая, механизация сельскохозяйственных работ ничтожна, а в Тропической Африке даже не завершён переход от мотыги к плугу и 8 из 10 африканцев еще живут в условиях натурального хозяйства. Перестройка колониальной структуры экономики происходит крайне медленно, вывоз сырья остается преобладающим, если не единственным, источником иностранной валюты.

О причинах экономической отсталости и нищеты развивающихся стран как у нас, так и за рубежом написаны десятки солидных трудов. Главная — это длительная и беспощадная колониальная эксплуатация, не только задержавшая развитие производительных сил Азии и Афри-

ки, но и деформировавшая, изуродовавшая это развитие, превратившая эти страны в аграрно-сырьевой придаток метрополий.

«Империалисты систематически грабят народы десятков стран Азии, Африки, Латинской Америки, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. — Миллиарды долларов выкачивают они ежегодно из так называемого „третьего мира“. Между тем, по данным опубликованного ООН в 1970 г. доклада о продовольственном положении в мире, 375 млн. человек на этих континентах живут на грани голодной смерти»¹².

В 60-е годы в развитых капиталистических странах доход на душу населения ежегодно возрастал на 60 долл., а в освободившихся — всего на 2 долл. Исторически сложившаяся как следствие колониальной эпохи экономическая структура большинства освободившихся стран определяет их неравноправное положение на мировом капиталистическом рынке. Зависимость от империалистических монополий остается со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями.

Глубокое разочарование народных масс недостаточно эффективными результатами, достигнутыми на поприще экономики после завоевания политической независимости, — вот объективная основа политической нестабильности, наблюдающейся во многих странах Азии и Африки. В ряде стран политические силы, возглавлявшие борьбу за независимость, дискредитируют себя неспособностью решить экономические и социальные проблемы, хотя быстрое решение этих проблем объективно невозможно. Безудержный оптимизм первых лет независимости оказался беспочвенным.

В ряде стран, особенно в Тропической Африке, причиной переворотов иногда является хронический внутриполитический кризис, в основе которого лежит несостоятельность и коррумпированность правящей прослойки бюрократической буржуазии, к которой относятся высшие государственные чиновники, партийные функционеры и депутаты парламента.

Становление и укрепление этой прослойки (которую в иностранной литературе часто называют классом) — характерное явление для большинства стран, избавившихся от колониального господства. Бюрократическая буржуазия составила ядро новой элиты.

До независимости в элиту наряду с представителями метрополий — колониальными администраторами и дельцами — входили местные вожди, пошедшие на службу к колонизаторам, верхушка чиновничества, компрадорская буржуазия. По мере развития борьбы за независимость наряду с этой колониально-компрадорской элитой формировалась «контрэлита» из активистов политических партий, выступавших против колониального господства. К этой новой, «политической» элите тяготела образованная молодежь. Поприще политики представлялось наиболее перспективным; к тому же оно было исключительно широким. В отличие от государственной службы сфера политической деятельности не была ограничена определенным количеством должностных мест.

Положение изменилось после достижения независимости. На смену политикам, агитаторам, журналистам стали приходиться администраторы. Острая нужда в управленческих кадрах способствовала тому, что образованная молодежь потянулась в административный аппарат, который стал быстро разбухать. Известный английский специалист по африканским проблемам Р. Ферст отмечала: «Гражданская служба и армия стали новым путем к власти, а администраторы, в военной форме или в гражданском костюме, стали новой „бюрократией власти“»¹³. Она же описала процесс сращивания этой административной элиты с нарождавшейся буржуазией, в частности в Нигерии: «Традиционная аристократия начала создавать себя новую экономическую базу в крупных современных фирмах, брала подряды на работы и занималась операциями с недвижимым имуществом. Знакомство с 39 инвестиционными и кредитными проектами Корпорации развития Северной Нигерии показало, что самые крупные кредиты от банков получали большие люди в правительстве, а одного слова министра, а тем более премьер-министра Северной провинции было достаточно, чтобы пересилить закон и решения совета корпорации»¹⁴.

В Южной провинции, продолжает Р. Ферст, «возникли новые классы предпринимателей, фермеров — владельцев плантаций какао и каучука, скупщиков сырья, торговцев, владельцев грузовиков, ростовщиков. Бок о бок с ними работали клерки, ремесленники и работники

крупных экспортных компаний, правительственных учреждений, транспорта и торговли»¹⁵.

В более отсталых странах Африки подобные явления заметны гораздо меньше, но указанная тенденция прослеживается повсюду, даже в некоторых странах социалистической ориентации, хотя там с ними ведется борьба. Гипертрофированный государственный аппарат типичен и для самых отсталых стран Африки и Азии; африканцы даже иронически называют его «основной отраслью индустрии». Верхушка этого аппарата — бюрократическая элита, присваивающая значительную часть государственных доходов за счет непомерно больших в сравнении с подавляющей массой населения окладов.

Английский журналист Р. Мэтьюз писал: «Еще одной возможной причиной мятежей в странах Африки является бросающееся в глаза расточительство, в котором повинно большинство их правительств. По всему континенту возвышаются роскошные президентские дворцы; для сотен привилегированных гостей подаются изысканные блюда и напитки на приемах в честь Дня освобождения, в то время как жители трущоб в близлежащих поселках влачат жалкое существование; депутаты парламента получают ежегодное жалованье и различные дополнительные выплаты, значительно превышающие доходы, на которые может только надеяться местный врач, не говоря уже о крестьянине»¹⁶.

В Нигерии, где средний годовой доход на душу населения составлял в конце 60-х годов 29 ф., минимальная заработная плата чиновника с университетским дипломом превышала 700 ф., а постоянный секретарь министерства получал основной оклад в размере 2500 ф. Чиновники требовали также выплаты им специального жалованья для расходов на автомашины, а также ежегодного бесплатного путешествия в Англию во время отпуска, подобно тому как это делали английские чиновники в колониальные времена.

В Центральноафриканской Республике доходы на содержание государственного аппарата достигали 81% расходной части бюджета, в том числе на одну лишь заработную плату служащим — 58%. В Конго (Браззавиль) соответствующие расходы выросли за четыре года после достижения независимости на 88,8% и составили 62% бюджета. В республике Берег Слоновой Кости.

на долю 15 тыс. чиновников, или 0,5% населения, приходилось 58% расходов по бюджету. В Дагомее расходы на содержание государственного аппарата составили 64,9% бюджета. В странах Магриба с 1955 по 1965 г. численность рабочих, инженеров, техников и ремесленников увеличилась на 30%, а число чиновников — в 6 раз.

Депутат парламента в республиках Афро-мальгашской группы получал от 120 до 165 тыс. франков в месяц, в то время как средний доход крестьянина составляет 10—12 тыс. фр. в год. В Габоне в целях экономии пришлось даже распустить парламент, так как выплата жалованья депутатам ложилась непомерным бременем на государственный бюджет. Президент Верхней Вольты Ямеого получал жалованье в размере 3 млн. старых франков в месяц¹⁷.

Д. Хэпгуд писал о пропасти между элитой, живущей по-европейски, и африканскими массами: «От 80 до 95% африканцев — это крестьяне, урожай которых в стоимостном выражении составляет от 40 до 80 долл. в год... В сравнении с крестьянином скромный правительственный клерк или автомеханик, зарабатывающий примерно 60 долл. в месяц, относится к привилегированному меньшинству. На верхней ступени лестницы стоит член правительства, который получает 600 долл. в месяц и имеет за счет правительства автомашину и шофера, виллу и слуг... Африканские лидеры переселились во дворцы европейцев. Затем в одной столице за другой они построили себе собственные дворцы. „Эти люди больше уже не могут сами открыть себе дверцу автомобиля“, — жаловался мне один шофер, когда мы наблюдали, как должностные лица Берега Слоновой Кости выходили из своих блестящих черных „мерседесов“»¹⁸.

Корни коррупции в Африке связаны и с племенными традициями, обязывающими людей к взаимной выручке. Покойный лидер освободительного движения в Гвинее (Бисау) Амилкар Кабрал говорил: «В Африке существует традиция, согласно которой, например, если у меня есть дядя в городе, я могу приехать и жить в его доме не работая, а он будет меня содержать»¹⁹. Это так называемая система «ндуку» (братья по племени). Лежен пишет: «Каждый министр, директор — словом, каждое самозванное „превосходительство“, едва заняв пост на-

чальника, обнаруживало, что к нему являлись со всех концов его ндуку, вплоть до самых дальних, и требовали своего места за пиршественным столом и свою долю пирога. Им-то и достались посты начальников кабинетов, шоферов и т. д. Но у каждого из этих новых пришельцев были, в свою очередь, собственные ндуку, тоже ссылавшиеся на семейные права. В конце концов по этой системе стали раздаваться все должности вплоть до самых скромных. Так в Альбертвиле на государственной службе оказалось свыше сорока плотников, тогда как не имелось кредитов на закупку дерева или гвоздей. А санитарная служба платила жалованье 186 метельщикам для поддержания в чистоте улиц общей длиной менее 10 км»²⁰.

«Когда вы посещаете какого-либо африканского деятеля в столице, — пишет Хэпгуд, — то обычно видите дюжину или более его родственников, слоняющихся без дела на участке у его дома и проедавших его жалованье, как только он его получает»²¹.

Французская журналистка К. Варлэн свидетельствует: «Когда в глубь саванны доходит весть, что брат или кузен поступил на работу, скажем, в почтовое ведомство, где „счастливцев“ получает 7000 колониальных фр., вся родня вздыхает с облегчением. В Африке никому не приходит в голову, будь он самым бедным, отказать в приюте и пропитании, притом бессрочном, кому-нибудь из родственников, даже дальних. Поэтому мы видели служащих, содержащих 15—20 человек родни».

В Центральноафриканской Республике выдача концессий на разработку алмазов «оплачивалась взяткой в 2—3 млн. африканских фр. ...Зло поразило весь аппарат; начиная с 1963 г. 20 префектов и супрефектов попались на незаконных операциях и угодили за решетку. Взяточничество достигло таких размеров, что судебные органы даже не возбуждали дел против тех, кто грел руки суммой, не превышающей четверть миллиона франков... Предметом вымогательства стал... и партийный билет, дававший некоторые льготы. На местах ответственные лица МЕСАН продавали его за 8 тыс. франков, произвольно устанавливали „добровольные взносы“»²².

В тогдашнем Конго (Киншаса), в провинции Киву, было обнаружено, что премьер-министр и два других

члена правительства создали акционерную компанию «Сокожеки», монополизировав скупку и производство чая и кофе за счет экспроприации ранее существовавших компаний. К моменту ареста премьер-министра Миуро и его сообщников они успели вывезти чая и кофе на сумму 800 млн. конголезских франков; по приказу правления компании эти средства были заблокированы и переведены на личные счета министров в европейских банках²³.

Министр финансов центрального правительства Конго (Киншаса) Пинзи Артур был уличен в том, что продал большую партию слоновой кости, принадлежавшую государству, и присвоил деньги. Министр внешней торговли Марсель Бисукиро, занимавший этот пост как при Лумумбе, так и при Адуле, изъяс из фондов министерства 14 млн. конголезских фр. и перевел на свой личный счет за границу, а также купил на «неустановленные средства» банк и ряд промышленных предприятий. Наконец, этот министр, не лишенный, возможно, чувства юмора, приобрел путем давления на владельцев газету «Диньитэ нувелль» («Новое достоинство»). Совершенно обнаглев, Бисукиро пытался продать одной европейской компании Национальный парк Конго²⁴.

В некоторых африканских государствах иностранные дельцы установили «индекс продажности» для определения, сколько должен заплатить бизнесмен за то, чтобы ему устроили встречу с министром.

Особое негодование вызывает то, что во многих случаях коррупция прикрывается самым беспардонным лицемерием и сочетается с призывами соблюдать строгую экономию. В Верхней Вольте свергнутый впоследствии президент Ямеого потребовал от профсоюзов строгой экономии, а сам привез из Парижа дорогостоящие подарки для своей невесты и устроил пышную свадьбу.

Хэпгуд и другие авторы отмечают недовольство масс африканского населения именно ростом социальных контрастов, увеличением разрыва в материальном положении²⁵.

Как писали прогрессивные сенегальские авторы, «бюрократическая буржуазия соединила в себе худшие черты всех породивших ее классов: жадность и бессовестность классической буржуазии, стремление к роскоши, интригам и дворцовым переворотам, наглость, свойственные феодалам, взяточничество, кумовство, нежелание и

неумение работать, характерные для всякой бюрократической касты»²⁶.

Было бы удивительно и неестественно, если бы эта паразитическая прослойка не вызывала недовольство, протест и возмущение в Африке. С. Мейслер рассказывал о беседе со студентом экономического факультета Ибаданского университета, который высказался за то, чтобы иностранные державы предоставляли «помощь с условиями», контролировали распределение средств, вместо того чтобы просто сыпать их в карман коррумпированных лидеров. «Две трети этих денег идут в карманы людей наверху. У нас в Нигерии эти люди делают все, что им заблагорассудится». Коррупция, кстати, явилась главной причиной переворота 1966 года.

Жалобы, насмешки, брань в адрес бюрократической буржуазии можно слышать в любой стране Тропической Африки. Тем не менее в ряде стран она продолжает оставаться привилегированной элитой и удерживает командные позиции. Учитывая ее ничтожную численность, можно было бы предполагать, что паразитическая прослойка не могла бы устоять перед столь широким возмущением масс трудящихся и интеллигенции. Однако не следует переоценивать оппозиционность молодой интеллигенции. По своей психологии, по своему «европейскому», то есть буржуазному, образу мыслей, по своим родственным связям и житейским привычкам молодая интеллигенция в значительной, а возможно, и преобладающей части недалеко ушла от правящей элиты. Часто речь идет всего лишь о разнице поколений: старшие успели пробраться к кормушке, а младшим не хватило мест — приходится ждать. Пока они ожидают своего часа, чтобы приобрести должности, виллы и «мерседесы», они могут позволить себе фрондировать, возмущаться безобразиями элиты, выступать в благородной роли борцов за справедливость и приобретать тем самым популярность в народе. Но в глубине души они понимают или инстинктивно ощущают, что подлинные глубокие социальные перемены им невыгодны: ведь время идет, процесс естественной смены поколений неизбежно выводит их «наверх», вчерашние студенты получают доступ к привилегиям, носителей которых они пылко обличали, и молодая интеллигенция, воспитанная в общем в том же духе, что и нынешние министры, пополняет ряды бюрократи-

ческой буржуазии. Эта прослойка, как всякая бюрократия, воспроизводит самое себя, — в этом секрет ее живучести.

Молодые интеллигенты, исполненные подлинного патриотизма, могли бы и в существующих условиях найти себе применение: работы край непечатый. Переделывать жизнь деревни, учить грамоте крестьян, лечить их, благоустраивать их быт, организовывать кружки среди рабочих, вести среди них воспитательную и просветительную работу — эти и многие другие сферы общественно полезной деятельности могли бы поглотить энергию образованных молодых людей, но при условии самоотверженности и подлинной заботы о благе народа. Таких качеств, однако, и недостает еще слишком многим представителям молодого поколения, получившим «европейское» образование. В большинстве своем это люди по духу буржуазные, способные на реформистское движение, но не на участие в революции. Было бы ошибкой автоматически зачислять всю молодую интеллигенцию Тропической Африки в ряды революционных сил. На активное и сознательное участие в революции способна лишь наиболее передовая, пока немногочисленная часть африканской интеллигенции.

Отмеченная тенденция проявляется, однако, в реальной жизни не так прямолинейно. Ей противодействуют различные факторы, в том числе немалый разрыв между количеством «освобождающихся мест» в государственном и партийном аппарате и растущим числом претендентов. Работающая на довольно быстрых оборотах машина народного образования выпускает значительно больше людей, чем может быть поглощено государственной службой, — а именно государственная служба в столице, а не служение обществу в глубокой деревне или на стройке является мечтой молодого африканца, получившего образование. Процесс ожидания затягивается, безобидное фрондирование у наиболее энергичных может перерасти в активный протест, порождающий жажду действий, стремление взять силой то, что не дают «по праву». Идейные мотивы для такой, по существу, «не идейной» акции всегда можно найти в первую очередь, конечно, в сфере национально-этнических отношений. В Африке, с ее бесчисленными народностями и племенами, с ее богатыми традициями старинной меж-

племенной розни, всегда легко раздуть тлеющий огонек трибализма, свалить вину за положение вещей на ту или иную этническую группу, эксплуатирующую остальное население страны. Национализм выступает в качестве наиболее удобной оболочки как для выражения подлинного социального протеста, так и для выражения его суррогата — стремления к изменению персональной композиции элиты, к обновлению слоя обладающих привилегиями, к достижению «места под солнцем».

Неправильно, однако, делать вывод, что в странах Тропической Африки не существует реальной и серьезной оппозиции правящей элите. Все более значительной силой становятся профсоюзы. Можно сказать, что профсоюзы в Африке наряду с армией представляют собой единственную организационную силу в обществе и их влияние будет расти по мере роста пролетариата. Этот процесс требует времени: пока что африканский пролетариат немногочислен. Но нет сомнения, что со временем профсоюзы в Африке превратятся в грозную силу, в серьезнейший фактор политической жизни. В Конго (Браззавиль) именно профсоюзы сыграли решающую роль в свержении прогнившего антинационального режима Фильбера Юлу. В Дагомее и Верхней Вольте профсоюзы были близки к тому, чтобы повторить браззавильский опыт, но армия «украла» у них победу. Оппозиция профсоюзов и той части образованной молодежи, которая действительно проникнута искренним патриотизмом и верой в социальную справедливость, во многом способствовала созданию накаленной атмосферы, в которой армия сочла необходимым взять власть.

Заслуживает быть отмеченным еще один фактор, который можно условно охарактеризовать как влияние групповых, локальных, племенных связей, перерастающее в систему клиентуры и патронажа. В какой-то мере этот фактор связан с уже упоминавшейся системой ндуку. Многие политические лидеры ищут поддержки среди жителей провинции или округа, откуда они родом, или среди членов своего племени, своей религиозной группы. Если такой лидер становится министром или вообще «большим человеком» в администрации, считается вполне естественным, что он набирает на работу «своих», помогает устраивать выгодные сделки «своим», обеспечивает контрактами и подрядами прежде всего

«своих». У каждого новоиспеченного африканского начальника — своя «клиентура», и вместо четких линий классовой дифференциации и социального размежевания видны причудливые узоры деления по родственному, клановому, племенному, локальному признакам. Образуется множество «микрогрупп», малых общностей, во взаимосвязи и «взаимосцеплении» которых постороннему человеку разобраться крайне трудно. Все эти местные связи и обязательства имели место и раньше, но после получения независимости и создания емкого местного государственного аппарата они, если можно так выразиться, «политизировались», т. е. были перенесены в сферу высокой политики и стали непосредственно влиять на ход государственных дел.

Легко понять, что если какой-либо лидер не вошел в состав руководящей группы или вышел из правительства, перешел в оппозицию, то в условиях, описанных выше, ухудшается положение всей его «клиентуры». Опала «патрона» автоматически ведет к упадку влияния его клана, члены которого уже не могут рассчитывать на «доходные места» или привилегии. Их недовольство, естественно, обращается против правительства и создается дополнительный источник напряженности.

Проблема трудоустройства — одна из важнейших в комплексе причин, который обуславливает хроническую напряженность социально-политической ситуации. Речь идет не о трудоустройстве вообще, а о службе в государственном аппарате; именно этим «наследием колониализма» больше всего желает овладеть та часть образованной молодежи (к сожалению, как уже отмечалось, немалая), которая озабочена в первую очередь собственной карьерой. Наиболее острая форма политической борьбы, развертывающейся в ряде африканских стран после удовлетворения чисто национальных чаяний, — это борьба «за место под солнцем». При этом на государство смотрят как на инстанцию, которая просто обязана обеспечить «приличным местом» (и, разумеется, окладом) всех образованных молодых людей. В Дагомее и Верхней Вольте толчком к беспорядкам, вызвавшим политический кризис и как следствие его — вмешательство армии, было решение правительства сократить заработную плату служащим. «Это, — писал С. Бромберже, — лейтмотив в веренице государственных переворотов»²⁸. Специ-

фическая общественная атмосфера, наэлектризованная вспыхивающими на каждом шагу проявлениями групповых, трибалистских, клановых интересов и связей, придает особый характер и рассматриваемой проблеме: ведь увольняемые по сокращению штатов или ущемляемые в смысле окладов чиновники, равно как и неудачливые кандидаты в чиновники, прежде всего склонны рассматривать свою неудачу не как личное невезение и тем более не как результат объективной невозможности удовлетворить всех в нищей и отсталой стране, а как следствие политики правительства, «зажимающего», дискриминирующего те или иные группы или племена.

Деление общества по локальным, племенным, групповым линиям приводит к искажению «нормальных» (с точки зрения развития «классического» капиталистического общества) пропорций и критериев политической жизни. Образующие в соответствии с таким делением политические партии иногда имеют весьма необычный характер. Известный конголезский политический деятель Антуан Гизенга говорил автору книги в 1960 г., что созданная им «Партия африканской независимости» насчитывает 2 млн. человек. Впоследствии выяснилось, что в партию были автоматически зачислены все члены крупного агломерата племен, к которому принадлежал сам Гизенга. Они действительно шли за ним — ведь он был «свой», это был «их» вождь; другой вопрос, какова была цена этому объединению как политической партии.

Польский журналист Т. Пасербиньский, спросив во времена Модибо Кейты у высокопоставленного официального лица в Бамако, сколько членов насчитывает правящая партия Суданский социалистический союз, услышал в ответ: «Почти весь народ!». И в самом деле, из 4,6 млн. жителей Мали в 1966 г. в партии числилось 1,7 млн. человек²⁹.

Грандиозные цифры, получающиеся в результате зачисления целых племен в политические партии, способны лишь затуманить истинное положение вещей и дезориентировать самих лидеров. Искусственная «преданность» вождя идеалам, проповедуемая в искусственно раздутых массовых организациях, еще не свидетельствует о готовности людей защищать эти идеалы. Юные пионеры в Гане были воспитаны на лозунгах «Нкрума

никогда не умрет!» и «Нкрума — наш мессия!», а после свержения Нкрумы они же несли по улицам навязанные им плакаты — «Нкрума — не наш мессия!».

Следует сказать несколько слов о концепции единой партии как грандиозного общенационального объединения, некоей «суперпартии». Эта концепция получила довольно широкое распространение в Тропической Африке. Партия, возглавлявшая борьбу за независимость, после ухода колонизаторов становилась правящей партией, ее лидер — главой государства. Это имело двоякие последствия: во-первых, деградацию самой партии, которая фактически растворялась в государстве; партийные лидеры становились министрами, местные партийные руководители возглавляли администрацию на местах. Не партия возвышалась над государственным аппаратом, а государство утверждало себя над партией. Во-вторых, поскольку лучшие места в государственном аппарате были заняты представителями правящей партии, оппозиция оказывалась обделенной, ее кадры активистов оставались не у дел. Поскольку же, как уже отмечалось, сами партии создавались в значительной мере на базе локальной, племенной и т. д., получалось, что обделенной и недовольной оказывалась существенная часть населения, целые группы и племена.

Чтобы нейтрализовать отрицательный эффект обоих явлений, необходимо было вместо концепции «правящей и оппозиционной» партии выдвинуть концепцию «единой общенациональной партии». Краеугольный камень концепции — призыв к единству нации и соответственно отрицание внутренней борьбы как раскалывающей нацию, наносящей ущерб общим интересам. Носителем концепции выступает правящая партия, которая таким образом стремится, во-первых, компенсировать свое ослабление в постколониальный период и, во-вторых, вырвать недовольные и обделенные слои, группы, племена из-под влияния оппозиции, предоставить им также доступ к «месту под солнцем». Это дает эффект, тем более что в руках правящей партии — монополия на средства массовой информации, контроль над формированием общественного мнения. Люди, стремящиеся сделать карьеру на политическом или административном поприще, примыкают к правящей партии, она же контролирует профсоюзы и т. д.

В таких условиях оппозиционной партии трудно найти понятный для масс смысл существования: все популярные лозунги уже монополизированы правящей партией, оппозиция не может предложить альтернативы, которая, отвечая политике антиимпериализма и национального развития, настолько существенно отличалась бы от программы правящей партии, что «переманила бы» массы на ее сторону. Попытки оппозиции выступить выразителем интересов тех или иных непривилегированных групп объявляются попытками расколоть нацию, сыграть на руку империализму. Тогда оппозиция нередко встает на путь заговоров, после чего правительство ее запрещает, а официальная пропаганда использует это для дискредитации плюралистской системы вообще, для пропаганды идеи однопартийности.

В странах Тропической Африки вскоре после достижения независимости широко распространилась «мода» всячески порицать многопартийную систему. Сейчас, однако, уже стало ясно, что и однопартийность сама по себе не является панацеей от бед Африки и рычагом прогресса. Советские исследователи правильно отмечали, что «однопартийная система доказала свою прогрессивность только в тех странах Африки, где у власти стоят революционно-демократические партии»³⁰. Следует добавить, что и эта прогрессивность не может рассматриваться однозначно, она не должна абсолютизироваться, так как, к сожалению, некоторые из негативных явлений, обычно сопутствующих однопартийным режимам в странах, где существует частная собственность на средства производства и, следовательно, давление буржуазной стихии «снизу вверх», присущи и революционно-демократической власти. Злоупотребление властью, клановость, коррупция, фракционность, борьба за власть личностей и групп — все эти явления во многом дискредитировали ряд однопартийных режимов в Африке. Социальная демагогия, подавление независимой мысли, подчинение профсоюзного движения способствовали тому, что многие представители прогрессивных кругов уже без прежнего энтузиазма относятся к однопартийной системе, хотя это не значит, что они становятся адептами плюрализма: вырождение и дискредитация скопированной с западных систем «демократии» еще свежи в памяти. Очевидно, для большинства стран Азии и Африки бур-

жуазная демократия оказалась органически чуждой, а для социалистической демократии условий еще нет.

В экономически, культурно и социально отсталом обществе (отсталом в первую очередь по вине колонизаторов), где еще недостаточно дифференцирована классовая структура, отсутствуют традиции классовой борьбы, «гражданское общество», где преобладает незрелое общественное сознание, сохраняется засилье религиозных, трибалистских, кастовых и прочих представлений и предубеждений, тот тип буржуазной парламентской демократии, который возобладал в индустриально развитых капиталистических странах в результате длившегося столетиями процесса общественно-политического развития, в самом деле оказался «неорганичным», искусственным, привнесённым извне. Этот тип демократии не соответствует традициям восточного общества и его классовой структуры, для которой характерно не наличие «основных классов» — буржуазии и пролетариата, а преобладание промежуточных слоев. Поэтому и партийно-политическая система стран Азии и Африки, скопированная с системы бывших метрополий, при всех внешних, формальных чертах сходства с ней обладает существенными и принципиальными отличиями.

«Классами, — писал В. И. Ленин, — руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии»³¹. Конечно, В. И. Ленин имел в виду страны более или менее развитого капитализма, во всяком случае страны с уже завершившимся процессом классовообразования. Но именно этих признаков и нет в подавляющем большинстве стран Азии и Африки и в менее развитых странах Латинской Америки.

В стране, где нет достаточно сильного, обладающего классовым сознанием пролетариата, может, конечно, существовать пролетарская партия, но если она не хочет ограничиться минимальным влиянием в массах, ей приходится, во-первых, опираться не только на пролетариат, а на несравненно более широкие слои, а во-вторых, в известной мере приспособлять свои идеи и программу к их интересам и мировоззрению. Точно так же и «чисто буржуазная», построенная по западному образцу партия, ставящая своей целью создание буржуазно-демократической парламентской системы в интересах клас-

са капиталистов, не может в подавляющем большинстве стран Азии и Африки добиться сколько-нибудь значительного успеха.

Фиаско западной партийно-политической системы в Азии и Африке объясняется особенностями классовой структуры бывших колоний и полукolonий — особенностями, порожденными прежде всего длительным колониальным гнетом. Попытки создать «классовые партии» в странах с далеко еще не завершившейся классовой дифференциацией не могли быть успешными. Отсюда и неудача партий «классического» западного типа, как буржуазных, так и социал-демократических, а в некоторых случаях и коммунистических. Отсюда преобладание в Тропической Африке «общенациональных», претендующих на надклассовость партий типа национального фронта, либо узколокальных партий, построенных по племенному признаку. Отсюда успехи локально-националистических, «лингвистических» либо религиозных партий в Юго-Восточной Азии.

Обилие политических партий во многих странах «третьего мира» может создать обманчивое впечатление. Большинство этих партий — незначительные группы интеллигенции, пользующиеся ограниченным влиянием и не имеющие массовой базы и разветвленной системы низовых организаций. Множество быстро появляющихся и быстро исчезающих партий — всего лишь «дискуссионные клубы» либо группировки, создаваемые специально для выборов.

Таковы вкратце некоторые аспекты внутривнутриполитической жизни тех стран (в первую очередь африканских), в которых имели место военные перевороты. К конкретным причинам переворотов мы еще вернемся, пока что речь идет лишь о фоне, на котором нужно рассматривать выступления армии.

Вторая группа вопросов, составляющих этот фон, касается характера самих армий развивающихся стран.

Ранее уже приводилась краткая общая типология этих армий. Рассмотрим более подробно характер армий в Тропической Африке.

Эти армии возникли, как правило, на базе колониальных формирований вооруженных сил. Принципы создания колониальных («туземных») войск в английских и французских колониях были неодинаковыми. Англичане

создавали территориальные формирования. Их было два в Восточной Африке — Королевские африканские стрелки и Армия Родезии и Ньясаленда — и одно в Западной Африке — Королевские западноафриканские пограничные силы (РВАФФ). Впоследствии на базе отдельных батальонов Королевских африканских стрелков (КАР) были созданы армии Кении, Уганды, Танганьики. На базе двух батальонов Армии Родезии и Ньясаленда, а также северородезийского полка той же армии возникли армии Замбии и Малави. Наконец, на базе РВАФФ (Нигерийский полк, полк Золотого берега, батальон Сьерра-Леоне и рота Гамбии) были созданы армии Нигерии, Ганы и Сьерра-Леоне.

Французская система отвергала «территориальный» принцип. Выходцы из различных колоний, «перемешивались» в воинских частях, и поэтому существовавшие в колониальный период полки после достижения независимости были расчленены; военнослужащие вернулись в те страны, откуда они были родом. Результатом была большая диспропорция в распределении офицеров: в Нигере вообще не было офицеров — все выходцы из этой страны служили во французской колониальной армии рядовыми и сержантами, и новоиспеченная нигерийская армия не имела местного офицерского корпуса. В Сенегале же оказались лучшие офицеры-африканцы бывшей французской колониальной армии, так как французы всегда предпочитали направлять именно сенегальцев в военные училища. Армии стран бывших французских колоний в Африке возникли на базе 1-й бригады (штаб в Сен-Луи), 2-й бригады (Бамако) и 3-й бригады (Ниамей) — в Западной Африке и двух соединений со штабами в Форт-Лами и Банги — в Экваториальной Африке.

Африканские страны поставляли колонизаторам солдат. Во время первой мировой войны во французской армии служили 181 тыс. человек — уроженцев Черной Африки, так называемых сенегальских стрелков, хотя они набирались не только в Сенегале. В битве на Сомме в 1917 г. участвовал 31 сенегальский батальон, а всего таких батальонов на всех фронтах к концу войны было 92³². Во время второй мировой войны в составе 1-й французской армии, высадившейся с войсками союзников в Южной Франции в 1944 г., была 9-я дивизия колониаль-

ной пехоты, набранная из африканцев. В колониальной войне в Индокитае на стороне французов воевало 15 тыс. солдат и офицеров из Африки, а в войне в Алжире и в суэцкой агрессии участвовало 30 тыс. африканцев³³.

Англичане во время первой мировой войны использовали африканские войска только в операциях на Африканском континенте: 10 тыс. солдат и столько же носильщиков были посланы из Западной Африки в Восточную для военных действий против германских войск. Зато во время второй мировой войны в британскую армию было мобилизовано 372 тыс. африканцев, из них 166 тыс. несли службу вне территории своей страны; больше половины воевало в Бирме. После войны последовала демобилизация африканцев и в Британской Африке осталось лишь 19 тыс. военнослужащих из местного населения³⁴.

Служба в вооруженных силах метрополий создала кадры военнослужащих для национальной армии. Молодые государства могли создавать свои вооруженные силы уже на какой-то базе, а не строить их на пустом месте. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что комплектование вооруженных сил (в первую очередь офицерского корпуса) новых государств кадрами, прошедшими школу службы в колониальных войсках, объективно означало не что иное, как отдачу важнейшего участка государственной жизни на откуп элементам западной формации.

Это не значит, что бывшие военнослужащие колониальных армий автоматически могут рассматриваться как агентура неокOLONиализма. Многие из них не меньше патриоты, чем люди, никогда не имевшие ничего общего со службой в армиях метрополий. Речь идет о другом: офицеры, прошедшие обучение в военных училищах Англии и Франции и служившие в колониальных войсках, были воспитаны в духе, господствовавшем в армиях метрополий, усвоили соответствующий образ мыслей и некоторые элементы «западной шкалы ценностей».

Военнослужащие, мобилизованные во Французской Африке, воевали на стороне колонизаторов против национально-освободительного движения во Вьетнаме и Алжире, и нигде не упоминаются случаи их перехода на сторону патриотов или хотя бы дезертирства. Это характеризует не только их дисциплинированность, но и уровень политической сознательности. Нельзя забывать, что

сын мелкого служащего или торговца из нищей африканской страны, став офицером французской или английской армии, чувствовал себя приобщившимся к избранному кругу, к элите. Отношение к нему со стороны его белых коллег, было во всяком случае внешне, видимо, вполне корректным. Он не ощущал дискриминации, в нем старались культивировать *esprit de corps*, корпоративную офицерскую солидарность. Стараясь как можно полнее ассимилироваться в новой среде, офицер-африканец развивал в себе конформизм, привыкал смотреть на вещи глазами белого офицера, читал западную литературу и прессу. Став впоследствии офицером национальной армии, он во многом оставался офицером английских или французских вооруженных сил, с буржуазно-консервативными взглядами, с предубеждением против политики и политических деятелей, с незнанием и непониманием социальных и политических проблем. Он гордился своим профессионализмом, был весьма далек от среды, из которой в свое время вышел, и, как правило, отличался антикоммунистическими предубеждениями, которые были ему внушены еще в период службы в армии колонизаторов.

Такой тип офицера, естественно, ни в малейшей мере не отвечает задачам развертывания и углубления национально-демократической революции, ее перерастания в революцию социальную. Но в большинстве стран Тропической Африки правящая элита не заинтересована в развитии и углублении революции, ибо это угрожает ее вновь приобретенным привилегиям. Поэтому тип офицера — выходца из вооруженных сил бывшей метрополии вполне устраивал правящие круги и отношения между правительством и армией были вполне корректными. То, что в ряде стран военные свергли гражданские правительства, объясняется, как мы увидим, отнюдь не их принципиальными политическими разногласиями.

Этот же тип офицера воспроизводился в процессе подготовки новых кадров в военных школах, созданных колонизаторами. Особенно прозорливыми оказались французы: помимо обычных военных школ, в которых обучались будущие офицеры из жителей заморских территорий (особенно отличается в этом плане школа Котэкидан), после второй мировой войны была создана школа ЭФОРТОМ, в которую принимали молодых африканцев и мальгашей, уже имевших за плечами служ-

бу в армии, но не получивших достаточного общего образования. Курс обучения в школе продолжался два года, упор делался на изучение общеобразовательных дисциплин, после чего кадеты в течение года обучались вместе с французами в Эколь д'апликасьон. Ежегодно школа выпускала 25—30 младших лейтенантов. Кроме того, имелись специальные военные школы для мальчиков. Особенно тщательно была поставлена военная подготовка во Французской Западной Африке: в Уагадугу была начальная отборочная школа, из которой наиболее способные мальчики могли поступить в техническую школу в Бенжервилле или в коллеж Сен-Луи. Для лучших впоследствии открывалась дорога в Сен-Сир.

Эта система подготовки дала неплохие результаты. В 1950 г. африканский офицерский корпус французской армии насчитывал 1 полковника, 3 майоров, 3 капитанов, 59 лейтенантов и младших лейтенантов; в 1960 г. к моменту образования национальных африканских армий — уже 4 полковника, 6 майоров, 31 капитан, 157 лейтенантов и младших лейтенантов. Эти кадры и составили офицерский корпус бывшей Французской Африки, в то время как в военных школах обучались 800 кадетов³⁵.

Для вооруженных сил бывших французских колоний после независимости характерны следующие цифры:

Сенегал: армия — 5 тыс. человек, жандармерия — 1,2 тыс. человек.

Мавритания — соответственно 1,2 тыс. и 250 человек.

Берег Слоновой Кости — 5,3 тыс. и 1,5 тыс. человек.

Дагомея — 1,3 тыс. и 1 тыс. человек.

Того — 550 и 1 тыс. человек.

Нигер — 900 и 200 человек.

Верхняя Вольта — 1,2 тыс. и 500 человек.

Камерун — 2,9 тыс. и 2,8 тыс. человек.

Чад — 450 и 400 человек.

Центральноафриканская Республика — 450 и 500 человек.

Габон — 360 и 600 человек.

Конго (Браззавиль) — 750 и 1 тыс. человек.

Мальгашская Республика — 2,7 тыс. и 3,6 тыс. человек³⁶.

В Британской Африке системы подготовки туземных офицерских кадров, подобной французской, не было. Тем не менее с 1953 по 1960 г. 180 человек в Западной Африке были отобраны и прошли подготовку на офицерских курсах в Теши (Гана). К моменту провозглашения независимости окончил военное училище Сэндхерст

81 нигериец. Когда Гана получила независимость в 1957 г., офицеров ганского происхождения в ее армии было не более 10%; в Нигерии было 25% офицеров-нигерийцев. В Британской Восточной Африке офицерские кадры из местного населения не готовились вообще. К концу 1959 г. только один африканец из этого района был послан в Сэндхерст; в течение 1961 г. несколько лейтенантов-африканцев получили командные должности в Кении и Танганьике³⁷, но десятки молодых африканцев уже проходили обучение в кадетском училище в Кагаме и в английских военных учебных заведениях, и, когда Кения получила независимость в 1964 г., ее армия уже располагала контингентом в 150 офицеров-африканцев³⁸.

В армии Дагомеи в 1963 г. было около 1 тыс. человек, Центральноафриканской Республики — 500, Чад — 400 человек. Только в Эфиопии, Гане, ЮАР, Заире, Нигерии, Судане и Родезии численность армий превышала 10 тыс. человек. В 13 странах Тропической Африки в армиях насчитывается от 2 до 10 тыс. в каждой, в 16 — менее 2 тыс. Относительно крупными армиями располагают, помимо уже перечисленных Кении, Ганы и Нигерии, Берег Слоновой Кости (4 тыс. человек), Танзания и Уганда (по 2 тыс. солдат и офицеров)³⁹.

Ежегодные темпы роста армий колебались в 60-е годы от 3,1% (Сьерра-Леоне) до 18,9% (Кения). Рекорд побила Уганда, в которой армия росла более чем на 40% в год; это объяснялось особой сложностью и напряженностью этнических и внешнеполитических проблем этой страны⁴⁰.

Прежде всего обращает на себя внимание ничтожная численность вооруженных сил подавляющего большинства африканских государств. Но дело не только в численности, а и в качестве подготовки. С чисто военной точки зрения их ценность как силы, способной защитить страну от внешнего врага, невелика. Когда в январе 1964 г. в Уганде, Кении и Танганьике восстали местные войска, требуя африканизации кадров и повышения жалования, и президенты этих государств обратились за помощью к Англии, не потребовалось никаких серьезных усилий, чтобы восстановить положение: достаточно было высадить на вертолетах десант моряков из экипажей двух военных кораблей, которые предварительно обстреляли лагерь мятежников из зенитных орудий. В Габоне

в декабре 1964 г. отряд французских парашютистов подавил путч местной армии, потеряв при этом всего двух человек убитыми. В Конго (Киншаса) бельгийские парашютисты в 1960 г. легко расправились с взбунтовавшимися местными войсками.

Карликовые армии большинства африканских стран и не предназначены для ведения военных действий против внешнего врага. Но они также не предназначены для поддержания порядка внутри страны: для этого существует жандармерия или полиция, которая в ряде стран по численности превосходит армию, иногда даже втрое (Нигерия). Армия нужна, как уже отмечалось в настоящей работе, в качестве символа суверенитета (и в самом деле, армии Того или Габона, насчитывающие по две роты, могут быть названы скорее символическими). Но их нельзя было не создать хотя бы потому, что в противном случае некуда было бы девать ветеранов колониальных войск бывших метрополий и новоиспеченных офицеров, подготовленных французскими и английскими военными училищами. Кроме того, в рамках однопартийной системы армия нужна правительствам африканских стран как политическая сила, обеспечивающая господство правящей группы. На нее смотрели как на политическое орудие правительства.

Заслуживает быть отмеченной еще одна особенность африканских армий — несоответствие их этнического состава составу населения данной страны в целом. Это несоответствие является результатом определенной национальной политики, проводившейся еще колониальными властями. Так, в Британской Западной Африке офицерский состав Королевских пограничных сил комплектовался в основном из представителей более развитого в культурном отношении населения южных прибрежных районов Нигерии и Ганы, в то время как рядовых набирали в отсталых северных районах. В Гане к моменту достижения независимости 92% офицеров были из прибрежных районов (в основном из ибо), а 62% рядовых — с дальнего севера⁴¹; к 1961 г. 80% сержантов были северянами. В Кении среди рядовых к моменту независимости почти не было кикуйю, так как из рядов этого народа вышло большинство борцов против колонизаторов и англичане не набирали их в солдаты. 2/3 солдат кенийской армии были камбо и калонжи⁴². Коулмен и Прайс

писали: «Существовали важные политические мотивы для отбора солдат из политически более спокойных, менее националистически настроенных групп. Одна из главных функций вооруженных сил состояла в подавлении внутренних восстаний и беспорядков. Было гораздо безопаснее набирать военнослужащих из тех племен и районов, которые менее всего могли быть вовлечены в эти беспорядки»⁴³. В рекрутировавшемся среди населения Уганды батальоне Королевских африканских стрелков, на базе которого была создана армия Уганды, процент солдат из самого многочисленного племени буганда был ничтожен, а в полиции Кении доля представителей самого большого и наиболее активно боровшегося против колонизаторов племени кикуйю не достигала и одной десятой⁴⁴. «Предпочтение, — писал Гаттеридж, — отдается неграмотным из тех соображений, что они легче подчиняются дисциплине»⁴⁵. После достижения независимости эти диспропорции стали вызывать недовольство и способствовали обострению трибализма. И дело тут не только в вопросе самолюбия данной этнической группы или племени. Военная служба считается в Африке хорошей «карьерой», так как она дает обеспеченность, социальный престиж, гарантированную пенсию, шансы получить приличную работу после демобилизации. Солдат за время прохождения службы овладевает грамотой, а если попадает в технические войска, то приобретает еще и специальность, которая пригодится ему впоследствии в гражданской жизни. Кроме того, повсюду в Африке европейские торговые фирмы при наборе местных служащих, особенно на должности, связанные с материальной ответственностью, всегда отдают предпочтение бывшим военнослужащим.

«В Гане, — отмечал Гаттеридж, — в 1961 г. основная ставка жалованья солдата равнялась 16 фунтам в месяц, что выгодно отличалось от средней заработной платы в стране, минимальный размер которой составлял 6 шиллингов 6 пенсов в день. Кроме того, имело значение бесплатное жилье, обмундирование и т. д. ...Поэтому в рекрутах никогда нет недостатка. Учебный центр вооруженных сил Ганы в Кумаси на 40 мест без особой рекламы имеет возможность выбирать из 1500 претендентов». Гаттеридж приводит следующий пример: когда 15 сентября 1960 г. был объявлен набор бывших военно-

служащих во вновь формировавшийся батальон, предназначенный для отправки в Конго, уже к 9 часам утра того же дня у дверей соответствующего военного ведомства выстроилась очередь в 200 человек. Бено рассказывает, что в Аккре в 1963—1964 гг. можно было встретить молодых людей из Того, приехавших в Гану, где уровень жизни был выше, чем у них на родине. Они с нетерпением ожидали ответа на просьбу зачислить их в тоглезскую армию и, получив положительный ответ, немедленно направлялись в Того, чувствуя себя счастливыми⁴⁶. Еще один пример: французы создали в Западной Африке 6 школ для солдатских сыновей в гарнизонных городах. В школах готовились будущие сержанты. В 1956 г. на 212 мест было 3 тыс. кандидатов⁴⁷.

Аналогичные соображения распространены, бесспорно, и среди офицеров. На семинаре в Дижонском университете отмечалось: «Нет сомнения, что для большинства профессиональных военных вступление в армию нового государства отвечало в большей мере желанию спокойно завершить карьеру, чем какой-либо патриотической идее⁴⁸. Но автор этого же доклада подчеркивал, что «второе поколение» офицеров, те, кто обучался в основном в Коэткидане и недолго прослужил во французской армии (фактически только в период обучения), настроены гораздо более националистически и ближе стоят к политике, чем ветераны французской колониальной армии. «Они интересуются политикой, новыми идеями, проблемой однопартийности и т. д. Они совершенно явно не отделяют роли армии от роли политической партии»⁴⁹.

В отличие от Европы в Азии и Африке офицеры никогда не были и не являются представителями аристократических кругов. Несмотря на то что воинская профессия издавна пользовалась почетом, особенно в странах мусульманского и индуистского мира, служба в колониальной армии не привлекала знатные роды. Эта тенденция сохранилась и после преобразования колониальной армии в национальную, когда двери военных училищ открылись для местной молодежи. В училище пошли представители средних и промежуточных слоев. Журнал «Америкэн Политикл Сайенс Ревью» писал о тех, кто поступал в военное училище, созданное в Египте еще в 1936 г.: «Нередко преподаватели средней школы и адвокаты, не удовлетворенные своими профессиями

или считающие, что армия открывает для них более благоприятные перспективы, поступают в военные учебные заведения и возобновляют свою общественную карьеру на военной службе. Генерал Нагиб был не единственным, кто подвизался на поприще юриспруденции до того как начать военную подготовку, а тех, кто короткое время работали учителями, можно насчитать сотнями»⁵⁰. Американский исследователь С. Фишер писал: «Многие курсанты военной академии в Хомсе (Сирия) вышли из семей среднего класса — семей мелких землевладельцев, торговцев и даже кузнецов»⁵¹. Другие авторы также отмечают среди офицерства афро-азиатских стран большой процент сыновей государственных служащих. Выходцы из семей провинциальных чиновников и учителей явно преобладают над сыновьями столичных интеллигентов, лиц свободных профессий. «В Гане, — пишет Гаттеридж, — армейский офицер скорее окажется сыном фермера, возделывающего какао-бобы, или почтового чиновника, чем сыном представителя свободной профессии, который, вероятно, предпочитает для своего сына карьеру адвоката или государственную службу...»⁵².

Преобладание выходцев из провинции над столичными жителями — характерная черта армий экономически отсталых стран. Дело в том, что и раньше, и сейчас преуспевающий государственный чиновник, адвокат, профессор, столичный делец скорее направят сына по собственным стопам, чем отдадут его в военное училище. Столичная интеллигентско-буржуазная среда имеет свою шкалу ценностей, по которой военная служба котируется не очень высоко (хотя «в принципе», на словах, она почетна и патриотична). Этой среде свойствен сильно укоренившийся конформизм, традиционное поведение, и в большинстве случаев военная карьера для выходца из этих слоев — явление необычное. Напротив, для сына мелкого провинциального служащего или коммерсанта, деревенского учителя, ремесленника, врача, почтового чиновника, шофера это шанс сделать карьеру, вырваться из бедности, увидеть мир, приобщиться к столичной жизни.

Американский социолог М. Джановитц считает, что в экономически отсталых странах военная карьера привлекательна по двум причинам: она дает возможность

изменить общественное положение и удовлетворяет тягу к коллективному действию. В глазах молодого человека из скромной семьи «военные олицетворяют фундаментальные ценности, к которым он стремится... их интересы в противоположность личным предпринимательским целям состоят в достижении коллективной цели»⁵³.

«Фундаментальные ценности», «вечные добродетели», идеалы служения обществу, нации в противовес узкому своекорыстию богатой верхушки, несколько пуританский подход к жизни связаны, конечно, с социальным происхождением «молодых людей из скромных семей». Отношение мелкой городской буржуазии, особенно провинциальной, к столичной элите определяется давно установившимся стереотипом. С одной стороны, «маленький человек» смотрит на нее с завистью, ибо она имеет то, чем он сам хотел бы обладать, — деньги, образование, доступ к развлечениям, — но что закрыто для него происхождением. Для мелкого провинциала шумная и легкая жизнь состоятельного и интеллектуального столичного общества — недостижимый идеал. Поскольку это идеал для мелкобуржуазной натуры, он вызывает зависть, поскольку он недостижим, он вызывает ненависть. С другой стороны, как бы в порядке компенсации, этому идеалу противопоставляется добродетель. Столичное общество — сборище прогнивших, аморальных, эгоистичных, космополитических тунеядцев. Поэтому на щит поднимаются простота нравов, набожность, суровая честность, традиции взаимопомощи, восходящие к патриархальным крестьянским добродетелям.

Все это воздействует на формирование взглядов молодых людей, воспитанных в мелкобуржуазных семьях и избравших военную карьеру, и независимо от дальнейших социальных связей определенным образом окрашивает их отношение к столичному обществу; оно так и останется для будущих офицеров слишком изощренным, хитрым и ненадежным. Комплекс неполноценности по отношению к рафинированным столичным интеллигентам, с их лоском, эрудицией, красноречием, безупречным французскими или английским языком, останется и будет действовать, и, чтобы его нейтрализовать, надо противопоставить «изнеженным краснобаям» мужественную добродетель, неподкупность, чувство гражданского долга.

Последствия этого социально-психологического явле-

ния двойкие. С одной стороны, развивается враждебное отношение к коррумпированной антинациональной аристократическо-капиталистической касте, проводящей иностранное влияние. Классическим примером служит Египет, где в 1952 г. националистически настроенные офицеры мелкобуржуазного происхождения ударили по группировавшейся вокруг монархии богатой верхушке (к тому же в значительной мере инациональной по составу). Подобное явление имело место и в Сирии.

С другой стороны, после достижения независимости, уже в рамках национального государства, руководимого гражданскими политиками, у армии начинает проявляться пренебрежительное отношение к системе буржуазного парламентаризма, связанной с коррупцией, падением нравов и административной неэффективностью. Армия построена на дисциплине и порядке, на беспрекословном выполнении приказа. Парламентские комбинации, партийные интриги, дискуссии, краснбайство — все эти неотъемлемые атрибуты буржуазной системы политического управления органически чужды офицерам, воспитанным в духе субординации, четкости, лаконичности приказов, распоряжений, инструкций. Национализм, направленный против внешнего угнетателя, после достижения независимости обращается против «продажных политиканов», не умеющих распорядиться национальным достоянием, делающих государство своей вотчиной, ареной различных комбинаций. Поэтому инициаторы всех без исключения военных переворотов в развивающихся странах особенно подчеркивают свое стремление бороться с коррупцией, демагогией правящих кругов и неэффективностью их политики — такие идеи содержатся в обращении к народу египетских офицеров после переворота 1952 г., Не Вина, Айюб Хана, Аббуда, Гюрсея и многих других. Одними и теми же словами объясняли свои действия и группы революционно-демократического офицерства в Египте и Бирме, и консервативно настроенные суданские генералы. Разумеется, за этими словами стоят различные мотивы, интересы и цели.

Разница между поколениями ощущается во многих армиях довольно сильно. Собственно, речь идет не столько о возрасте, как таковом, сколько о воспитании и подготовке. «Разница между Айюбом (Пакистан) и Насером (Египет) частично проистекала из разницы между

английской военной академией в Сэндхерсте (которую окончил Айюб Хан. — Г. М.) и военной академией в Египте»⁵⁴. Коулмэн и Прайс следующим образом характеризуют суданских офицеров: «Большинство старших офицеров являются „старыми солдатами“, получившими звание и выдвинувшимися во время второй мировой войны. Младшие офицеры прошли ускоренную подготовку в рамках программы, начатой в 1963 г. Со времени военного переворота 1958 г. было раскрыто несколько „заговоров“, при помощи которых, как сообщалось, более националистически настроенные и лучше образованные „младотурки“⁵⁵ пытались сместить высших офицеров старшего поколения»⁵⁶.

В 1964 г. именно «младотурки» примкнули к народному движению, чем существенно способствовали свержению диктатуры генералов. Французский исследователь Ж. Шарнэ считает, что в арабских армиях можно выделить три поколения офицеров: старшее состоит из тех, кто служит в колониальных армиях. Это люди буржуазного происхождения, часто усвоившие западную культуру, профессионально хорошо подготовленные, но обладающие ограниченным политическим влиянием. Офицеры среднего поколения — сыновья мелких коммерсантов или разорившихся феллахов, менее затронутые западной цивилизацией, в социологическом, если не в политическом, отношении ближе стоящие к массам. В основном именно офицеры данного поколения и воспитания обладают реальной властью в армии и в политической сфере. К младшему поколению относятся выпускники офицерских или технических училищ, которые учились уже после достижения независимости, люди «арабизированной» культуры, стажировавшиеся за границей, как в западных, так и в социалистических странах⁵⁷.

Во время египетской революции 1952 г. генералы были на стороне Фарука (кроме Нагиба, который, как уже отмечалось, не был профессиональным военным, а начинал карьеру адвокатом). Генералы являлись частью правящего класса крупных землевладельцев, капиталистов и высших чиновников и потому были заинтересованы в сохранении системы, созданной англичанами. Их свергли молодые офицеры во главе с подполковником Насером. В Турции молодые офицеры во главе с полковником Тюркешем выступили после 1960 г. против ге-

неральской верхушки с требованием радикальных перемен. В Ираке в 1958 г. верхушка армии была на стороне режима Нури Саида, свергнутого в результате военного переворота, руководителями которого были бригадир Касем и подполковник Ареф. В Сирии, Йемене, Бирме главной силой военных переворотов были полковники и майоры (Не Вин был генералом, но не был профессиональным военным, а начинал свою деятельность как кадровый революционер-такин, офицером же он стал во время второй мировой войны).

«Революции полковников» нельзя считать случайностью. Высшее офицерство, как правило, вырастает в «систему» и заинтересовано в ее существовании, не говоря уже о том, что в большинстве своем оно получило военное образование в академиях метрополий, отличается консервативными взглядами и склонно к прозападной ориентации. То, что в свое время генералы тоже вышли из средних и промежуточных слоев, не имеет значения, так как они давно утратили прежние связи и примкнули к привилегированной верхушке общества. Напротив, большинство молодых офицеров обладает радикальными взглядами, проявляет недовольство застойной, рутинной системой и склонно к переменам. Им легко установить контакт с радикально настроенной интеллигенцией (особенно мелкой, в основном провинциальной).

Вместе с тем уже отмечавшийся «антистоличный» комплекс мешает приобщению офицерства к гражданской интеллигенции в целом, и это противоречие можно наблюдать во многих развивающихся странах. Более того, часть офицерства переносит свои суждения о либеральной буржуазной демократии на демократию вообще. На практике это выражается в том, что армия выступает против возвращения к партийно-парламентской системе даже на совершенно новых основах и под новым, уже революционным руководством. Особенно опасно, что в странах с революционно-демократическими режимами, образовавшимися в результате действий армий, немалая часть офицерства настроена против создания авангардной революционной политической партии — к этому вопросу мы еще вернемся.

Однако большинство офицеров, занимающих ключевые позиции, принадлежит к первому поколению. Лидеры военных переворотов в Дагомее, Центральноафрикан-

ской Республике и Верхней Вольте — полковники Согло, Бокасса и Ламизана воевали в Индокитае и с тех пор знакомы друг с другом, лидеры переворотов в Гане и Нигерии — генералы Анкра и Иронси — участвовали в операциях войск ООН в Конго. Иронси служил в британской армии 24 года, Бокасса после 20-лет службы во французской армии дослужился до чина капитана, Ламизана служил во французской армии 26 лет, лидер переворота в Того подполковник Эйдаема служил во французской армии 13 лет, воевал в Индокитае и Алжире, а соучастник его заговора полковник Даджо, ставший главой военного правительства в Того, воевал еще раньше — в рядах французского Сопротивления, а затем в Индокитае. Лидер одного из переворотов в Дагомее Альфонс Алле воевал в Индокитае и Алжире.

Сходство карьер всех этих офицеров бросается в глаза. У всех за плечами длительная служба в колониальных войсках, все они отличались военными способностями и решительностью, успешно продвигались по служебной линии; вполне логично, что именно эти офицеры решительно пошли на взятие власти в момент внутреннего кризиса. Так же логично, что у них не оказалось никаких социальных программ, они не смогли стать лидерами массовых политических движений.

Консервативные, прозападные взгляды этой части офицерского корпуса не являются секретом. Один из организаторов свержения Нкрумы полковник Африфа писал о влиянии, которое на него оказала учеба в английском военном училище Сэндхерст: «В Сэндхерсте я пережил лучшие годы моей жизни, так как находился в достойном восхищения, окутанном ореолом таинственности заведении с традициями, идущими еще с 1802 г. Это одно из величайших военных учебных заведений в мире. Через его стены прошли славные генералы, короли и властители. До сих пор я вспоминаю о таких людях, как иорданский король Хусейн и Айюб Хан из Пакистана... Как солдат я получил образование в Англии и был готов воевать всюду, где будут мои друзья из Великобритании, а также канадцы и австралийцы... Я большой поклонник английского образа жизни, английской законодательной системы, Хартии вольностей... Великобритания по праву считается родиной демократии»⁵⁸.

Офицеры этого типа не скрывают, что их симпатии —

на стороне западного блока, хотя они отдают дань концепциям нейтралитета и неприсоединения («прозападное неприсоединение», как выразился генерал Анкра). Наконец, стоит особо подчеркнуть, что все эти военные лидеры поддерживают тесную связь с бывшими метрополиями в чисто военной области. Их страны имеют соглашения с Англией или Францией о совместной обороне, их армии вооружены английским или французским оружием.

В Тропической Африке нет военной промышленности и все необходимое вооружение и боеприпасы поступают извне. Коулмэн и Прайс справедливо указывали, что «в обозримом будущем ни одно африканское государство не сможет добиться самообеспеченности в отношении военного снаряжения и профессионально подготовленных кадров военных специалистов»⁵⁹.

В 1964 г. число французских экспертов и инструкторов в Африке достигало 3 тыс., а в военных школах Франции обучались 1,5 тыс. африканцев. Соответствующие данные по бывшей Британской Африке — 600 и 700 офицеров. В Гане около 20% офицеров получили военное образование непосредственно в военных колледжах в самой Англии, остальные — в Гане под руководством английских инструкторов. Даже в начале 1965 г. в Гане насчитывалось около 200 английских и канадских военных инструкторов⁶⁰.

Большинство высших офицеров суданской армии не только учились в Англии, но и служили в британских вооруженных силах во время второй мировой войны. В 1959—1961 гг. в Англии прошли военное обучение 50 суданских офицеров. Лучший английский военный колледж Сэндхерст в 1937—1962 гг. окончили 62 нигерийца и 47 ганцев, а в кадетском училище в Олдершоте только в 1961 г. прошли четырехмесячные курсы подготовки 34 нигерийца, 30 сомалийцев и т. д.⁶¹.

Создалось своеобразное положение в независимом национальном государстве: важнейший фактор государственной жизни — вооруженные силы оказались, по существу, чужеродными, явились как бы продолжением вооруженных сил бывшей метрополии. Страна в результате национального освободительного движения добилась независимости, стала суверенной и политически самостоятельной, начала прилагать усилия для обеспече-

ния экономической независимости, что предполагает борьбу против неокOLONиализма, практикуемого в первую очередь бывшими метрополиями. В то же время система безопасности фактически остается под контролем той же бывшей метрополии, вся военная машина зависит от колонизаторов, они обучают и инструктируют офицерский состав.

Поскольку правительству необходима уверенность в лояльности вооруженных сил, в том, что армия будет помогать в проведении начертанного политического курса, напрашивается вывод, что эта лояльность может быть обеспечена и гармония в отношениях между правительством и армией может быть достигнута скорее всего в том случае, если само правительство придерживается ориентации на сотрудничество с бывшей метрополией, следует общей прозападной линии. В противном случае, как показали события в Конго в период, когда у власти стоял Лумумба, и в Гане в период правления Нкрумы, конфликт между правительством и армией почти неизбежен. К этому вопросу мы вернемся в ходе дальнейшего изложения.

До сих пор говорилось об общем фоне, на котором происходили выступления армии, и об основных особенностях вновь созданных армий в целом. Разумеется, в конкретных условиях каждой страны действовали и специфические факторы. Невозможно рассмотреть их все, остановимся, пока речь идет о Тропической Африке, на Нигерии.

В отличие от других стран Африки в Нигерии так и не сложилась общенациональная партия, и это объясняется тем, что в рамках федерации, как прежде в рамках колонии, были объединены не только различные племена — явление обычное для Африки, — но и различные народы, не только имевшие мало общего друг с другом, но относившиеся один к другому с возрастающей неприязнью.

Из 35 млн. населения Нигерии к моменту достижения независимости, по данным Адемойега, примерно 6 млн. говорили на языке хауса и жили в основном на севере страны. Около 5 млн. составляли ибо, примерно столько же — йоруба. Ибо населяют восточную область, йоруба — западную. На севере, кроме хауса, живут фулани, насчитывавшие ко времени независимости около

3,5 млн., и канури — около 1,5 млн. человек. Народности ибибио, аннанг, иджо, урхобо, тик и нупе насчитывали несколько менее 1 млн. каждая⁶². Имеются еще сотни племен (по некоторым данным, Нигерию населяют более 400 этнических групп).

Хауса, ибо и йоруба — главные участники нигерийской драмы.

Эти три совершенно различных народа очутились в рамках одного государства в результате произвольного перекраивания карты Африки колонизаторами. Англичане создали Нигерию — искусственное колониальное образование, которое, однако, постепенно превратилось в единый организм. Но вскоре после провозглашения независимости обнаружился бурный рост национализма отдельных народов, входящих в федерацию, прежде всего йоруба и ибо, недовольных гегемонией хауса. А эта гегемония явилась главным образом делом рук английских колонизаторов.

«В центральной администрации, — пишет Адемойега, — все политические партии, представленные там в силу того, что они воплощали интересы отдельных областей, имели своих министров. Но эти партии, а следовательно, и министры имели совершенно различные взгляды, и кабинет превратился в дискуссионное общество. Ввиду этого решения английских чиновников, составивших единственный сплоченный блок, неизменно претворялись в жизнь»⁶³.

Основной целью конституции, введенной английскими властями, было сохранение Нигерии в состоянии хронической дезинтеграции, что облегчало господство неокolonизализма. Больше всего англичане, естественно, доверяли феодалам Севера, которые и получили преобладание в центральной администрации. Переписи показывали численный перевес северян: так, перепись 1963 г. установила якобы, что из 55 млн. жителей страны на Севере живет 30 млн. Распоряжаясь государственной машиной, Конгресс народов Севера, находившийся под контролем неоспоримого хозяина Севера, первого из мусульманских феодалов Альхаджи Ахмаду Белло, известного под титулом сардауны Сокоты, препятствовал установлению точных статистических данных о населении страны. Северному району отводилось больше мест при выборах, а победа КНС была там предreshена, и, та-

ким образом, феодальная верхушка Севера сохраняла за собой преобладание в национальном масштабе.

Было широко известно, что гегемония северян построена на весьма спорных результатах переписи. Среди ибо и йоруба росло недовольство.

Тем временем начали сказываться экономические трудности. Нигерия была «витриной капитализма» в Африке, одной из немногих стран, у власти в которой стояли люди, даже не считавшие нужным, хотя бы из демагогических соображений, говорить о социализме. Развитие частнокапиталистического сектора внутри страны и максимальное привлечение иностранного капитала — такова была нехитрая экономическая философия лидеров Нигерии, рассчитывавших с помощью Запада внедрить в стране не мудрствуя лукаво «добрый старый капитализм». Ключевые позиции в экономике федерации занимали иностранные монополии, среди которых особенно выделялась «Юнайтед Африка компани», дочерняя компании англо-голландского концерна «Юнилевер».

Падение мировых цен на сырье (особенно на какао) ухудшило финансовое положение страны. Росли цены на товары, особенно продовольственные, росла квартирная плата. Угрожающим становился рост безработицы — на Юге среди городского населения она достигла в 1962 г. 29%. Люди, получившие образование, не могли найти работу, среди окончивших школу более 80% оставались безработными⁶⁴. Вместе с тем быстрыми темпами развивалась местная буржуазия. «Если до 1960 г. не было нигерийских миллионеров, то к 1965 г. их насчитывалось уже более сорока. Так, во владении или под контролем бизнесмена № 1, Моболаджи Банк-Антони, находится часть капитала десяти компаний»⁶⁵. Бюрократическая верхушка срачивалась с прослойкой частных предпринимателей, процветала коррупция. В последние годы существования старого режима правительственные комиссии по расследованию злоупотреблений чиновников работали одна за другой, вскрывая совершенно дикие, потрясающие факты мошенничества, казнокрадства, взяточничества, всевозможных махинаций. Разложение затронуло самые верхи общества. В Восточной области один из министров принял в «дар» автомобиль и 7,5 тыс. ф. ст.⁶⁶ Для Акинтолы был куплен «мерседес-600». Ниге-

рийские министры обожали длинные автомобили, которые так и называли в стране — «министерская модель». Иностранцы корреспонденты единодушно отмечали, что по роскоши дворцов, обилию великолепных лимузинов, по всему «шикарному» стилю жизни привилегированной верхушки Лагос не имеет себе равных среди городов Тропической Африки.

В этой обстановке все большее число прогрессивно мыслящих людей начали терять веру в возможность решения проблем Нигерии в рамках существующей системы. Знаменательным событием явилось создание Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии. Анализируя классовый состав нигерийского общества, партия выделила как главных врагов народных масс «высшие классы — паразиты», к которым она причисляла: компрадорских бизнесменов — промышленных магнатов, маклеров, получающих 10—12% комиссионных в качестве агентов, субагентов или посредников иностранных компаний; действующих в Нигерии дельцов, использующих свое политическое влияние для обеспечения контрактов иностранцам; феодальную знать — вождей, эмиров и др., обосновавшихся в палатах вождей, местных советах, судах, государственных учреждениях и использующих свою власть для незаконного присвоения общинных земель, для получения взяток и традиционных подарков и т. д., и, наконец, группу продажных бюрократов и карьеристов, которая не может быть отделена от компрадорской буржуазии.

Этот анализ еще раз доказывает, что в большинстве экономически отсталых стран наиболее влиятельным в экономике и в политике классом является отнюдь не национальная буржуазия, которую одно время было принято изображать как господствующую силу, а буржуазия спекулятивно-компрадорская, непроизводительная и бюрократическая. Даже в такой относительно развитой в смысле уровня капиталистических отношений стране, как Нигерия, именно эти прослойки буржуазии, по определению нигерийских марксистов, выступают как эксплуататорский класс.

Слабость промышленной буржуазии, отсталость и политическая неразвитость приводят к тому, что реальной, боевой силой антиимпериалистического фронта в принципе может выступить лишь пролетариат (прежде

всего пролетариат современного типа, объединенный в профсоюзы) совместно с прогрессивной частью интеллигенции. При умелом руководстве этот авангард может мобилизовать и повести за собой как крестьянские массы, так и мелкобуржуазные слои города и городские низы. Но для этого требуется время. Между тем время — не только союзник, но и враг. Ведь после достижения независимости параллельно с процессом обострения классовых противоречий разворачивается и другой неизбежный процесс — рост национализма. Высвобождение скованных колониализмом творческих сил народа, рост образования, начало подъема национальной культуры связаны с появлением обостренного, иногда гипертрофированного национального самосознания, с культивированием национальных или этнических особенностей, традиций и т. д. С одной стороны, чувство национальной общности ослабляется по мере того, как массы наблюдают отчуждение верхов, превращение их в новую привилегированную прослойку, а с другой — усиливается из-за того, что в африканском обществе, сохранившем патриархальные деревенские черты, еще нет отчетливых классовых границ, они замаскированы многочисленными кровнородственными связями, затушевываются ролью всевозможных землячеств, в которых как бы объединяются и бедные крестьяне, и вышедшие из той же деревни, но попавшие в город и разбогатевшие или занявшие видные посты представители формирующейся элиты. Связь с деревней сохраняется, традиции африканской взаимопомощи (например, уже упоминавшаяся система «ндуку») поддерживают иллюзии единства, смягчают классовые противоречия.

Именно на этом и основаны концепции, которых придерживаются даже революционно-демократические руководители Африки и которые сводятся к подчеркиванию отсутствия четко выраженных классов и классовой борьбы в африканском обществе. В прежнее время африканец видел своего угнетателя в иностранце, и даже не столько во владельце иностранного предприятия (он был где-то далеко, в метрополии), сколько в представителе колониальной администрации. Теперь, когда колониальной администрации нет, а боссы из компании «Юнилевер» находятся за тридевять земель, олицетворяемая ими система эксплуатации ускользает от созна-

ния большинства тружеников. В качестве непосредственного, зримого, хорошо всем видного эксплуататора выступает ливанский купец или предприниматель родом из соседнего племени. То, что отнюдь не менее жестким эксплуататором сплошь и рядом является земляк, в меньшей степени бросается в глаза благодаря сохранению кровнородственных, традиционных связей. Все внимание акцентируется на «чужом». Психологически легче обвинить во всем инациональный элемент, искать в «пришельце» причину всех трудностей. Все прочнее утверждается стереотип «ловкача ибо» или «тунеядца йоруба», обостряются давнишние племенные и этнические распри, вспыхивает существовавшая подспудно взаимная неприязнь, возникшая некогда на совершенно иной основе.

В этих условиях образование единого национального фронта в многонациональном африканском государстве крайне затруднено. Все жители Восточной Нигерии, например, голосовали на выборах за НСНГ, видя в нем представителя своих региональных, этнических интересов, а жители Севера — по аналогичным мотивам за КНС. Когда образуется новая партия, выставляющая общенациональные лозунги, люди по привычке сразу же смотрят, кто ее лидеры — ибо, йоруба или хауса. Поэтому ни одной политической партии еще не удалось стать подлинно общенациональной.

В конце 1964 г. обострение противоречий между этническими группами приняло характер, угрожавший самому существованию федерации. Непосредственные причины переворота 1966 г. будут рассмотрены в следующей главе.

До сих пор речь шла преимущественно о странах Тропической Африки. Но военные перевороты происходили и происходят также и в странах Азии и Северной Африки, где положение во многом было иным. Говоря об этих странах, следует подразделить их на те, в которых после достижения формальной независимости по-прежнему сохранялось господство империализма и феодальной реакции (в Египте — до 1952 г., Ираке — до 1958 г.), и те, в которых к власти после изгнания колонизаторов пришли национальные буржуазные или буржуазно-бюрократические силы (Бирма, Индонезия). Разница между этими двумя типами стран — не только в

характере социальных сил, стоявших у власти, но и в характере армий. Рассмотрим предпосылки выхода армии на политическую арену соответственно в Египте и Бирме.

Главным фактором, определившим неизбежность революции 1952 г., был гнет империализма и феодалов, двойной гнет, доведший Египет до состояния чудовищной нищеты, а народные массы — до отчаяния. В каждой колониальной или зависимой стране совершается антиимпериалистическая революция, но можно назвать не много стран, в которых проблема освобождения от двойного гнета стояла бы так остро, как в Египте. Противоречие между потребностями независимого развития страны и колониально-феодальной эксплуатацией приобрело вопиющий характер. 94,3% землевладельцев имели менее 5 федданов земли каждый. На их долю приходилось 35,4% всей земельной площади. 11 тыс. помещиков (0,4% общего числа землевладельцев) имели свыше 50 федданов каждый, а всего на их долю приходилось 34,2% земельной площади. Крестьянин отдавал помещику до 70% урожая.

На все деревни страны приходилось 800 врачей, или один врач на 15 тыс. пациентов. Средняя продолжительность жизни феллаха составляла 27 лет. Почти $\frac{2}{3}$ населения страдали либо от глазных болезней, либо от бильхарциоза, а чаще всего — от того и другого. Детская смертность была самой высокой в мире. Неграмотность достигала почти 80%⁶⁷.

На фоне неопишуемой нищеты масс особенно рельефно выступала вызывающе роскошная жизнь богатой верхушки, костяком которой был класс крупных землевладельцев. На самом вершине пирамиды находилась аристократическая придворная клика, инациональная по своему происхождению (в основном турецко-черкесская, во главе с династией, основанной выходцем из Албании). С течением времени составной частью этой верхушки стала сросшаяся с помещиками крупная буржуазия, разбогатевшая на двух мировых войнах, когда трудности снабжения стимулировали развитие местной промышленности.

Между 1914 и 1960 гг. доходы эксплуататорских классов деревни выросли с 93 до 158 млн. ег. ф., городских — с 44 до 203 млн. ф.⁶⁸. В наиболее привилегиро-

ванном положении находились помещики. Средняя сумма прямых налогов, которыми облагалась промышленность, составляла до революции 20 млн. ф. в год, в то время как прямые налоги на сельское хозяйство составляли не более 3 млн. ф., хотя чистый доход от сельского хозяйства вчетверо превышал чистый доход от промышленности⁶⁹.

Эксплуатация крестьянства была главным источником дохода богатой верхушки, среди которой особенно выделялась горстка крупнейших землевладельцев: 0,01% землевладельцев владели 10% земель⁷⁰. Для Египта, как и для многих экономически отсталых стран, характерно тесное переплетение интересов землевладельцев и буржуазии. Наиболее предпочтительным вложением капиталов для городских дельцов была покупка земельных участков. В свою очередь по мере развития промышленности помещики все чаще основывали или приобретали предприятия в городах, предпочитая торговлю, финансы, городское строительство и легкую индустрию. Фактически в Египте в десятилетия, предшествовавшие революции, сложился единый помещичье-буржуазный класс. Поэтому вопрос об аграрной реформе, об изменении чудовищно несправедливого распределения земли даже не ставился. Показательно, что главная партия помещичье-капиталистического класса — Вафд — в своей «аграрной программе» 1935 г. даже не упоминала о перераспределении земельной собственности⁷¹.

Между тем эта проблема по мере роста населения становилась все острее. Если в 1897 г. на 9,7 млн. жителей приходилось 6,8 млн. федданов обрабатываемой площади, то в 1937 г. на 15,9 млн. жителей приходилось 8,4 млн. федданов⁷², а в 1952 г. на 21,4 млн. жителей — всего 9,3 млн. федданов обрабатываемой площади⁷³. Крестьянство задыхалось от безземелья, но правящая верхушка и не думала о преобразованиях. Поэтому главным внутренним фактором, определившим неизбежность революции, стало решение аграрной проблемы, а внешним — необходимость покончить с господством империализма, которое непосредственно выражалось в оккупации египетской территории английскими войсками. С 1922 г. страна считалась независимой, но в самом важном стратегическом районе Египта — зоне Суэцкого канала — были расположены английские войска. Сам

Суэцкий канал, построенный на костях египетских феллахов, был в руках иностранного капитала. Экономика полностью ориентировалась на производство хлопка для английских текстильных фабрик. Торговля и банки были в руках иностранцев. Все мыслящие и патриотически настроенные люди испытывали горькое чувство национального унижения, видя, что Египет — древняя страна, одно из ведущих государств арабского мира — фактически не может проводить самостоятельную политику, играть на международной арене роль, достойную его прошлого и соответствующую его возможностям. Общество было глубоко возмущено тем, что монархический режим не сумел добиться прекращения унизительной английской оккупации и эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала.

Волна национально-освободительного движения, захлестнувшая после второй мировой войны Азию и Северную Африку, коснулась и Египта. Идеи национальной независимости и освобождения от империалистической кабалы, получившие могучий стимул в результате победы антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом, широко распространились в Египте. Революция назревала. Она не могла не произойти. Вопрос был в том, кто ее возглавит.

Рабочий класс не имел своей политической организации. Коммунистическая партия была расколота на несколько фракций и обладала влиянием лишь в кругах студенчества и части интеллигенции. Задавленное тяжелым трудом крестьянство было пассивным. Мелкая и средняя буржуазия испытывала недовольство иностранным гнетом, но была политически не организована и по традиции шла за Вафдом, который все больше превращался в партию помещичье-капиталистической верхушки, все теснее связывал свою судьбу с наиболее могущественной группировкой этой верхушки, сосредоточенной вокруг банка «Миср».

«Миср» — арабское название Египта. Основание банка в 1920 г. предприимчивым дельцом Талаатом Харбом стало вехой на пути создания египетской национальной промышленности. Название банка как бы символизировало национальный, египетский характер того течения в египетском деловом мире, которое тремя годами раньше образовало Комитет развития торговли и промышленно-

сти (во главе с тем же Харбом). Речь шла о консолидации позиций национальной буржуазии, разбогатевшей за годы войны. Уже в 1922 г. Вафд, объявив бойкот английских товаров и банков, призвал египтян вкладывать свои сбережения в банк «Миср». Все дальнейшее развитие группы «Миср» и партии Вафд стало отражением и символом антинациональной эволюции египетской буржуазии.

К концу существования банка «Миср» в 1960 г. в его руках находилось 28% всех капиталов египетских банков. «Миср» стал «общим домом» всех групп египетской буржуазии⁷⁴. Группе «Миср» принадлежали 22 компании, включая компании, действовавшие в текстильной промышленности, добывающей, судостроении, она распространяла свою деятельность на авиалинии, кинематографию и т. д., превратившись в могущественную монополистическую группу. Руководители «Миср» — Талаат Харб, Хафез Афифи, Али Яхья, Фаргали, Аббуд, Аббаза, Сираг эд-Дин, Бадрави и др. — были самыми богатыми людьми страны, столпами делового и финансового мира, занимавшими в то же время ключевые позиции на политической арене. Вся эта верхушка была тесно связана с крупным землевладением и с иностранным капиталом. Как пишет советский исследователь Л. А. Фридман, «банк Миср сосредоточил в себе весь „цвет” продажной египетской бюрократии, наиболее крупных политиков... Все виднейшие деятели банка Миср и его промышленных предприятий в той или иной мере были связаны с иностранным капиталом, становились членами правлений или директорами иностранных монополий... В силу своих тесных связей с феодальной собственностью крупный египетский капитал из группы Миср был в корне враждебен любой попытке проведения аграрной реформы»⁷⁵.

Группа «Миср» обладала могущественным влиянием как в придворных кругах (Хафез Афифи был в начале 50-х годов начальником королевской канцелярии), так и в руководстве Вафда (Сираг эд-Дин был генеральным секретарем партии Вафд и министром внутренних дел в последнем вафдистском правительстве Наххас-паши).

Вафд, превратившийся в 20-х годах чуть ли не в общенациональную партию и пользовавшийся поддержкой самых широких масс, кончил тем, что стал «клубом

джентльменов», влияние которых в политике определялось богатством их поместий⁷⁶. Связанный с крупнейшими землевладельцами, промышленниками, финансистами, с иностранными монополиями, Вафд уже перед второй мировой войной перестал быть партией националистически настроенных кругов средней и мелкой буржуазии, он полностью «врос» в систему. К 1952 г. Вафд совершенно дискредитировал себя в глазах большинства национального радикального крыла, хотя его националистическая демагогия, его спекуляция на имени Заглула и блестящее ораторское искусство лидера партии Наххас-паши еще поддерживали меркнувший ореол Вафда среди простого народа.

Итак, «Миср» и Вафд. Два названия, символизовавшие дореволюционный помещичье-капиталистический Египет, его политику и экономику, его богатство и пороки, его космополитизм и продажность. Две гигантские машины — одна экономическая, другая политическая. Две организации, первые шаги которых были связаны со столькими надеждами египетских националистов. Две корпорации, связавшие свои судьбы с антинациональной верхушкой общества и с империализмом.

Трагедия средних и мелких слоев египетской буржуазии заключалась в том, что они оказались в плену у Вафда, а тем самым — у группы «Миср», королевской камарильи, английских империалистов. Эти слои буржуазии не смогли создать собственно сильной политической организации. Псевдodemократическая избирательная система автоматически давала Вафду победу на выборах, так как за него голосовали неграмотные, политически несознательные крестьяне, которых помещики и деревенские старосты в принудительном порядке везли на грузовиках на избирательные участки.

Разумеется, внутри правящей клики были и разногласия. Бывали серьезные конфликты между королем и Вафдом, существовала острая взаимная неприязнь между Фаруком и Наххасом. Однако в целом страной управляла всемогущая помещичье-капиталистическая группа, от которой немисливо было ждать перемен. И когда в конце 1951 г., в момент обострения политического кризиса, под влиянием подъема националистических настроений народных масс Вафд пошел на одностороннее расторжение англо-египетского договора

1936 г. и в зоне Суэцкого канала началась партизанская война, это был лишь демагогический маневр. Та же правящая верхушка, увидев, что дело зашло «слишком далеко», дала отбой, устроив провокацию в Каире («черная суббота» 26 января 1952 г.), временно пожертвовав вафдистским правительством и нанеся удар в спину партизанам, воевавшим в зоне канала.

Глубокое разочарование националистов, разуверившихся в способности Вафда добиться избавления от английской оккупации, было усилено скандальным, позорным поведением правящих кругов во время Палестинской войны (1948 г.), когда обнаружились злоупотребления с поставками негодного оружия на фронт. Перед египтянами раскрылась вся глубина падения господствующей верхушки, цинично обрекавшей на верную смерть египетских солдат во имя собственного обогащения. В стране и за ее пределами имя Фарука стало символом бесчестия, разврата, коррупции, от бывшего престижа династии Мухаммеда Али не осталось и следа.

Все эти настроения как бы «наслаивались» на широкое недовольство масс косностью и тупостью правящих кругов в социальной области. Социальная политика египетских правящих кругов «по своекорыстию почти не имела себе равных в современной истории»⁷⁷. Как писал один итальянский исследователь, «весь нижний слой городского среднего класса чувствовал себя обманутым в надеждах, был угнетен положением, при котором общественные дела являлись монополией небольшой кучки людей. Их горечь усиливалась воспоминанием о борьбе, которую они вели в студенческие годы во имя политических и социальных идей, в которые они искренне верили и которые, как оказалось, были преданы политиками, эксплуатировавшими их юношеский энтузиазм»⁷⁸.

Революция назревала. В этой наэлектризованной атмосфере и развивался кризис 1951—1952 гг. Как пишет один из видных участников революции Халед Мохи эд-Дин (в то время майор, член организации «Свободных офицеров»), «народные массы выдвигали боевые лозунги — свержение короля и разрыв отношений с Англией. Однако движение было лишено настоящего политического руководства. Левые силы, захваченные врасплох этими лозунгами, были бессильны возглавить события,

поскольку они были ослаблены полицейскими преследованиями и не имели опыта вооруженной борьбы... Единственной национальной силой, по которой не был нанесен удар, оставалась армия. В ней также шло революционное брожение. Националистическое движение, захлестнувшее страну после окончания второй мировой войны, захватило и среду армейских офицеров. Постоянные попытки реакции использовать армию как орудие прямого подавления демонстраций и забастовок привели к ее непосредственному соприкосновению с политическими событиями, к участию в этих событиях. Это дало возможность молодым офицерам почувствовать свою реальную силу, задуматься над вопросом: почему эту силу не использовать в интересах народа, против его врагов?»⁷⁹.

Другой участник движения «Свободных офицеров», нынешний президент АРЕ Анвар Садат, также отмечал, что только армия способна была взять на себя ответственность за осуществление назревших перемен. «Мы обнажили шпагу, чтобы разрубить гордиев узел, чтобы положить конец страданиям народа...»⁸⁰.

Когда революция назрела, нужна сила, способная высесть искру, дать толчок. Нужен авангард, готовый пойти на риск, поднять знамя борьбы и повести за собой массы. Политические организации и партии Египта в 1952 г. не могли быть таким авангардом. И тогда на сцену выступила армия.

В Бирме после достижения независимости в 1947 г. ведущей политической силой стала радикальная националистическая партия Антифашистская лига народной свободы (АЛНС), во главе которой стоял национальный герой Бирмы, революционный демократ Аун Сан. Однако после убийства Аун Сана и других революционных лидеров руководство в АЛНС перешло к У Ну, политику с ограниченным буржуазным кругозором и эклектической идеологией, представлявшей собой смесь социал-демократических реформистских иллюзий и буддийской философии. Экономическая политика У Ну, построенная на попытках сотрудничества с местным и иностранным капиталом, потерпела фиаско. Как отмечает В. Ф. Васильев, «в течение многих лет не удавалось достигнуть даже предвоенного колониального уровня развития экономики... Народ... жил хуже, чем до войны,

потому что рост населения не сопровождался соответственным ростом производства, в результате чего душевое потребление в стране падало. Экономический разрыв с высокоразвитыми государствами не сокращался, а увеличивался... В то же время происходила усиленная бюрократизация, морально-политическое разложение всего партийного и политического аппарата... Неуклонно обострялся национальный вопрос в стране и не в последнюю очередь именно вследствие бюрократической и шовинистической политики бирманской буржуазии в отношении национальных меньшинств... В стране росли цены, увеличивался беспорядок в хозяйстве... Прежнее государственное руководство поставило страну на грань краха»⁸¹.

Впоследствии в одном из документов Революционного совета говорилось: «Процветала коррупция. Престиж партии катастрофически падал. В глазах народа... разложение в политических кругах и административном аппарате толкнуло деловые круги на беззащитную коррупцию. Спекулянты и дельцы пользовались сложившимся положением и жирели, наживаясь на грабеже народа»⁸².

В октябре 1958 г. руководство армии приняло на себя ответственность за управление страной. Было создано временное правительство во главе с генералом Не Вин-ном. Это был во всех отношениях временный военный режим. Не было выдвинуто никакой новой программы, не осуществлено никаких серьезных социальных мероприятий. Военные лидеры, по-видимому, верили, что достаточно навести порядок, «одернуть» политиков — и все станет на свои места. Порядок действительно был наведен, власть стала гораздо более авторитетной, повысилась эффективность административного аппарата. Но дальше этого дело не пошло — и не могло пойти. Упор на чисто административные мероприятия, отказ от политической работы, от мобилизации масс и вовлечения их в общественную жизнь, внедрение системы отношений, построенных, как в армии, на приказе и подчинении, более или менее четко просматривавшаяся тенденция «попридержать» политиков (вытекавшая из естественного недоверия к скомпрометированному аппарату АЛНС) — все эти черты, характерные для военного режима как такового, не могли вдохнуть в массы

новый дух революционной активности, без которого нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь серьезное исправление положения. Обнаружилась политическая неопытность армии, неприспособленность армейского аппарата к решению сложных государственных и общественных проблем. Л. Пай правильно подчеркнул, что армейскому правлению «не хватало механизма, который был бы способен регулировать столкновение различных интересов внутри общества»⁸³.

В начале 1960 г. Не Вин вновь передал власть гражданским политикам. Правительство снова возглавил У Ну, и все пошло, как и прежде.

Кратковременный эксперимент с установлением чисто военного режима сослужил Не Вину полезную службу. Он рассеял его иллюзии относительно того, что можно править страной, опираясь на чисто военный аппарат, без политической организации, и показал необходимость выработки социальной ориентации, идеологического воспитания масс. Военное правление 1958—1960 гг. явилось как бы репетицией периода, который наступил после 2 марта 1962 г.

ГЛАВА II

ПРИЧИНЫ ПЕРЕВОРОТОВ И ЦЕЛИ ВОЕННЫХ

Необходимость содержания собственных вооруженных сил несомненна почти для всех молодых государств, возникших на развалинах колониальной системы. В глазах масс армия — это конкретное доказательство суверенитета. Кроме того, политические лидеры и государственные деятели, даже если бы и захотели, почти нигде не смогли бы распустить армию, какой бы крошечной и практически бесполезной с точки зрения обороны страны она ни была. Даже случаев увольнения офицеров по причинам профессиональной непригодности почти не отмечено; они уходят со службы лишь по политическим причинам либо по достижении пенсионного возраста.

В то же время наличие армии — организованной вооруженной силы, всегда способной вмешаться в политическую жизнь, — для многих правительств представляет постоянную потенциальную угрозу. Президент Танзании Ньерере заявил однажды: «Наличие армии в слаборазвитой стране всегда связано с риском, но, так как в наше время нельзя обойтись без армии, задача состоит в следующем: обеспечить такую полную интеграцию офицеров и солдат в механизм государства и партии, чтобы они были не более опасны, чем, скажем, служащие государственного аппарата»¹.

Как добиться подобной «интеграции»? Правительство понимает, что обеспечить лояльность армии можно, лишь сохранив привилегии, которые офицеры и солдаты имели еще в колониальных войсках, любая попытка урезать эти привилегии или промедлить с предоставлением новых, требуемых армией, связана с той самой «опасностью», о которой говорил Ньерере. Мятежи

солдат в Восточной Африке в 1964 г. были связаны с требованием повысить жалование, а президент Олимпико в Того поплатился жизнью за отказ принять в армию — и, следовательно, зачислить на государственное содержание — тоголезцев — ветеранов французской армии. Проблема ветеранов в некоторых странах бывшей Французской Африки вначале вообще причиняла массу хлопот правительствам: в Верхней Вольте, например, оказалось около 150 тыс. ветеранов колониальных войск, хотя численность армии после провозглашения независимости была определена в 1500 человек. В Гвинею из французской армии вернулись около 50 тыс. ветеранов, из них на государственную службу оказалось возможным зачислить не более 500².

Бывшие французские колонии ввели у себя систему обязательной воинской повинности, бывшие английские, кроме Танзании, — систему набора добровольцев. Практически, однако, всеобщая воинская повинность существует только в Сенегале и Конго, в остальных франкофонских странах она является условной и лишь позволяет выбирать наиболее пригодных к воинской службе юношей. В соответствии с заранее достигнутой договоренностью правительство устанавливает квоту для каждого района, и местные власти должны ее заполнить, подбирая наиболее подходящих из числа окончивших школу. По прохождении, например, 18 месяцев обязательной службы те солдаты, которые показали себя наиболее пригодными к военной профессии, остаются в кадровой армии, из них выходят сержанты и даже офицеры.

В 1972 г. в Центральноафриканской Республике указом президента Бокассы был установлен новый порядок отбывания воинской обязанности: на шестимесячную действительную службу призываются все годные к ней мужчины в возрасте от 18 до 40 лет и женщины от 18 до 30 лет. На практике в армию, конечно, зачисляют на основе отбора, который производят сами власти, что было бы невозможно при системе вербовки добровольцев.

Расходы на содержание вооруженных сил, какими бы обременительными они ни были для нищей страны, не могут быть сокращены из соображений сохранения лояльности армии. Эти расходы относительно не так велики в странах Тропической Африки, как в экономически

развитых странах, и составляют в среднем 4—6% бюджета, но в абсолютном выражении весьма чувствительны. Впрочем, в 1967/68 бюджетном году из 15 стран франкофонской Африки в 8 расходы на вооруженные силы составляли от 15 до 25%³.

Естественно, различные правительства предпринимали попытки обеспечить лояльность вооруженных сил при помощи системы политического воспитания. Однако офицеры, вышедшие из французских или английских колониальных училищ, равно как и воспитанные этими офицерами новые, молодые офицеры, явно не годятся для этой работы, так как они заражены если и не обязательно прозападным, то в лучшем случае корпоративно-профессиональным духом. Следовательно, для политического воспитания в армии в принципе требуются комиссары, проводники идеологии правящей партии. Но только в странах с революционным руководством — Гвинее, Конго — был создан институт комиссаров, в других странах, даже тех, которые провозгласили социалистический выбор, как Гана и Мали, руководящие круги не пошли на это, вероятно не желая беспокоить и раздражать офицерский корпус. Действительно, реакцию офицеров можно было предсказать заранее; как мы увидим дальше, в Индонезии угроза «насакомизации», т. е. создания института политических комиссаров в армии, была одним из главных факторов, перепугавших армейское руководство в 1965 г.

Другой путь ослабления зависимости правительства от армии с ее трудно поддающимся контролю настроением офицеров состоит в создании наряду с регулярными вооруженными формированиями народной милиции или, во всяком случае, специальных воинских частей, не подчиняющихся армейскому командованию. По этому пути пошел президент Ганы Кваме, который создал так называемый президентский гвардейский полк (ПОГР), состоявший из 50 офицеров и 1142 солдат, взятых из рядов регулярной армии; формировался второй такой же полк. В августе 1965 г. Нкрума вывел ПОГР из подчинения командования армии; отныне командир ПОГР подчинялся лично президенту. Начальник штаба армии генерал Анкра протестовал против этого и был уволен, что произвело крайне неблагоприятное впечатление на многих высших офицеров. Через полгода

эти офицеры во главе с Анкрой свергли режим Нкрумы⁴. После переворота в выступлении по радио генерал Анкра обвинял Нкруму в том, что тот «создал свою частную армию, содержание которой стоило в год более 500 000 фунтов, что было вопиющим нарушением конституции»⁵. Ему вторил майор Окран: «Имелось явное намерение добиться того, чтобы армия со временем отмерла и была заменена ПОГРОм»⁶.

Сам Нкрума признавал впоследствии: «Мы шли к созданию народной милиции в Гане, и это было одной из причин поддержки, оказанной некоторыми армейскими офицерами плану захвата власти»⁷.

Р. Ферст следующим образом расценивает попытки правящих кругов развивающихся стран создать милицию или особые, не подчиняющиеся армейскому командованию формирования: «Если, однако, армия не оказывает горячей поддержки целям государственной власти, этот шаг не столько нейтрализует, сколько раздражает ее. Ганская армия выступила в основном, если не исключительно, ради того, чтобы защитить себя от президентского гвардейского полка; молодые лейтенанты в Мали выступили помимо других причин для того, чтобы обрезать крылья народной милиции»⁸. Несмотря на явное преувеличение роли данного фактора, Р. Ферст правильно отмечает тенденцию, суть которой в том, что профессиональная корпорация, каковой является офицерский корпус, не терпит угрозы своей монополии на распоряжение вооруженными силами страны и крайне болезненно реагирует на попытки «обойти» ее путем создания внеармейских военных формирований. С чисто военной точки зрения трудно представить себе, что милиция или специальные формирования могли противостоять регулярной армии. Словацкий автор Л. Лацина пишет: «Ганская и малийская милиция... не были настолько вооружены и обучены, чтобы защитить прогрессивные правительства от военного переворота. Все же они стали единственными военными соединениями, которые дали вооруженный отпор восставшим воинским частям»⁹.

В целом попытки создать милицию или что-нибудь ей подобное были не правилом, а исключением в Азии и Африке. В основном же правительства полагаются на материальный и моральный стимулы для обеспечения лояльности армии. К последнему относятся попытки во-

зложить на армию дополнительно к ее нормальным функциям еще и некую «гражданскую миссию», привлечь ее к национальному строительству, заинтересовать задачей реконструкции страны. В Эфиопии, например, армия готовит пилотов для гражданской авиации, участвует в кампании по искоренению неграмотности, строит дороги и мосты, принимает участие в осуществлении проектов коммунального развития и т. п. В Береге Слоновой Кости новобранцев после короткого военного обучения направляют на сельскохозяйственные работы или совместно с геологами на поиски алмазов; на эмблеме армии этой республики изображены скрещенные винтовка и мотыга.

«Гражданская миссия» находит отклик у молодых офицеров и солдат. Она также способствует росту популярности вооруженных сил в народе. Ведь совсем еще недавно на армию в Африке смотрели как на орудие колонизаторов; теперь это представление предстоит заменить совершенно противоположным, и помощь армии населению в различных сферах жизни помогает выработке нового взгляда на вооруженные силы.

Не только военнослужащие, находящиеся на действительной службе, но и демобилизованные могут стать немаловажным фактором в процессе модернизации африканского общества. За время второй мировой войны полмиллиона африканцев прошли военное обучение, а это значит, что они не только выучились грамоте и овладели английским или французским языком, но и значительно расширили свой кругозор, побывав в других странах, и во многих случаях приобрели специальность, пригодную в условиях гражданской жизни. Организации ветеранов были созданы в ряде стран и обладают немалым политическим влиянием¹⁰. В процессе формирования общественного мнения бывшие военнослужащие играют роль, намного превосходящую их долю в общей численности населения. Даже до переворотов, приведших к власти военных, последние играли первостепенную роль в политической жизни большинства развивающихся стран. Они сразу же стали частью новой системы, возникшей после ухода колонизаторов, более того, — частью новой элиты. Верхушка военных внутри этой элиты примыкала к бюрократии; если придерживаться концепции противоречия между «администраторами» и «политиками» в не-

зависимом государстве, то армейскую верхушку — военную бюрократию, — бесспорно, следует причислить к категории «администраторов». Воспитание высших офицеров, большинство которых, как уже отмечалось, формировались в среде английского или французского офицерства, способствовало выработке у них консервативных взглядов на социальные проблемы. Военные верхи ощущали себя органической, неотъемлемой и привилегированной частью унаследованной от колонизаторов системы и поэтому были заинтересованы в ее сохранении, в консервации статус-кво.

Это обстоятельство заслуживает быть особо отмеченным: нигде в странах Африки и Азии военные не шли на переворот по той причине, что они считали себя обделенной или дискриминируемой социальной группой; более того, в большинстве случаев они не стремились к серьезным социальным переменам, к глубоким революционным преобразованиям. Например, они выступали, чтобы сохранить существующую систему, спасти ее от возникшей, по их мнению, угрозы тому статус-кво, при котором они были привилегированной прослойкой. Ряд переворотов, особенно в Тропической Африке, по сути дела, явился превентивной акцией, цель которой — предотвратить неконтролируемое и потому угрожающее с точки зрения интересов военной корпорации развитие событий¹¹.

Что касается нового поколения офицеров, получивших воспитание уже в национальных военных училищах, то их отношение к существовавшей системе было двойственным. С одной стороны, им прививали те же взгляды и вкусы, что в свое время в военных заведениях метрополий их старшим коллегам; здесь срабатывала преемственность, и заодно с французским или английским языком как официальным языком в армии по наследству от колонизаторов переходили и традиции аполитичности вооруженных сил, профессионализма, корпоративного духа — традиции, отнюдь не способствующие пробуждению радикальных идей и революционных взглядов. Но, с другой стороны, если старшее офицерство было близко к привилегированной гражданской элите (часто даже связано с ней родственными и дружескими узами), то молодые офицеры, выходцы из провинциальной среды, были далеки от столичной знати и часто

устанавливали контакты с представителями молодой, радикально настроенной гражданской интеллигенции — студентами, мелкими чиновниками, профсоюзными и партийными деятелями. Эта двойственность обусловила ту разницу в поведении старших и младших офицеров, которая бросается в глаза при знакомстве с многими военными переворотами и течением событий уже после прихода армии к власти.

Несмотря на то что офицерский корпус в целом, особенно его верхушка, «врастает в систему», в его среде чем дальше, тем больше начинает проявляться критическое отношение к ней, а точнее говоря, к возглавляющим ее людям и их методам управления. Военным, привыкшим к дисциплине, точности, к энергичной и целеустремленной деятельности, бывает трудно примириться с недостатком дисциплины гражданского режима, им бросаются в глаза интриги, злоупотребления, коррупция. Многие из них по наивности начинают думать, что все дело в злой воле, своекорыстии, некомпетентности, кумовстве отдельных личностей, получивших в свои руки власть; заменить их — и все будет в порядке. Лидер переворота в Дагосе генерал Согло, придя к власти, говорил о необходимости «объединиться вокруг программы, а не вокруг нескольких личностей». Руководитель переворота в Верхней Вольте подполковник Ламизана утверждал, что гражданское правление возможно только после того, как гражданские люди станут «ответственными и патриотически настроенными, умеющими преодолевать личные расхождения и соглашаться с приемлемой для всех минимальной программой»¹².

Помимо всего прочего, офицеров тревожит и то, что развитие внутривойсковой борьбы, политизация профсоюзов, забастовки и т. д. — одним словом, втягивание в политику масс, «низов общества» рано или поздно может привести и к политизации солдат, а с этим они никак не могут смириться, ибо отсюда один шаг до падения дисциплины и возможности принятия солдатами самостоятельных политических решений. Для профессиональных военных крайне важно держать солдатскую массу вдали от влияния политиков, иначе нет возможности гарантировать лояльность солдат. Превращение армии в замкнутую корпорацию, ее обособление в недоступную для «подрывных и разлагающих»

политических веяний систему — вот, по мнению офицеров, единственный путь к сохранению ее целостности и лояльности, в противном случае, по их мнению, армия стала бы жертвой внутренних раздоров и погибла бы. Но как этого добиться в обществе, раздираемом внутренней борьбой? Единственный способ — покончить как можно быстрее с этой борьбой, надеть узду на грызущихся друг с другом политиканов. Так созревает идея — не ломая систему как таковую, устранить проявления, опасные для военной корпорации.

Таким образом, когда военные принимают решение взять власть, немалую роль играют соображения сохранения армии как надежного и послушного инструмента. Как писал американский автор П. Экантия, «армия организована строго по функциональному принципу. Приказы, отдаваемые генералами, не могут быть гибко истолкованы низшими чинами, иначе армия перестанет быть жизнеспособной единицей. Солдаты, конечно, связаны культурными и семейными узами со своими этническими группами, но влияние этих групп в армии подавляется более эффективно, чем в других организациях»¹³. Другой автор, Зартман, отмечал, говоря об алжирской армии: «Армия состоит не из рабочих и феллахов, а из их сыновей, нынешнее положение которых отличается от первоначального (обусловленного их происхождением) благодаря их воспитанию, профессии и статусу»¹⁴.

Конечно, игнорировать этнические, трибалистские мотивы в военных переворотах было бы неправильно. Так, в свержении Нкрумы главную роль сыграли офицеры из племен ашанти и эве, плохо уживавшиеся с прибрежными племенами, относящимися к группе фант, а именно из этой группы был родом Нкрума. В Нигерии до 75% солдат были с Севера, но почти половина офицеров — ибо. Характерно, что из 36 нигерийских офицеров, получивших это звание после 1960 г., 16 воевали на стороне Биафры¹⁵. Но объяснять выступление армии только этими факторами было бы в корне неверно. В большинстве переворотов этнический, трибалистский момент не играл серьезной роли, не говоря о том, что в некоторых странах, где армия захватывала власть, данной проблемы не существовало (Египет, Сирия, Ирак, Алжир).

Бесполезно пытаться найти какой-то один-единствен-

ный мотив, объясняющий решение военных свергнуть гражданские режимы. Как правило, речь идет о совокупности различных факторов, что будет видно в дальнейшем, из конкретного изложения хода событий. Для понимания реакции военных на те или иные события важнее анализ состояния общества, причин его кризиса, чем выяснение конкретных мотивов, побудивших те или иные группы офицеров к выступлению. Начнем с Египта.

Каким образом египетская армия стала революционной силой?

В арабском мире традиция выполнения армией политических функций восходит еще к эпохе первого халифата, когда бедуины Аравийского полуострова совершали походы под знаменем новой религии — ислама, создавали мусульманскую империю и обращали в ислам покоренные народы. Завоеватель Египта халиф Омар был полководцем и государственным деятелем. Во времена халифата победоносный полководец обычно получал из рук халифа высокую политическую должность. Мусульманская религия всегда высоко ценила профессию воина. В новой истории Египта армия играла выдающуюся роль: достаточно вспомнить мамлюков и положившего конец их господству Мухаммеда Али, проделавшего путь от солдата до правителя государства. Восстание 1882 г. против иностранного господства было делом рук группы офицеров во главе с Ораби-пашой. Восстание это, однако, выражало интересы всего египетского народа, и правы те, кто характеризуют движение Ораби-паши «не как вспышку милитаризма, а как народное восстание», которым руководили «офицеры плебейского происхождения... Популизм Ораби выглядит как отдаленный и грубый предварительный набросок насеризма»¹⁶.

В годы английского господства египетская армия не была армией национальной, она находилась под английским контролем и использовалась в интересах британского империализма. Никакого ореола национальной патриотической силы у нее не могло быть; лишь в кавалерийских полках служили сыновья некоторых богатых людей. Положение, однако, изменилось после заключения англо-египетского договора 1936 г., когда армия приобрела характер национальной; была увеличена ее численность, и выходцы из простых семей впервые по-

лучили возможность поступить в офицерское училище, называвшееся военной академией Аббасия.

Бывший премьер-министр Египта генерал Нагиб пишет в мемуарах о социальном составе офицерского корпуса: «Землевладельцы и коммерсанты... были слишком озабочены преумножением своих богатств, чтобы заниматься военной службой. В результате офицерский корпус в большинстве своем был укомплектован сыновьями государственных служащих, военных, внуками крестьян»¹⁷. П. Ватикиотис характеризует этот новый офицерский корпус как «наиболее сплоченную элиту молодых энтузиастов, объединенных смутными националистическими устремлениями и заботой о социальных и экономических нуждах их сограждан»¹⁸.

Речь идет о молодых людях, поступивших в академию Аббасия после договора 1936 г. Именно из первых наборов, особенно из набора 1937 г., и вышли «Свободные офицеры». Среди них был и Гамаль Абдель Насер.

Насер родился 15 января 1918 г. в г. Бени Мур (губерния Асьют). Его отец был мелким почтовым служащим. Малограмотный человек, он решил во что бы то ни стало дать образование хотя бы старшему из своих четырех сыновей — Гамалю, который и был послан в каирскую школу.

Юный Гамаль выделялся среди своих сверстников серьезностью и пристрастием к чтению, особенно исторических книг. Рано проявились в нем задатки революционера-вожака: в возрасте 16 лет он организовал выступление учащихся, направленное против английского господства. В 17 лет Гамаль был избран председателем школьного комитета, ставившего перед собой цель содействовать возвращению к власти партии Вафд. (Симпатии к Вафду сохраняются у Насера, как у большинства офицеров-патриотов, вплоть до революции.) Гамаль окончил школу с отличием, но перспективы у него были не блестящие, так как из-за своей политической деятельности он состоял на учете в полиции. Военная карьера стала для него выходом из положения. Насер подал заявление в военную академию. Из 400 желающих по конкурсу прошло 40 человек, среди них и Насер.

Курс в академии длился полтора года. За время учебы Насер много читал, особенно увлекаясь такими

книгами, как биографии Наполеона, Ататюрка, Бисмарка, Гарибальди, Черчилля, история Египта, арабских стран, Германии и др., работы Клаузевица, Лиддл-Гарта, Фуллера, мемуары Черчилля¹⁹. Получив 1 июля 1938 г. звездочку лейтенанта, Насер был направлен на должность командира пехотного взвода в 3-ю пехотную бригаду, расквартированную в Манкабаде, в его родной губернии Асьют.

Там он познакомился со своими будущими соратниками по революции Анваром Садатом (ныне президент АРЕ) и Закарией Мохи эд-Дином.

Анвар Садат так вспоминает это время: «Вокруг костра, у подножия горы Аш-Шариф, мы сидели по ночам, братья по оружию, молодые по возрасту и по чину, но полные такой надеждой, охваченные таким пылом! Мы не замедлили познакомиться и подружиться, мы чувствовали, что нас объединяет одинаковое моральное неодобрение существующего порядка вещей... К нам всегда присоединялся молодой человек мужественного вида, прямой как шпага... Он жил с нами и как мы, но казался задумчивым и грустным, серьезным и сдержанным... Его моральная чистота, его великодушие, широта его взглядов влекли нас к нему. Благодаря горевшему в нем энтузиазму, уверенности и силе он мог оказывать на тех, кто с ним сблизился, неотразимое влияние. Полный уверенности в себе и в будущем, он заражал нас своим энтузиазмом и верой в судьбу Египта. Он вскоре стал центром притяжения, вокруг него группировались горячие последователи, которые не могли предвидеть, что их вожак станет открывателем новой эры. Он был отмечен судьбой.

Гамаль отдал делу освобождения свой революционный темперамент, закалившийся в подполье, и подлинный талант организатора. Что он говорил нам, когда мы собирались вокруг костра у горы Аш-Шариф? „Мы будем бороться с империализмом, с монархией и с феодализмом, потому что мы против несправедливости, гнета и рабства. Все патриоты желают создать демократию, сильную и свободную от всякой зависимости. Эта цель будет достигнута любым путем, вооруженным или иным. Время не ждет, страна погружается в настоящий хаос. Общественные потребности... указывают нам путь; этот путь — революция!“.

Не будучи более в силах выносить зрелище того, как их страна изнывает под объединенным гнетом деспотизма и империализма, военные Манкабада создали в начале 1939 г. тайное революционное общество, имевшее цель «подготовить почву для освобождения»²⁰.

Так описывает Анвар Садат зарождение революционной организации. Однако, судя по всему, это был лишь первый небольшой кружок, группировавшийся вокруг Насера и не распространявший свое влияние дальше Манкабада. По мнению некоторых авторов, организация «Свободные офицеры» в окончательно оформленном виде образовалась лишь в 1949 г.²¹. Но первый шаг был сделан в Манкабаде.

В 1939 г. Насера перевели в Александрию, где он впервые встретился с Абдель Хакимом Амером, который стал его близким другом. В 1942 г., в разгар мировой войны, Насер служил в Александрии в 5-й пехотной бригаде, затем вместе с Амером был направлен в Судан, в захолустный гарнизон Джебель аль-Аулия. В 1943 г. Насер в чине капитана возвращается в Каир, в военную академию, на сей раз на должность преподавателя тактики. Он оканчивает с отличием армейский штабной колледж. Все дальнейшие годы, вплоть до Палестинской войны, капитан генерального штаба Насер преподает в военной академии. Общественности он неизвестен, зато его хорошо знает офицерский корпус: большинство молодых офицеров так или иначе сталкивались с Насером, служили с ним, слушали его лекции.

Все эти годы Насер кропотливо создает тайную офицерскую организацию, терпеливо и методично проверяет и отбирает наиболее надежных. По данным Анвара Садата, уже в 1942 г. были созданы первые секции, а также руководящий орган. Тайное общество росло, каждый его участник имел право вербовать других, при условии что он ручался за их надежность. У членов общества был пароль. Постепенно тайная организация проникает во все армейские части и ко времени Палестинской войны насчитывает уже 700 офицеров. Только один Насер — «архитектор и стратег движения»²² — знает каждого из них лично, только ему известен полный состав тщательно законспирированного общества, о котором впоследствии будут говорить как о «шедевре соблюдения секретности». Действительно, в

организации не оказалось ни одного предателя, она так и не была раскрыта королевской полицией.

Постепенно молодые офицеры как из манкабадского, так и из других гарнизонов, попав в столицу, стали устанавливать контакты с различными гражданскими политическими группами. Если вначале, как описывал Анвар Садат, их объединял лишь юношеский энтузиазм, жажда национального освобождения и социальной справедливости, то впоследствии, став зрелыми людьми, окунувшись в насыщенную политикой атмосферу столицы, столкнувшись с интеллигенцией различных националистических оттенков, молодые офицеры стали определять свое отношение к партиям и программам. Сам Насер был с юности близок к Вафду, затем одно время имел контакты с «Братьями-мусульманами»²³, а впоследствии заинтересовался деятельностью марксистских организаций. Спустя много времени он говорил, что в 1948 г. коммунисты предложили ему вступить в партию, но, ознакомившись с их литературой, он нашел, что атеистический и немусульманский подход чужд его складу ума²⁴.

Следующая сводка дает представление о руководящих фигурах общества «Свободных офицеров» и их политических связях:

Абдель Хаким Амер, майор пехоты, был членом организации «Братья-мусульмане».

Абдель Лятиф аль-Богдади, подполковник авиации, был связан с группой «Миср» с тех пор, как служил в 1947—1948 гг. в авиакомпании «Миср Эйруэйз».

Камаль эд-Дин Хусейн, майор артиллерии, был членом организации «Братья-мусульмане».

Хасан Ибрагим, майор авиации, был членом партии «Миср аль-фатат» («Молодой Египет», молодежная организация правозэкстремистского типа).

Халед Мохи эд-Дин, майор бронетанковых войск, — член марксистской организации.

Анвар Садат, полковник пехоты, — сначала принадлежал к «Миср аль-фатат», затем был членом «Братьев-мусульман».

Гамаль Салем, подполковник авиации, был членом социалистической партии (реорганизованная после войны «Миср аль-фатат»).

Неизвестно о политических связях подполковника

Закарии Мохи эд-Дина, майора генштаба Салаха Салема, подполковника бронетанковых войск Хусейна аш-Шафаи, подполковника Сервата Окаша, подполковника Тауфика Абдель Фаттаха, генерал-майора медицинской службы Мухаммеда Нассара, генерал-майора Мухаммеда Нагиба, подполковника Аббаса Радвана, генерал-майора интендантских войск Фатхи Ризка, подполковника авиации Хусейна Зульф리카ра Сабри²⁵.

Что касается Камаля Рифаата, подполковника пехоты, впоследствии секретаря Арабского социалистического союза по вопросам идеологии, то Ватикиотис ничего не сообщает о его политических связях, А. Малек упоминает о его принадлежности к одной из марксистских организаций в 1947—1951 гг.²⁶, а Шафаи квалифицирует его как человека, связанного с «Братьями-мусульманами»²⁷.

К перечисленным лицам следует добавить еще четырех, игравших видную роль в организации «Свободные офицеры»: подполковника авиации Али Сабри (впоследствии генерального секретаря Арабского социалистического союза), майора Абдель Кадера Хатема (впоследствии бывшего одно время министром культуры и национальной ориентации), которого А. Малек считает проамерикански настроенным, полковника Рашада Механна, тесно связанного с «Братьями-мусульманами», и полковника Юсефа Саддыка, члена коммунистической организации²⁸.

Происхождение, политические связи и последующая карьера этих людей представляют несомненный интерес.

Братья Сабри и Окаша были единственными выходцами из семей старой аристократии и получили европейское образование. Остальные (20 из 23) — выходцы из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Несмотря на происхождение, Сабри и Окаша остаются верны линии Насера, и это подтверждает мысль, что социальные связи в зрелом возрасте и контакты с теми или иными политическими силами имеют большее значение, чем социальное положение родителей.

Все руководители революционной организации — полковники, подполковники и майоры. Генерал Нагиб был привлечен к движению лишь в самый последний момент перед восстанием, а два других генерала, врач и интендант, первостепенной роли не играли. Шесть офице-

ров в разное время и в разной степени были связаны с «Братьями-мусульманами», и еще трое — с другими праворадикальными организациями, а с левыми — лишь двое. Связей с Вафдом у «Свободных офицеров» почти не было, во всяком случае после мировой войны. Это говорит о том, что лидеры тайного общества были приверженцами крайних, насильственных методов изменения существовавшего порядка.

Любопытна их дальнейшая судьба. Первыми «выпали из обоймы» коммунист Саддык и реакционер Механна, вскоре за ними последовал склонявшийся вправо Гамаль Салем. Салах Салем умер. Богдади и Камаль эд-Дин Хусейн оказались в оппозиции уже в последние годы, на этапе некапиталистических преобразований. Закария Мохи эд-Дин оказался не у дел после реорганизации правительства в марте 1968 г. Халед Мохи эд-Дин несколько раз впадал в немилость, но сохранил свои левые взгляды.

Но вернемся к периоду, предшествовавшему революции. В 1948 г. вспыхнула Палестинская война. Насер, посланный на фронт, попадает в самую гущу боев — в район Фаллуджи, и его часть оказывается отрезанной от основных египетских сил в так называемом «фаллуджском мешке». Все понимают, что война проиграна, израильское командование предлагает окруженным сдаться, но египтяне держатся в «мешке» вплоть до заключения перемирия. Насер был ранен в плечо и за отвагу, проявленную в боях, получил в армейских кругах прозвище «тигр Фаллуджи».

Там, в Фаллудже, в окружении, Насер организовал первое собрание «Свободных офицеров», часть которых оказалась на этом участке фронта. Многие члены тайной организации впервые увидели своих сообщников. Пожалуй, именно 1948 г. следует считать годом фактического создания «Свободных офицеров» как общенациональной, политической армейской организации, поставившей перед собой цель вооруженного восстания против королевской власти.

Палестинская война была переломным моментом как в формировании идей Насера, так и в судьбе всей организации. «Необходимо понять всю глубину страстей, которые всколыхнула Палестина», — писал английский историк Дж. Марлоу²⁹. Стали известны потрясающие

факты: ближайшее окружение короля поставляло на фронт негодное оружие, наживая на этом огромные барыши. Тут уже исчезли все иллюзии. Улетучились последние остатки былого доверия к Фаруку. Стало ясно, что нельзя освободить Египет от империализма, не свергнув насильственным путем разложившуюся верхушку.

Вот что писал об этом Насер в книге «Философия революции»: «Мы воевали в Палестине, но наши мысли были в Египте. Наши пули были нацелены во врага, находившегося в окопах перед нами, но сердца наши были там, в далекой отчизне, которую губила стая волков. В Палестине группы „Свободных офицеров“ собирались в окопах и на командных пунктах, обсуждая наши проблемы и ища выход. В Палестине Салах Салем и Закария Мохи эд-Дин встретились со мной, прорвавшись через кольцо осады Фаллуджи, и мы сидели в окружении, не зная, чем и когда кончится осада. И в Палестине однажды Камаль эд-Дин Хусейн, сидя рядом, с блуждающим взглядом, сказал мне: „Знаешь, что мне сказал перед смертью Ахмед Абдель Азиз?“. „Что же он сказал?“ — спросил я. Он сказал: „Слушай, Камаль, наше главное поле битвы — в Египте!“»³⁰.

Главный фронт — внутренний; первая и главная победа над империализмом должна быть одержана в Каире, и первой мишенью должен быть королевский режим — таково было общее настроение «Свободных офицеров» после Палестинской кампании. Насер вспоминает: «Если армия не двинется, — сказали мы себе, — кто же еще двинется?»³¹.

Окончательно оформляется организационная структура общества. Руководство состоит из пяти секций, в ведении которых были экономические вопросы, штурмовые группы, безопасность, террор и пропаганда. Секция штурмовых групп занималась вербовкой новых членов общества. Низовая ячейка состояла из пяти человек, каждые 20 ячеек составляли одну группу. Всех членов организации накануне восстания знали только Насер и Амер. Общее руководство осуществляет исполнительный комитет, в который входят Насер, Амер, Камаль эд-Дин Хусейн, Хасан Ибрагим, Абдель Рауф, Салах Салем, Гамаль Салем, Анвар Садат, Богдади и Халед Мохи эд-Дин. После революции исполком был переименован в Совет руководства революции. Насер был официально

избран на пост председателя исполкома в 1950 г. и на следующий год вновь переизбран ³².

«Свободные офицеры» при всей их конспирации стремились в то же время дать знать широкой общественности, что в стране существует подпольная военная организация. Они распространяли памфлеты, подписанные: «Общество свободных офицеров». В памфлетах разоблачались преступления королевского режима.

Фарук знал о существовании организации, но его полиция не могла ее нащупать. Король также был осведомлен об оппозиционных настроениях среди офицерства, и незадолго до революции произошел эпизод, заставивший Насера ускорить подготовку к выступлению. Предстояли перевыборы президента Офицерского клуба, и офицеры-националисты выставили кандидатуру генерала Мухаммеда Нагиба, выгодно выделявшегося на фоне коррумпированной генеральской верхушки своей честностью и несогласием прислуживать королю. Но именно по этой же причине Фарук отверг кандидатуру Нагиба и навязал на пост председателя клуба генерала Хусейна Сири Амера, замешанного в скандалах с поставками негодного оружия. Офицеры расценили поступок короля как прямой вызов. Эта история моментально облетела всю армию, и «Свободные офицеры» поняли, что король, сам того не желая, увеличил их шансы на успех. После палестинской катастрофы и после истории с Офицерским клубом любое выступление против прогнившего режима могло рассчитывать на поддержку всех националистически настроенных офицеров, — а их было большинство среди среднего и низшего офицерства.

По утверждению некоторых западных историков египетской революции, в 1950 г. исполнительный комитет «Свободных офицеров» принял пятилетний план действий, имея в виду тщательно подготовить как армию, так и общественность в целом к вооруженному выступлению, которое должно было состояться не раньше 1954 или 1955 г. ³³. Сами участники революции не подтверждают, но и не опровергают этого. Во всяком случае, политический кризис, возникший в конце 1951 г. в связи с расторжением англо-египетского договора и резко обострившийся после «черной субботы» 26 января 1952 г., создал в стране революционную атмосферу.

16 июля 1952 г. состоялось заседание исполнительного комитета общества, на котором было принято решение начать вооруженное выступление и назначена дата — 23 июля. В заседании принимали участие Насер, Амер, Анвар Садат, Халед Мохи эд-Дин, Богдади, Хасан Ибрагим и Камаль эд-Дин Хусейн³⁴.

Машина была приведена в действие. Четко продуманный во всех деталях переворот был осуществлен блестяще. На рассвете 23 июля 1952 г. семь офицеров — руководителей движения заняли штаб-квартиру в Абассия. Командование вооруженными силами страны было арестовано. На следующий день восставшая армия овладела Александрией, а 26 июля 1952 г. низложенный король Фарук на своей яхте отплыл из Александрии в Италию. Монархия была свергнута. Революция восторжествовала. Армия пришла к власти.

Рассмотрим теперь предпосылки и ход военных переворотов в Сирии.

Еще во время мандатного управления французские власти создали в Сирии местные военно-полицейские силы, называвшиеся *Groupes spéciales*. К 1946 г., когда иностранные войска покинули сирийскую территорию, армия молодой республики насчитывала 5 тыс. человек. Рядовой состав рекрутировался преимущественно из крестьянства, причем французские власти, как уже отмечалось, стремились набирать в армию как можно больше представителей окраинных районов, наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении, а также представителей меньшинств — курдов, черкесов, армян и других. По сравнению с египетской в сирийской армии офицерский корпус был вдвое больше укомплектован выходцами из семей зажиточной городской буржуазии. В первую очередь это относилось к высшему офицерскому составу, в котором были представлены «50 семейств», составлявших элиту сирийского общества (Атаси, Мардам, Низам ад-Дин и др.). Что касается среднего и младшего офицерского состава, то его социальное происхождение отражало уже неоднократно упоминавшуюся закономерность: в военные училища шли преимущественно сыновья провинциальной мелкой буржуазии, служащих, ремесленников, более или менее состоятельных крестьян. Если генералы и полковники были кадровыми военными французской выучки (некто-

рые учились в Сен-Сире), то офицеры рангами ниже, получившие военное образование в Хомской военной академии, не были связаны ни с прежними колонизаторами, ни с буржуазно-помещичьей верхушкой³⁵. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания политической роли армии в Сирии.

Американский автор Гордон Торри, изучавший роль сирийской армии в политической жизни, отмечает большое влияние, которое оказал на формирование политических взглядов слушателей Хомской академии выпуск 1947 — 1948 гг. полковник Джамаль Файсал (впоследствии генерал, командующий сирийским контингентом вооруженных сил ОАР в период объединения с Египтом). Файсал был «панарабистом № 1» в сирийской армии, и под его влиянием стало консолидироваться националистическое, радикальное крыло сирийского офицерства. Однако оформиться в организационном отношении в тот период оно не успело. Хотя Торри сообщает, что впоследствии эту группировку офицеров даже называли по аналогии с египетской «малым советом руководства революции»³⁶, на самом деле ничего похожего на насеровское общество «Свободных офицеров» в Сирии не было. Тем не менее армия и в Сирии выступила против существующего режима, и почти в те же годы, что в Египте, но разница была огромной. Общим фактором, позволяющим проводить какие-то аналогии, была лишь Палестина.

Спустя много лет один из руководителей партии Баас говорил французскому журналисту Э. Руло: «Трагедия Палестины дала то горючее, которое позволило завести мотор революции»³⁷. Недовольство и разочарование масс и интеллигенции, испытавших чувство глубокого национального унижения, обратилось против традиционной элиты, лидеры которой, сменяя друг друга в правительстве, занимались министерской и парламентской игрой в духе классических традиций французского буржуазного парламентаризма, на котором они были воспитаны, были далеки от масс, заботились лишь об интересах капиталистов и помещиков, проявили полную неспособность обеспечить проведение политики, соответствовавшей требованиям национальной независимости и социального прогресса. Палестинская катастрофа явилась катализатором подспудно нараставшего процесса обо-

стрения внутренних противоречий в Сирии после достижения независимости.

Когда правительство, возглавлявшееся в начале 1949 г. Халедом аль-Азмом, попыталось урезать доходы на оборону и одновременно отдало под суд одного офицера по обвинению в коррупции, армейская верхушка восприняла это как попытку традиционной элиты политиканов переложить на армию ответственность за палестинское фиаско. Главнокомандующий армией Хусни аз-Заим направил президенту Куатли «ноту протеста», которую тот вернул с язвительным замечанием, что офицерам не пристало посылать петиции, «подобно деревенским старостам»³⁸. 30 марта 1949 г. генерал Заим совершил переворот и стал первым военным диктатором в истории современной Сирии, положив начало периоду вмешательства армии в политическую жизнь республики.

Заим принадлежал к старшему поколению сирийских офицеров; он учился еще в турецкой военной академии в Стамбуле, а затем служил в *Troupes spéciales*. О политических взглядах Заима ничего не известно. Правда, при нем были проведены некоторые реформы, например введен новый гражданский кодекс, но ни о каких планах серьезных социальных преобразований говорить не приходится. В основном диктатор был занят внешнеполитическими проблемами. В центре внимания сирийской общественности в то время был вопрос о нефтепроводе из Саудовской Аравии, прокладки которого через территорию Сирии добивались американские нефтяные монополии. Этому активно противодействовали английские монополии: шла «нефтяная война». Правительство Азма уже готовилось пойти навстречу американцам, когда власть захватил Заим, и существует мнение, что Интеллиженс сервис приложила руку к этому перевороту. Докладывав того, что Заим был связан с англичанами, в нашем распоряжении нет, но это выглядит весьма правдоподобно. В таком случае приходится констатировать, что Заим довольно быстро сменил ориентацию, поскольку через некоторое время после прихода к власти он ратифицировал соглашение о нефтепроводе с американскими компаниями³⁹. Тем самым он восстановил против себя не только англичан, но и связанную традиционными узами с Лондоном хашимитскую династию, правив-

шую в Ираке и Иордании. В дело вступил новый фактор: эмир Трансиордании (впоследствии король Иордании) Абдаллах уже в течение нескольких лет вел кампанию за создание «Великой Сирии». Проект сводился к тому, чтобы объединить Сирию с Трансиорданией под эгидой хашимитской династии. Выдвигался и проект объединения стран «Благодатного полумесяца» — Ирака, Сирии и Иордании. В этом случае речь уже шла о создании мощного хашимитского государства на Арабском Востоке, ликвидации республиканского режима в Сирии, об обеспечении английской гегемонии в этом районе.

Особенность всех этих проектов заключалась в том, что, хотя их соответствие интересам Англии ни у кого не вызывало сомнений, они все же пользовались определенной популярностью в различных кругах арабской общественности. Авторы этих планов использовали ставший чрезвычайно популярным лозунг арабского единства, да еще перед лицом агрессивного Израиля, и опирались на историю и традиции: ведь и в самом деле Сирия, Ливан и Палестина всегда в глазах арабов составляли единую страну — «биляд аш-шам». Тяга к единству с Ираком была довольно сильна у части сирийской общественности. В результате всех этих обстоятельств разоблачить подлинный характер замыслов хашимитских ставленников Англии было не так просто, и как раз среди националистической, «панарабской» части сирийского офицерства идея объединения арабских стран была особенно популярна. О единстве с Египтом в то время не было и речи, Ирак представлялся естественным партнером. Правда, то, что в Багдаде правила скомпрометированная хашимитская клика, делало идею объединения с Ираком в то время отнюдь не привлекательной для сирийцев, но идея союза и координация действий против Израиля была популярной.

Именно проиракская (а тем самым косвенно и пробританская) часть сирийского офицерства и свергла Хусни аз-Заима спустя четыре с половиной месяца после захвата власти. Заим был расстрелян. Новый режим возглавил полковник Сами Хиннауи, человек примерно той же «школы», что и Заим (он тоже учился в Стамбуле), но придерживавшийся определенно проанглийской ориентации. На другой же день после нового переворота

американо-сирийское соглашение о нефтепроводе было расторгнуто. Однако Хиннауи продержался у власти не дольше Заима. В декабре 1949 г. он был свергнут, а впоследствии застрелен среди белого дня на трамвайной остановке. К власти пришел третий диктатор — полковник Адиб Шишекли. Расторгнутое нефтяное соглашение было восстановлено, американские монополии добились прокладки нефтепровода через территорию Сирии. Сторонники Англии и хашимитов в сирийской армии проиграли битву.

Шишекли правил Сирией не четыре месяца, как каждый из его неудачливых предшественников, а четыре года⁴⁰. Но эти четыре года были бессодержательными и бесцветными, они не оставили следа в истории Сирии. Режим Шишекли оказался внутренне пустым, лишенным массовой опоры, социальной ориентации и националистического пафоса. Подобно Касему, Шишекли непрерывно маневрировал и балансировал между различными силами и группировками, никому не доверяя и всех по очереди ослабляя. Постепенно он восстановил против себя всех. «Панарабисты» были недовольны сдержанностью, которую Шишекли проявил в отношении проектов арабского единства, и его явным нежеланием сблизиться с военным руководством Египта после революции 1952 г. (он видел в этом руководстве своих соперников в борьбе за влияние в арабском мире). Проиракские элементы не могли простить ему позиции, занятой в 1949 г., когда он сверг Хиннауи. Его весьма робкие шаги на поприще социально-экономических реформ разочаровали тех, кто верил в социальную революцию. Буржуазия была недовольна тем, что Шишекли отказался от американской экономической помощи, и тем, что западный деловой мир с подозрением относится к его «ненадежному» и непонятному режиму. Старые политиканы тосковали по прежним временам, жаждали вернуться в традиционный мир парламентских комбинаций и распределения местечек: диктатор лишил их этого, разогнав все партии, которые он, безуспешно, пытался заменить собственной партией «Движение арабского освобождения». Могущественная секта друзей открыто вступила с ним в конфликт, а когда в конце 1953 г. Шишекли организовал карательную экспедицию, послав войска в Джебель-Друз, это вызвало возмущение многочисленных офице-

ров-друзов. Наконец, имело значение и то, что Шишекли (как и Заим) был курдом.

В феврале 1954 г. совместное выступление армии и народных сил (в том числе коммунистов и баасистов) положило конец диктатуре Шишекли. Он бежал за границу. Можно считать, что в этот день закончился первый период участия военных в политической жизни Сирии. Он был ознаменован правлением трех военных диктаторов, совершивших перевороты «латиноамериканского типа», при которых не меняются ни общественная структура, ни элита власти (последняя меняет лишь свою персональную композицию), а в политической жизни страны развивается тенденция борьбы различных хунт, оспаривающих друг у друга власть и часто отражающих при этом интересы внешних сил.

С 1954 г. на политическую арену выдвигается новая плеяда офицеров. Это уже не офицеры старой турецкой или французской выучки, слишком ограниченные и скованные воспитанием и формированием, чтобы быть в состоянии осуществить серьезные преобразования. Это—офицеры второго поколения, выпускники Хомской академии, националисты с определенной или же только вырисовывающейся социальной ориентацией. О некоторых из них стоит сказать подробнее.

Полковник Абдель Хамид Саррадж, выходец из состоятельной семьи в Хаме, окончил Хомскую академию в 1947 г. Его энергия и способности обратили на него внимание как Хусни Заима, который сделал его после переворота своим адъютантом, так и Шишекли, назначившего Сарраджа главой военной разведки. Саррадж вовремя отмежевался от шефа, и его роль после падения Шишекли стала еще более значительной. Примкнув к националистически радикальной группе офицеров-«пан-арабистов», большая часть которых присоединилась к партии Баас (сам Саррадж не был членом Баас), он в то время и после падения Шишекли сохранил ключевой пост руководителя разведки. К 1956 г. в руках Сарраджа находилась уже не только военная разведка и контрразведка, но и органы безопасности, что позволило ему стать одним из трех-четырёх самых влиятельных людей в Сирии. Саррадж был одним из главных инициаторов объединения Сирии с Египтом, однако неудача этого эксперимента положила конец его карьере.

Афиф Бизри, родившийся в Ливане в 1914 г., человек весьма состоятельный, участвовал в движении Рашида Гайлани в Ираке в 1941 г., затем отличился в Палестинской войне, а в 1950—1953 гг. учился в военном училище во Франции. После возвращения из Франции Бизри установил контакт с сирийскими коммунистами. Он стал быстро продвигаться: в 1955 г. он председательствовал в военном трибунале, судившем убийц полковника Малики, в начале 1957 г. стал начальником управления кадров армии, а в августе того же года был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба армии. Не скрывая своих прокоммунистических убеждений, Бизри в то же время поддерживал тесные связи с баасистами. После объединения с Египтом ему, однако, пришлось эмигрировать.

Амин Нафури — редкий пример крестьянина, простого солдата, ставшего офицером и политическим деятелем. Отличившись на военной службе, он был послан в военную академию, окончил ее и уже в 1949 г. командовал батальоном. В 1957 г. подполковник Нафури стал заместителем начальника генерального штаба, в 1958 г. он был назначен министром коммуникаций Сирийского района ОАР и был вынужден покинуть политическое поприще в 1960 г.⁴¹

Быстро становился центральной фигурой на сирийском политическом горизонте полковник Аднан Малики, лидер баасистов в армии. В 1955 г. он уже был заместителем начальника генерального штаба, и сочетание власти в армии, которую давал этот ключевой пост, с руководящим положением в непрерывно увеличивавшей свою популярность партии Баас открывало перед Малики блестящую перспективу. Но 22 апреля 1955 г. Малики был убит на стадионе в Дамаске; его застрелил сержант, член социально-национальной партии (правого направления). Началась чистка этой партии, последовали процессы, каждый из которых увеличивал влияние баасистов⁴². Генералы и полковники «первого поколения», связанные с буржуазно-помещичьей верхушкой, постепенно теряли позиции, что было особенно заметно в ходе борьбы за ключевые посты начальника генштаба и его заместителя (фактически армия была в их руках, так как министр обороны — гражданское лицо — не обладал рычагами реальной власти). В 1956 г. был вы-

нужден уйти с поста начальника генштаба генерал Шукайр, спустя год — сменивший его Низам эд-Дин, оба из «консервативной плеяды». В 1957 г., когда начальником генштаба был Бизри, его заместителем — Нафури, шефом разведки — Саррадж, «второе поколение» офицеров прочно контролировало армию. К этим именам надо прибавить уже упоминавшегося полковника генерального штаба Джамала Файсала, духовного отца офицеров-«панарабистов», и капитана Хунайди, командира мотомеханизированного батальона в Катана, вблизи Дамаска (это — тоже ключевой пост, как показывает история всех сирийских путчей; Хунайди учился с Сарраджем на одном курсе в военной академии и был его другом) ⁴³.

Не только в армии, но и в гражданских политических кругах левонационалистические силы добились гегемонии. Правительство Сабри Асали, сформированное в феврале 1955 г., занимало все более антиимпериалистическую, антихашимитскую и проегипетскую позицию. Почти сразу же после того, как Египет осенью 1955 г. получил советское оружие, был заключен пакт о взаимопомощи между Египтом и Сирией. Летом 1957 г. были созданы отряды народной обороны, после того как был раскрыт крупный заговор правых и доказаны их связи с границей. Резко обострились отношения с США и Турцией, было объявлено об угрозе нападения на Сирию, население рыло траншеи под Дамаском. Один из лидеров Баас, Салах Битар, стал министром иностранных дел, а перешедший временно — из конъюнктурных соображений — в левонационалистический лагерь Халед Азм, контролировавший в парламенте 38 голосов депутатов Демократического блока, стал министром обороны. Азм направился в Москву и заключил соглашение о предоставлении Сирии советского займа для нужд экономического развития ⁴⁴. Это усилило позиции коммунистов и Афифа Бизри. Брат Афифа, Салех Бизри, был назначен командующим силами «народной обороны», насчитывавшими около 100 тыс. человек. Саррадж, Бизри, Хаурани и Нафури стали наиболее могущественными людьми в Сирии.

Таким образом, создавалось впечатление, что левонационалистическая коалиция, ядром которой была партия Баас и в которой большой вес имели коммунисты ⁴⁵,

прочно контролирует страну, оппозиция разбита и открыт путь к созданию сильного социально-прогрессивного режима. Казалось, что и буржуазия перед лицом непрекращавшихся империалистических заговоров убедилась в необходимости сотрудничества с левыми силами как во внутреннем, так и в международном планах. По крайней мере именно так, вероятно, думали в 1957 г. сирийские коммунисты, если судить хотя бы по следующей цитате из документа ЦК КП Сирии: «Все более широкие круги буржуазии начали понимать, что только в союзе с народным движением, с одной стороны, и при опоре на социалистический лагерь, с другой — можно разорвать цепи зависимости от империализма и создать условия для экономического подъема». Жизнь не подтвердила этих оптимистических оценок. Возможностей маневрирования у буржуазии оказалось куда больше, чем представлялось на первый взгляд. В конечном счете, разумеется, эти возможности тоже оказались исчерпанными, однако до этого прошло девять лет, и, когда наконец сильный левый режим был создан, среди его руководителей уже не было ни одного из «сильных людей» 1957 г. Самое главное заключалось в том, что этот режим был создан отнюдь не на базе сотрудничества с буржуазией, которая якобы «начала понимать» необходимость союза с левыми силами, а в борьбе с ней.

Режим, контуры которого вырисовывались в 1957 г. и в процессе консолидации которого коммунисты принимали активное и искреннее участие, по своей идее должен был явиться как бы прообразом государства национальной демократии. Речь идет именно о той, первоначальной модели, в которой равноправное место среди ведущих сил отводилось национальной буржуазии. Впоследствии жизнь внесла коррективы в эту концепцию и выяснилось, что пути буржуазии и революционных сил неизбежно расходятся. Однако в 1957 г. вещи представлялись еще в другом свете. Политика сирийской компартии, направленная на создание широкой коалиции с мелкобуржуазными силами и с левым крылом буржуазии, была правильной — всякая другая политика в тех условиях была бы сектантством. Коммунисты, возможно, в то время недооценили силу националистических настроений масс, но, если бы даже они оценили ее совершенно точно, все равно они были не в состоянии изме-

нить ход процесса, который вполне закономерно привел к объединению Сирии с Египтом.

Создалась такая атмосфера, в которой никто уже не мог выступать против росшей на глазах лавины энтузиазма. Армия была захвачена общим настроением. Всерьез веря в возможность иностранной интервенции, она была рада заручиться поддержкой Египта. 13 октября в Латакию прибыли первые египетские войска во исполнение союзнических обязательств Египта, и не кто иной, как Афиф Бизри, заявил: «Сегодня достигнуто единство двух армий... с божьей помощью мы будем побеждать, пока Гамаль Абдель Насер остается вождем нашего арабского возрождения»⁴⁶. Дальнейшие события, приведшие к образованию ОАР, хорошо известны.

Период объединения Сирии с Египтом не представляется существенным для нашей темы, так как сирийской армии как самостоятельной силы в это время фактически не существовало. Несомненно, однако, что общее разочарование союзом, вызванное политическими, экономическими, психологическими факторами, коснулось и армии. К осени 1961 г. почти все слои населения и все без исключения политические силы были готовы к разрыву унии. Инициатива была проявлена правыми силами. Толчком послужило решение египетского руководства начать национализацию предприятий частного сектора в обоих районах ОАР. Текстильные фабриканты через свое доверенное лицо политикана «старой школы» Мамуна-Кузбари договорились с его родственником — подполковником Хайдаром Кузбари, служившим в гарнизоне Дмейр, в 60 км от Дамаска, о вооруженном выступлении. На рассвете 28 сентября 1961 г. Хайдар Кузбари во главе отряда из 300 человек вступил в Дамаск. Бригадир Дахман занял помещение генерального штаба и радиостанцию. Была также захвачена резиденция генерала Джамала Файсала, командующего 1-й армией ОАР (т. е. бывшей сирийской национальной армией). После 27-минутной перестрелки восставшие овладели домом маршала Амера, заместника Насера в Сирии, и привели его в пижаме в здание генштаба.

Решающим событием, определившим успех заговора, было присоединение к нему мотомеханизированного батальона в Катана, которым командовал полковник Нахлауи. После того как танки Нахлауи вошли в столицу,

командующие войсками на границе и гарнизонов, кроме гарнизона Халеба, один за другим заявили о поддержке переворота. В 7 часов утра было оглашено по радио первое коммюнике, в котором, однако, не говорилось об отделении от Египта. Шли переговоры с Амером, который согласился на автономию Сирии в рамках ОАР. Это соглашение, зафиксированное в коммюнике № 9, не было, однако, утверждено Насером, который явно недооценил размах и характер восстания и приказал высадить египетский десант в Латакии. В 17 часов было опубликовано коммюнике № 10, объявлявшее о выходе Сирии из состава ОАР. Амер и Файсал вылетели в Каир, Саррадж был арестован, гарнизон Халеба объявил о своем присоединении. В 11 час. утра 29 сентября был сформирован кабинет Кузбари, и вечером того же дня Насер заявил об отказе от применения силы для восстановления единства⁴⁷.

С позиции сегодняшнего дня переворот хунты Кузбари — Нахлауи выглядит как бесспорно реакционная акция. Но нельзя забывать, что в тот момент революционные потенции режима Насера еще только начинали проявляться, поэтому прогрессивные силы были полны радужных надежд в связи с освобождением от «фараонского правления» (так называли тогда период объединения и правые и левые). Часть населения поддержала отделение Сирии от Египта, часть встретила его с апатией.

Можно ли говорить о реакционной роли сирийской армии в 1961 г.? Ретроспективно — да, но с учетом сказанного следует отметить, что многие офицеры искренне верили, что они выполняют свой патриотический долг и служат интересам родины, обманным путем лишенной независимости. Играли роль и другие обстоятельства: во-первых, сирийские офицеры были недовольны несамостоятельной ролью, которая им отводилась, и тяготились засильем египетских инструкторов и советников. Во-вторых, — что очень важно — «второе поколение» офицеров, которое связало себя с «панарабскими» идеями, а в сфере практической политики примкнуло к Баас, к 1961 г. значительно поредело. Уже не было в армии Бизри, Сарраджа, Нафури и их последователей; многие офицеры-баасисты были уволены на пенсию после разрыва Насера с лидерами Баас. Вместо них выдвинулись

такие люди, как Кузбари, связанные с буржуазными кругами, или честолюбивые карьеристы типа Нахлауи.

После 28 сентября 1961 г. началась чистка офицеров, занимавших видные посты при насеровском режиме. Они не сдались без боя: весной 1962 г. в Халебе полковник Альуани организовал мятеж, в котором участвовали некоторые высшие офицеры периода объединения: бывший министр Музахем, полковник Маари, генерал Джарра (начальник полиции при Саррадже) и др.⁴⁸. Мятеж был подавлен: дамасское офицерство, связанное с буржуазией и опасавшееся восстановления власти Насера, взяло верх. Офицеры-насеристы (или «юнионисты») были уволены из армии.

Казалось, старое возвратилось. У власти вновь стали традиционные партии. Аграрную реформу, которую начали проводить в Сирии в период объединения, постепенно свернули, национализированные предприятия возвращали их прежним владельцам. Один из премьер-министров буржуазных кабинетов, сменявших друг друга у власти с 1961 по 1963 г., Мааруф ад-Давалиби прямо заявил, что он вышвырнет за границу всякого, кто заговорит о социальных реформах⁴⁹. Дельцы, фабриканты, помещики, политиканы, вновь окунувшиеся в родную стихию парламентских интриг, самодовольно потирали руки: еще бы — они перехитрили и египтян, и коммунистов, и баасистов. Вернулся «золотой век» буржуазной демократии.

Но это была лишь иллюзия. Сирия уже пробудилась, массы требовали перемен, отмахнуться от египетского примера было невозможно. К началу 1963 г. недовольство «традиционным» режимом стало проявляться открыто. Волновались рабочие, крестьяне требовали аграрной реформы, в армии солдаты и офицеры слушали голос каирского радио, разоблачавшего реакционную власть в Дамаске.

За годы объединения с Египтом старый порядок был поколеблен, семена реформ были посеяны и стали давать всходы.

8 февраля 1963 г. в Багдаде был свергнут генерал Касем и к власти пришла партия Баас. После этого в Сирии мало кто сомневался, что дни правительства (которое к этому времени опять возглавил Халед Азм, последняя надежда сирийской буржуазии) сочтены. Во-

прос был лишь в том, кто придет ему на смену — баасисты или юнионисты.

8 марта 1963 г. полковник Харири во главе дивизиона зенитной артиллерии, совершив бросок на грузовиках от палестинской границы, вошел в Дамаск и сверг правительство. Харири не был баасистом, он мог опереться и на сторонников воссоединения с Египтом, однако тут сыграл роль тот же страх, как бы насеристы не выслали из армии всех офицеров, служивших при «сепаратистском режиме».

Как говорят англичане, успех приносит успех, — удачный переворот в Багдаде сразу поднял шансы баасистов и в Дамаске. И новое правительство возглавил Салах Битар — «баасист № 2».

На первый взгляд переворот 8 марта 1963 г. ничем не отличался от обычных сирийских путчей, ставших уже традицией⁵⁰. Но его принципиальное отличие состояло в том, что с этого момента армия уже официально и надолго провозгласила себя верховным арбитром политической жизни страны. Власть 8 марта взял в свои руки Национальный совет революционного командования, оставшийся постоянным органом и после формирования правительства. Фактически совет и стал решающей инстанцией, от него стало зависеть назначение и смещение кабинетов.

Но переворот Харири имел и другое, еще более важное значение: вскоре была проведена самая основательная до сего времени чистка армии. Было уволено на пенсию 800 офицеров, и в основном это были офицеры-«сепаратисты», те, кого можно условно назвать «третьим поколением» сирийского офицерства, люди типа Кузбари, связанные с дамасской буржуазией, противники Насера и социальные реформ. Но заодно с ними были уволены и оставшиеся в армии юнионисты-насеристы. На смену им пришлось 900 офицеров, лояльных по отношению к Баас. Именно эти люди, в основном сыновья провинциальных разночинцев, и составили «четвертое поколение» сирийского офицерства, которому предстояло сыграть решающую роль в событиях последующих лет.

Вновь началась чехарда в руководящих кругах армии. Харири недолго оставался «сильным человеком» Сирии. Он никогда не был для баасистов «своим», и вскоре они от него избавились. Такая же судьба постиг-

ла и другого лидера переворота 8 марта, генерала Луэй аль-Атаси. После длительной борьбы власть сосредоточил в своих руках генерал Амин Хафез — военный и кадровый баасист.

Пока крутилась эта политическая карусель, Сирия являла собой удивительную картину: министры и высшие чиновники, назначенные исключительно по принципу «благонадежности», но зачастую понятия не имеющие о положении дел в стране, об экономических проблемах, интересующиеся только политическими комбинациями; офицеры, каждый из которых считал, что вскоре наступит его час и что достаточно батальона солдат и десятка броневиков, чтобы захватить власть; журналисты, гадающие, кто именно совершит следующий переворот. Заговоры, слухи о заговорах, опровержения слухов, подозрительные передвижения войск. Никто не доверяет друг другу, каждый норовит переиграть партнера; начальники пытливно всматриваются в лица подчиненных: от кого ждать удара? Возникают и тут же распадаются блоки и коалиции.

Постепенно, однако, стало ясно, что в этой нестабильности есть один стабильный фактор — гегемония партии Баас на политической арене. Характер партии, ее эволюция, приведшая ее на позиции революционной демократии, будут рассмотрены в заключительной главе, поскольку с периодом правления Баас связано становление режима иного типа.

Следующий пример — Индонезия.

Индонезийская армия, как и бирманская, родилась в ходе освободительной войны, но ее состав был сложнее. Офицерский корпус формировался из трех источников: бывшая королевская армия Голландской Индии (КНИЛ), созданная японцами в годы второй мировой войны «Армия защитников отечества» (ПЕТА) и молодые добровольцы, начавшие военную карьеру в иррегулярных формированиях в период освободительных войн (1945—1949 гг.).

КНИЛ была самым незначительным из этих трех источников, так как ее офицерский корпус в основном состоял из голландцев. Часть офицеров и сержантов КНИЛ влились в 1945 г. во вновь созданную индонезийскую армию, а несколько человек даже заняли в ней видные должности ⁵¹.

Однако большая часть подразделений КНИЛ, вновь сформированных после того, как английские и австралийские войска в конце войны освободили их личный состав из японских лагерей для военнопленных, участвовала в агрессивных войнах Голландии против республики в 1947 г. и 1948—1949 гг. Офицеры — выходцы из КНИЛ так и не избавились от настороженности и даже неприязни, с которой к ним относились офицеры, не служившие в голландской армии.

Батальоны ПЕТА, созданные японским командованием на Яве для операции против союзных войск, к концу войны насчитывали вместе с вспомогательными подразделениями свыше 60 тыс. солдат и офицеров⁵².

Ни один индонезийский офицер не занимал в них должности выше командира батальона. ПЕТА явилась важнейшим источником формирования офицерского корпуса индонезийской армии⁵³.

Третьим источником послужили лашкары — солдаты партизанских частей, созданных на базе военизированных организаций, которые были сформированы японцами из молодежи. Для того чтобы вооружить эти войска в соответствии с требованиями современной войны, у правительства уже не хватало оружия. Лашкары были в ряде случаев вооружены бамбуковыми копьями. Следует еще упомянуть «Студенческую армию» и другие нерегулярные формирования, внесшие свой вклад в освободительную войну.

Процесс создания единой национальной армии из всех разношерстных сил протекал в сложной политической обстановке. 17 августа 1945 г., накануне капитуляции, японцы разрешили провозгласить Республику Индонезия, президентом которой стал Сукарно. ПЕТА и другие инспирированные японцами организации превращались в национальные вооруженные силы, и, если бы война продолжалась, эти части, вышколенные в японском боевом духе, вне всякого сомнения, оказали бы ожесточенное сопротивление союзным войскам. Но Япония капитулировала.

Союзные войска высадились как освободители от японской оккупации, и национальное руководство надеялось, что союзники будут уважать независимость республики. Однако вслед за англичанами и австралийцами вернулись голландские колонизаторы и перспективы

независимого развития Индонезии стали вновь неясными. 3 ноября 1945 г. была разрешена деятельность политических партий, и многие партии, а также политические и религиозные группы, студенческие организации и т. п. стали действовать, опираясь на собственные вооруженные силы. Каждая крупная партия считала необходимым иметь свою «армию». Образование единой национальной армии официально относят к дню 5 октября 1945 г., когда она была провозглашена под именем «Армия народной безопасности» (ТКР). Однако многие командиры иррегулярных формирований фактически продолжали действовать самостоятельно. В стране царил неразбериха, единая власть только складывалась. Существовала выборность офицеров. Генерал Судирман был избран на должность командующего армией путем голосования. Посредством такой же процедуры полковник Насутион стал командиром 3-й дивизии на Западной Яве; его избрали командиры полков⁵⁴.

Постепенно различные военные формирования сливались в единую армию, и к началу первой голландской агрессии в 1947 г. эта армия, переименованная к этому времени в ТНИ («Тентара насионал Индонесиа» — Национальная армия Индонезии), осуществляла эффективный контроль на территории республики. Экономическая слабость государства привела к тому, что армия существовала на основе самоснабжения. Командиры дивизий и полков сами изыскивали способы обеспечения своих частей всем необходимым. «Хозяйственным способом» строились казармы, самостоятельно решались финансовые, продовольственные, квартирмейстерские проблемы; некоторые командиры, почувствовавшие «вкус» к хозяйственной деятельности, занялись торговлей, создавали своеобразные военно-экономические компании, расхищали государственное имущество, не брезговали контрабандой. Экономическая независимость армии порождала тенденции к общей самостоятельности, автономности вооруженных сил, прививала военным навыки хозяйственной деятельности, с самого начала приучала их к выполнению функций, выходящих за рамки обычных воинских обязанностей.

События 1947—1949 гг. (первая и вторая голландская агрессия, а также Мадунские события) сделали из армии не только самостоятельную экономическую, но и

административную силу. Гражданская администрация практически была либо упразднена, либо слита с военной и, по существу, подчинена ей; особенно это относится к периоду второй голландской агрессии, когда большая часть территории республики была оккупирована голландской армией. Командование ТНИ выполняло функции партизанского правительства. Когда после Мадунских событий на Яве было введено военное положение, все органы государственной власти оказались под контролем военной администрации.

К этому времени в ТНИ уже сформировалась ведущая группировка, состоявшая преимущественно из бывших средних и младших офицеров ПЕТА и представителей молодого офицерства, пришедшего в армию в ходе борьбы против голландских колонизаторов. «Первое поколение», состоявшее из старших офицеров КНИЛ и ПЕТА, утратило влияние (за исключением генерала Судирмана, бывшего батальонного командира ПЕТА, занимавшего должность главнокомандующего вооруженными силами вплоть до своей смерти в 1950 г.). Соперничество между выходцами из КНИЛ и ПЕТА с течением времени прекратилось.

Подводя итоги периода становления индонезийской армии, можно сказать, что уже тогда проявились некоторые характерные черты, определившие впоследствии ее облик.

Во-первых, речь идет об обусловленной самими особенностями возникновения ТНИ концепции армии как политической, революционной силы. Офицерский корпус ТНИ с самого начала рассматривал себя не как профессиональную корпорацию, а как силу, призванную завоевать и защитить независимость, а следовательно, в понимании военных — революцию. Поскольку в Индонезии, как и во многих других странах Азии и Африки, понятие «национально-освободительная борьба» и понятие «революция» были тождественны, каждый участник этой борьбы, а тем более тот, кто боролся с оружием в руках, считал себя революционером. В индонезийской армии уже с того времени культивируется представление о революционной, политической функции вооруженных сил, о их особом месте в государстве.

Во-вторых, широкие административные полномочия и хозяйственная самостоятельность армии, вызванные

условиями военного времени, объективно способствовали превращению армии в более или менее автономный организм, обеспечили ей особое место в системе государственной власти.

Все это уже тогда подготовило почву для превращения индонезийской армии в политическую силу.

В 1949—1952 гг. правительства Натсира и Сукимана, которые вслед за Хаттой представляли в основном интересы буржуазных групп (яванской или суматрской), предприняли реорганизацию армии. В этом им помогали полковник Суматупанг, исполнявший обязанности начальника штаба вооруженных сил, и генерал Насутион, ставший начальником штаба сухопутных сил. Реорганизация (вернее, упорядочение) была вызвана несколькими причинами. Война кончилась, гражданские политики хотели сделать из армии «нормальный инструмент» в руках государства. Реакционные буржуазные политики, стоявшие у власти, стремились укрепить систему, которую позже в Индонезии стали называть «либеральной демократией». В этой системе буржуазного парламентаризма для армии как политической силы не было места.

Военные лидеры использовали реорганизацию в своих интересах. Им надо было окончательно покончить с остатками партизанщины в армии, местничества, с тенденцией к усилению власти полуавтономных региональных военных командиров и создать централизованную и дисциплинированную армию, современные профессиональные вооруженные силы, сократить их численность, но улучшить качество. При этом, подчеркивает автор одной из наиболее серьезных работ по новейшей истории Индонезии Г. Фит, военные лидеры отнюдь не собирались «деполитизировать» армию, а, напротив, хотели сделать ее более эффективным и надежным инструментом давления, которое им пришлось бы в случае необходимости оказывать на гражданскую власть⁵⁵.

Но важнейшей причиной «реорганизации» было намерение буржуазно-консервативных кругов во главе с Хаттой избавиться от левых офицеров, которых было много в армии, возникшей как орудие освободительной революции и поэтому, естественно, привлекавшей к себе демократические элементы. Реорганизация явилась первой крупной чисткой левых в ТНИ.

Но в офицерском корпусе ТНИ не было единства, и в то время его не могло быть: слишком недавно сложилась армия, и слишком разнородны были источники ее формирования. В октябре 1952 г. открыто разразился давно назревавший конфликт между Сукарно (которого поддержал парламент) и весьма влиятельной частью военного руководства во главе с Насутионом. В этом конфликте, кульминационным пунктом которого явились драматические события 17 октября, когда президент подвергся последовательному давлению взбунтовавшейся толпы и военных, требовавших роспуска парламента, офицерство оказалось расколотым. Сукарно магической силой своего красноречия утихомирил толпу, а затем отверг требования «антипарламентской» группировки офицеров.

Насутион проиграл этот раунд и спустя менее чем два месяца был уволен со своего военного поста; отсутствие единства среди офицеров было продемонстрировано вполне явно. Армии еще было не под силу бороться с президентом.

Наступил период временного ослабления политического влияния армии. Расколотое событиями 17 октября 1952 г., офицерство не могло оказывать прежнего воздействия на политическую жизнь. Это сказалось на административном статусе офицеров. «Так, полковой командир, который раньше занимал второе место в местной иерархии (только у главы местной администрации был автомобиль более современной модели), теперь мог оказаться на пятом месте, пропустив вперед себя того или другого высшего гражданского чиновника или же, как почти всегда и было, влиятельных местных партийных лидеров»⁵⁶. Военные жаловались, что правительство отпускает недостаточно средств на нужды армии.

Осознав, что интересы армии как корпорации могут быть обеспечены лишь восстановлением единства, офицеры решили покончить с расколом, ослабившим их влияние. В феврале 1955 г. в Джокьякарте состоялась встреча 289 высших офицеров разных группировок. Офицеры отправились на могилы генералов Судирмана и Урипа — военных лидеров времен освободительной борьбы — и провозгласили декларацию, в которой говорилось: «Мы еще не можем принести вам воплощение вашей мечты о свободной, процветающей, мирной Индонезии. Но мы

обещаем идти путем, проложенным величием ваших душ, вашим великим самопожертвованием, и заботливо оберегать ваше наследие»⁵⁷. На торжественной церемонии были принята «Хартия единства», или «Хартия Джокьякарты», символизировавшая сплоченность офицерского корпуса и выражавшая его твердое намерение пресекать вмешательство гражданских властей во внутренние дела военных.

Случай проверить истинную ценность этого намерения вскоре представился В мае 1955 г. кабинет, возглавлявшийся Али Састроамиджой, назначил начальником штаба ТНИ вместо ушедшего в отставку генерала Сугенга полковника Утойо — фигуру, которую высшие офицеры сочли неприемлемой. 27 июня 1955 г., в день, когда Утойо должен был официально вступить в должность, офицеры по приказу исполнявшего обязанности начальника штаба генерала Лубиса бойкотировали церемонию. Лубис направил правительству письмо, в котором отказался сдать дела полковнику Утойо. При этом Лубис указал, что его поддерживают все командующие на местах.

Это был беспрецедентный вызов правительству со стороны военных, вопиющее нарушение законности и порядка в государстве. Все теперь зависело от солидарности офицеров. Командующие территориальными войсками собрались 2 июля в Джакарте и поддержали Лубиса, а на следующий день собрание Ассоциации индонезийских офицеров потребовало отмены назначения Утойо. 24 июля кабинет Састроамиджой пал. 27 октября Насутион был назначен начальником штаба⁵⁸.

По оценке Паукера, «27 июня 1955 г. может рассматриваться как черта, отделяющая период, когда армия в основном лишь сопротивлялась вмешательству политиков в ее внутренние дела, от периода, когда она начала играть активную роль в политике»⁵⁹. Впервые заставив правительство отступить в открытом конфликте, армия почувствовала свою силу и отстояла право определять состав своего руководства. Это подрывало основные принципы нормальных взаимоотношений между государственной властью и армией. Стоило однажды их безнаказанно нарушить — прежний (хотя и более слабый, чем в других странах) контроль правительства над армией был, по существу, утерян. Армия не только восстано-

вила свои позиции, значительно ослабевшие после 17 октября 1952 г., но и превратилась в мощное орудие давления на правительство.

Армия «добилась беспрецедентного политического триумфа... Идти ли ей дальше и, опираясь на завоеванный плацдарм, начать крупное вторжение в сферу гражданской политики? Некоторые высшие офицеры, очевидно, уже рассматривали возможность военной диктатуры, но большинство офицеров воспротивились взятию власти в момент, когда должны были состояться выборы»⁶⁰. Всеобщие выборы были назначены на сентябрь 1955 г.

Чем были недовольны офицеры и в чем они усматривали возможность установления военной власти? Фит и Паукер считают, что прежде всего негодование армии вызвал резкий рост коррупции, связанный как с разложением государственного аппарата и верхушки политических партий, так и с ухудшившимся экономическим положением, бешеной инфляцией, ростом стоимости жизни. Действительно, буржуазные правительства способствовали созданию атмосферы, в которой коррупция достигла небывалого расцвета. По мере роста инфляции, падения реальной заработной платы, неуклонного ухудшения экономического положения страны росла коррупция непрерывно увеличивавшейся армии чиновников. Бывший премьер-министр Халим писал в открытом письме президенту, что месячной заработной платы государственных служащих хватает лишь на две недели, максимум на 20 дней⁶¹. Падал авторитет правительства, бесконечная грызня буржуазных партий дискредитировала политическую систему. Единственной партией, престиж которой на этом неприглядном фоне непрерывно рос, была коммунистическая партия: если в 1952 г. она насчитывала в своих рядах около 8 тыс. человек, то к концу 1954 г. число членов партии достигло 500 тыс.⁶².

Это обстоятельство также беспокоило значительную часть офицеров, видевших, как компартия превращается в грозную силу, и опасавшихся, что рано или поздно коммунисты смогут, используя провал буржуазных партий, добиться доминирующего положения в стране.

Весной 1956 г. было образовано левое правительство во главе с Али Састроамиджой. Никакого улучшения тяжелой экономической ситуации не последовало, но в действиях правительства значительно сильнее, чем преж-

де, зазвучали антиимпериалистические ноты, были созданы благоприятные условия для деятельности левых сил, активизировались народные массы. В этой обстановке праворадикальное крыло офицерства открыто встало в оппозицию к правительству, видя в нем не только олицетворение бесхозяйственности, коррупции и бесплодных партийных распрей, но и опасного потворщика коммунистам и близким к ним силам. Возглавлял его полковник Лубис, которого американский ученый, специалист по проблемам Индонезии Ван дер Круф охарактеризовал следующим образом: «Фанатичный антикоммунист, состоящий в родстве с аристократическими индонезийскими семьями, полковник Лубис представляет патерналистско-авторитарное течение»⁶³.

15 ноября 1956 г. Лубис неудачно пытался совершить государственный переворот. Большая часть офицерства не поддержала его не только потому, что он не пользовался достаточным авторитетом, чтобы претендовать на роль военного диктатора, но главным образом потому, что сама идея переворота, свержения гражданского правительства и установления военной диктатуры в то время не нашла отклика среди индонезийских военных.

Причины этого не так просто выяснить. Так, Паукер считает, что индонезийские офицеры даже в относительно благоприятной для переворота объективной ситуации отказались идти на этот шаг, во-первых, потому, что хронические внутренние разногласия подорвали их уверенность в себе, и, во-вторых, потому, что в них силен «бапакизм» (от слова «бапак» — отец), традиционное индонезийское почитание старших. Нежелание офицеров выступить против Сукарно Паукер объясняет частично тем, что для них было бы «позором выступать против отца, являвшегося символом государства»⁶⁴.

Отсутствие единства среди офицерства в рассматриваемый период, равно как и личное соперничество между Насутионом, Лубисом и другими, — факт бесспорный, но он может служить лишь частичным объяснением, так же как и «бапакизм» (который не помешал офицерам выступить против Сукарно в 1966—1967 гг.). Думается, что «непутчистский» характер индонезийского офицерства связан по крайней мере еще с двумя факторами.

Армия, родившаяся вместе с республикой, не могла

относиться к государственной власти (которую она если и не создала, то отстояла) как к чему-то чуждому. Ситуация была иной, чем в Египте, Ираке и Сирии, где армия выступала против старой элиты, связанной с империализмом. С самого начала армия рассматривала себя как политическую и государственную силу, как часть сложившейся системы, в рамках которой она могла укреплять свое влияние и добиваться привилегий, не прибегая к перевороту. Эта система в общем ее устраивала, и армия опрокинула ее тогда, когда осознала, что эволюция системы угрожает ее интересам.

Насутион, влияние которого в армии непрерывно росло, понимал, что в условиях конца 50-х годов переворот создал бы больше новых проблем, чем разрешил старых. Индонезийское офицерство действительно отличалось «неуверенностью», как пишет Паукер, но это была лишь неуверенность от того, что оно не знало, улучшит ли переворот ее положение. Эта неуверенность была обратной стороной уверенности, что в рамках существовавшей системы армия сумеет добиться чего она хочет, без прямой военной диктатуры.

Бирманская армия тоже родилась в ходе освободительной борьбы и тоже столкнулась с несостоятельностью гражданского режима, но она поступила иначе, чем индонезийская. Это можно объяснить тем, что во главе бирманской армии стоял профессиональный революционер, а также тем, что в Бирме не было такого «харизматического лидера», как Сукарно. Тот факт, что даже после того, как Сукарно серьезно скомпрометировал себя во время событий 30 сентября 1965 г., армии понадобилось полтора года, чтобы убрать его, говорит о масштабе влияния президента. В середине 50-х годов подобная попытка имела бы мало шансов на успех. Насутион, возглавлявший тогда «умеренную фракцию», бесспорно, это понимал.

Но экстремистская фракция, пошедшая за Лубисом, рассуждала иначе. Она тоже, как и фракция Насутиона, была против коммунистов и против системы парламентской «либеральной демократии», но не рассчитывала на мирную трансформацию режима. В этом смысле различие между фракциями было скорее тактическим — принципиальных разногласий не было, и не случайно после подавления мятежей борьба закончилась примирением.

Постепенно почти все эти фракции стали спланиваться на антикоммунистической платформе.

Отчетливый антикоммунистический подтекст всегда сквозил в высказываниях Насутиона и других военных лидеров. Но точно так же, как в Египте, Алжире, Сирии и других африканских и азиатских странах, антикоммунизм офицерства всегда был направлен против местных коммунистов, но не против «международного коммунизма» и социалистических стран.

Один из источников антикоммунизма военных связан с конкретной политической борьбой.

Даже те офицеры, которые по своему общественному уровню могли подняться выше распространенных антикоммунистических предубеждений, являлись частью военной корпорации, ставшей серьезной политической силой. Эта корпорация в соответствии с доктриной Насутиона заняла ключевые позиции в различных сферах государственной и общественной жизни. Вряд ли армия стремилась к тому, чтобы управлять государством и установить военную диктатуру, но в любом случае ее устраивала система, которая сохраняла за ней ведущее положение и обеспечивала ей привилегии. Для большинства офицеров речь шла о привилегиях власти, о возможности руководить и распоряжаться, о социальном статусе, престиже и авторитете. Но и для них были не безразличны материальные льготы, которыми они пользовались. Часть же офицеров думала прежде всего о материальной стороне дела и использовала свое положение в гражданской жизни для личного обогащения⁶⁵. После национализации голландских предприятий возник новый сектор экономики, ставший, по существу, вотчиной военных. Офицеры вошли во все важные организации, вплоть до государственных торговых компаний.

Насутион, зная, что рано или поздно военное положение будет отменено, заблаговременно перевел на пенсию сотни офицеров (только в 1959 г. около 300 человек), которые заняли должности прежде всего в национализированном секторе. Формально не военнослужащие, они фактически были опорой военного руководства в гражданской жизни. Многие офицеры на действительной службе, видя пример ушедших на пенсию, предвкушали такую же солидную карьеру и для себя. Когда КПИ выступила в 1960 г. против бюрократ-

тической буржуазии, прямо обвинив при этом военных (о чем будет сказано дальше), значительная часть офицерства почувствовала в этом непосредственную угрозу своим перспективам.

Как правильно отмечает Д. Лев, «статут функциональной группы дал армии рудиментарную форму политической организации, обеспечив ей базу для участия в политической жизни независимо от чрезвычайного положения»⁶⁶. Бесспорно, сам по себе этот статут функциональной группы мог быть завоеван лишь на базе укрепления позиций армии в результате введения чрезвычайного положения.

Шел процесс окончательного превращения армии в политическую, государственную силу. Армия выросла в систему. Как пишет Д. Лев, «элита армии была интегрирована в политическую структуру государства и была удовлетворена. Мало что оставалось недоступным для нее, если говорить о политической власти, экономических привилегиях и социальном престиже, сопутствующем политическому и экономическому влиянию... Многие офицеры фактически влились в национальную элиту, усвоили ее качества, хорошие и плохие»⁶⁷.

Паукер оценивает эволюцию армии следующим образом: «Группа молодых революционеров, отличавшихся скромностью, духом самоотречения и стремлением к достижению всеобщего равенства, взявшаяся за оружие и надевшая мундиры во имя националистического идеала, превращается в средних лет милитаристов, пользующихся привилегиями должности, статуса и власти. После долгих лет ограничения, когда повышения в чинах производились медленно... офицеры сейчас быстро продвигаются по служебной лестнице, на них сыплются льготы и привилегии... Революционный офицерский корпус Индонезии превращается в милитаристскую элиту. Он контролирует страну или по крайней мере участвует в управлении ею не во имя выполнения миссии и достижения идеала, а ради корыстных преимуществ, как псевдополитическая партия, постепенно устраняющая другие политические партии»⁶⁸.

Для этой милитаристско-бюрократической элиты существование сильной, популярной и укрепляющей свои позиции в государственной системе политической партии, каковой была КПИ, представляло непосредственную

угрозу. Действовал инстинкт самосохранения; можно предположить, что, если бы не КПИ, а какая-либо другая, столь же активная массовая партия была опорой президента и имела шансы стать гегемоном на политической арене, армия также рассматривала бы ее как силу, которую необходимо устранить. Однако главным фактором была все же, наряду со стремлением уничтожить конкурирующую политическую силу, идеологическая вражда. В целом значительная часть офицерства опасалась, что если КПИ станет господствующей силой в стране, политическим и материальным привилегиям армии придет конец. Многие офицеры, особенно высокопоставленные, не сомневались, что в лучшем случае их уволят и заменят офицерами-коммунистами.

Но была и еще одна причина роста враждебности армии по отношению к КПИ. Она связана с конкретной общеполитической ситуацией, с позицией и политикой как компартии, так и президента Сукарно. Эта причина ускорила подготовку армии к расправе с КПИ, ускорила цепь событий, кульминационным пунктом которых стал открытый конфликт 30 сентября 1965 г.

Сукарновская система «направляемой демократии» была не в состоянии добиться экономического подъема страны прежде всего потому, что опора и стержень этой системы — бюрократическая буржуазия не была заинтересована в этом. Только в условиях разрухи, бесхозяйственности и дезорганизации экономики эта прослойка могла спокойно паразитировать и обогащаться за счет государства. Оздоровление экономики, упорядочение финансов, стабилизация курса рупии, установление разумной и строгой системы экономии средств, экономии валюты, ограничения импорта⁶⁹, реалистичного планирования и т. п. могли бы очистить мутную воду, в которой ловила рыбу новая буржуазия. Существовавшее хаотическое положение было в ее интересах, и поэтому политика великодержавной игры, внешнеполитических авантюр, отвлекавшая внимание народа и ослаблявшая хозяйство, была как нельзя более выгодна для нее.

Система покоилась на националистической демагогии и дезорганизации экономики — двух главных условиях ее существования. Поэтому, несмотря на прогрессивную антиимпериалистическую позицию Сукарно в международном плане и на его сочувственное и дружелюбное

отношение к левым силам внутри страны, в целом его система с точки зрения развития индонезийского общества оказалась бесплодной.

Тем большего сожаления заслуживает то, что одной из органических частей этой системы постепенно становилась Коммунистическая партия Индонезии, начинавшая свою деятельность и завоевавшая огромный авторитет как наиболее стойкий и верный защитник национальных интересов, как пламенный борец за народное дело.

Речь идет, разумеется, не о партии в целом, а о той «узкой группе из состава руководства партии», которая, как отмечалось в «Правде», «отошла от учения марксизма-ленинизма», приняла на вооружение идеи Мао Цзэ-дуна, которые «ослабили идейное и организационное влияние партии в массах, практически свели на нет ее сопротивляемость перед лицом объединенного наступления антикоммунистических сил»⁷⁰.

Главной опорой КПИ было крестьянство, но подлинную, боевую поддержку крестьянство могло оказать лишь такой партии, которая, не ограничиваясь фразами и лозунгами, действительно повлияла бы на ход аграрной реформы, на деле развернула бы эффективную борьбу за ликвидацию засилья помещиков и ростовщиков. Однако КПИ не могла этого сделать: проведение аграрной реформы нельзя рассматривать изолированно от общего положения в стране. Речь шла не о злоупотреблениях и нечестности отдельных чиновников, а об органических пороках всей системы, при которой никто не был заинтересован в решительном ударе по сельским эксплуататорам, поскольку они были тесно связаны со всей огромной паразитической ордой, грабившей народное добро.

Эффективные и радикальные преобразования в деревне могли быть осуществлены лишь силами, способными изменить всю систему доверху, развернуть глубокую социальную революцию. Но как могла это сделать партия, руководство которой вросло в систему «напрягаемой демократии»? Сукарно, — а он уже давно перестал и думать о глубоких внутренних преобразованиях — увлекся великодержавными проектами, все глубже попадал в зависимость от буржуазно-бюрократической элиты, противившейся всяким серьезным переменам.

Авторитет КПИ среди крестьян неминуемо должен был начать падать.

Айдит добился, что партия стала одной из главных политических сил режима, но беда была в том, что режим все больше обнаруживал свою гнилость и несостоятельность. Он держался в основном на личности Сукарно; все, что стояло «ниже», стремительно теряло авторитет, в том числе и компартия.

«Руководство КПИ, — отмечал журнал „Коммунист“, — плелось в хвосте у Сукарно... постепенно утрачивало классовые позиции, по существу, становилось на путь беспринципного союза с буржуазией»⁷¹.

Упомянем также о сближении КПИ с КПК. Этот вопрос выходит за рамки рассматриваемой темы, но необходимо подчеркнуть, что, солидаризовавшись с линией китайского руководства в международном коммунистическом движении (что, впрочем, соответствовало государственной политике Сукарно), компартия Индонезии не только подорвала свои позиции во внешнем плане, отказалась от помощи и совета своих искренних друзей, но и ослабила свое положение внутри Индонезии, где китайцы (с которыми ассоциировалось представление о ростовщиках-эксплуататорах) были крайне непопулярны.

Как пишет А. Ю. Юрьев, «влияние маоизма на КПИ привело к тому, что руководители партии не сумели увидеть за антиимпериалистическими лозунгами государственной власти классовое перерождение „направляемой демократии“»⁷².

Своеобразие положения КПИ в системе Сукарно заключалось в том, что, хотя она, будучи марксистской партией, не могла не критиковать паразитическую прослойку, присваивавшую богатства страны, эту борьбу КПИ могла вести вполсилы, как бы сражаясь одной рукой, в то время как другая рука связана. Священная особа президента была вне критики. Создалось парадоксальное положение. Поддерживая Сукарно, КПИ укрепляла систему, против которой выступала.

Резко обвиняя бюрократических капиталистов, указывая на реакционный характер политики правительства, половинчатость реформ, невыполнение планов экономического развития, на черепаши темпы проведения аграрной реформы и т. п., коммунисты в то же время всячески поддерживали и превозносили Сукарно, как будто бы не

он нес главную ответственность за политику правительства. Все требования перемен, реорганизации кабинета, принятия решительных мер против реакции и т. п. адресовались неизвестно кому. Подобная критика, естественно, не могла быть по-настоящему действенной, но она вызывала раздражение тех, кто был ее объектом. В первую очередь это касалось армии; немалая часть офицеров входила в состав той самой бюрократической буржуазии, которую критиковала КПИ.

Важной вехой на пути ухудшения отношений между армией и КПИ было заявление Политбюро КПИ от 8 июля 1960 г. Имея в виду результаты управления бывшими голландскими предприятиями, взятыми под контроль военной администрации, Политбюро заявило: «Трудящиеся массы надеялись, что передача предприятий будет использована для того, чтобы служить интересам народа и улучшить условия жизни трудящихся. Эти надежды абсолютно не оправдались. Факт, что данные предприятия были поставлены под контроль определенных групп, которые относились к рабочим еще хуже, чем иностранные хозяева.

Влиятельные элементы этих групп консолидировались в буржуазную группу, которая контролировала государственный аппарат и использовала его в своих материальных интересах; из этих элементов образовались бюрократические капиталисты, которые угнетали как рабочий класс, так и национальную буржуазию и стали той средой, которая создала империалистам благоприятные условия для осуществления своей политики эксплуатации и грабежа»⁷³.

Это был прямой вызов военной верхушке. КПИ открыто осудила министров обороны, труда и иностранных дел, которые, будучи военными, входили в правительство. Партия объясняла затяжку с подавлением контрреволюционных мятежей тем, что лица, «ответственные за безопасность (иными словами, руководители вооруженных сил. — Г. М.), тратили энергию не столько на борьбу с мятежниками, сколько на подавление прогрессивных демократических движений, считая своей важнейшей задачей борьбу против народа и КПИ».

Военные, превратившиеся в бюрократических капиталистов, были названы в заявлении частью класса компрадоров⁷⁴.

Реакция военных была быстрой и резкой. Группа солдат, прибывших на джипе, окружила дом одного из секретарей ЦК КПИ, Сакирмана, и похитила его на несколько дней. 18 июля генерал Насутион заявил, что «политика правительства Индонезии пользуется поддержкой большинства народа и не признается лишь меньшинством, включая мятежников и коммунистическую партию»⁷⁵. На следующий день по приказу Насутиона все члены Политбюро КПИ были вызваны военными властями Джакарты, чтобы дать объяснения по поводу заявления 8 июля.

Это был первый серьезный открытый конфликт между армией и КПИ. Сукарно удалось его замять, но с этого момента стало ясно, что на политической арене Индонезии, готовясь к решающей борьбе, противостоят друг другу две крупные силы.

В сентябре 1960 г. командующие территориальными соединениями на основании закона о чрезвычайном положении начали запрещать местные организации КПИ. Сукарно пришлось вмешаться и созвать специальное совещание всех администраторов. На этом совещании президент взял КПИ под защиту и осудил антикоммунизм. Насутион молчал, понимая, что бросать вызов президенту бессмысленно, во всяком случае преждевременно. Примерно тогда же, пользуясь тем, что Сукарно выехал за границу, часть высших офицеров настаивала на взятии власти. Это были территориальные командующие и начальник военной разведки — наиболее антикоммунистически настроенные офицеры, незадолго до этого ставшие инициаторами создания совместно с Машуми и другими правыми партиями так называемой Демократической лиги, не скрывавшей своей враждебности к КПИ. Насутион с присущей ему осторожностью не поддержал эту линию действий. Вернувшись, Сукарно распустил Демократическую лигу⁷⁶.

Насутион начал борьбу с КПИ с другого конца: в соответствии со своей концепцией он решил прежде всего завершить превращение армии в политическую и социальную силу в полном смысле слова. Для этого надо было привлечь на свою сторону массы. Армия пыталась взять под контроль Национальный фронт и организации «функциональных групп», но это оказалось весьма трудным делом. Тем не менее работа среди «функциональ-

ных групп» продолжалась. Так, например, армия создала конкурирующую с СОБСИ корпоративную организацию в промышленности — СОКСИ⁷⁷.

Однако главные усилия в социальном плане ТНИ прилагала не в городе, а в деревне. Американский корреспондент приводил слова одного полковника: «В деревне мы совершили революцию и победили голландцев. И именно здесь мы должны победить коммунистов»⁷⁸.

Задача армии облегчалась тем, что население уже было знакомо с ней как с общественной и хозяйственной организацией. Насутион давно разработал доктрины «территориальной войны» и «гражданской миссии» армии. Доктрина «территориальной войны» основывалась на опыте сопротивления голландской агрессии; суть ее заключалась в рассредоточении вооруженных сил и организации отпора врагу в сельской местности совместно с крестьянами, причем армейское руководство руководило одновременно военной, административной и хозяйственной сферами. Насутион, руководивший войной против голландцев на Яве, ввел и проверил эту систему партизанской войны, что положило начало контакту ТНИ с крестьянством. После введения чрезвычайного положения армейские командиры стали главными людьми на местах. Армия смещала деревенских старост, готовила администраторов, созывала представителей местных властей на специальные совещания — своего рода курсы политической подготовки.

Все это создало условия для создания целой системы участия армии в гражданской жизни. Эта система получила название «гражданской миссии» (civil mission). Она начала действовать в 1962 г., когда встал вопрос о том, что делать с огромной армией, созданной для вторжения на Западный Ириан. Голландцы согласились передать эту территорию временной администрации ООН 1 октября 1962 г., но подобный исход предвиделся уже значительно раньше, и правительство стало обсуждать упомянутую проблему. Демобилизация десятков тысяч солдат вызвала бы большие трудности и могла привести к серьезным волнениям, так как не было возможности обеспечить их работой. Было решено создать своего рода «трудовую армию». Еще до окончания конфликта, 22 июня 1962 г., Насутион заявил: «Как только эта долгая кампания закончится, вооруженные силы должны

будут заниматься более производительными задачами. Пусть же войска обратят внимание не на оборону и обеспечение безопасности, а сконцентрируются на строительстве социализма в нашей прекрасной стране»⁷⁹.

Политический смысл «гражданской миссии» не вызывал сомнений. Это была, как правильно отмечал Д. Лев, «попытка армии вступить в соревнование с КПИ на поприще работы с массами»⁸⁰.

Офицеры и сержанты проходили специальные курсы, длившиеся от 10 до 15 недель. На курсах изучались такие предметы, как организация административного управления в сельской местности, сельское хозяйство, здравоохранение, основы партизанской войны и «наука информации», которую американский журналист характеризует как «антикоммунистическую пропаганду в сильных дозах»⁸¹.

«В деревнях на Западной Яве лейтенанты учат крестьян грамоте с помощью больших карточек с буквами, а сержанты показывают домашним хозяйкам, как очищать воду»⁸². Одной из первых включилась в «гражданскую миссию» отборная дивизия «Силиванги» во главе с генералом Аджи.

Официально «гражданская миссия» армии была оформлена президентским декретом № 371 от 1962 г., гласившим: «Соединения вооруженных сил будут использованы для осуществления правительственных проектов в области производства и распределения»⁸³.

Комплекс мероприятий, осуществлявшихся армией в рамках этого декрета и в порядке выполнения «гражданской миссии», получил название «Операция Карья» (карья означает «труд»). По данным Насутиона, к 1964 г. были проведены следующие мероприятия: возвращено беженцев — 389 тыс. человек, построено 10 773 дома, построено или отремонтировано 524 школьных здания, 928 мостов, 2201 км дорог, 103 поликлиники, 402 плотины, 102 канала, осушена площадь в 290 кв. км, возделано под посадки риса 29 тыс. га земли, на земляных работах вырыто 80 тыс. куб. м грунта, распределено около 3 тыс. голов скота и т. п. В различных районах страны воинские части осваивали целинные и засушливые земли, возделывали рисовые поля, боролись с вредителями растений, распределяли среди крестьян продовольствие и семена, помогали в строительстве промышленных пред-

приятый, ремонте посадочных площадок аэродромов и т. п.⁸⁴.

Армия располагала большим собственным хозяйством и финансовыми ресурсами независимо от бюджетных ассигнований на ее нужды. Она самостоятельно совершала крупные деловые операции. Дивизия «Силиванги», расквартированная в районе Бандунга, имела свои каучуковые плантации и непосредственно продавала на иностранных рынках каучук и пряности, самостоятельно импортируя сырье и запасные части для своих мастерских. Такие же операции осуществляло военное командование на Суматре⁸⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что к середине 60-х годов индонезийская армия превратилась в крупнейшую в стране организованную политическую и экономическую силу, в гигантский самодовлеющий механизм, в общественную корпорацию, распространившую активность на все сферы жизни страны. «Эволюция индонезийской армии как политической организации, — справедливо писал Д. Лев, — уникальна»⁸⁶. Действуя в условиях не гражданского режима, а военной диктатуры, армия добилась такого веса и влияния в жизни государства, какими не обладала почти ни одна армия в мире, за исключением, может быть, таких стран, как Бирма, Бразилия. Во многих странах «третьего мира» армия непосредственно стоит у власти, но ее господство носит характер верхушечной военной диктатуры. В ряде стран она выступает как арбитр в момент национального кризиса. В Индонезии армия до 1966 г. не устанавливала военной диктатуры и не свергала правительства, но ее роль и влияние были неизмеримо глубже, так как она укоренилась в обществе, вплелась в социальную структуру.

Как бывает свойственно корпорациям, достигшим влияния и привилегий, армия в Индонезии стала заботиться в первую очередь о самосохранении, закреплении своих льгот, сохранении статус-кво. Нарушить его, опрокинуть сложившийся порядок реально могла лишь одна сила — КПИ. Пока она существовала как влиятельная партия, армейская верхушка не могла чувствовать себя в безопасности.

Как уже говорилось, эта причина наряду с другой, идейно-психологической, объясняла неуклонно возраста-

шую враждебность армии по отношению к КПИ. Но это еще не все.

До сих пор мы рассматривали армию как нечто цельное. На самом деле положение было несколько иное. В армии существовало личное соперничество среди высших офицеров (так, в последние годы Сукарно, используя честолюбивые устремления генерала Яни, продвигал его в ущерб Насутиону и назначил командующим сухопутной армией), были различные группировки, между которыми имелись политические расхождения. В военно-воздушных силах, которыми командовал близкий к коммунистам Омар Дани, было много офицеров левых убеждений; ряд офицеров-летчиков были связаны с КПИ. Но даже основное ядро офицерства, настроенное антикоммунистически, не было монолитным. Существовали различные причины антикоммунизма офицеров. Часть офицерства действительно слилась с бюрократической буржуазией, коррумпировалась и видела в коммунистах только силу, угрожавшую их привилегиям и материальным интересам. Другая часть опасалась главным образом того, что гегемония коммунистов будет означать конец их личной карьеры, как и падение роли армии вообще. Часть офицеров, близкая к правым мусульманским организациям, разделяла их предубеждение против коммунистов.

В начале 60-х годов КПИ выдвинула два требования: сформировать кабинет НАСАКОМа⁸⁷ и провести всеобщие выборы. В докладе на VII съезде КПИ (1962 г.)⁸⁸ Айдит заявил, что это основные требования партии. Кабинет НАСАКОМа означал включение коммунистов в правительство «на полных правах» (а не на второстепенных постах в общем «большом» кабинете, как это сделал Сукарно). Это требование было выгодно Сукарно: потом он всегда использовал его для шантажа армии. Насутион впоследствии утверждал, что, когда он предупредил президента о растущей угрозе со стороны КПИ, тот обвинил его в том, что он болен ненавистью к коммунистам. Насутион также заявил, что Сукарно «блокировал» кампанию против продажных министров.

Еще в своей традиционной речи 17 августа 1961 г. Сукарно весьма недвусмысленно предупредил армию: «Не вооруженные силы, не винтовка направляют Манипол, а Манипол направляет вооруженные силы и винтов-

ку! Не переворачивайте этот принцип, не ставьте его с ног на голову! Переворачивать его — значит уклоняться в сторону фашизма»⁸⁹.

В 1965 г. КПИ выдвинула два требования: провести «насакомизацию» армии и сформировать «пятую силу» (т. е. вооруженную народную милицию в дополнение к существующим трем родам войск — армии, флоту, ВВС и полиции). «Насакомизация» армии означала назначение в армейские части политических комиссаров, по всей видимости из числа коммунистов. Сукарно одобрил принцип «насакомизации» армии.

Наступил критический момент. Столкновение двух сторон неумолимо приближалось. Легко понять, чем были вызваны требования КПИ: чувствуя нарастающую угрозу со стороны армии, коммунисты решили обезопасить себя от возможности второго Маджуна самым естественным и логичным способом — заняв важные позиции внутри самой армии и образовав в качестве противовеса ей и «подстраховки» гражданские вооруженные формирования под своим контролем. Понятно, с другой стороны, что военная верхушка была крайне встревожена требованиями «насакомизации» армии: это был, как отмечает Доммен, «вопрос жизни или смерти для армии как независимой политической силы»⁹⁰.

Все с нетерпением ждали реакции Сукарно. Приближалась дата 17 августа — национальный праздник, по традиции отмечаемый большой программной речью президента. Насутион настаивал, чтобы в речи Сукарно отклонил идею создания «пятой силы». Однако президент не послушался его⁹¹. В речи Сукарно цитировал ст. 30 конституции 1945 г., в которой говорится: «Каждый гражданин имеет право и должен участвовать в защите государства». Это расценили как подведение теоретической базы под идею создания «пятой силы». Сукарно заявил: «После тщательного рассмотрения этого вопроса я, как верховный главнокомандующий вооруженными силами, приму решение».

По оценке обозревателя «Ринашита», Сукарно тем самым дал понять, что склонен «принять требование, с которым к нему уже некоторое время обращались левые силы, включая КПИ: раздать оружие крестьянам и рабочим и создать народную милицию»⁹². Вряд ли Сукарно собирался создать «пятую силу». По всей видимости,

он хотел использовать это требование для давления на военных. Но если бы оно и было осуществлено, то смертельной угрозы для армии это не представляло: в случае открытого военного столкновения на стороне регулярных войск всегда было бы подавляющее превосходство. Серьезнее обстояло дело с «насакомизацией» вооруженных сил: осуществление этой идеи означало бы, что на всех уровнях от батальона и выше были бы созданы «советы НАСАКОМа» и кадровые военные потеряли бы монополию власти в своей собственной вотчине. Этого армейская верхушка ни в коем случае не собиралась допустить.

К лету 1965 г. активизировались левые элементы в вооруженных силах. Командующий ВВС Омар Дани ввел курс марксистской теории в военных авиационных колледжах⁹³. Подозрительность высшего армейского офицерства усиливалась.

В сентябре Айдит в одной из речей заявил, что «родина беременна революцией». Военная верхушка расценила это как признак того, что коммунисты готовят вооруженное выступление с привлечением масс и с участием какой-то части армии, находящейся под их влиянием.

В какой мере военные действительно верили в реальную возможность подобного выступления, сказать трудно. Важно, что они получили аргумент для оправдания собственного удара по КПИ, который они готовили давно. Шумиха вокруг вопроса о создании «пятой силы» и «насакомизации» армии, равно как и широко распространявшиеся слухи о резком ухудшении состояния здоровья Сукарно, создавали благоприятную атмосферу для осуществления насильственной политической акции, имевшей целью лишить КПИ ее позиций и радикальным образом изменить соотношение сил в стране в пользу армии. Но военным не пришлось изобретать предлог для такой акции. Авантюристические действия группы Супарджо — Унтунга, начатые 30 сентября и одобренные частью руководства КПИ, дали армейской верхушке все необходимые аргументы для расправы с коммунистами, ликвидации системы Сукарно и установления военного режима.

В Пакистане в октябре 1958 г. произошел военный переворот, которому предшествовал неуклонно нарастав-

ший кризис политической системы, установленной после ухода английских колонизаторов.

Принципом, легшим в основу образования Пакистана, была религия. Это государство возникло не на базе существования или хотя бы формирования нации, а на основе желания создать нацию, руководствуясь принципом принадлежности к единой религии. Искусственное государственное образование, Пакистан с самого начала испытывал огромные трудности. При разделе Индии к Пакистану отошла наиболее отсталая в промышленном отношении часть субконтинента. Из 14 с половиной тысяч промышленных предприятий, существовавших в стране до раздела, Пакистану досталось лишь около полутора тысяч. $\frac{9}{10}$ экспорта Пакистана составляло сырье. Не хватало ни средств, ни кадров. Подъем сельского хозяйства тормозился нищетой и незаинтересованностью крестьян, закабаленных помещиками, отсутствием технической базы для модернизации.

Буржуазно-помещичьи партии, как Мусульманская лига, так и те, которые ее сменили, были не в состоянии решить ни одной серьезной проблемы. На арене государственной жизни копошились политические пигмеи, рвавшие друг у друга куски пирога, погрязшие в непрерывных склоках и беззастенчивой коррупции. За семь лет — с 1951 по 1958 г. — сменилось шесть правительств. На фоне неуклонной деградации политической жизни, роста коррупции, грызни политиканов только армия выгодно выделялась своей монолитностью и непричастностью к скандалам и склокам.

Пакистанская армия была частью колониальной армии, созданной англичанами в Индии. После провозглашения независимости в ней, кроме командования, почти ничего не изменилось. Как и в колониальные времена, солдаты комплектовались почти исключительно из западных районов. Бенгальцев среди солдат было лишь 10%, а среди офицеров — еще меньше. Офицеры в большинстве своем были сыновьями помещиков из Пенджаба, выходцами из аристократической элиты. После проведения земельной реформы обнаружилось, что некоторые генералы сами владеют земельными участками, превышающими установленную новым законом весьма высокую норму.

Националистически настроенную городскую интелли-

генцию англичане старались не допускать в офицерский корпус.

Из среды богатой земельной аристократии вышел и сам главнокомандующий — Айюб Хан.

Характерная черта пакистанской (равно как и индийской) бюрократии, гражданской и военной, — прозападная, проанглийская ориентация, обусловленная формированием этой бюрократии. Американский автор Ворис писал о пакистанских чиновниках: «Их брали для обучения в раннем возрасте, когда они были еще достаточно мягкими и податливыми, чтобы усвоить новые ценности и привязанности. Процесс отбора и вся программа обучения были таковы, что молодые люди отрывались от местных корней. Их главное преимущество состояло в совершенном владении английским языком, они цитировали главным образом Шекспира, Локка... Их задача состояла в том, чтобы подняться выше ограниченного горизонта их родного общества и посвятить жизнь служению центральному (хотя и колониальному) правительству»⁹⁴.

Все это в полной мере относится и к воспитанным англичанами офицерским кадрам. Говоря о них, французский автор отмечал, что они «либералы по своему духу. Без сомнения, они бы выбрали парламентский режим англо-саксонского типа»⁹⁵. Но, когда они увидели, что парламентский режим, установленный в Пакистане, оказался совершенно несостоятельным, страна зашла в тупик и это вызвало недовольство народа, грозившее взрывом, который мог бы опрокинуть установленный порядок вещей, — офицеры без колебаний пошли на замену этого режима другим, непредставительным и авторитарным, но зато способным предотвратить крушение тех общественных основ, которые отвечали их интересам и интересам помещичьей среды, из которой они вышли. В этом и заключался смысл переворота 1958 г., приведшего к власти Айюб Хана.

Генерал Мохаммед Айюб Хан был типичным представителем описанной категории офицерства. Сын помещика, учившийся в английской военной академии Сэндхерст, он к моменту провозглашения независимости служил в Пенджабе, затем участвовал в военных действиях в Кашмире, а впоследствии командовал вооруженными силами в Восточном Пакистане. Его назначение

на должность главнокомандующего в сентябре 1950 г. для многих было неожиданностью, так как были и более заслуженные военачальники. Но последние были уже связаны с политическими группировками и, в частности, проявляли недовольство политикой Лиакат Али Хана в кашмирском вопросе, считая его слишком «мягким». Айюб Хан в политику не вмешивался и был известен в военных кругах только тем, что еще в 1933 г. писал о потенциальном вкладе армии в строительство нации⁹⁶. По-видимому, Лиакат Али Хан и выбрал его на должность главнокомандующего потому, что, обладая безукоризненной репутацией офицера, Айюб Хан в то же время стоял в стороне от политики.

Шли годы, авторитет гражданской власти падал, новый президент Искандер Мирза — сам бывший генерал — не мог «навести порядок», и некоторые военные и гражданские круги стали все более настойчиво выставлять кандидатуру Айюб Хана как «сильного человека», способного спасти отечество. Между тем успехи, одержанные армией в борьбе с восстаниями пограничных племен, укрепили самоуверенность офицеров и подняли их престиж в собственных глазах, а также и в общественном мнении. На фоне маразма политиканов эффективность армии выделялась весьма наглядно.

Официальный историограф пакистанской армии Фазал Моким Хан так описывает обстановку, предшествовавшую перевороту: «Страна шла все дальше по пути к банкротству. Народные массы находились в недоумении, растерянности, были разочарованы, многие пришли в отчаяние. Генерал Айюб Хан находился под постоянным давлением. Отдельные старшие офицеры пытались убедить его сделать решительный шаг. Когда он совершал семидневную поездку по Восточному Пакистану в начале 1957 г., командир 14-й дивизии генерал-майор Умрао устроил ему несколько встреч с различными политическими лидерами, чтобы те обрисовали плачевное состояние страны. Генерал Айюб терпеливо их выслушал и сказал: „Если народ желает меня, я не уклонюсь от своего долга“»⁹⁷.

В апреле 1957 г., на ежегодном совещании командиров дивизий, некоторые генералы заявили, что стране угрожает полная анархия⁹⁸. К этому времени уже стало ясно, что старшее офицерство утратило доверие к режи-

му Искандера Мирзы и возлагает надежды на Айюб Хана.

Срок полномочий Айюб Хана на посту главнокомандующего вооруженными силами истекал в январе 1959 г.⁹⁹. За три месяца до истечения срока он совершил переворот и пришел к власти.

Переворот вначале вылился в не совсем обычную форму: от имени президента было объявлено военное положение и Айюб Хан назначен главным военным администратором. Но эта акция была призвана создать иллюзию соблюдения законности. В действительности 8 октября 1958 г. армия захватила власть по приказу главнокомандующего. Фазал Моким Хан рассказывает об этом подробно и вполне откровенно:

«По получении приказа из Карачи начальник генерального штаба взялся за выполнение порученной ему задачи — подготовить взятие власти... Общая тактическая схема была готова и одобрена генералом Мохаммедом Айюб Ханом 30 сентября. 3 октября 1958 г. начальник генерального штаба с несколькими офицерами прибыл в Карачи и создал временную штаб-квартиру в военном лагере; впоследствии она стала штабом Главного военного администратора. День „Д“ был назначен главнокомандующим на середину октября, установление точной даты было оставлено на усмотрение начальника генерального штаба, которому предстояло принять соответствующее решение в Карачи. Однако 6 октября состоялись большие демонстрации сторонников Мусульманской лиги у вокзала в Карачи в честь приезда председателя партии, и полиция, чтобы разогнать толпу, была вынуждена пустить в ход слезоточивый газ. Ситуация приняла столь серьезный характер, что было решено ввести военное положение по всей стране в ночь на 7 октября. План был разработан, войска, необходимые для операции, находились поблизости — они были сконцентрированы в районе Карачи еще в сентябре, когда там начались политические беспорядки.

Айюб Хан прибыл в Карачи поездом 7 октября в 12.30. Ему был доложен окончательный план, и он его одобрил. Вполне доверяя офицерам, он мог положиться на них в смысле конкретного осуществления задачи. В 7 час. вечера того же дня командующий войсками округа Карачи генерал-майор Малик Шер Бахадур

издал приказ вывести из казарм подчиненные ему войска в районе Карачи к 9.30 с целью помочь гражданским властям справиться с угрожающим положением... Еще никто не знал о введении военного положения. В 9 час. вечера президент подписал обращение, в котором объявлялось военное положение, а генерал Мохаммед Айюб Хан назначался Главным военным администратором и главнокомандующим вооруженными силами. В 6 час. утра 8 октября вся страна уже знала о перемене власти... Некоторые министры, не успевшие прочесть газеты или прослушать радио, прибыли, как обычно, в свои учреждения и были вежливо выпровожены»¹⁰⁰.

Президент Мирза был захвачен врасплох. На короткий срок формально воцарилось двоевластие, правительственные заявления делались от имени как президента, так и Главного военного администратора. Но уже через две недели Айюб Хан отбросил маскировку и в обращениях стал говорить «я» вместо «мы», давая понять, что он не считается с президентом. Его портреты печатались на первых страницах газет, все подчинялось ему. Но Мирза еще не сдавался. Он пытался отколоть от Айюб Хана второго по должности человека в вооруженных силах — генерала Муса. Кончилось все просто. В ночь на 28 октября дворец президента был окружен войсками, в его кабинет вошли три генерала с пистолетами в руках, телефонная линия была перерезана. Президенту ничего не оставалось, как подчиниться силе, отказаться от поста и вылететь в Англию. Айюб Хан тотчас же был провозглашен президентом.

Остановимся теперь на политических выступлениях армии в странах Тропической Африки.

17 декабря 1962 г. президент Сенегала Л. Сенгор с помощью парашютных войск подавил попытку премьер-министра Мамаду Диа совершить государственный переворот.

1 января 1963 г. был раскрыт заговор против президента Берега Слоновой Кости Уфуэ-Буаьи. Среди арестованных оказались военные, включая капитана жаидармерии.

13 января 1963 г. произошел переворот в Того. Его инициаторами были унтер-офицеры, вернувшиеся в Того (кстати, по вызову президента Олимпио) из французской армии и требовавшие зачисления в армию своей

страны. Олимпио из соображений экономии отказался удовлетворить их требования. Ветераны ночью окружили дворец и убили президента. Армия (состоящая из одной роты) солидаризировалась с ветеранами.

15 августа 1963 г. президент Конго (Браззавиль) Фильбер Юлу был вынужден капитулировать перед лицом массовых выступлений, организованных профсоюзами. Юлу передал власть армии, начальник штаба майор Мутсака вручил власть гражданским революционерам.

19—23 января 1964 г. в Кении, Танганьике и Уганде поднимают мятеж местные армии, только что образованные на базе Королевских африканских стрелков. Заперев в казармах офицеров-англичан, солдаты (без сомнения, заранее сговорившись между собой во всех трех странах) движутся на столицы. В Дар эс-Саламе генерал Дуглас успевает убежать из лагеря в нижнем белье и предупредить президента Ньерере, который вовремя покидает столицу. Мятежники требуют повышения жалованья и увольнения английских офицеров. Все три президента обращаются за помощью к Англии. Зрелище парадоксальное: Джомо Кениата, немало лет просидевший в английской тюрьме, добившись власти, вынужден просить англичан прислать войска, чтобы защитить себя от собственных солдат. Англичане моментально подавляют мятежи. После этого танганьикская армия вообще распускается и создается заново, в армиях Уганды и Кении проводятся крупные чистки.

30 февраля 1964 г. в Береге Слоновой Кости были арестованы пять офицеров по обвинению в заговоре против государства.

17 февраля 1964 г. также на почве недовольства размером жалованья, менее высокого, чем во французской армии, происходит путч в Габоне. Четыре лейтенанта во главе 200 солдат, почти половины габонской армии, окружают ночью дворец, обезоруживают стражу и арестовывают президента Леона Мба. Однако им не удалось договориться с жандармерией, которая, хотя и пассивно, но противостоит путчистам. Вице-президент, которого мятежники не арестовали, обращается к Франции, которая по соглашению об обороне оказывает уже почти не существующему габонскому правительству военную помощь. Французский парашютный десант бы-

стро наносит поражение габонской армии и восстанавливает Мба в должности президента.

Перевероты в Дагомее, Верхней Вольте и Сьерра-Леоне заслуживают более подробного рассмотрения.

Дагомейская армия была образована в июле 1960 г. Начальником генерального штаба стал подполковник Согло, до этого занимавший должность французского военного советника при дагомейском правительстве. Кристоф Согло родился в 1909 г. и в возрасте 21 года завербовался добровольцем во французскую армию. Он воевал во Франции в начале второй мировой войны, затем служил в Марокко при вишистском режиме, стал офицером, участвовал в высадке союзников на Корсике, Эльбе и в Южной Франции. В начале 50-х годов Согло служил в Индокитае, в 1956 г. в чине майора служил штабным офицером на французской военной базе близ Дакара. Вернувшись в Дагомею, приобрел недвижимое имущество, включая земельный участок и дома, став таким образом членом новой буржуазной элиты Дагомеи¹⁰¹.

Вооруженные силы Дагомеи состояли из армии (1700 человек), жандармерии (1200 человек), авиации (100 человек) и гражданской полиции (1000 человек)¹⁰².

На политической арене Дагомеи в течение долгого времени доминировали три фигуры («большая тройка») — Апити, Мага и Ахомадегбе. Первый опирался на население района Порто-Ново, городскую интеллигенцию и католическую церковь, второй — на этнические группы севера страны, третий — главным образом на народ фон. Первое правительство Дагомеи (1957—1959 гг.) возглавлял Апити, Мага был министром; во втором кабинете (1959—1963 гг.) они поменялись ролями, а Ахомадегбе в обоих случаях оставался в оппозиции. Перемены наступили, когда Апити, порвав с Мага в результате ожесточенной борьбы за власть, вступил в блок с Ахомадегбе. Эта коалиция продержалась с января 1964 г. до декабря 1965 г. Картина повторилась в точности: «Два лидера наверху, договорившись о нейтрализации третьего, отсутствующего партнера, стали маневрировать, чтобы „нейтрализовать“ один другого»¹⁰³. Чаша весов стала склоняться в сторону Ахомадегбе, который был премьером и вице-президентом и контролировал большинство депутатов в парламенте. Разумеется,

личная борьба за власть имела ярко выраженный трибалистский подтекст. Как отмечала Р. Исмаилова, дагомейские политики в борьбе за власть «использовали противоречия между Севером, населенным народами моссигруси, и Югом, где живут народы гвинейской группы»¹⁰⁴.

Большую роль в исходе этой борьбы сыграли профсоюзы. Они выдвигали, во-первых, политические требования, в частности выступали за образование местных и национального революционных комитетов со своим участием; во-вторых, требования экономические (борьба против правительственной «политики экономии средств», сводившейся к урезыванию заработной платы государственных служащих, — а интересы этой, наиболее многочисленной, категории лиц наемного труда они и отражали прежде всего). Беспорядки, явившиеся результатом конфликта между правительством и профсоюзами, не были вовремя подавлены армией, за что Ахомадегбе публично отчитал Согло. Последний, поддержанный, по видимому, почти всеми офицерами, совершил 22 декабря 1965 г. переворот и провозгласил себя президентом¹⁰⁵.

Если в 1963 г., возглавив временное правительство, Согло подчеркнул, что «армия поддерживает трех лидеров... и не требует участия в правительстве», то спустя два года он заявил, что «политические лидеры показали свою неспособность руководить страной»¹⁰⁶.

В Верхней Вольте вооруженные силы после провозглашения независимости состояли из армии (1500 человек), жандармерии (1500 человек) и полиции (300 человек). Первым главнокомандующим стал майор Ламизана — ветеран французской армии.

Когда страна получила независимость в 1960 г., доминирующей политической силой был Вольтийский демократический союз во главе с Морисом Ямеого. Последний манипулировал избирательным законодательством таким образом, что его партия, завоевав накануне независимости около 62% голосов на выборах, получила в парламенте 70 мест из 75; оппозиционная партия была распущена¹⁰⁷. На выборах 1965 г. партия Ямеого, лишенная соперников, получила 99,77%; однако к этому времени в стране уже распространилось широкое недовольство режимом. В вину президенту ставили расточительство (в частности, постройку роскошного дворца в

родном городе президента), кумовство (особое недовольство вызывал министр внутренних дел Денис Ямеого, двоюродный брат президента, человек малообразованный, известный лишь своим увлечением боксом) и т. п. Непосредственный конфликт между президентом и профсоюзами возник из-за проекта «бюджета экономии», которым предусматривалось 20-процентное сокращение заработной платы некоторым категориям государственных служащих, увеличение подоходного налога с других категорий служащих, уменьшение семейных пособий. «Бюджет экономии», о котором было объявлено тогда, когда Ямеого за государственный счет проводил медовый месяц в Бразилии, вызвал протест как рядовых членов профсоюзов, так и руководителей; не добившись отказа от введения «мер экономии» официальным, парламентским путем, профсоюзы 31 декабря 1965 г. назначили на 3 января всеобщую забастовку. Она переросла в демонстрацию, в которой участвовало более 25 тыс. человек. В авангарде демонстрации были учащиеся; несли плакаты «Хлеба, воды, демократии!». Все чаще стали раздаваться возгласы: «Армию к власти!».

Правительство арестовало около 100 профсоюзных лидеров, президент Ямеого, выступая по радио, говорил о «подрывной деятельности, инспирированной коммунистами» (!). Но улицы вновь заполнились толпами, и, когда Ямеого согласился вступить в переговоры с профсоюзами, они уже не пожелали иметь с ним дело. Когда девять министров из тринадцати разошлись по домам, Ямеого в отчаянии отправил главнокомандующего, подполковника Ламизану, к толпе с поручением объявить об отмене «мер экономии». Но демонстранты потребовали уже отставки президента и разошлись лишь после того, как три часа спустя Ламизана вновь появился перед ними с сообщением, что Ямеого подал в отставку и власть перешла в руки армии.

Так совершился этот любопытный государственный переворот. Впоследствии Ламизана говорил, что он должен был либо стрелять в народ, либо сместить президента. Ямеого по радио обратился к народу с речью, в которой восхвалял армию и выражал свое удовлетворение ее действиями. «Благожелательный нейтралитет офицеров, — комментировал эти события американский

автор Скурник, — позволил лидерам профсоюзов создать обстановку, в которой офицеры смогли вмешаться в политику на законных основаниях»¹⁰⁸.

Военному перевороту в Сьерра-Леоне, происшедшему 22 марта 1967 г., предшествовала длительная политическая борьба, существенным элементом которой было соперничество двух этнических групп — менде и темне. Страной правил премьер-министр Альберт Маргай, по национальности менде; большинство офицеров армии также были менде. Народной партии, которую возглавлял Маргай, противостояла партия Народного конгресса во главе со Стивенсом, опиравшаяся главным образом на темне. В феврале 1967 г. был раскрыт заговор против Маргая и главнокомандующего армией бригадира Лансаны (тоже менде). Заговором руководил заместитель Лансаны подполковник Бангура, родом из темне. Результаты состоявшихся в марте выборов в парламенте неясны. Каждая партия утверждала, что она одержала победу. Генерал-губернатор Бостон поручил Стивенсу сформировать новое правительство, но бригадир Лансана заявил, что действия Бостона незаконны, поскольку окончательный подсчет голосов еще не закончен. Объявив в стране чрезвычайное положение, Лансана взял власть и воспрепятствовал как генерал-губернатору, так и Стивенсу выполнять их обязанности, лишив их свободы передвижения.

Но тут же последовал второй переворот. Группа офицеров арестовала Лансану, а также Маргая и создала Комитет национального обновления, исполнявший обязанности временного правительства. В комитете были поровну представлены менде и темне, а председателем его был заочно назначен подполковник Джаксон-Смит, находившийся в это время на стажировке в Англии.

Следует отметить, что причиной переворота были не только противоречия между этническими группами, но также дефицит бюджета, рост внешней задолженности, трудности с производством сельскохозяйственных продуктов, коррупция и т. п.

Спустя тринадцать месяцев, в апреле 1968 г., произошел новый переворот, уникальный в истории Тропической Африки. Его инициаторами были не офицеры, а рядовые, от лица которых выступили сержанты. Непосредственные причины недовольства солдат были связаны с

жалованьем и бытовыми условиями, но это совпало с растущим разочарованием в стране, население которой выражало недовольство правлением офицеров и требовало возвращения к гражданскому режиму. Весь офицерский корпус Сьерра-Леоне был арестован и распущен — явление беспрецедентное в истории военных режимов. Было образовано так называемое Революционное движение против коррупции, в которое были включены два бывших офицера — Бангура и Генде. Вскоре Сиака Стивенс был приглашен сформировать новое правительство. Военный режим уступил место гражданскому.

Таким образом, политические акции армии в Сьерра-Леоне были осуществлены на трех различных уровнях: сначала командующий не допустил назначения премьер-министра, затем группа старших офицеров свергла командующего, и, наконец, солдаты и сержанты разогнали военную хунту и восстановили гражданскую власть¹⁰⁹.

31 декабря 1965 г. полковник Бокасса взял в свои руки власть в Центральноафриканской Республике. Он сверг президента Дако, своего двоюродного брата.

13 января 1967 г. произошел второй переворот в Того. Командующий армией 29-летний подполковник Эйадема сверг президента Грюницкого, занимавшего после убийства Олимпио этот пост ровно четыре года. Обосновывая переворот, Эйадема заявил, что политика Грюницкого не имела успеха и что в стране существует сильное недовольство правительством. Эйадема создал временный орган государственной власти — Комитет национального примирения.

28 ноября 1966 г. в Бурунди капитан Мичомbero, премьер-министр, министр обороны и внутренних дел, сверг короля Нтаре Пятого, упразднил монархию, провозгласил республику и создал под своим председательством Национальный революционный комитет. Спустя десять дней Мичомbero, произведенный в полковники, был назначен президентом страны сроком на семь лет. Этот переворот явился кульминационным пунктом длительной внутренней борьбы в Бурунди. Достаточно сказать, что начиная с 1961 г. из семи премьер-министров двое были убиты, один казнен, один заключен в тюрьму. Страна пережила кровавую трибалистскую резню между этническими группами — тутси и хуту. В октябре

1965 г. часть армии, возглавлявшаяся офицерами хуту, произвела неудачную попытку государственного переворота. Офицеры-заговорщики и связанные с ними политические деятели были расстреляны.

1 сентября 1966 г. наследный принц сверг своего отца и провозгласил себя королем Нtare V, причем решающую поддержку ему оказал 26-летний капитан Мичомbero, родом из небогатой семьи тутси, окончивший королевскую военную школу в Брюсселе и назначенный командующим столичным военным округом. Мичомbero стал выразителем «новых средних слоев» — служащих, студентов, офицеров, которые все активнее выступали против ганвы — традиционной придворной аристократии. Разворачивалась деятельность партий, профсоюзов. Кризис старой элиты назревал, и Мичомbero, помогший принцу стать королем, сам сбросил его с трона, положив конец существованию династии.

15 апреля 1974 г. произошел переворот в бывшей французской колонии Республике Нигер. Молниеносный и почти бескровный переворот, приведший к замене гражданского правительства военным режимом, был совершен под руководством подполковника Сейни Кунче, который, уже в качестве председателя Верховного военного совета, заявил: «Взятие власти армией не было вызвано внешними причинами. Речь идет о сугубо внутреннем деле. Скандальный характер руководства делами государства ни для кого не был секретом... Прежние руководители были преисполнены высокомерного равнодушия и гораздо больше заботились о своих собственных интересах, нежели об интересах общества»¹¹⁰.

Наконец, рассматривая военные перевороты в Тропической Африке, остановимся на двух «особых случаях» (Заир и Нигерия) и на трех переворотах, результатом которых было падение прогрессивных режимов (Гана, Мали, Уганда).

Трагедия Конго была много раз подробно описана. В основе ее лежат два фактора: во-первых, нежелание бельгийского капитала расстаться с возможностью эксплуатации сказочных природных богатств Конго; во-вторых, стремление правящих кругов США завоевать в Конго как экономическую базу для экспансии американских монополий, так и политический плацдарм для распространения американского влияния на континенте.

К моменту провозглашения независимости в стране было всего 16 конголезцев с высшим образованием. Характер политических партий в Конго был охарактеризован в журнале «Ремарк африкэн»: «Конголезские политические партии, по существу, являются городскими. Ни одна из них не имеет крестьянской базы. Их действия сводятся к устройству пресс-конференций и в редких случаях — к организации отрядов „вооруженной молодежи“. Последние вербуются из масс люмпен-пролетариата, живущего на окраинах Леопольдвилля. Безработица, являющаяся их уделом, поддерживает в них крестьянское сознание, на которое и опираются штаб-квартиры партий, нуждающиеся в сторонниках. Только Абако имела в 1960 г. массовую базу в Баконго; отсюда — ее роль главного инструмента антилумумбистской реакции»¹¹¹.

Конголезская армия возникла на базе созданной бельгийцами «Форс публик». Армия насчитывала 23 тыс. африканцев, но офицеры и старшие унтер-офицеры были европейцами; их было около тысячи человек. Младшие унтер-офицеры готовились из африканцев в военных школах. Небольшая группа сержантов в 1959 г. была зачислена на курсы подготовки офицерских кадров. Однако предполагалось, что бельгийские командиры еще долго будут руководить конголезской армией, и бельгийцы отнюдь не торопились с подготовкой местных кадров. Внезапный мятеж конголезских солдат против офицеров-бельгийцев сразу же после провозглашения независимости привел к тому, что последние немедленно ушли из армии. Армия, раздувшаяся к этому времени до 35 тыс. человек (за счет зачислений «отрядов вооруженной молодежи»), осталась без офицеров. Правда, в ней насчитывалось огромное количество унтер-офицеров, поскольку правительство Лумумбы в честь независимости повысило всех военнослужащих сразу на два чина. В роте имелось 195 рядовых, 97 сержантов и 40 капитанов¹¹².

Лишь в насмешку можно было назвать армией эту свирепую орду наемников, выдрессированных бельгийцами специально для расправы с гражданским населением. Известный французский журналист Э. Руло говорил на семинаре в Дижоне: «Нужно было видеть конголезских солдат за работой еще перед достижением неза-

висимости. Их свирепость по отношению к их же землякам была ни с чем не сравнима ¹¹³.

Эта «армия» только ждала момента, чтобы избавиться от бельгийских офицеров, державших их в повиновении при помощи жестокости, равной их собственной. Последовавшие за этим бесчинства хорошо известны; они послужили для бельгийских, а затем и американских империалистов отличным предлогом для интервенции и сведения независимости Конго к фикции. После этого лучшим решением вопроса, вероятно, был бы роспуск «армии», которая не имела никакой ценности для защиты независимости страны и лишь навлекла на нее несчастья. Но практически не могло быть и речи не только о роспуске армии, но и о ее сокращении. В стране и без того была огромная безработица. Лумумбе пришлось терпеть существование этой армии, не удалось помешать врагам использовать ее против него.

Уже с момента первого переворота (1960 г.) армия, как отмечается в «Ремарк африкэн», приобрела психологию касты, защищающей собственные интересы против всех других конголезских организаций, «касты привилегированной, абсолютно чуждой населению и подчиняющейся лишь своим командирам» ¹¹⁴. Боевые качества армии оставались крайне низкими, свидетельством чего были успехи повстанцев, зачастую вооруженных копьями и луками. Известно, что Чомбе смог нанести поражение повстанцам лишь при помощи белых наемников.

Тем не менее в армии развивался корпоративный дух, основанный не на успехах на поле брани, а на превосходстве над другими организациями. Это превосходство обеспечивалось единством, которое в большой мере поддерживалось общностью языка. Политические и массовые организации страдали от трибализма; как и в ряде стран Африки, особенно в Нигерии, партии в глазах населения отождествлялись не с общенациональными, а с региональными интересами. В армии трибализм не ощущался, наемные головорезы давно утратили связь с родными племенами, французский язык, на котором говорили в армии, служил могучим объединяющим фактором.

Издававшийся два раза в месяц печатный орган «Голос конголезской национальной армии» в каждом номере внушал солдатам, что они являются элитой нации и стоят несравненно выше гражданских лиц, неспособных

управлять страной. Однако, «декларируя свое превосходство над политиками, офицеры на самом деле оказываются весьма близкими к ним в смысле интересов: получая повышенные оклады, пользуясь прочими привилегиями (жилье, автомашины и т. д.), офицеры ничем не отличаются от министров и парламентариев, и в глазах народа они ассоциируются с ненавистными выскочками, наживающимися на независимости»¹¹⁵.

Постоянные междоусобицы, которыми была охвачена страна, разброд, хаос и анархия, рост сепаратистских настроений создавали обстановку хронического военного положения, при котором роль военных, естественно, была чрезвычайно велика. Часто в их руках находилась гражданская администрация.

Между тем разложение правящей буржуазно-бюрократической элиты достигло предела. «Казнокрадство, спекуляция, контрабандная торговля драгоценными камнями и т. п. вели к обогащению верхушки, в то время как положение масс ухудшалось. Появилась компраторская буржуазия, специализирующаяся на импорте таких товаров, как голландское и немецкое пиво и т. п. Поступить в министерство экономики означало встать на верный путь к обогащению. Но каждый не может стать министром экономики. Националисты, обладавшие большинством в парламенте, обнаружили выгоду такого средства, как вотум недоверия. Чтобы получить от правительства подачку, достаточно было пригрозить ему вотумом недоверия... Скандальное зрелище коррупции правящих кругов в конце концов довело массы до такого отчаяния, что возникла парламентская оппозиция, действительно заботящаяся об улучшении положения в стране. Растущая сила этой оппозиции вынудила правительство отбросить маску буржуазной демократии»¹¹⁶.

Применяя репрессии против оппозиции, правительство в то же время попыталось найти «политическое решение» проблемы, порожденной развернувшимся в стране повстанческим движением. Хотя в целом повстанческое движение потерпело поражение еще при Чомбе, партизанские отряды продолжали действовать на периферии страны, обстановка оставалась крайне неспокойной. Чтобы как-то обезопасить себя, Касавубу и Кимба решили достичь соглашения с повстанцами. Это дало бы им возможность отказаться от услуг белых наемников и

тем самым утвердить свою «респектабельность» в глазах лидеров независимых африканских режимов, а кроме того, ослабить значение армии, растущее влияние которой угрожало им.

Но именно по этой причине Мобуту решил не допустить соглашения между правительством и повстанцами. По-видимому, это было определяющим в его решении ускорить осуществление давно задуманной акции. Переворот 25 ноября 1965 г. не встретил сопротивления, а население даже приветствовало его, видя в нем избавление от обанкротившегося и коррумпированного режима.

В Нигерии основная масса офицеров к моменту предоставления независимости состояла из англичан. На 1 января 1961 г. из более чем 300 офицеров нигерийских вооруженных сил лишь 81 были местными уроженцами, причем 60 из них принадлежали к народу ибо¹¹⁷.

Половина рядового состава нигерийской армии с самого начала рекрутировалась из Северной Нигерии, 25% — из Западной и 25% — из Восточной. Это правило соответствовало колониальной политике набора солдат преимущественно из той части населения, которая наименее развита в культурном, а следовательно, и в политическом отношении, т. е. прежде всего из самых отсталых и отдаленных деревенских районов. В Нигерии этот принцип был выдержан настолько последовательно, что среди 50% солдат, которые вербовались на Севере, предпочтение отдавалось уроженцам наиболее глухих, отсталых районов. После провозглашения независимости правительство, контролировавшееся северными феодальными элементами, продолжало прiderживаться этой практики; более того, оно нарушило традиционный порядок в пользу Севера и фактически не 50, а 60—70% личного состава армии рекрутировалось из северных районов. Пехотинцы, как правило, были уроженцами Севера, на технических и административных должностях преобладали ибо. Процент йоруба в армии был значительно ниже их общей доли в составе всего населения федерации, так как считалось, что они менее всего подходят для воинской службы¹¹⁸.

К началу 1966 г. нигерийская армия насчитывала около 8 тыс. человек. Это был единственный государственный организм, в котором перемешивались, переплавля-

лись различные народы и народности, составлявшие федерацию. Часть офицерского корпуса, в том числе главнокомандующий армией генерал Джон Агеи-Иронси, прошла довольно длительную школу службы в британской армии, участвовала в операциях войск ООН в Конго.

«Нигерийская армия, — пишет Р. Ферст, — отражала все трения, противоречия и кризисы нигерийского общества. Армия отличалась только тем, что располагала орудиями насилия»¹¹⁹.

Обострившиеся до крайности внутривнутриполитический кризис, явная неспособность правительства установить нормальные отношения между областями, бессилие старого и больного президента Азикиве побудили часть офицерства предпринять политическую акцию. Поскольку существовавшая политическая система обеспечивала преобладание феодального и мусульманского Севера, ее ниспровержение объективно отвечало интересам остальных областей, прежде всего интересам растущей буржуазии ибо и йоруба, для которых господство Севера все больше становилось помехой.

Инициаторами заговора были молодые офицеры национальности ибо — майоры Нзеогву, Окафор и Ифеаджуна, к которым вскоре присоединился майор Адемойега — йоруба. Душой заговора был майор Нзеогву, которого характеризуют как «верующего католика... человека пуританской морали и книжного червя», но «с темпераментом бунтаря»¹²⁰. Молодые офицеры имели тесные связи со своими сверстниками из гражданских кругов, из среды радикально настроенной интеллигенции. Осенью 1965 г. план заговора в общих чертах был разработан. В частности, было решено арестовать и убить всех трех премьер-министров областей.

В заговор не был посвящен ни один офицер чином старше майора. Распространенная вскоре после январского переворота версия, согласно которой с самого начала в заговоре участвовали высшие офицеры армии — ибо по национальности, включая главнокомандующего генерала Иронси, не соответствует действительности. Верхушка армии не готовила никакого переворота, но, когда он произошел, использовала его для взятия власти. Переворот совершили майоры, новый режим возглавили генералы. Иронси и окружавшие его генералы

были типичными военными британской колониальной школы, служаками-рутинерами, профессионалами, лишенными всяких революционных идей и радикальных намерений. Как пишет Р. Ферст, «если Нзеогву вдохновлялся примером Насера, то Иронси скорее можно сравнить с Нагибом. Однако в отличие от Египта в Нигерии Нагиб устранил Насера, а не наоборот, и реформаторский пыл молодых офицеров был вытравлен старшими командирами. Политические представители старого порядка исчезли, но сам порядок остался нетронутым»¹²¹.

Можно назвать несколько причин, по которым в Нигерии молодые офицеры, условно говоря, «насеровской» ориентации, подготовив и осуществив переворот, не смогли предотвратить приход к власти консервативных генералов, для которых они, как выяснилось, таскали каштаны из огня. Это и многонациональный характер нигерийского государства, где выходцы из народа ибо не могли рассчитывать на признание своего руководства в общенациональном масштабе, — а получилось так, что почти все организаторы переворота были ибо, — и федеративный характер государства, в котором успех переворота не мог быть решен, как в Египте, захватом власти в столице; это, наконец, отсутствие длительной и тщательной подготовки, которая позволила бы создать, как в Египте, строго законспирированную, разветвленную и надежную организацию в масштабе всей армии, с участием достаточного количества офицеров, занимавших ключевые посты, что дало бы возможность арестовать по египетскому образцу старших офицеров. Но последний фактор связан, в частности, с тем, что в Нигерии в отличие от Египта верхушка армии не была дискредитирована в глазах революционно настроенных офицеров, не рассматривалась ими как часть ненавистного старого режима; напротив, можно предполагать, что Нзеогву и его друзья питали иллюзии в отношении Иронси и других генералов-ибо. Кроме всего прочего, в Нигерии у офицеров-заговорщиков не было такого вождя, как Насер, не было сколько-нибудь разработанной программы, не было четкой и популярной идеи, которую они сразу могли бы предложить массам.

Вместе с тем следует отвергнуть версию, согласно которой январский переворот был трибалистским по своему характеру, делом рук ибо, стремившихся к господству в федерации. То, что лидеры переворота были в основном

из ибо, отражало лишь более высокий — в среднем — уровень политического развития именно этого народа, и большее представительство их в офицерском корпусе. Переворот был «вдохновлен широко распространенным политическим недовольством... он был порожден решительными, но неясными политическими настроениями молодых офицеров, разделявших испытывавшееся их поколением отвращение к несправедливости политика-нов»¹²².

Свергнув обанкротившийся гражданский режим, молодые офицеры не смогли перевести переворот в революцию, не нашли путей к массам, не сумели предотвратить кровавой вспышки трибализма, породившей трагедию междоусобной войны. Им самим судьба уготовила скорый и печальный конец¹²³.

Как же конкретно протекал январский переворот 1966 г.?

Выступление армии было тщательно подготовлено и осуществлено одновременно в пяти главных городах: в федеральной столице Лагосе и в главных городах всех четырех областей — Кадуне (Север), Ибадане (Запад), Бенине (Средний Запад) и Энугу (Восток). В 1 час ночи 15 января 1966 г. по всей огромной стране воинские части были подняты по тревоге и заранее выделенные подразделения приступили к осуществлению операции.

В Кадуне акцией руководила группа офицеров во главе с майором Нзеогву, который несколькими днями раньше прилетел из Лагоса. В Кадуне в заговор были посвящены всего пять офицеров. Когда подразделение под командованием Нзеогву в ночь на 15 января направилось в район резиденции Ахмаду Белло, офицеры и солдаты думали, что они идут на ночные занятия, — только у самого двorca сардауны Нзеогву объявил им о цели выступления. Большинство офицеров и солдат были уроженцами Севера, и Нзеогву рассказал впоследствии, что они легко могли бы убить его и отказаться участвовать в перевороте, но, по его словам, верх взяло чувство «нигерийского патриотизма». Действительно, этот дух, который в дальнейших бурных событиях, к сожалению, сохранить не удалось, ярко проявился той ночью в Кадуне, когда военнослужащие различных национальностей объединились для свержения тирании.

Ахмаду Белло, сардауна Сокоты, был «сильным чело-

веком» Нигерии. В течение 12 лет он занимал пост премьер-министра Северной Нигерии, и ни для кого не было секретом, что федеральное правительство выполняет его волю. Этот надменный и всемогущий феодал считал, что нет в Нигерии человека, которого он не мог бы подкупить или запугать. За три дня до гибели Белло вернулся из очередного паломничества в Мекку.

Установив в зарослях два миномета, заговорщики ровно в 1 час ночи открыли огонь по дворцу. Началась атака. Сопrotивление охраны было быстро сломлено. Майор Нзеогву был ранен осколком гранаты, но отказался направиться в госпиталь и продолжал руководить боем. Ахмаду Белло был выведен из пылавшего дворца и расстрелян на месте ¹²⁴.

Тем временем в Ибадане заговорщики атаковали дворец вождя Акинтолы. После ожесточенной перестрелки с полицией, в ходе которой с обеих сторон много солдат и офицеров были убиты и ранены, Акинтола был вытащен из спальни и прошит тринадцатью пулями.

Одновременно разворачивались события в Лагосе. Там обошлось без боя. Были окружены дворцы премьер-министра Балева и министра финансов Окотие-Эбо, одного из самых ненавистных, продажных деятелей режима. Группа офицеров вошла в резиденцию премьера, разбудила его и заставила подписать документ об отставке. «После этого вы убьете меня?» — спросил Балева. Его увезли на автомашине вместе с Окотие-Эбо и обоих расстреляли по дороге. Через несколько дней тело Балева нашли под деревом вблизи шоссе и похоронили с почестями. В отличие от министра финансов Балева пользовался уважением в народе.

В Бенине и Энугу переворот был совершен без кровопролития. Премьер-министры Осадебайя и Окпара были арестованы, войска заняли ключевые пункты. Когда весть об аресте Окпары дошла до его родного округа Бенде, там распространился слух, что это дело рук северян. Во всем округе забили тамтамы, и отряды воинов, вооруженных копьями, мечами и луками, стали прибывать в Энугу на грузовиках, немедленно предоставленных им владельцами. Воины, распевавшие боевые песни, постановили объявить войну Северу и разошлись по домам лишь после того, как им разъяснили подлинные цели переворота.

В 3 часа ночи все было кончено. Армия взяла власть в свои руки во всех главных городах Нигерии. Лидеры свергнутого режима были убиты. Тщательно создававшаяся англичанами политическая система перестала существовать.

В 10 часов утра собрался парламент, но на заседание явились лишь 33 из 312 депутатов и всего один министр. Никто не знал, что происходит, так как никаких официальных сообщений о событиях не было. Вскоре солдаты очистили помещение парламента. Днем состоялось заседание кабинета, вернее, того, что от него осталось, так как большинство министров сбежало в неизвестном направлении. В коммюнике, выпущенном после заседания, говорилось, что некоторые воинские части подняли бунт, что ими похищен Тафава Балева, но что огромное большинство армии и сам главнокомандующий сохраняют лояльность правительству.

Президент Азикиве находился на лечении в Англии. Его обязанности исполнял Оризу. Выступая на следующий день, 16 января, по радио, Оризу объявил, что по совету федерального правительства он передает всю полноту власти в руки армии. Вслед за ним выступил генерал Иронси, заявивший, что армия согласна взять власть в руки и что отныне управлять страной будет Верховный военный совет. Законность была соблюдена, военный режим получил легальное обоснование.

Первоочередной заботой Иронси было предотвращение восстания на Севере. В Кадуне власть находилась в руках майора Нзеогву. Выступая на пресс-конференции, Нзеогву заявил, что речь идет не о бунте отдельных частей, а о подготовленной операции, спланированной генералом Иронси. «Цель нового режима — сказал он, — создание сильной и объединенной нации, избавленной от коррупции, nepотизма, трибализма и внутренней борьбы». Обрушившись на свергнутых политиков, майор заявил: «Во всем мире выборы — это чистая фикция»¹²⁵.

Дав понять, что Иронси причастен к убийству Ахмаду Белло, пользовавшегося популярностью среди глубоко религиозного населения Севера, майор поставил генерала в неудобное положение. Иронси предпринял ход, имевший целью отвлечь от себя гнев северян: по его приказу Нзеогву был вызван в Лагос и подвергнут домашнему аресту, якобы для его собственной безопасности. Отмеже-

вавшись от радикально настроенных молодых офицеров, Иронси, однако, ухудшил свое положение, утратив поддержку тех, кто мог бы его выручить в предстоящие трудные месяцы.

Мотивы, побудившие Иронси сделать это, понять нетрудно. Выступление Севера против военного режима означало бы конец федерации. Новые лидеры должны были любой ценой избежать того, чтобы на Севере создалось впечатление, будто переворот — это дело рук ибо, решивших покончить с привилегиями хауса-фульбе. Объективно переворот означал усиление южной буржуазии в противовес северным феодалам, т. е. сыграл прогрессивную роль. Кроме того, его положительное значение состояло в том, что новый режим неустанно подчеркивал намерение покончить с борьбой этнических групп, составлявших население Нигерии, и сохранить федерацию. Однако этого не удалось выполнить, поскольку в последовавшие за переворотом месяцы феодальная верхушка сумела полностью использовать религиозный фанатизм населения Севера, а сам военный режим не обладал четкой социальной программой и не попытался опереться на массы и заручиться поддержкой организаций, выступающих за независимое и прогрессивное развитие страны.

Генерал Иронси был типичным кадровым офицером английской школы. Ему было 42 года, в армии он служил с 18 лет, его карьера во многом сходна с карьерой генерала Анкра. Иронси в течение двух лет был военным советником верховного комиссара Нигерии в Англии, командовал нигерийским контингентом войск ООН в Конго. Примерно такого же типа были и окружавшие его высшие офицеры. Кроме национализма и стремления покончить со скандальной коррупцией и раздорами, у них не было никакой программы.

Новое правительство арестовало и предало суду бывших министров, подозревавшихся в злоупотреблениях, предоставило соответствующим инстанциям право расследовать банковские счета лиц, уличенных в коррупции. Оно заявило о намерении сократить расходы на содержание административного аппарата, увеличить ассигнования на жилищное строительство и медицинское обслуживание населения и т. д. В экономической политике правительство придерживалось принципа поощрения частных инвестиций и привлечения иностранного капита-

ла. Политические партии были распущены, профсоюзам было предложено избегать забастовок.

Все эти шаги не сыграли решающей роли в судьбе режима Иронси. Ее решил национальный фактор.

Отношение северных эмиров к новому режиму, убившему их вождя, было вполне понятным, и заблуждаться на этот счет Иронси не мог. Чтобы не возбуждать против себя ненависть могущественных владык Севера, он их не трогал, не коснулись их мероприятия по борьбе с коррупцией и т. д. Но эта примирительная позиция пошла ему во вред: эмиры не отказались от враждебного отношения к режиму, а, напротив, почувствовав его слабость, приободрились. Собравшись в Кадуне, 105 эмиров объявили о своей оппозиции новому режиму, когда последний провозгласил намерение отказаться от федеральной системы и ввести централизованное правление. Это был краеугольный камень политики военного правительства в национальном вопросе — важнейшем из всех, с которым ему пришлось столкнуться. Оппозиция правящих кругов Севера обрекала план Иронси на неудачу.

Вместе с тем прогрессивные и националистические круги ибо были разочарованы, на их взгляд, слишком мягкой позицией военных лидеров по отношению к северным феодалам, и их энтузиазм резко упал.

Декрет № 24 военного правительства, изданный 24 мая 1966 г., предусматривал переход от федеральной системы к централизованной. Он вызвал недовольство эмиров и беспокойство довольно широких кругов северной интеллигенции, особенно выпускников университета Ахмаду Белло. Раньше выпускникам учебных заведений с Севера была предоставлена монополия на замещение вакансий в государственном аппарате их родной провинции. В федеральный аппарат им ходу не было; северяне составляли в нем немного более одного процента. Однако дома, на Севере, они чувствовали себя избавленными от конкуренции ибо. Теперь вырисовывалась перспектива ликвидации всех региональных привилегий, а молодежь с Севера опасалась, что она в своей провинции будет оттеснена более многочисленными и лучше подготовленными южанами. Враги военного режима не замедлили использовать эти настроения¹²⁶. Э. Фит писал, что Иронси восстановил против себя традиционных правителей вождей племен тем, что отнял юридические

права у обычных судов, смешал с должностей «выбранных» членов местных советов и ставленников вождей в различных органах и т. д.¹²⁷. Казалось, это должно было обеспечить правительству поддержку государственных служащих. Однако служащие, особенно выходцы с Севера, в свою очередь были недовольны политикой централизации. В результате Иронси потерял доверие вождей племен, но не приобрел опоры в лице администрации. Попытка сломать федерально-племенную систему оказалась неудачной и роковой для генерала Иронси.

Главная опасность заключалась в раздувании недовольства среди солдат хауса. Агентура эмиров вела среди них неустанную пропаганду, подчеркивая, что и сам Иронси, и его ближайшие помощники — выходцы из народа ибо, что ни один ибо не был убит во время переворота 15 января, что все повышения по службе после переворота получают офицеры ибо, что солдат хауса использовали как слепое орудие во время переворота для убийства их лидеров с целью установления гегемонии ибо и т. д.

29 мая, спустя пять дней после оглашения декрета об упразднении федеральной системы, в северных городах начались заранее готовившиеся избиения ибо. Агенты феодалов натравили мелкий городской люд, особенно озлобленных безработных, на выходцев с Юга. Сотни ибо были убиты прямо на улицах и в домах. Такой дикой вспышки националистического фанатизма Нигерия еще не знала.

Иронси понимал, что обстановка накаляется. Главное, на что он надеялся, — это попытаться сохранить единство армии. В июле он выехал в Западную Нигерию, изменив своему правилу не выходить из резиденции, охранявшейся танком и противотанковой пушкой. Этот выезд оказался для него роковым.

29 июля 1966 г. в Абеокуте (Западная Нигерия) в момент, когда там находился Иронси, вспыхнул мятеж солдат хауса. Всех офицеров ибо перестреляли. Среди них нашел смерть и генерал Иронси. Разоружив охрану, солдаты-северяне вывезли его вместе с подполковником Фаджуйи за несколько миль от Абадана и расстреляли обоих из пулеметов¹²⁸.

Новым руководителем военного режима стал 32-летний подполковник Якубу Говон, родом из племени тив, из

центральной части Нигерии. Правительство предпринимало отчаянные усилия, чтобы стабилизировать положение. Однако стихия трибализма разбушевалась. 26 сентября в городе Джос (Северная Нигерия) начались погромы ибо, быстро перекинувшиеся на другие города. Кульминационным пунктом этой новой волны побоищ были кровавые события в Кано 2 октября, когда солдаты хауса хладнокровно истребили несколько сот мирных жителей ибо. За несколько дней на Севере были убиты многие тысячи ибо; многие были искалечены, в ряде случаев людям выкалывали глаза.

К концу октября 1 млн. 800 тыс. ибо, бросив имущество, в панике бежали с Севера на Восток. Рассказы беженцев о зверствах северян вызвали ответную вспышку в Восточной Нигерии, в Порт-Харкоте и Онитше начались убийства выходцев с Севера. Военный губернатор Восточной Нигерии подполковник Оджукву приказал всем уроженцам других областей (кроме Среднего Запада) покинуть территорию Восточной области. Тем временем ибо стали эвакуироваться на родину не только с Севера, но и с Запада, Среднего Запада и Лагоса.

В этой атмосфере, естественно, вдребезги разлетелось и единство армии. Приведем красноречивое свидетельство польского автора, очевидца событий: «Армия расколота, частично перебита, нельзя установить, какие воинские части лояльны к новой власти, а какие — против нее. Больше всего погибло военных, перестрелявших друг друга. Офицерский корпус, истребленный по меньшей мере наполовину, состоял из очень молодых, отчаянных людей, привыкших чуть что хвататься за пистолет. Во время первого переворота ибо убивали офицеров йоруба и хауса, во время второго офицеры йоруба и хауса убивали офицеров ибо. Очень немногие остались в живых»¹²⁹.

Кровавые события 1966 г., во время которых больше всего пострадали ибо, в конечном счете вылились в мощный подъем националистического движения этого народа, что на практике привело к сепаратистскому движению. Уже с конца 1966 г. военное правительство Восточной Нигерии во главе с подполковником Оджукву начало предпринимать шаги, направленные к выходу из федерации. К апрелю 1967 г. процесс отделения Восточной Нигерии приобрел уже вполне отчетливые очертания, а 30 мая

Оджукву провозгласил республику Биафра и началась война, принесшая Нигерии неисчислимы страдания.

В Нигерии приход к власти военных был встречен самыми широкими кругами общественности с неопишым энтузиазмом. В адрес руководителей нового режима сотнями поступали резолюции с выражением самой горячей поддержки. Так, в резолюции блока партий, возглавляющегося НСНГ и получившего название Объединенный прогрессивный великий союз, говорилось: «16 января 1966 г. войдет в историю нашей великой республики как день, когда мы впервые завоевали подлинную независимость. Этот день должен стать нашим национальным праздником». В резолюции Движения зикистов (сторонников Азикиве) можно было прочесть: «Всеобщая анархия и разочарование масс сделали этот переворот необходимым. В период, наступивший после достижения независимости, правительство грубо попирало основные права человека. Людей лишили права жить в условиях свободы и взаимного уважения. Им нельзя было иметь собственное мнение. Организованный политический гангстеризм и политика мошенничества превращали в фарс все выборы. Вместо того, чтобы служить нации, политики занимались грабежом и копили деньги. Росли безработица и эксплуатация, а немногочисленная клика стоявших у власти феодальных фашистов не знала предела в своих издевательствах над населением»¹³⁰.

Для подавляющего большинства населения свержение ненавистного режима, установленного в свое время с благословения английских колонизаторов, казалось избавлением от кошмара, началом новой эры. Военных приветствовали как спасителей нации. Прошло немного времени — и энтузиазм исчез, уступив место разочарованию и апатии. У власти, как стало ясно всем, встали весьма ограниченные в своих взглядах и лишённые политического опыта офицеры-профессионалы английской школы, отличавшиеся от деятелей прежнего режима только честностью и патриотизмом. Но, как и следовало ожидать, этих качеств оказалось слишком мало. Трудно судить, каковы были бы результаты социально-экономических мероприятий режима Иронси, — история предоставила ему всего полгода. Национальный вопрос доминировал над всем. Социальные и экономические проблемы

были и остаются пока что на втором плане, хотя в конечном счете национальный вопрос связан именно с ними.

Нигерия — это наиболее яркий и страшный пример перерождения трибализма в воинствующий и непримиримый национализм. Традиционная рознь между племенами и этническими группами в Африке, как и в других частях света, где общество находилось или находится на невысоком уровне экономического, социального и культурного развития, часто сопровождалась кровопролитием и зверствами. Но в прежние времена эта рознь не могла принять форм, которые характерны для нее сейчас, когда она может быть возведена на уровень государственной политики, когда в руках враждующих сторон оказываются усовершенствованные средства экономического и военного давления.

Культурный и социальный уровень народностей и племен все еще остается весьма низким, но они уже обладают современной административной и военной организацией, имеют оружие новых образцов, и это намного усиливает опасность междоусобных конфликтов. Традиционная вражда оказывается удобной формой, наполняемой новым содержанием. Разочарование, которое охватывает массы, когда они видят, что их независимое правительство не в состоянии добиться ни быстрого экономического прогресса, ни ликвидации зависимости от бывших метрополий; горечь и недовольство, усиливающиеся по мере роста социальных контрастов и возникновения привилегированной элиты; чудовищная дисгармония между той захватывающей картиной увлекательной и богатой жизни, которая дразнит и манит человека с экрана или со шкалы транзистора, и нищей, убогой, бесперспективной действительностью; мучительная сложность современного мира, разрушающего старые моральные и общественные нормы и освященные веками представления, выбивающего почву из-под ног, — все это создает настроение растерянности и озлобления, порождает замешательство, близкое к отчаянию.

Поскольку в социально отсталом обществе еще нет институтов, которые могли бы направить это недовольство в русло политической классовой борьбы, поскольку сознание преобладающей массы населения отягощено религиозными предрассудками и отсталыми представлениями, свойственными патриархальному деревенскому

обществу, социальный протест легче всего принимает форму вражды ко всему чужому, форму национализма и шовинизма.

Нигерийская трагедия показала, что далеко не всегда армия в состоянии эффективно способствовать созданию национально сплоченного общества, преодолевающего этнические перегородки. Стоит вспыхнуть бешеному пламени национальной вражды, как она моментально оказывается охваченной теми же страстями, что и гражданские массы. Годы «общенационального воспитания» летят насмарку, и люди, одетые в одинаковые мундиры, убивают друг друга.

Таким образом, армия в Тропической Африке не обладает иммунитетом против вируса трибализма и сам по себе приход военных к власти не может быть средством избавления страны от зол, корни которых лежат глубоко.

В политической жизни Ганы армия сыграла сложную и неоднозначную роль. В феврале 1966 г. она выступила как сила контрреволюционная. Руками военных был свергнут прогрессивный режим Кваме Нкрумы.

Нет необходимости давать характеристику этому выдающемуся африканскому патриоту и системе, которую он создал в Гане. Будучи последовательным и решительным антиимпериалистом и убежденным сторонником социализма, Нкрума в теории категорически отверг капиталистические методы преодоления отсталости. Партия Нкрумы — НПК (Народная партия конвента) — была единственной организованной политической силой в стране, контролировала все сферы жизни, за исключением армии. Была создана однопартийная система. Власть Нкрумы была неограниченной: он был пожизненным председателем и генеральным секретарем партии, президентом и премьер-министром, имел право аннулировать решения Специального трибунала, назначать и отзывать судей высших судебных органов.

В 1961 г. был принят семилетний план развития; темпы роста государственного сектора должны были опережать частный сектор, которому тем не менее отводилась значительная роль.

Предполагалось привлечь в промышленность частный капитал, как местный, так и иностранный; для последнего был создан более поощрительный режим, чем для местно-

го. Был создан ряд смешанных предприятий, хотя предпочтение отдавалось государственному сектору. К 1965 г. имелось более 30 крупных государственных корпораций, из них почти половина — в промышленности.

Режим Нкрумы добился немалых успехов в развитии страны. Почти вдвое увеличилось число врачей, равно как и учащихся в начальных школах. Самой крупной статьей расходов в государственном бюджете было народное образование. До 1963 г. темпы роста производства составляли 5,5—6%; среднегодовой рост экспорта какао-бобов (основа сельского хозяйства Ганы) к началу 60-х годов достиг 12%. Однако неоспоримые успехи экономического развития сопровождались и тяжелыми неудачами.

Некоторые из них не зависели от характера режима: так, на мировом рынке падали цены на какао-бобы и гарантированные закупочные цены на них в конце 1965 г. были снижены, что вызвало недовольство фермеров, которые (вместе с семьями) составляли 20% населения. Резервы иностранной валюты оказались практически исчерпанными. Огромных размеров достигли внешняя задолженность и дефицит торгового баланса. Неудержимо росла инфляция. Увеличивалась безработица. Многие государственные предприятия оказались убыточными, производительность труда на них (в промышленности) была вдвое ниже, чем на частных.

Видя это, но не желая давать свободу действий частному сектору, правительство возлагало надежды на иностранный капитал, однако последний, функционируя в отсталой стране, при отсутствии диктатуры пролетариата, стимулировал развитие частнособственнических, капиталистических тенденций, разлагал государственные и партийные кадры. Широкое распространение в верхах общества получила коррупция. Еще в 1961 г. Нкрума уволил шесть министров, и на судебном процессе выяснилось, что одному из них, Гбедеме, человеку очень известному, принадлежали роскошный особняк с садом, две американские автомашины, пять жилых домов, магазин, ресторан, бензоколонки и т. п.¹³¹ У министра внутренних дел Эдусеи были банковские счета в шести городах за границей, а его жена, проводя отпуск в Лондоне, купила у антиквара кровать из чистого золота, о чем стало широко известно в Гане. Стало ясно, что режим не дает гарантии

против коррупции, этого бича молодых государств Африки.

Факторы, которые теоретически должны были обеспечивать прочность прогрессивной власти, по большей части были слабы, несмотря на бесспорно социалистическую ориентацию и наилучшие намерения самого Нкрумы и наличие в его распоряжении когорты молодых энтузиастов. Слабость партии, коррупция среди части руководящих кадров, недостаточная демократизация общественной жизни, серьезные экономические ошибки — все это сыграло на руку правой оппозиции.

Империалистические разведки давно вели работу против революционного режима, подыскивали себе опору внутри страны, вербовали людей, выжидали момент. К началу 1966 г. враги новой Ганы решили, что пришло время действовать.

Тем временем в ганской армии нарастали враждебные настроения, которые в феврале 1966 г. оформились в контрреволюционный заговор, приведший к перевороту и падению Кваме Нкрумы.

Армия Ганы, отпочковавшаяся от Королевских пограничных сил Западной Африки, насчитывала к моменту достижения независимости 4 тыс. человек. По традиции примерно 60% солдат рекрутировались из отсталых племен, а офицеры почти все были выходцами с Юга¹³². Нкрума заботился о материальных привилегиях военных: самый младший по чину офицер, только начавший служить, получал столько же, сколько выпускник колледжа, поступивший на гражданскую службу. Жалование солдата вдвое превышало среднюю заработную плату по стране. За время пребывания Нкрумы у власти личный состав армии вырос до 14 600 человек, флот и авиация насчитывали соответственно 970 и 650 человек. Число офицеров-африканцев увеличилось с 1957 по 1966 г. с 25 человек до примерно 600. Расходы бюджета на вооруженные силы выросли с 4 до 8%. Численность полиции — с 6 тыс. до 12,5 тыс.¹³³.

Старшие офицеры, как правило, были бывшими сержантами колониального полка Золотого Берега. Они были посланы на учебу в Англию — либо в королевскую академию Сэндхерст, либо в офицерские кадетские школы Монс и Итон Холл.

Англофилия пронизывала насквозь ганский офицер-

ский корпус. Частично это объясняется опытом его предшественной службы: большинство офицеров прошли подготовку либо в Англии, либо в Гане под руководством английских инструкторов... Ганские офицеры судят о делах своей страны, руководствуясь критериями, принятыми в английском обществе, и в соответствии со шкалой ценностей английского офицерства.

Разумеется, ко всем утверждениям о приверженности ганских офицеров британским нормам политической жизни следует относиться весьма осторожно. Один из лидеров переворота 1966 г. полковник Африфа заявлял в интервью, что режим Нкрума отталкивает его и его коллег... отсутствием свободы печати и прав человека ¹³⁴.

Верно лишь то, что если офицеры и не принадлежат к поборникам западной демократии, то и идея социализма была им абсолютно чужда. Кадры офицеров готовились в английском военном училище Тескье близ Аккры. После 1960 г. училище было преобразовано в национальную военную академию, но по существу в нем мало что изменилось. Преподавали там в основном канадские офицеры, и У. Гаттеридж пишет, что ганский офицерский корпус был единственной организацией в стране, на которую не распространялось влияние партии ¹³⁵. М. Джановиц также отмечает: «Несмотря на однопартийную систему, в армии не было введено специальной системы оценки политической лояльности, не существовало системы проверки для установления политической благонадежности» ¹³⁶. Английская газета «Трибюн» писала, что в ганской армии «африканизация свелась в основном к смене персонала... Армия и полиция — это „западные институты, руководимые черными европейцами“» ¹³⁷. Африканский журнал «Африка рипорт» писал: «Вооруженные силы Ганы остались колониальным учреждением, расширенным и африканизированным, но полностью так и не деколонизированным» ¹³⁸.

По какой причине Нкрума, охвативший партийным руководством (пусть даже по существу формальным и недейственным) все сферы жизни, вдруг «упустил» армию? Столь опытный и искушенный политик не мог недооценивать роль вооруженных сил; он всячески о них заботился. Невозможно представить себе, что Нкрума оставил армию вне партийного контроля по собственной беспечности или из уважения к традиционному англий-

скому принципу «армия вне политики». Когда было нужно, Нкрума спокойно переступал через все освященные традицией принципы и нормы западной политической жизни.

Предоставим слово Нкруме. В изданной уже в 1968 г. книге «Черные дни в Гане» он писал: «Для того чтобы вообще иметь армию, я должен был примириться с тем, что мне досталось, хотя я знал связанную с этим опасность. Фактически наиболее квалифицированные из обученных англичанами будущих офицеров ганской армии были и наиболее неокOLONиалистски настроенными... Мне пришлось унаследовать офицерский корпус, состоявший в значительной мере из людей либо активно враждебных по отношению к партии, либо ко мне, людей антисоциалистических взглядов. Еще хуже было то, что пехота в основном была набрана на Севере, где в колониальные времена образование было запущено и многие солдаты могли стать легкой добычей любого, кто хотел сбить их с пути»¹³⁹.

«Тот факт,— продолжал Нкрума,— что начальник полиции Харлей и другие легко получили поддержку в армии, может быть объяснен „сэндхерстовской психологией“ ряда офицеров. Эти люди... гордились тем, что они в большей мере англичане, чем ганцы... Они постепенно стали бóльшими англичанами, чем сами англичане, стараясь рабски подражать традиционным британским офицерам... Африфа считал себя „джентльменом“, стоящим намного выше крестьян и рабочих собственной страны. Он признает, что именно в Англии он впервые услышал критику в адрес ганского правительства»¹⁴⁰.

По словам Нкрумы, примерно шестая часть ганского офицерского корпуса была обучена в Сэндхерсте, хотя в последние годы его правления все больше военных посылались на учебу в Советский Союз и другие социалистические страны.

«Знаменательно,— писал Нкрума,— что ни один из офицеров, прошедших обучение в Советском Союзе, не принял участие в февральском мятеже»¹⁴¹.

И далее Нкрума развивал уже приводившиеся выше мысли, что, по существу, единственный путь предотвращения подрывных действий со стороны армии в независимой Африке — это роспуск профессиональных армий вообще и замена их народной милицией. Нкрума призна-

вал, что он шел именно к этому, но не успел; офицеры, разгадав его намерение, совершили переворот. Один из лидеров заговора, полковник Котока, заявлял впоследствии: «Нкрума создавал милицию. Кто же может это терпеть?»¹⁴².

Возникает вопрос: почему Нкрума, который, как мы видим, прекрасно отдавал себе отчет в ненадежности офицеров, воспитанных в английском духе, не предпринял решительных мер против «профессиональной армии», к которой он столь враждебно относился? Почему он, напротив, увеличивал число офицеров, а о милиции стал думать лишь в конце своего правления?

Убедительным представляется лишь одно объяснение этого исключительного по своей важности факта: Нкрума хотел сохранить лояльность армии, преданность офицеров именно тем, что не трогал их, не подвергал раздражающим «проверкам благонадежности», не начинал кампаний перемещения офицеров или их смещения по политическим мотивам. Дело в том, что других офицеров ему взять было неоткуда, квалифицированные командные кадры были поставлены английской школой. Заменить офицерский корпус несравненно сложнее, чем любой гражданский административный или политический аппарат. Можно уволить любого министра и поставить на его место человека, не обладающего никакими специальными знаниями, но зато политически лояльного. Он будет вести дела, опираясь на помощников-специалистов, унаследованных от прежнего руководства. Но нельзя назначить командиром полка человека, не разбирающегося в военном деле, в расчете на то, что какой-то «специалист» будет ориентировать его в делах; это можно, правда, сделать в революционной или в партизанской армии, но не в армии регулярной, кадровой, в условиях мирного времени. Командир должен быть именно военным специалистом и пользоваться авторитетом у подчиненных.

Поэтому Нкрума был вынужден сохранить прежний офицерский корпус английской выучки, который самовоспроизводился, ибо западные офицеры и их прежние ученики обучали в прозападном духе кадетов военной академии. А раз он ничего не мог с этим поделать, он решил не возбуждать понапрасну недовольства военных «вмешательством политиков» в их дела, понимая, как военные этого не любят. Следует признать, что с формальной точ-

ки зрения это логичный путь (в сочетании с материальными привилегиями) сохранения армии молодого государства на стороне правительства.

Однако эта логичность кажущаяся. Недовольство введением системы политического «воспитания» является лишь одной из возможных причин недовольства армии. Предугадать и предотвратить возникновение оппозиционных настроений среди военных в неустоявшемся, еще только формирующемся обществе трудно. Не говоря уже об этнических, групповых и других противоречиях, никогда не исключена возможность того, что в одном из высших офицеров проснется честолюбивое желание стать диктатором. И в таком случае аполитичные офицеры, свободные от преданности идее, политическому курсу руководства, послушно пойдут за командиром.

В 1961 г. контингент ганских вооруженных сил был направлен в Конго для участия в операциях войск ООН. Командовал им английский генерал Александер, помощником его был полковник Анкра; оба не одобряли позицию Нкрумы в конголезском кризисе, в частности ту скрытую поддержку, которую он оказывал Лумумбе. Разногласия обострились, когда Нкрума решил послать кадетов для военного обучения в Советский Союз. В декабре 1961 г. Нкрума уволил Александера и других английских офицеров, занимавших командные позиции в ганской армии. Но вместо Александера командующим армией был назначен его любимец Анкра, произведенный в генералы. В 1965 г. Нкрума сократил ассигнования на нужды армии. Это вызвало недовольство старших офицеров. Однако реальную угрозу своему положению они увидели тогда, когда Нкрума в июле 1965 г., убедившись в нелояльности Анкры, уволил его в отставку и, наконец, изменив свою прежнюю позицию, обдумывал мысль о создании народной милиции. Одновременно он усилил бдительность в отношении возможной оппозиции со стороны военных; один из организаторов переворота полковник Африфа впоследствии утверждал, что именно «усиление политического контроля со стороны Народной партии конвента вызвало возмущение офицеров»¹⁴³. Видимо, Нкрума стал пересматривать свои взгляды на проблему политической «вовлеченности» армии. Но было уже поздно.

24 февраля 1966 г., когда Нкрума находился в Китае,

его режим был свергнут в результате военного переворота. Непосредственным организатором переворота был полковник Котока, командир второй пехотной бригады. Котока вывел свои войска из казарм, двинулся на столицу и вступил в нее в 5 часов утра. Во всей операции участвовали максимум 1500 человек с 20 танками. В заговоре участвовали также полковник Африфа и начальник полиции Харлей. Уже в 10 часов утра сопротивление личной гвардии Нкрумы, оборонявшей его резиденцию Флагстафф-хауз, было в основном сломлено. В 18 часов полковник Котока выступил по радио Аккры и объявил о свержении власти Кваме Нкрумы и Народной партии конвента. Власть перешла к военному органу, названному Национальным советом освобождения, во главе которого был поставлен Анкра, занимавший после увольнения из армии второстепенную гражданскую должность.

Нкрума, доверявший Харлею, узнав в Пекине о перевороте, сказал: «О, Харлей подавит все это»¹⁴⁴. Он ошибся: Харлей наряду с Котокой и Африфой был руководителем давно подготовленного заговора. Главную роль в новом руководстве стал играть Анкра, привлеченный к заговору в последний момент. Он происходил из племени га, родился в 1915 г., после окончания средней школы работал учителем. Завербовавшись в Королевские пограничные силы Западной Африки, Анкра прошел путь от рядового до генерала. Генерал Александер говорил, что Анкра, вероятно, самый боевой и жесткий (tough) солдат в Гане, невероятно решительный и беспощадный в ситуациях, требующих насильственных акций¹⁴⁵.

Кроме личной гвардии Нкрумы, никто не оказал никакого сопротивления. Двухмиллионная партия мгновенно распалась. Большинство ответственных лиц государственного и партийного аппарата сразу же признали новый режим.

Бюрократы колониальной выучки, относившиеся к идеям социализма в лучшем случае совершенно безразлично, и не могли защищать власть Нкрумы. Как писал редактор египетского прогрессивного журнала «Ат-Талиа» Лютфи аль-Холи, в Гане «государственный аппарат по-прежнему оставался в руках контрреволюционных сил и марионеточных кадров, подготовленных колониализмом для замены его собственного аппарата после провозглашения независимости»¹⁴⁶.

В свое время Нкрума говорил: «Как только новое правительство приходит к власти, ему следует независимо от того, была ли революция мирной или вооруженной, избавиться от всех ведущих государственных чиновников, оставшихся от старого режима. Мой собственный опыт научил меня, что пренебрежение этим вопросом может оказаться для правительства роковым...»¹⁴⁷. Нкрума избавился от высших чиновников прежнего аппарата, но беда заключалась в том, что в силу способности бюрократии к самовоспроизводству новые чиновники мало чем отличались от старых. Вместо того чтобы быть преданными идеалу строительства социалистического общества, они были охвачены духом буржуазного стяжательства.

Нкрума писал в мемуарах, что высшие чиновники с легкостью меняли свои убеждения и служили любому режиму, начиная от колониального и кончая революционным. Они сразу поддержали и мятежный режим. «Чиновники всегда с тоской вспоминали колониальные времена, когда их высший слой, именовавшийся „политическими офицерами“, практически управлял страной. Они приветствовали военный переворот, так как верили, что за фасадом военной власти они будут подлинными хозяевами»¹⁴⁸.

Журнал «Партизан» дал следующую оценку событиям в Гане: «Решающим было то, что ганская буржуазия не была ликвидирована. В рамках единой партии, где они имели солидный вес, представители ганской буржуазии укрепляли свою экономическую власть, сохраняя также самим фактом своего присутствия и власть политическую, которую Нкрума ограничил, не решаясь, однако, нанести им настоящий удар... Нкрума развивал идею, что социализм можно построить без насильственных перемен, без партии авангарда... без особо значительной роли рабочего класса и бедного крестьянства, без радикальной ликвидации экономической и политической власти буржуазии... Оставив слишком много свободы буржуазии, Нкрума сам подготовил свое падение... Буржуазия неизбежно должна была попытаться избавиться от Нкрумы, поскольку он не поощрял экономического либерализма»¹⁴⁹.

«Партизан», известный своими крайне левыми взглядами, бесспорно, сгустил краски и приписал Нкруме мысли, которые тот вряд ли разделял. Но вопрос, который ставится в процитированном отрывке, имеет важ-

нейшее значение: действительно ли слишком либеральное отношение к буржуазии явилось причиной падения Нкрумы?

Сначала приведем оценки некоторых других левых авторов. Английский лейборист Ф. Брокуэй, близкий к кругам передовой африканской интеллигенции, писал в «Трибюн»: «Нкрума пал потому, что в последние два года его правления он оказался изолированным, изолированной от народа оказалась и его партия. Ошибка его политики состояла в том, что он не смог увлечь за собой народ в своем социалистическом строительстве. Для того чтобы уменьшить зависимость Ганы от иностранных капиталовложений, были необходимы жертвы: повышение налогов, принудительные отчисления и ограничение импорта. Все это народ мог бы принять, если бы он был охвачен пафосом социалистической революции. Этого не случилось, потому что не было достаточных попыток убедить народ в необходимости жертв»¹⁵⁰.

Африканский марксист Тиджани Бабикер, выступая на каирском семинаре в октябре 1966 г., заявил: «Неорганизованные массы, находящиеся в состоянии смятения, не были способны нанести поражение организаторам государственного переворота. Им нужна была активная революционная партия авангарда. Попытки Нкрумы превратить Народную партию Конвента в партию авангарда не увенчались успехом. Имелось много недостатков в работе и организации партии. Когда настал час испытания, даже члены партии не сплотились и не встали на защиту революции»¹⁵¹.

Лютфи аль-Холи в уже цитированной статье объяснял неожиданность переворота тем, что «партия переоценила свои возможности, исходя из своего формального положения правящей партии, а не из реального влияния своих организаций, кадров на народные массы, которые являются источником подлинной силы. Она охватывала группу революционных интеллигентов и городских жителей. Она не смогла проникнуть в широкие массы сельского населения, просветить и мобилизовать массы, пробудить в них подлинный интерес к революции». Имея в виду Народную партию конвента Ганы, Холи говорил, что «на поверхности существует величественная революционная конструкция, которой, однако, внутренне недостает содержания и эффективности, она оторвана от ре-

150

альной действительности, изолирована от масс и рушится в минуты практических испытаний¹⁵².

Таковы мнения левых кругов. Что касается комментаторов из противоположного лагеря (которые, кстати сказать, давно предсказывали крах режима Нкрумы, указывая на его растущую изоляцию), то они приписывают успех переворота полному падению популярности Нкрумы как вследствие его «деспотизма», так и вследствие экономических трудностей.

Если говорить о внутренней слабости и неэффективности партии, то к тому, что уже отметили цитировавшиеся выше авторы, нечего прибавить. Но остается невыясненным вопрос, каковы же причины этой слабости, а также в какой мере они связаны с явлением, о котором пишет «Партизан», — с сохранением позиций буржуазии.

Как мы видели, и Брокуэй, и Бабицер, и Холи согласны в том, что Нкрума не смог создать подлинную авангардную партию, опирающуюся на массы, проникнутую революционным духом. Очевидно, все это взаимосвязано. Но объяснения, которые дают указанные авторы, недостаточны. «Не было достаточных попыток убедить народ в необходимости энтузиазма и жертв», — считает Брокуэй. Между тем попытки были, и Нкрума в своих речах много раз говорил об этом. Он искренне стремился разжечь энтузиазм масс и, опираясь на них, строить социализм, но слишком многие представители верхушки своим дурным примером сводили эти усилия на нет.

История революций знает немало примеров того, как народ терпел лишения несравненно более тяжелые, чем те, которые выпали населению Ганы, и тем не менее с подлинным энтузиазмом и самопожертвованием шел за руководством, потому что верил в него, верил в идеал. В Гане этого не было, так как не было главного, необходимого условия для подобной веры — убежденности, что руководители сами верят в свои слова и лозунги, живут одной жизнью с народом и готовы разделить его жертвы и невзгоды, глубоко озабочены нуждами и страданиями простых людей. Буржуазия, естественно, видит в независимости главным образом средство приобрести те возможности «делать бизнес», которых она раньше была лишена ввиду засилья иностранного капитала. Но буржуазия в условиях африканского общества недостаточно сильна и влиятельна, слабое развитие экономики и про-

должающаяся зависимость от бывших метрополий все равно не дают ей возможности развернуться по-настоящему. Поэтому политический вес предпринимателей невелик. Зато та часть интеллигенции, которая захватывает привилегированные позиции в государственном и партийном аппарате, обладает огромными возможностями. Поскольку же эти возможности в отсталой стране могут быть уделом лишь горстки людей, сразу же образуется разрыв, появляется новая привилегированная элита.

И тогда массы населения, которые уже увлечены лозунгами построения нового, справедливого общества, чувствуют себя разочарованными и обманутыми. Между ними и руководящей прослойкой возникает «кризис доверия». Картина социального неравенства лишает все лозунги и программы внутренней убедительности. Энтузиазм уже пропал, вера подорвана, массами овладевает пассивность. Не может быть и речи о добровольной готовности нести жертвы и трудиться во имя будущего, когда люди видят, что бремя лишений не распределяется равномерно, а падает всей тяжестью на простой народ.

Президент Гвинеи Секу Туре обвинил руководящие кадры в стремлении к личному благополучию. Точно такая же картина, если не хуже, была, как мы видим уже, и в Гане. В Танзании, как писал корреспондент английского «Экономиста», Ньерере, совершая в начале 1967 г. поездку по стране, узнал, что «ведущие партийные деятели получали большие деньги от директоров иностранных компаний, надеявшихся обезопасить себя с помощью высокопоставленных африканцев, он увидел, как другие руководящие лица деловито строили дома и сдавали их в аренду по астрономическим ценам. По мере того как все большее число лидеров ТАНУ приобретало роскошные автомобили, в народе распространялась горькая шутка насчет „Вабенце“ („племени Мерседес-Бенц“)»¹⁵³.

Ньерере, как известно, сделал из этого определенные выводы, начал «новую революцию», поднял знамя Арушской программы, развернул кампанию против материальных привилегий, создал «зеленую гвардию». Секу Туре энергично ударил по обуржуазивающейся верхушке. Но Нкрума не сделал этого. Он снимал с постов наиболее коррумпированных чиновников, но их место занимали другие. Легко понять, почему это произошло. Вся атмосфера в стране была пропитана, по существу, капи-

талистическим духом, всячески поощрялась деятельность иностранного капитала, самим своим существованием порождавшего неоконпрадорскую прослойку, действовали и богатели местные крупные предприниматели. Тонкий слой радикальных программ и лозунгов не мог прикрыть общество, в недрах которого развивалась частная инициатива. Эта атмосфера захватывала, разлагала все новые слои государственных и партийных деятелей.

Но в равной мере понятны и объяснимы причины этого явления. Сам Нкрума, несомненно, был убежденным противником капитализма. Он поощрял иностранный и местный капитал лишь потому, что считал это полезным и необходимым для развития производительных сил Ганы, понимая, что без частного сектора отсталое и нищее государство не может создать развитую экономику, провести индустриализацию, обеспечить повышение жизненного уровня народа. Нкрума полагал, что при наличии командных высот в руках партии, придерживающейся социалистической идеологии, при наличии твердой государственной власти пагубное влияние капитализма может быть парализовано.

В принципе правильность этих идей бесспорна. Попытка сразу же начать строить социализм в стране, находящейся на крайне низком уровне развития производительных сил, попытка перестроить экономику только силами государства, без использования и привлечения частной инициативы почти наверняка обречена на провал. Ни Советский Союз, ни другие страны социализма не обошлись без использования частного сектора, хотя их стартовый уровень был несравненно выше нынешних молодых государств Африки и Азии. Вопрос в качестве человеческого материала, в наличии сознательной, подлинно революционной партии, бескорыстно служащей делу народа. Такая партия уже существовала в России к моменту революции, и нэп не смог ее разложить. Такие партии существуют в социалистических странах; частный сектор, даже имеющий в некоторых из этих стран немалые возможности, не в состоянии сбить их с пути социалистического развития. Все дело в том, что подлинно революционные, социалистические партии состоят в своей массе из людей нового типа, лишенных частнособственнических, эксплуататорских, стяжательских устремлений, из людей, которые в ходе революционного воспи-

тания и борьбы приобретают идейную закалку и иммунитет против буржуазных влияний. Для успешной революции в освободившихся странах отнюдь не в меньшей степени необходим такой тип людей, и многие революционные лидеры это понимают. Секу Туре, например, говорит, что «преобразование старого человека в нового человека есть явление идеологического, политического порядка. Необходимо изменить образ мышления, создать новый дух и воспитать в этом духе всех и каждого»¹⁵⁴. Но суть проблемы в следующем: откуда берутся и кем являются те, кого воспитывают, и те, кто воспитывает?

Костяк партий, пришедших к власти в большинстве стран Тропической Африки, состоял из интеллигенции, получившей европейское образование и в немалой своей части уже избалованной «западным образом жизни»; во многих случаях на руководящие посты пробрались воспитанные колонизаторами в нужном им духе и как бы специально оставленные в качестве своего рода «пятой колонны» проводники неокOLONИализма. И даже тогда, когда руководство партии состоит из людей действительно глубоко идейных и преданных социализму, очень трудно воспитывать «нового человека» из этого костяка, стоящего ближе к «западной цивилизации», чем к идеалам социализма. А именно этот костяк и соприкасается с массами, показывает им пример, является тем звеном, на которое возложена задача непосредственного проведения социально-экономических преобразований.

Когда в этих условиях правительство, руководствуясь бесспорно правильными соображениями о необходимости поощрения частной инициативы в интересах развития страны, дает простор капиталистическим отношениям, аппарат, еще не воспитанный по-настоящему в революционном духе и не представляющий собой социалистической авангарда, может быстро и легко поддаться буржуазному влиянию. Он может превратиться в бюрократическую буржуазию в своеобразном варианте, в рамках государства, официально отвергшего капиталистический путь. Это и есть та прослойка; о которой Секу Туре говорил, что она думает о виллах и автомобилях. Это и есть «племя Мерседес-Бенц». И, если вовремя не обуздать ее, не перетряхнуть, если не предпринять поистине титанических усилий для создания в стране новой атмосферы, не найти и не выдвинуть новых людей из на-

рода, — тогда режим становится внутренне хрупким, и достаточно горстки солдат, чтобы его свалить. Именно это и произошло в Гане.

Но неизбежен ли переворот даже в такой ситуации? Думается, что нет. Ни одна из причин, которые выдвигаются для обоснования его неотвратимости, не является достаточно убедительной.

Что касается уровня жизни, то на фоне других африканских стран Гана выгодно выделялась. Доход на душу населения был выше, чем у большинства других стран Африки. Трудности со снабжением, рост цен на продукты питания вызывали недовольство населения, но от этого еще далеко до массового антиправительственного выступления.

Все эти факторы могли лишь подготовить почву для переворота, придать смелость заговорщикам, обеспечить отсутствие сопротивления попытке свергнуть режим, создать общий фон безразличия и пассивности. Однако, если бы группа офицеров не задумала свергнуть Нкруму, можно не сомневаться, что он бы продолжал править страной. Уже отмечалось, что силы, совершившие переворот, были ничтожными. Значило ли это, что полковник Котока в любом случае мог рассчитывать на успех? Повидимому, нет. Это подтверждается примером с неудавшимся переворотом, организованным в Гане спустя год с лишним, 17 апреля 1967 г. Младшие офицеры, попробовавшие захватить власть, успели лишь убить Котоку и овладеть на несколько часов радиостанцией. Их неудача объясняется тем, что армия в целом их не поддержала; заговор ограничился масштабами одного полка, командиры других воинских частей сохранили верность генералу Анкра, перевес сил сразу же решил исход борьбы.

Но, если бы 24 февраля 1966 г. эти командиры сохранили верность Нкруме, можно не сомневаться, что Котока с его бригадой потерпел бы поражение. Пример Ганы, Сирии, Ирака и других стран подтверждает, что для успеха военного переворота недостаточно просто выступления какой-либо отдельной воинской части, даже если она овладеет столицей и объявит по радио о захвате власти. Необходимо, чтобы на стороне восставших оказались командующие родами войск или хотя бы часть их, — во всяком случае, необходима поддержка командиров крупнейших гарнизонов и соединений, которые

командуют основной массой вооруженных сил. Эти командиры должны быть в курсе заговора и одобрить его либо поддержать переворот, когда он свершится.

Как для того, так и для другого необходимо, чтобы идея свержения правительства созрела в умах большинства офицеров, находящихся на ключевых постах. Но первоначально почва для переворота созревает не в армии, а в общественном мнении.

Для Котоки, Анкры и других готовивших переворот общественное мнение означало прежде всего мнение людей, родственных им по духу и образу мыслей, т. е. умеренной буржуазно-либеральной интеллигенции типа той, которая составляла в свое время ядро партии Объединенного конвента Золотого Берега и была оттеснена Нкрумой и его более молодыми и радикальными последователями из числа мелкобуржуазной интеллигенции; мнение «старых чиновников» колониальной школы, служивших и при Нкруме, но относившихся к нему и его социалистической программе с плохо скрытой боязнью; наконец, мнение крепнущей буржуазии, которая, хотя и жила неплохо, испытывала недовольство концентрацией политической власти в руках партийной верхушки. Именно эти слои и были активно заинтересованы в свержении Нкрумы и получили наибольшие выгоды от переворота.

Журнал «Жен Африк» писал о результатах переворота в Гане: «Победителем оказалась старая элита, мечты которой были развеяны выдвижением Нкрумы». Характеризуя новую власть, журнал указывал: «Специальный политический комитет, который ориентирует Совет национального освобождения, состоит из людей, принадлежащих к старой элите. Судебная власть также находится в руках чиновников, занимающих свои посты еще со времени колониального правления. Их коллеги в административном аппарате вернули себе влияние, которое у них отнял Нкрума»¹⁵⁵.

Но достаточно ли было только общественного мнения этих групп, чтобы побудить офицеров выступить против Нкрумы, если бы не существовало общего разочарования, апатии и недовольства? В этом можно усомниться. Старая, прозападная элита была настроена против Нкрумы с самого начала. То, что переворот произошел не в 1961-м, а в 1966 г., нельзя считать случайностью. Для того чтобы все без исключения офицеры армии и

полиции, занимавшие ключевые посты, объединились против Нкрумы или же одобрили переворот постфактум, нужна была уверенность, что режим уже не пользуется достаточной симпатией и поддержкой населения. А отсутствие этой симпатии и поддержки объясняется совокупностью всех социальных, экономических и политических недостатков, ошибок, провалов правительства Нкрумы.

Следовательно, мы возвращаемся к исходному пункту. Дело не в армии как таковой (хотя стоит повторить, что, если бы не инициатива нескольких наиболее антиправительственно настроенных офицеров, Нкрума находился бы у власти, возможно, до смерти), — дело в общем экономическом и политическом климате, существовавшем в стране и объективно благоприятствовавшем перевороту. А инициативу атиправительственного выступления всегда могут проявить несколько офицеров, хотя бы по личным мотивам.

Было бы принципиальной ошибкой трактовать события в Гане в том смысле, что вообще ни одна экономически слаборазвитая страна не застрахована от переворота, который может в любой момент совершить недовольная чем-нибудь группа офицеров. Из предшествующего анализа вытекает, что, хотя подобная группа действительно может найтись везде, для успеха ее акции необходима активная или пассивная поддержка основной массы офицеров, занимающих ключевые посты, что в свою очередь может явиться лишь результатом общего падения популярности режима.

Кстати, нет никакой гарантии того, что, если бы даже Нкрума в свое время сумел безболезненно удалить из армии Аңкру и всех потенциально опасных офицеров, он был бы застрахован от угрозы военного переворота. Против него могли бы выступить и «новые» офицеры, не связанные общностью взглядов со старой элитой, но недовольные каким-либо из аспектов его правления.

Нкрума потерпел неудачу в своей политике еще до переворота. Переворот лишь обнажил, продемонстрировал эту неудачу.

Падение Нкрумы показывает, в частности, насколько важно найти в процессе строительства нового общества правильное соотношение между материальными и моральными стимулами. Здесь и

потерпел главную неудачу Нкрума, а не на поприще экономического развития. Экономические трудности неизбежны в процессе перестройки отсталой колониальной страны для любой социально-политической системы. Это объясняется и внутренней экономической слабостью, и зависимостью от мирового капиталистического хозяйства, которую быстро преодолеть невозможно. Вопрос в том, как народ будет относиться к этим трудностям, какие стимулы у него будут. А это связано и с идейным воспитанием, и с экономическим развитием.

В ноябре 1968 г. был свергнут прогрессивный режим президента Модибо Кейта в Мали. Многие из того, что было сказано о Гане в период правления Нкрумы, относятся и к Мали. Вот какой анализ предпосылок переворота дал крупный польский специалист по африканским проблемам Т. Пасербиньский:

«Радикальные реформы были с признательностью восприняты массами, но каждый раз наталкивались на сильное сопротивление консервативных элементов... Политике Модибо Кейты противились верхние слои купечества и ремесленников, деятельность которых все более строго контролировалась государством. Воду на мельницу правой оппозиции лила ухудшавшаяся финансовая ситуация в стране и некоторые недостаточно продуманные акции правительства в экономической области, о чем свидетельствовали хотя бы не всегда оправданные инвестиции, а также недостаточно гибкая политика по отношению к мелким торговцам (в 1965 г. был введен очень суровый статус, регламентировавший деятельность торговцев, направленный на „ликвидацию элементов, затрудняющих хозяйственную жизнь...“»¹⁵⁶.

Борясь с коррупцией, Кейта предпринял чистку партии, реквизировал 168 автомашин, приобретенных чиновниками за государственный счет, снял с работы и подверг тюремному заключению 175 человек, обвиненных в злоупотреблениях. В феврале 1968 г. Кейта распустил Национальное собрание и правил при помощи декретов. Однако недовольство, в том числе среди офицеров, возражающих против чрезмерного, по их мнению, контроля над армией со стороны президента, росло, и в конце концов режим был опрокинут группой военных во главе с Муса Траоре. Вот как описывал этот переворот Т. Пасербиньский: «19 ноября 1968 г. корабль „Генерал

А. Сумаре“ причалил к берегу. Толпа приветствует президента. Модибо Кейта, слегка усталый, садится с женой в машину и направляется к столице. Но через 10 километров президентский кортеж останавливают молодые солдаты в пятнистых куртках. 30-летний лейтенант Ткиекоро Багайоко приближается к черному лимузину, отдает честь и говорит: „Господин президент, не угодно ли вам отдать себя в распоряжение армии?“ Пораженный Модибо Кейта не оказывает сопротивления, молча занимает место в бронетранспортере, и колонна направляется в Бамако, где власть осуществляют уже офицеры в светло-бежевых мундирах. Власть в стране берет в свои руки Военный комитет национального освобождения. Им руководит 32-летний лейтенант Муса Траоре, известный своими хорошими манерами, имеющий репутацию уравновешенного и начитанного офицера»¹⁵⁷.

Спустя пять лет после переворота Муса Траоре в интервью так объяснил причины своего решения организовать переворот: «К совершенно катастрофической экономической и финансовой ситуации прибавились повседневные вымогательства беспощадной и наглой „народной милиции“, систематические нарушения конституции, неудачные эксперименты (например, с коллективными хозяйствами) и как естественное следствие всего этого — злоупотребления и раскол населения. Это не могло продолжаться, необходимо было что-то сделать, чтобы остановить развал нашей экономики и нашего общества, короче говоря, предотвратить худшее. Подобная задача, естественно, была по плечу только армии...»¹⁵⁸.

Третий режим в Тропической Африке, провозгласивший социалистическую ориентацию и свергнутый военными, — это режим Мильтона Оботе в Уганде. 25 сентября 1971 г. к власти в Уганде пришла армия во главе с командующим, генералом Иди Амином.

В отличие от Ганы и Мали в Уганде социалистическая ориентация свергнутого режима не успела по-настоящему проявиться, но общая антикапиталистическая направленность всего мировоззрения Оботе, его левые тенденции не подлежат сомнению. За 15 месяцев до конца правления Оботе выпустил документ под названием «Хартия простого человека», предусматривавший поворот влево в общественно-экономической жизни страны. И переворот, положивший конец сдвигавшемуся вле-

во режиму, в значительной, а возможно, и в решающей степени был связан с этим начавшимся сдвигом.

К моменту переворота армия Уганды представляла собой во всех отношениях элиту общества, экономически привилегированную часть его. После мятежей 1964 г. армии трех восточафриканских государств пришлось организовать практически заново. Правительство Кении решило создать высокопрофессиональную армию британского типа под командованием офицеров, обученных в Англии и воспитанных в духе аполитичности. Такой армии правительство могло не опасаться, так как в отличие, например, от Ганы или Танзании в Кении не проводится радикальных социальных преобразований, режим сохраняет консервативно-буржуазную ориентацию и у офицерства нет оснований беспокоиться, что правительство возьмет курс на строительство социализма и попытается заменить армию народной милицией. Иными словами, в Кении наблюдается соответствие между характером власти и характером армии в противоположность тому, что мы видели в Гане.

В Танзании, где президент Ньерере и правящая партия ТАНУ взяли курс на некапиталистическое развитие, политика по отношению к армии прямо противоположна. Армия всецело подчинена партийному контролю, проводится в жизнь концепция «политизации» вооруженных сил, вербовкой кадров в армию занимается Молодежная лига партии ТАНУ. В этом отношении армию Танзании можно сравнить с армиями Гвинеи и Конго.

В Уганде не было ни того, ни другого. Государственная власть при Оботе в растущей степени придерживалась левой ориентации, в то время как армия оставалась профессиональной корпорацией буржуазно-консервативного толка. Положение в Уганде напоминало положение в Гане. Между властью и армией существовал явный диссонанс.

После мятежа 1964 г. Оботе взял курс на «успокоение» армии и, чтобы устранить причины недовольства, предоставил офицерам все, что они хотели. Офицерский корпус был полностью африканизирован. Было резко увеличено жалование военнослужащих, особенно сержантскому составу. Сержант в Уганде получал вдвое больше, чем в Малави, и на 200 ф. в год больше, чем в Кении. Жалование рядового составляло в Замбии 180 ф. в год, в Ма-

лави — 108, в Кении — 129, в Уганде — 285 ф. (данные на 1967 г.)¹⁵⁹. Жалование рядовых солдат в 15—30 раз превышало доход рядового жителя страны, не достигавший и 20 ф. в год. К этому следует добавить льготы в отношении жилищ, питания, медицинского обслуживания и т. п. Солдаты и сержанты, не говоря уже об офицерах, были богатыми, привилегированными людьми по сравнению с крестьянской массой, которая была опорой режима Оботе и в интересах которой он и издал «Хартию простого человека». Социальный антагонизм был налицо.

Очевидно сознавая это, Оботе шел все дальше по пути «ублагодотворения» армии, пытаясь предоставлением ей материальных льгот отнять у военных стимул к вмешательству в его политику. По существу, он старался откупиться от военных.

В 1968 г. расходы на военные нужды составили в Танзании 3,8% бюджета, Кении — 6,9, а в Уганде — 10,2%. Общие военные расходы Уганды в 1968 г. достигли 17 млн. долл., — это почти столько же, сколько в Кении и Танзании, вместе взятых¹⁶⁰.

Опубликование «Хартии простого человека» не оставляло сомнений в намерении президента Оботе положить конец несправедливому распределению доходов внутри общества. Оботе, всегда бывший другом и поклонником Ньерере, все больше проникался идеями последнего. Сдвиг влево, в сторону «танзанийской модели», рано или поздно неминуемо должен был привести и к трансформации армии по танзанийскому образцу, к созданию «политизированных» народных вооруженных сил. В новой армии такого типа не могло быть места для привилегированной милитаристской элиты, для сверхвысоких окладов, да и личный состав вооруженных сил неизбежно должен был быть подвергнут радикальной чистке. Видимо, ряд офицеров угандийской армии был всерьез обеспокоен подобной перспективой; речь шла не просто об идеологической ориентации, а о привилегиях, карьере, хлебе насущном.

Опасения офицерства усилились в связи с тем, что Оботе исподволь начал создавать преданную лично ему «элиту внутри элиты», некий эквивалент ганского ПОГР — президентский гвардейский полк, имевший официальное название «специальные силы» (в нем было 100 человек, а всего в армии — без этой части — около

7500). «Специальные силы» пользовались льготами в отношении жалования и вооружения, что вызывало неприязнь регулярной армии. Наконец, Оботе создал полувоенную организацию ГСЮ («подразделение общих услуг») — своего рода тайную полицию, члены которой не носили формы и, как предполагалось, имели в своих рядах целую сеть информаторов. Это также настораживало офицеров.

Оппозиционно настроенное офицерство нашло себе лидера в лице командующего — генерала Амина. Профессиональный солдат, воспитанный в традициях британской армии, Амин во время второй мировой войны участвовал в военных действиях в Бирме, а впоследствии — в операциях английских войск против повстанцев мау-мау в Кении. В 1964 г. Амин прошел парашютную подготовку в Израиле, а в 1967 г. стал главнокомандующим. Оботе, очевидно, ранее доверявший ему, впоследствии начал ограничивать власть Амина. Он создал новые должности — начальников штабов армии и авиации. Амин имел основания полагать, что следующим шагом президента будет его смещение с поста главнокомандующего. переворот был совершен в отсутствие президента, точно так же как это было в Гане. Оботе был в Сингапуре, на конференции стран Британского содружества, когда до него дошла весть, что власть в Уганде перешла в руки армии.

Сопротивления практически не было. Партия Оботе — Народный конгресс Уганды — была слабой и неэффективной; ее описывали как «коалицию местных организаций или скорее местных политических систем, каждая со своей политической элитой...»¹⁶¹. Даже в Ланго, родном округе президента, из трехсот с лишним тысяч жителей в партии состояло около двух тысяч. Кстати, Оботе собирался провести радикальную реформу партийной структуры, и это могло лишь ускорить решимость военных совершить переворот. Недовольство широких слоев населения тяжелым экономическим положением, неравенством в распределении благ, широко распространенной коррупцией создали благоприятную почву для свержения режима.

В результате переворота, по мнению американского исследователя М. Лофчи, к власти в Уганде пришла коалиция военной верхушки, высшей бюрократии и богатых

производителей кофе из района Буганды¹⁶². В журнале компартии ЮАР «Африкэн комьюнист» отмечалось, что «все предприниматели, которым угрожала политика Оботе, приветствовали переворот Амина»¹⁶³.

Специфика вмешательства армии в политическую жизнь Судана заслуживает, чтобы вкратце остановиться на ней.

После провозглашения независимости 1 января 1956 г. к власти в этой огромной, крайне отсталой, крестьянской, этнически неоднородной стране пришла бюрократическая каста, связанная с племенной и феодальной аристократией, торговой буржуазией, финансистами, английским капиталом. Преобладающим политическим влиянием в Судане пользовались мощные религиозные секты Аль-Ансар и Аль-Хатмия. Аль-Ансар имела свою политическую организацию в виде партии Аль-Умма, выражавшей в свою очередь интересы феодально-племенной верхушки и компрадорской буржуазии; что же касается секты Аль-Хатмия, то ее поддержкой пользовалась вторая крупная партия — НЮП (Национально-юнионистская партия). Эти «традиционные» партии и составили первую коалицию во главе с Исмаилом аль-Азхари, но раскол НЮП, от которой отделилась НДП (Народно-демократическая партия), привел к первому политическому кризису, падению кабинета Аль-Азхари и образованию новой коалиции между Аль-Уммой и НДП. В июле того же, 1956 г. генеральный секретарь партии Аль-Умма, бригадный генерал в отставке Абдалла Халиль сформировал новое правительство. Последующие два года были отмечены неуклонным ухудшением экономического положения страны, снижением жизненного уровня, катастрофическим падением доходов от вывоза хлопка, ростом безработицы, обострением социальных контрастов, скандальным ростом коррупции. Профсоюзы и студенчество все более энергично выступали против явно несостоятельного, слабого, но злобного правительства.

«К осени 1958 г., — констатирует советский исследователь Ю. Грядунов, — общее недовольство правительством Абдаллы Халиля достигло своего апогея... В руководстве Аль-Уммы и секты Аль-Ансар зародилась идея осуществления государственного переворота, который должен был устранить их политических противников и

расчистить путь для реализации давно задуманного партией Аль-Умма плана создания республики во главе с президентом (разумеется, представителем Аль-Уммы), наделенным почти неограниченными полномочиями»¹⁶⁴.

Дело свелось к тому, что Халиль фактически своими руками передал власть генералу Ибрагиму Аббуду, возглавлявшему группу высших офицеров, которые считали, что пора обуздать оппозиционные элементы, вышедшие из-под контроля консервативных сил. Первую скрипку в этой группе, однако, играл не Аббуд, а генерал Ахмед Абдель Ваххаб, близкий родственник Халиля. Но формально переворот 17 ноября 1958 г. возглавил Аббуд, как старший по званию и главнокомандующий. Собственно, это был, как признается в официальном издании партии Аль-Умма, переворот лишь по форме, «а в основе — получение власти»¹⁶⁵. Халиль был уверен, что близкие ему по духу и даже родственные офицеры временно возьмут власть, чтобы «навести порядок», и не выйдут из-под контроля Аль-Уммы. Лидер секты Аль-Ансар Сиддык Абдаррахман аль-Махди писал через год после переворота: «Мы считали и продолжаем считать, что армейское правительство — это переходное правительство, которое выполнит свой исторический долг, а затем отойдет от власти, чтобы страной управляли на здоровой основе...»¹⁶⁶. Но военный режим имеет свою логику развития, и военные обычно не склонны таскать каштаны из огня для других. Расправившись с левыми силами, ликвидировав буржуазно-демократические свободы, суданские генералы почувствовали «вкус к власти». Они решили, что спокойно обойдутся без «традиционных» партий. Военный режим стал постоянным, — во всяком случае, так рассчитывали генералы.

Получилось иначе. Военные не смогли решить ни одной из насущных проблем, стоявших перед Суданом. Стагнация экономики, снижение жизненного уровня, жестокие гонения и репрессии против политических организаций, беззаконие и произвол военной клики — все это постепенно восстановило против режима Аббуда самые широкие слои суданского народа. Росло и ширилось демократическое, рабочее движение, волновались студенты, профсоюзы все настойчивее требовали отмены военной диктатуры. И помещичье-буржуазным кругам стало ясно, что им не удалось намертво задушить

левые силы руками военных; более того, тупая, репрессивная военная диктатура могла в конечном счете вызвать взрыв, революцию.

Поэтому уже в конце 1959 г. лидеры распущенных «традиционных» партий, прежде всего Аль-Уммы, стали убеждать военных изменить методы правления, допустить их, гражданских политиков, к власти. Но успеха они не добились и в конечном счете был создан Оппозиционный фронт партий, в котором объединились все, от правых до левых, от Аль-Уммы до коммунистов. Это означало изоляцию военного режима, начало его кризиса.

И все же генеральская клика держалась у власти еще свыше трех лет. Лишь к осени 1964 г. она обанкротилась полностью, доказала свою несостоятельность абсолютно во всех отношениях, продемонстрировала не только отсутствие идей и концепций, но и неспособность справиться с демократическим движением на Севере и с повстанцами на Юге. Генералы потеряли авторитет и в самой армии. И когда в октябре 1964 г., после расправы полиции со студентами Хартумского университета, началась забастовка столичной интеллигенции, к которой примкнули широкие массы трудящихся, армия раскололась. 26 октября воинские части из Омдурмана под командованием молодых офицеров окружили дворец и добились от Аббуда роспуска ненавистного народу Верховного совета вооруженных сил, правившего страной в течение шести лет. Военный режим бесславно закончил существование. Сам Аббуд, правда, остался главой государства, но ненадолго. Уже 15 ноября он был вынужден подать в отставку после неудачной попытки «очистить» армию от молодых революционных офицеров.

Прошло менее пяти лет, и в Судане вновь произошел военный переворот. За эти годы политическая жизнь страны вернулась к доаббудовскому периоду; после переходного периода Аль-Умма вновь добилась гегемонии. Казалось, все вошло в старое русло. Но армия была уже не та. В период диктатуры Аббуда была дискредитирована ее старая, консервативная верхушка британской «школы»; она так и не сумела восстановить свои позиции в армии, ей пришлось уступить место молодым офицерам, которые, увидев, что новый гражданский режим тоже не оправдал надежд народа, 25 мая 1969 г. сами

взяли власть. К этому времени неэффективность, коррупция, общая дискредитация сил, олицетворявших капиталистическую ориентацию и стоявших у власти в Судане после 1964 г., вновь привели к общенациональному кризису. Сыграл свою роль и тупик, в который зашла проблема Юга. И молодые офицеры, в авангарде которых шли коммунисты и близкие к ним по взглядам демократы, выражая волю широких общественных кругов к решительным социальным переменам, мгновенным ударом сокрушили обанкротившийся режим.

Это второе выступление суданской армии против гражданского режима принципиально отличалось от первого. На этот раз была провозглашена социалистическая ориентация, в правительство вошли коммунисты. Левые офицеры, инициаторы переворота, занимали важнейшие посты в Революционном совете, однако председателем его стал молодой генерал Джафар Нимейри, пользовавшийся авторитетом в прогрессивных военных кругах благодаря решительной революционной позиции, которую он занимал в 1964 г., в дни свержения диктатуры Аббуда.

Нимейри не был известен сколько-нибудь определенными политическими взглядами, однако левые силы рассчитывали, что провозглашенные после революции прогрессивные преобразования получат полную поддержку с его стороны. Но получилось иначе. После кратковременного периода, в течение которого наиболее влиятельной политической силой в стране была коммунистическая партия, руководимая испытанным и авторитетным лидером Абдель Халек Махджубом, наступило охлаждение между ним и Нимейри. Под влиянием коммунистов находились практически все массовые организации, и было ясно, что, если в самом деле возникнет политическая организация, компартия составит ее ядро. Этого-то и опасались не только «традиционные» партии, формально распущенные, фактически же продолжавшие при опоре на секты пользоваться немалым влиянием, но и мелкобуржуазные националистические круги. Под их влияние постепенно подпал Нимейри. Конфликт между ним и руководством коммунистической партии неуклонно углублялся и достиг апогея, когда Нимейри поддержал идею включения Судана в Федерацию арабских республик. Левые опасались, что правые силы в АРЕ и осо-

бенно Ливии придадут федерации националистический, антидемократический характер. В конце концов Нимейри удалил из Революционного совета трех левых офицеров, которые, не видя другого выхода, стали готовить заговор против него. Заговорщики сделали неудачную попытку свергнуть власть Нимейри в июле 1971 г., вслед за чем последовала жестокая расправа с коммунистами и чистка левых элементов в армии. Военный режим приобрел после этого сугубо консервативную окраску.

Таким образом, за 13 лет Судан пережил четыре военных переворота. В 1958 г. консервативный, воспитанный в английском духе генералитет, плоть от плоти буржуазно-помещичьего «истеблишмента», взял добровольно отданную ему гражданскими политиками власть, за шесть лет довел страну до политического кризиса, обанкротился и доказал полную неспособность решить насущные проблемы. В 1964 г. прогрессивные силы при участии молодых, радикально настроенных военных свергли режим Аббуда и передали власть гражданским деятелям, которые не сумели предотвратить сползание страны к прежнему, дискредитировавшему себя режиму, при котором всем заправляли религиозные секты и коррумпированные политики, представлявшие бюрократию, сельскую и племенную знать и деловые круги. В 1969 г. молодое поколение офицеров вновь захватило власть и уже не отдало ее «политикам», но пало жертвой внутреннего раскола. Наконец, в 1971 г. левое крыло военных предприняло плохо подготовленную попытку установить в Судане народно-демократическую власть, что объективно толкнуло военный режим вправо.

Армия продолжает править Суданом, и подводить окончательный итог ее роли в процессе независимого развития страны еще рано.

Десятки военных переворотов, происшедших за последние два десятилетия в странах Азии, Африки и Латинской Америки, позволяют сделать некоторые выводы и установить некоторые закономерности.

Социально-политическое содержание переворотов может быть самым различным. Но прежде чем говорить о различиях, остановимся на общих чертах. Как армиям в целом, так и совершаемым ими политическим акциям свойственны общие черты, не связанные с характером этих армий и этих акций по существу. Точно так же как

у любой армии независимо от того, кому она служит, есть иерархия чинов, воинская дисциплина, присяга, устав и т. д., военный переворот — это операция, носящая, можно сказать, профессиональный характер и обладающая чертами, присущими армии вне зависимости от того, в чьих интересах эти операции проводятся.

Прежде всего, рассмотрим вариант «классического» военного переворота, т. е. выступление части офицерства во главе воинских частей с целью свержения правительства (в отличие от выступления армии в целом по приказу главнокомандующего). Какая степень единодушия среди военных требуется для успеха переворота?

Положение заговорщиков всегда трудное. С одной стороны, чем меньше людей посвящено в заговор, тем безопаснее. Но с другой — чем больше военных заранее обещали свою поддержку, тем легче осуществить переворот и тем больше шансов на успех.

Пример ряда неудачных путчей в Сирии, Ираке, Гане и других странах подтверждает, что для успеха военного переворота недостаточно выступления какой-либо отдельной воинской части, даже если она овладеет столицей и объявит по радио о захвате власти. Переворот бывает успешным тогда, когда на стороне восставших — командующие родами войск или хотя бы часть их, во всяком случае командиры крупнейших гарнизонов и соединений, в руках которых сосредоточена основная масса вооруженных сил. Они либо знают о заговоре и одобряют его, либо у заговорщиков должна быть уверенность, что они не откажутся поддержать переворот, когда он свершится.

Для этого необходимо, чтобы идея свержения правительства созрела в умах большинства офицеров, находящихся на ключевых постах. Является ли она результатом широкого общенационального недовольства режимом?

Обратимся к историческим примерам. В Египте в 1952 г., Ираке в 1958 и 1963 гг., Йемене в 1962 г., Пакистане в 1958 г., Бирме в 1962 г., Турции в 1960 г., Судане в 1958 г., Нигерии в 1966 г., Сирии в 1961 и 1963 гг. существовало безусловное недовольство правившими режимами, диапазон которого был от разочарования до активных массовых выступлений. Все политические системы, существовавшие в этих странах к моменту указанных переворотов, в той или иной степени созрели

для свержения. Общественное мнение отказало им в поддержке, и можно было ожидать, что переворот встретит одобрение большинства населения.

Не было ни одного случая, чтобы армия могла успешно совершить переворот (даже пользуясь поддержкой большинства офицеров) в условиях, когда у власти стояло правительство, пользовавшееся безусловной поддержкой преобладающей части населения.

Это значит, что почва для переворота созревает не в армии, а в обществе. Другое дело, что почва может созреть, но правительство — все же продолжать править страной. Таких примеров в истории было сколько угодно.

Армия довольно чутко реагирует на изменения в настроениях общественности. Вследствие того что для успеха военного переворота требуется солидарность или хотя бы молчаливое, потенциальное согласие командиров, находящихся на ключевых позициях, практически исключена возможность, что какой-то один честолюбивый генерал, не сообразуясь с ситуацией и не учитывая общественного мнения, на свой страх и риск захватит власть, его не поддержат другие военачальники и путч провалится. Поэтому элемент случайности, авантюры при переворотах гораздо меньше, чем может показаться на первый взгляд. Должно существовать некое тайное коллегиальное мнение офицеров, занимающих решающие посты, относительно перемены власти. Чем выше уровень, на котором организуется заговор, тем более убедительными должны быть доводы в его пользу, тем больше должна быть уверенность, что он окажется успешным и ему будет обеспечена поддержка: ведь старшие военачальники не только старше по возрасту и, следовательно, осторожнее молодых, они в случае неудачи и потеряют гораздо больше — обеспеченное положение. Но и молодые офицеры, как правило, не склонны подвергать риску свое положение и жизнь, если нет каких-то действительно серьезных причин выступать против правительства. Правда, надо сделать оговорку: если офицеры будут убеждены, что гражданские власти собираются совершить перетасовку в армии, т. е. если они видят, что их собственное положение под угрозой, они могут пойти на превентивный переворот, так как им уже нечего бояться потери должности и связанных с ней привилегий.

Но можно ли считать, что военные, оценивая ситуа-

цию и взвешивая шансы «за» и «против» переворота, принимают во внимание только общенациональное общественное мнение? В первую очередь да, но не только. Общее недовольство тем или иным режимом обычно бывает весьма смутным и расплывчатым, так как в нем объединяются различные оттенки классового и группового недовольства. Например, режимом Хафеза в Сирии в начале 1966 г. были недовольны и буржуазные, и левые круги, но мотивы их были противоположны. Касемом к началу 1963 г. были недовольны почти все, но причины этого недовольства были самые разнообразные.

Если заговор организует революционная военная организация, то она, естественно, ориентируется на леворадикальную часть общественного мнения, как это и было в Египте, Сирии и других странах. Но, когда инициатива переворота исходит не от политической организации внутри армии, с какой-то хотя бы эмбриональной социальной программой, а от высших командиров вооруженных сил, которые, как правило, воспитаны в прозападном, консервативно-буржуазном духе, они учитывают главным образом мнение «среднего класса» — умеренно-буржуазных и бюрократических кругов. Так было в Судане, Пакистане, так произошло и в Гане.

В большинстве случаев государственный переворот совершают люди, уже занимающие какое-то (и чаще всего весьма видное) положение в той самой политической системе, которую они собираются опрокинуть (или заменить). Так, в Латинской Америке переворотами, как правило (особенно в последнее время), руководят высшие чины вооруженных сил, командующие родами войск, армиями, военными округами. Акции, предпринимаемые отдельными командирами, носят скорее характер фронды или попытки изменить соотношение сил в самой армии или повлиять на состав и политику правительства, чем характер «тотального» военного переворота. Между этими видами политических выступлений вооруженных сил следует проводить различие. Не всякое вмешательство армии в политику есть попытка захватить власть.

В Бирме в 1962 г., Пакистане в 1958 г., Индонезии в 1965 г., Судане в 1958 г., Нигерии в 1966 г., Турции в 1960 г. взятие власти армией было совершено по приказу высших командиров. В Ираке переворот 1958 г. непосредственно осуществили командиры двух отборных

бригад. В странах Тропической Африки, как правило, перевороты осуществляют также командующие вооруженными силами. Однако в Египте в 1952 г. инициатива переворота исходила от среднего офицерства, но и в этом случае Насер и его сторонники были известные и уважаемые в армии люди: Насера, как преподавателя тактики в военной академии, да к тому же героя Палестинской войны, знало большинство египетских офицеров.

Американских ученый Нидлер ввел в оборот термин «swing man», т. е. человек, который склоняет чашу весов. Для того чтобы заговор увенчался переворотом, нужно в последний момент подключить к нему лицо, пользующееся известностью и обладающее авторитетом в стране. Парадокс обычно состоит в том, что такой персонаж меньше всех остальных участников заговора знаком с подлинными мотивами офицеров, но, поскольку он становится номинальным лидером, его кандидатура на пост главы государства является первоочередной. В качестве примеров такого swing man можно назвать Нагиба, Онганиа, Спинолу, Андома.

Что касается причин переворотов, то отметим следующие:

1. Наличие в стране широкого недовольства проимпериалистической политикой правящей верхушки, не желающей и не способной проводить назревшие социальные реформы, при отсутствии сильной и организованной гражданской оппозиции. Этот фактор был главным в Египте и Ираке.

2. Хронический внутривнутриполитический кризис как результат неспособности гражданского правительства решить назревшие проблемы и вывести страну из тупика.

3. Недовольство образованной элиты косностью и архаичностью деспотического режима (Йемен).

4. Общая неэффективность гражданского правления, сочетающаяся с коррупцией администрации, апатией и разочарованием масс и страхом привилегированной верхушки перед перспективой укрепления левых сил (Пакистан, Турция, Судан). В этом случае речь идет о генеральском путче, направленном на сохранение наиболее существенных социальных черт прежней системы при установлении режима «твердой руки».

Но всего этого еще недостаточно, чтобы дать толчок выступлению армии. В большинстве случаев (особенно

в Тропической Африке) офицерство решает совершить переворот, когда оно чувствует угрозу автономии армии, опасается потерять свое относительно независимое и, безусловно, привилегированное положение. В таком случае «объективный фон» для переворота (в виде одного из перечисленных четырех факторов или их комбинации) всегда найдется. В экономически слаборазвитой стране — именно ввиду ее «слаборазвитости» и мучительных трудностей преодоления отсталости — всегда существует потенциальное недовольство различных слоев населения.

Факторами, способствующими военным переворотам, являются:

1. Проигранная война; Сирия и Египет после палестинской катастрофы переживали тяжелый моральный кризис, армия чувствовала себя преданной гражданскими лидерами, власть потеряла престиж.

2. Затянувшаяся гражданская война, с которой прежнее правительство не могло справиться (Бирма).

3. Усиление роли армии в результате проводившихся предшествующими правительствами военных репрессий против национальных меньшинств и других повстанцев (военные действия иракской армии против ассирийцев, курдов и восставших крестьян в годы, предшествовавшие началу серии военных переворотов, совершавшихся с 1936 г.).

4. «Цепная реакция» — заразительная сила примера переворотов в одной (африканской) стране для других стран.

5. Финансовые затруднения, приводящие к введению «режима экономии», что больно бьет по государственным служащим, вызывает недовольство профсоюзов.

6. Этнические противоречия.

По характеру организации переворотов их можно разделить на следующие категории:

1. Армия в целом берет власть по приказу командования, и переворот носит характер операции вооруженных сил, только не в военной, а в политической сфере. Как правило, военнослужащие подчиняются приказу, поскольку неповиновение означало бы нарушение воинской дисциплины.

2. Часть армии во главе с группой офицеров-заговорщиков выступает с целью свержения правительства и смещения военного командования, поскольку последнее

сохраняет лояльность правительству. С точки зрения правительства и командования, это мятеж. Поддерживая переворот такого рода (в отличие от первого случая), военнослужащие нарушают воинскую дисциплину, участвуют в мятеже и, следовательно, рискуют жизнью. Легко себе представить, что было бы с Насером, Касемом, Саялем, если бы их перевороты окончились неудачей. Расстрел офицеров-заговорщиков ганской армии после неудачной попытки переворота в 1967 г., казнь полковников Айдемира и Гюрджана в Турции после аналогичной попытки в 1964 г. и другие примеры красноречиво говорят, что офицерам, выступившим не только против правительства, но и против высшего командования, не приходится ждать пощады. Лейтенант Артур, инициатор неудачного переворота в Гане, направленного против Национального совета освобождения, заявил в трибунале перед расстрелом: «Переворот становится законным в случае успеха; если он проваливается, он становится незаконным». Действительно, давно было сказано: «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Но офицеры и солдаты, идущие штурмовать дворец, не знают, успешной ли будет их акция, равно как и не знают, кто их послал и в чьих интересах это делается. Трибунал, который приговорил к расстрелу лейтенанта Артура за измену, был орудием власти, возникшей в результате переворота, направленного против законного президента — Нкрумы. Если бы Артур победил, он возглавил бы новую власть, которую, несомненно, признали бы все, включая тех, кто осудил его на казнь.

Эти две основные категории переворотов имеют много вариаций. Что касается их политического содержания, то оно не имеет отношения к характеру организации переворота. Не Вин, Айюб Хан, Аббуд, Гюрсель, Мобуту, Онгания действовали почти одинаково по форме, ликвидируя гражданское правление от имени вооруженных сил в целом.

Однако, если попытаться хотя бы приблизительно создать образ военного лидера, то здесь уже нельзя абстрагироваться от социально-политического содержания переворотов.

Можно условно наметить следующие типы военных лидеров, совершающих перевороты:

1. Кадровый офицер колониальной школы (Аббуд, Анкра, Иронси, Согло, Ламизана и др.). Он не опирается на сколько-нибудь серьезное левое движение по той причине, что представляет силу консервативную, а кроме того, такого движения не было в странах, где лидеры данного типа совершили перевороты. Речь шла об общем и довольно смутном недовольстве народа коррупцией и неэффективностью властей и желании «обиженной», «обделенной» части интеллигенции урвать и для себя кусок пирога. Была лишь перспектива (иногда довольно серьезная) возникновения сильного левого движения или даже революционной ситуации, которая могла бы серьезно угрожать привилегиям армии. Будучи представителями консервативной по природе военной бюрократии, не обладая социальными программами и не опираясь на политические движения, военные лидеры данного типа действовали прежде всего в интересах собственной касты, но объективно отражали интересы капиталистического развития страны, так как своим приходом к власти нанесли удар (иногда в какой-то мере превентивный) именно по тем силам, которые по мере консолидации смогли бы выдвинуть реальную альтернативу капиталистическому образцу развития.

В докладе на каирском семинаре в октябре 1966 г. Тиджани Бабикер заявил: «Офицеры старшего поколения, занимающие обычно более высокие посты, были обучены непосредственно колониальными инструкторами или прошли подготовку в военных колледжах на Западе. Они не только ориентируются на западные нормы и идеалы, но и составляют вследствие своего положения часть бюрократической буржуазии и поэтому заинтересованы в развитии по капиталистическому пути»¹⁶⁷. Речь идет именно о тех офицерах французской и английской школы, которые совершили большинство переворотов в Тропической Африке, иногда в сотрудничестве с силами империализма.

Такого рода перевороты не имеют ничего общего с социальной революцией, — напротив, они имеют своей целью закрепить статус-кво, подавить силы, стремящиеся к подлинным переменам. Именно поэтому египетский публицист Ахмед Биха эд-Дин называет такие перевороты контрреволюцией и характеризует ее следующим образом: «Она осуществляет некоторые поверхностные пре-

образования, за которые высказывается народ, однако ее подлинная цель — воспрепятствовать подлинной революции, перехватить, направить людей к проблемам не подлинным, несущественным»¹⁶⁸. Эти слова, написанные еще в 1958 г., отражают суть событий, имевших место спустя несколько лет.

2. Офицер-путчист, выступающий прежде всего ради удовлетворения личного честолюбия или в интересах какой-либо офицерской фракции (хунты), преследующей цель не столько изменить существующую систему и основать новый режим, сколько добиться господствующего положения в рядах самих вооруженных сил, отомстить враждебной фракции и т. д. Подобных примеров много в истории Латинской Америки, а в афро-азиатском мире данный тип был наиболее широко распространен в Сирии.

Иногда этот тип офицера-авантюриста используется в интересах определенного политического течения, играющего на его честолюбии. Пример — сирийские офицеры Кузбари (лидер сепаратистского переворота 1961 г.), Харири (лидер переворота 8 марта 1963 г., приведшего к власти правых баасистов), Хатум (один из организаторов переворота 22 февраля 1966 г., передавшего власть левым баасистам); вскоре Хатум порвал с новыми сирийскими лидерами, пытался организовать новый путч, бежал в Иорданию, вернулся в дни израильской агрессии в июне 1967 г. и был расстрелян.

3. Офицер-путчист, претендующий на роль диктатора; это тип, относящийся в принципе к предшествующей категории, но более крупного калибра, «бонапарт» местного масштаба, лишенный сколько-нибудь серьезных социальных и политических убеждений и не способный стать инициатором общественного движения или возглавить политическую партию. К этому типу относятся Касем в Ираке, Баррьентес в Боливии и т. д. Чаще всего он делает карьеру на волне революционного движения и обладает незаурядными демагогическими способностями.

4. Переходный или смешанный тип, сочетающий в себе черты всех перечисленных категорий плюс некоторые черты следующего, шестого типа. Это кадровый офицер старой школы, движимый не только корпоративными интересами и действующий не только «по уполномочию»

военной иерархии, но также стремящийся к личной власти и, что особенно важно, вырабатывающий уже собственную социальную и политическую программу, не выходящую, однако, за рамки консервативных буржуазных решений, но с сильной дозой национализма. Считаясь с буржуазными традициями, сохраняет в известной мере традиционные демократические формы. Пример такого типа военного лидера — Айюб Хан.

5. «Политический офицер» новой формации, вышедший в большинстве случаев из рядов новой армии, возникшей после ликвидации колониального господства. Обладает более современными взглядами, чем все предшествующие типы, сознает невозможность сохранения прежней социально-экономической структуры и сам заинтересован в ее упразднении, хотя не готов последовательно идти по пути сотрудничества с левыми силами. Понимает роль масс и стремится опереться на массовое движение, возглавить политическую партию и создать на месте внутренне пустого, «холостого» и потому неизбежно временного режима «новый порядок» — режим с определенной социальной ориентацией и идеологией (краеугольным камнем которой остается национализм). Отличительная черта данного типа — цезаризм, или популизм, т. е. попытка апеллировать непосредственно к массам в обход «политических организаций».

6. Революционный демократ в погонах. Это — покойный Насер, Не Вин, нынешние сирийские военные лидеры, Бумедьен.

Разумеется, данная типология весьма условна, грани между отдельными категориями крайне подвижны.

Говоря о военных лидерах и совершаемых ими переворотах, хочется еще раз подчеркнуть их зависимость от господствовавшей в стране общественной атмосферы в целом.

Армия не внеклассовая или надклассовая сила. Египетская, иракская или бирманская армия до революции служили интересам помещичье-буржуазной верхушки. Но армия связана с обществом, и армии названных стран, состоявшие в основном из представителей простого народа, не остались в стороне от его нужд и интересов в обстановке нарастающего внутреннего кризиса, обострившихся классовых противоречий. Подспудно шел процесс перемен в сознании военнослужащих, процесс раз-

двоения этого сознания. Революция прежде всего произошла в сознании военных: ими овладела революционная идея. Началась подготовка переворота. Внешне оставаясь орудием старой, привилегированной верхушки общества, армия внутренне становилась оппозиционной силой, готовой нарушить присягу во имя интересов нации. И когда переворот совершался, то в Египте или Ираке, строго говоря, его осуществила не армия как таковая, руководимая своим генералитетом, а революционная организация внутри армии, которая сменила прежнее армейское начальство. В Бирме дело обстояло иначе и взятие власти носило характер акции, предпринятой армией по приказу главнокомандующего. Однако Не Вин, что уже отмечалось, начинал свою карьеру не как профессиональный военный, а как кадровый революционер, да и сама по себе бирманская армия была армией революционной, возникшей в ходе борьбы против колонизаторов.

Но в Египте и Ираке революционная организация внутри армии смогла одержать быструю и легкую победу, захватить власть только потому, что она являлась политически сознательным авангардом армии в целом. В самом деле, какая сила заставила тех офицеров, которые не участвовали в заговоре и не знали о нем, сразу же присоединиться к восставшим? Что побудило командующих военными округами и провинциальными гарнизонами поддерживать не монархию, которой они присягали, а революционеров? А ведь если бы не поддержка этих командиров, заговор был бы обречен на поражение, несмотря на захват столицы: известны многочисленные примеры попыток переворотов в Ираке и Сирии, потерпевших неудачу даже после захвата власти в столице только из-за того, что командующие другими округами и гарнизонами отказались поддерживать восставших. Ответ может быть только один: революционная идея созрела в умах военных, созрела в армии в целом, кроме горстки высокопоставленных генералов. Авангард, идущий на риск и увлекающий за собой остальных, в таких случаях находится всегда. Перевороты, о которых идет речь, были совершены военной революционной организацией и поддержаны армией в целом; они были совершены лишь вопреки воле кучки генералов, связавших свою судьбу с монархией.

В заключение остановимся вкратце на технике военных переворотов.

Они, как правило, совершаются по одному образцу. Главные элементы успешного переворота (в чисто техническом плане) — наличие в распоряжении организаторов переворота ударной военной силы, удачный выбор времени, тактическая внезапность, быстрота и решительность действий, вовлечение в состав группы, планирующей путч, командиров ключевых воинских частей на периферии или военных округов.

Ударные воинские части — это чаще всего элита вооруженных сил. Армии развивающихся стран в большинстве случаев невелики, и в их составе особое значение имеют немногочисленные, но отборные, обладающие высокой боеспособностью и хорошо обученные «элитные» соединения. Чаще всего это парашютные и бронетанковые части (в Индонезии — дивизия «Силиванги» и специальное соединение парашютистов, а также КОСТРАД — части стратегического резерва). Если эти силы удастся привлечь к участию в перевороте, успех его обеспечен на 90%. В Лаосе, например, 9 августа 1960 г. при помощи одного ударного батальона была захвачена власть. С другой стороны, первый путч против Нго Динь Дьема в Сайгоне провалился, так как танковые войска оказались на стороне диктатора.

Время для переворота — предрассветные часы, что вполне понятно. Помимо желания захватить врасплох органы власти, играет роль еще и то, что в эти часы улицы пустыны и передвижение войск облегчено; танки, застревающие в уличной пробке по пути на штурм дворца, стали бы посмешищем и скомпрометировали переворот.

Обычно для переворотов выбирают субботу или воскресенье, чтобы усилить элемент внезапности и захватить власть в момент, когда многие официальные лица отдыхают вне столицы.

Иногда пускаются в ход дополнительные маневры, отвлекающие внимание правительства, усыпляющие или дезориентирующие его. Так, в Алжире к моменту переворота 1965 г. военные были стянуты в столицу под предлогом просмотра специального военного фильма, а также подготовки к афро-азиатской конференции. В Южном

Вьетнаме заговорщики, свергшие Дьема, обманули его, распустив слух, что готовятся большие народные демонстрации, и под этим предлогом получили разрешение стянуть войска в столицу. В Ираке Касем и Ареф воспользовались предстоящей переброской войск в Иорданию, чтобы получить боевые патроны и снаряды, которые обычно правительство, опасаясь армии, не выдавало ей, а затем вместо отправки в Иорданию повернули полки на Багдад.

Первоочередная задача организаторов переворота — сразу же захватить ключевые пункты в столице: резиденцию главы государства, здание военного министерства или генерального штаба, радиостанцию и аэродром.

Обычно сопротивление президентской охраны преодолевается силой (в большинстве переворотов только в этот момент и проливается кровь). После этого президент чувствует себя побежденным: связь прервана (это неременный элемент переворота), помощи ждать неоткуда. Для полной гарантии успеха заговорщики (особенно в африканских странах, связанных союзными договорами с бывшими метрополиями) арестовывают министров. В Габоне при попытке свергнуть президента Мба был упущен один из министров, и этого оказалось достаточным для провала путча: министр, используя свое право, обратился к Франции за помощью, и французские парашютисты, освободив уже арестованного президента, быстро расправились с восставшими.

Сразу же вводится военное положение или даже комендантский час, иногда временно прерывается воздушная связь с заграницей, а в некоторых случаях — и телеграфная связь. Обязательный элемент переворота — выступление по радио лидера путча или передача коммюнике захватившей власть группы; это выступление содержит обвинение в адрес свергнутого режима и призыв к народу сплотиться вокруг армии, взявшей на себя полную ответственность в интересах нации.

Если в течение дня командиры военных округов и гарнизонов, командующие родами войск объявят о поддержке нового режима, — значит, переворот удался. Позади самая рискованная, но далеко не самая трудная часть дела.

ГЛАВА III

ВОЕННЫЕ У ВЛАСТИ

Что делают военные после прихода к власти? Начнем рассмотрение этого вопроса с Египта. Египетские офицеры-националисты вырабатывали свои революционные взгляды под воздействием общей обстановки в стране, постоянно поддерживая контакт с различными политическими организациями и чутко прислушиваясь к мнению патриотической общественности.

Эта общественность была представлена в первую очередь молодой интеллигенцией. Анвар Садат не оставляет сомнений на этот счет, когда пишет: «Студенческая молодежь — вот кто совершил духовную революцию, которая предшествовала нашей политической революции»¹.

Но молодая интеллигенция не имела и не могла иметь какой-либо определенной программы социальных мероприятий. Патриоты думали лишь о свержении деспотической монархии, об изгнании англичан и установлении социальной справедливости (последнее — в очень смутной и неконкретной форме). Эта неясность, как в зеркале, отразилась и в поведении «Свободных офицеров». Никакой программы, никакого представления, что делать на другой день после революции, не было. И, самое главное, не у кого было эту программу заимствовать. Халед Мохи эд-Дин писал по этому поводу: «Когда произошла революция, то оказалось, что народные массы потеряли веру в традиционное руководство, во все прежние конституционные и политические организации. Не было ни определенной программы, ни ясных требований, ни организационных движений, способных выразить истинную волю народных масс. Революционному руководству пришлось выдвинуть общий лозунг, лишен-

ный какого-либо социального содержания, но который мог быть принят всеми силами и течениями: единство, порядок, труд»².

Насер вспоминал, что до революции он «представлял себе, что вся нация была готова к действию, она лишь ждала выступления авангарда и штурма внешних укреплений, для того чтобы ринуться сплоченной фалангой и начать во всеоружии веры поход к великой цели. Я думал, что мы — лишь пионеры, отряды коммандос, что мы будем находиться впереди лишь несколько часов и вскоре за нами последуют сплоченные массы. Авангард выполнил свою задачу; он взял штурмом оплот тирании, он заставил Фарука отречься от престола и остался стоять на страже, ожидая подхода массовых формирований для выполнения окончательной задачи. Он ждал и ждал. Показались бесконечные толпы, но как далека оказалась действительность от воображаемого! Среди толп были и разрозненные приверженцы, и остатки сил прошлого. Священный поход к великой цели был прерван... Миссия авангарда не закончилась. Фактически она именно тогда только и началась»³.

Из кого же состояли эти «бесконечные толпы», подоспевшие к моменту торжества революции? Прежде всего речь идет, конечно, о Вафде. Наххас-паша и его последователи ни минуты не сомневались, что совершенно неопытные в политике молодые офицеры вручат бразды правления «великой партии», олицетворявшей национальное движение. Им казалось, что их пошатнувшийся авторитет вновь поднялся: ведь за полгода до революции король уволил вафдистское правительство в отставку и Наххас мог выставять себя жертвой королевского деспотизма. Среди членов Совета руководства революции были сторонники передачи власти Вафду, правда под контролем военных. Другие предлагали распустить все прежние партии. Было даже подготовлено соответствующее решение, но Насер с этим не согласился. Он заявил: «Друзья, я боюсь, что это решение кое-кто поймет таким образом, что мы идем в направлении диктатуры... Наша революция — революция демократическая, и мы не можем установить в стране диктатуру. Дадим же партиям и организациям возможность очистить самих себя и определить свои программы и цели в соответствии с новым положением...»⁴.

Взгляды Насера не встретили поддержку большинства Совета, и он объявил о своем решении подать в отставку и выйти из состава Совета. Только таким образом Насер смог заставить Совет принять свою точку зрения.

Это был период «конституционных иллюзий» Насера, о котором он впоследствии говорил в присущем ему откровенном и самокритичном духе: «Некогда я сам настолько верил в демократию и партийную систему, что из-за этого вышел из Совета руководства революции. Однако с тех пор я понял, что в нынешний период борьбы арабского национализма против иностранных государств политические партии могут быть подкуплены...».

Совет руководства революции (СРР) решил провести чистку политических партий и назначил февраль 1953 г. как крайний срок для проведения выборов. Чистку партий должно было проводить само руководство. Разумеется, из этого ничего не вышло. Руководство партий меньше всего хотело «вычищать» само себя, а именно это и нужно было сделать, так как на партийных лидерах лежала вина за все пороки старой политической системы. В ответ на требования «вычистить» Наххаса были организованы демонстрации вафдистской студенческой молодежи под лозунгом: «Ля Вафд биля Наххас!» («Нет Вафда без Наххаса!»). Вскоре стало ясно, что «самоочистка» буржуазно-помещичьих партий — дело безнадежное.

Главное, однако, заключалось в отношении партий к проблеме аграрной реформы. Из всех внутренних проблем Египта эта была самой жгучей и неотложной. Еще в бытность свою на военной службе офицеры-националисты, повседневно соприкасаясь с солдатами-крестьянами, получили яркое представление о положении в деревне. С решения этой проблемы должно было начать свою деятельность любое революционное руководство Египта.

Была и другая сторона вопроса. Хотя переворот почти не встретил сопротивления, офицеры понимали, что они нанесли удар не только по королю и его камарилье, но и по всей верхушке, связанной как с придворной кликой, так и с мировым империализмом. Не могло быть сомнений, что эта верхушка, обладавшая огромным богатством, политическим опытом, международными связями, не простит покушения на ее монопольное владычество

в Египте и, оправившись от первого шока, начнет борьбу против революции. Следовательно, надо было сразу обезопасить новый режим, ослабить потенциальную контрреволюцию, а это можно было сделать, лишь подорвав корни ее экономического могущества — владение землей. Поэтому аграрная реформа, призванная ликвидировать мощь класса крупных землевладельцев, была в интересах сохранения достигнутого 23 июля естественной и необходимой мерой.

Как же отнеслись к этой проблеме партии прежнего режима? По настоянию Совета руководства революции Вафд в августе 1952 г. опубликовал свою аграрную программу в печатном органе партии газете «Аль-Мисри» под заголовком «Прогрессивное налогообложение крупных земельных владений». В программе говорилось только о налогообложении, но отнюдь не о перераспределении земли. Чего можно было ожидать от партии, генеральный секретарь которой Сираг ад-Дин, сам крупнейший помещик, заявил: «Мы удовлетворимся справедливым распределением государственных земель, не затрагивая другие виды земельной собственности»⁵.

Партия «Аль-Кутля аль-Вафдия» (вафдистский блок) — группа, отколовшаяся в свое время от Вафда, — тоже избегала упоминания об аграрной реформе в программе, которую СРР предложил ей опубликовать. В программе, опубликованной либерально-конституционной партией, говорилось лишь о передаче крестьянам государственных земель, а председатель партии Хусейн Хайкал прямо заявил: «Ограничение частной собственности — дело деликатное, которое, вероятно, вызовет классовую войну». Точно такую же позицию заняла саадистская партия⁶.

Наконец, сам премьер-министр Али Махер (старый реакционный политикан, назначенный на пост главы правительства революционными лидерами, по-видимому, для того, чтобы обеспечить функционирование государственной машины и успокоить бюрократический аппарат, а также чтобы не слишком напугать англичан, с возможностью интервенции которых в первые дни после революции СРР всерьез считался) высказался, по существу, против аграрной реформы. Он заявил, что не желает подвергать страну опасности экономических беспорядков. Эта позиция Али Махера была одной из главных

причин того, что уже в сентябре 1952 г. СРР был вынужден снять его с поста премьера и заменить Нагибом ⁷.

Пытаясь все же добиться согласия партий на проведение аграрной реформы, Насер лично встретился с генеральным секретарем Вафда Сираг ад-Дином и в течение четырех часов обсуждал с ним этот вопрос. Для установления сотрудничества между СРР и Вафдом Насер поставил всего одно условие — торжественное заявление партии о своем согласии на ограничение земельной собственности. Но все было безрезультатно. С таким же успехом можно было пытаться уговорить римского папу принять мусульманскую веру. «Только тогда, — пишет Анвар Садат, — Гамаль Абдель Насер убедился, что нет абсолютно никакой надежды, что эти политиканы будут сотрудничать с революцией» ⁸.

9 сентября 1952 г. был опубликован закон № 178 об аграрной реформе. Максимум земельной собственности был установлен в 200 федданов (около 80 га) на одного собственника (правда, отец двух или более детей имел право еще на 100 федданов). Помещикам была обещана компенсация (которую так и не выплатили). Экспроприированные земли подлежали распределению среди крестьян — участками не свыше 5 федданов каждый, за выкуп, рассчитанный на 30 лет.

Итак, СРР решительно отверг все предложения противников реформы ограничиться прогрессивным налогом-обложением вместо перераспределения собственности, мотивируя свой отказ тем, что «подобный метод не позволил бы покончить с политическими минусами, обычно являющимися результатом концентрации обширных земельных участков в руках небольшого числа собственников» ⁹. Речь шла именно о политической проблеме, ибо сохранение крупной земельной собственности означало сохранение базы политического могущества класса феодальной аристократии. Этого армия допустить не могла.

Аграрная реформа непоправимо подорвала позиции влиятельнейшего класса старого Египта; она также привлекла на сторону революционного руководства самый многочисленный класс египетского общества — крестьянство. Тем самым революция сразу приобрела социальную опору. «Закон о земельной реформе, — писал Х. Мохи эд-Дин, — пожалуй, имел наибольшее воздействие на жизнь народа и вместе с этим на судьбу революции. Он

освободил крестьянство и превратил его в политическую силу, вставшую на сторону революции»¹⁰.

Затем был издан закон, запрещающий совмещать членство в административных советах более чем шести компаний. Запрещалось уполномоченным членам административных советов быть одновременно членами административного совета какой-либо другой компании. Директорам банков запрещалось занимать должность в другом банке. Лица в возрасте свыше шестидесяти лет без согласия Совета министров не могли быть назначены на должность директора компании. «Благодаря этим законодательным актам, — писал Шафии, — Египет избавился от четырехсот с лишним старых хрычей — египетских пашей, которые сидели в правлениях акционерных обществ в течение последних десяти лет»¹¹. Фактически была сметена с политической арены прослойка богатых буржуазных бюрократов, египетских капиталистических менеджеров.

В августе 1952 г. был издан закон об отмене званий и титулов, а в январе 1953 г. начались общественные суды над предателями. Целый ряд видных деятелей прежнего режима был осужден революционным судом. Уже упоминавшийся Сираг ад-Дин, например, был приговорен к каторжным работам. Чтобы оценить значение этого факта, следует вспомнить, что этот человек был генеральным секретарем партии Вафд, министром внутренних дел последнего вафдистского правительства, одним из богатейших землевладельцев Египта, основателем Каирского банка.

Тут старая вафдистская клика поняла, что дело обернулось совсем не так, как она рассчитывала. На что она надеялась несколькими месяцами раньше, когда высокомерно отвергала предложение Насера договориться по вопросу об аграрной реформе? Прожженные политиканы допустили элементарный просчет, психологически, впрочем, вполне объяснимый: они не поняли характера событий 23 июля, решив, что произошел просто военный переворот и офицерам вскоре придется вернуться в казармы, а поскольку короля уже нет, то политическое попрание вновь будет свободно для Вафда. Не исключено, что они даже радовались падению Фарука, с которым у них были свои счеты. Эти люди настолько привыкли управлять Египтом в течение десятилетий, что допускали

мысль только о перемене фасада, о различных верхушечных комбинациях. Существование крупного землевладения — основы основ их могущества — казалось им столь же вечным и незыблемым, как и сам Египет.

В свое время лорд Алленби сказал: «Англичане могут уйти из Египта со спокойной душой: они фактически создали класс крупных собственников, на которых Англия может рассчитывать при проведении своей политики в Египте»¹². Именно по этому классу революция и нанесла удар. Х. Мохи эд-Дин писал, что законы, принятые сразу после революции, «преследовали цель подорвать политическое, социальное и идеологическое влияние класса крупных землевладельцев, которые являлись в то же время традиционными политическими деятелями. Революция лишила этот класс его оружия — земли, партий, престижа. Представители этого класса были привлечены к суду, на котором были доказаны их продажность, алчность и расточительство народных богатств. Публичному осуждению был подвергнут весь класс»¹³.

Можно считать, что момент, когда Совет руководства революции принял решение провести аграрную реформу, выгнать старых бюрократов, уволить Али Махера и начать чистку политических партий, был переломным в деятельности военного режима: военные решили остаться у власти. Авангард понял, что его миссия не закончилась. Следовательно, надо было бить по потенциальным врагам и приобретать союзников.

«Авангард революции, — писал Х. Мохи эд-Дин, — был представлен группой молодых военных, которые имели две основные отличительные черты: первая — незыблемая вера в национальную независимость, помноженная на глубокую ненависть к империализму, королевскому двору и их агентуре, и вторая — независимое положение группы от всех других политических сил и организаций, стремление сохранить эту независимость и в дальнейшем»¹⁴.

На эти слова стоит обратить внимание. Молодые офицеры осознали свое политическое призвание, свою миссию, они не желали растворяться в партиях, скомпрометированных сотрудничеством с прежним режимом. На следующий день после революции на них обрушилось множество проблем, возникла масса вопросов, на которые они не были готовы дать ответ. Нет ничего удиви-

тельного, что они попытались найти какую-то опору среди опытных политических деятелей, заручиться содействием «профессионалов»: назначили премьером Али Махера, старались наладить контакт с Вафдом. Но в высшей степени сомнительно, чтобы даже в тот момент они собирались «вернуться в казармы», и не следует буквально понимать слова Насера, что революционные офицеры хотели «быть впереди лишь несколько часов». Скорее всего они, даже не имея намерения непосредственно возглавить правительство, рассчитывали контролировать деятельность гражданских политиков, сохранив при этом свою сплоченность и независимость. Когда же они увидели, что с прежними политиками дело не клеится, им ничего не оставалось как самим перейти к управлению. От идеи верховного контроля они перешли к сосредоточению власти в своих руках.

Для власти нужна программа, пусть самая общая. Военные провозгласили шесть целей революции: уничтожение господства империализма; уничтожение господства феодализма; уничтожение контроля монополий над правительством; установление социальной справедливости; создание здорового, демократического общества; создание сильной национальной армии.

Речь шла о решении задач антиимпериалистической и антифеодальной национально-демократической революции, которые укладывались в рамки буржуазно-демократической революции: буржуазия охотно выдвигает лозунги демократии и социальной справедливости.

Не будучи делом рук какого-либо одного класса (но объективно отвечая интересам нескольких) и не опираясь на один класс, революция покончила с господством двуединого помещичье-капиталистического класса. Однако, вырвав власть из рук крупных землевладельцев и капиталистов, революция, олицетворяемая совершившими ее офицерами-националистами, не передала эту власть в руки какого-либо другого класса. Совершившие революцию люди руководствовались идеями национальной независимости, освобождения от империализма, социальной справедливости, ликвидации вопиющих зол старой системы, обеспечения прогресса страны и создания современного развитого общества. Эти идеи определили круг противников революции — империализм и феодально-капиталистическая верхушка.

Вначале многим офицерам казалось, что все довольно просто: надо свергнуть короля и добиться ухода англичан. Но вскоре выяснилось, что бороться надо против целой системы связей и взаимозависимостей. Господство империализма воплощалось не только и не столько в нескольких десятках тысяч английских солдат в зоне Суэцкого канала, сколько в экономической зависимости Египта от иностранных монополий. Эту зависимость нельзя было ликвидировать без перестройки экономической структуры, что в свою очередь требовало серьезных социальных преобразований, ударявших по интересам весьма широкого круга людей, не обязательно агентов Англии или ставленников Фарука. Кого-то надо было лишать позиций, среди кого-то искать союзников, — короче говоря, борьба переносилась во внутренний, социальный план. Национальная революция оказалась связанной с революцией социальной.

Уже спустя два года после захвата власти, в 1954 г., Насер писал: «Каждая нация на земле проходит через две революции: одну — политическую, в которой она утверждает свое право на самоуправление в борьбе против навязанного ей деспота или против агрессивной армии, оккупирующей ее территорию; вторую — социальную, в которой классы общества борются друг с другом, пока не будет обеспечена справедливость для всех граждан и не будет достигнута стабильность»¹⁵. Практика борьбы на крутых исторических поворотах быстро излечивает от иллюзии относительно возможности сотрудничества всех классов и слоев общества. К 1954 г. Насер имел возможность убедиться, что ему придется вести борьбу с разными врагами и на разных фронтах.

Первым врагом был британский империализм, оккупировавший важнейший стратегический район страны. Переговоры по этому вопросу с Англией, то прерываясь, то возобновляясь, шли почти два года. Бывали периоды, когда египетские руководители считали, что им не остается другого выхода, кроме возобновления вооруженной борьбы в зоне канала. Но британский империализм был уже не тот, что прежде. Поражение в «войне нервов» с Мосаддыком в Иране подорвало его авторитет на Ближнем Востоке. Общая неустойчивость международной обстановки делала перспективу войны с Египтом крайне нежелательной. Общественное мнение Англии непрерыв-

но давило на правительство, требуя ухода из Египта, — пребывание английских войск там было связано с большими расходами. Военная ценность суэцкой базы уменьшилась ввиду изменений, вызванных развитием ядерной и ракетной техники. Кроме того, английские политические круги не исключали возможности установления союзнических отношений с Египтом и даже включения его в создававшуюся ими тогда военную группировку на Ближнем Востоке. Наконец, они добились от Египта принятия условия, позволяющего Англии при определенных обстоятельствах вернуть войска в зону канала. Все это, вместе взятое, позволило прийти к соглашению, которое вступило в силу в октябре 1954 г. Англия обязалась эвакуировать войска из зоны Суэцкого канала. Это был крупнейший внешнеполитический успех правительства Насера, которому удалось добиться того, чего не смогло добиться ни одно предшествовавшее правительство.

Вторым врагом была многоголовая гидра внутренней реакции, которая после революции 1952 г. отнюдь не была уничтожена. Когда Вафд и другие партии, представлявшие интересы помещиков и капиталистов, поняли, что военные не отдадут им власть, они перешли к иным методам борьбы. Прежде всего, возник единый фронт политических организаций, оставшихся от прежнего режима. Забыв о распрях, вафдисты объединились с «Братьями-мусульманами», требуя восстановления парламентской системы. Это был один из двух главных козырей политиков прежнего режима. Демагогия, спекуляция на лозунгах демократии, требование ликвидации военной диктатуры, созыва учредительного собрания и восстановления деятельности партий привлекли к вафдистам и их союзникам немалую часть интеллигенции, в том числе студентов. Другим козырем реакции была попытка использовать разлад в Совете руководства революции. По мере того как перед Советом вставали все новые задачи, входившие в него офицеры меняли позиции. Одни, будучи не в силах порвать старых связей с «Братьями-мусульманами», позволяли им использовать себя в политических целях. Другие колебались, ощущая давление либеральной мелкобуржуазной интеллигенции, с которой они издавна были связаны и которая все больше склонялась к возвращению парламентской демократии. Номинальный руководитель военного режима гене-

рал Нагиб одним из первых перешел на сторону «старых партий».

Атмосфера накаляется. Чем больше упорствует Совет, не желая распахивать дверь к власти перед старыми партиями, тем больше негодуют все «бывшие» и те, кого им удалось обработать. Либеральная интеллигенция, приветствовавшая падение деспота, но отнюдь не желающая отказываться от милой ее сердцу парламентской игры; профессора, адвокаты, журналисты, не чувствующие никаких симпатий к военным, этим «провинциальным выскочкам, неинтеллигентным солдафонам», вообразившим себя государственными деятелями; студенты, которым не по душе этот «мрачный, тусклый» режим, требующий от них лишь труда и дисциплины; дельцы, коммерсанты, с опаской вззирающие на новое руководство страной, суровое, почти пуританское, призывающее к жертвам, к ограничениям, старающееся подчинить жесткому контролю сверху всю деловую активность; мусульманские фанатики, которые никак не могут дождаться осуществления своего идеала, создания теократического государства, — все они потрясают кулаками, требуя демократии. В самом деле, разве не во имя демократии совершалась революция? Разве для того свергли тирана, чтобы власть узурпировала кучка офицеров, которым место в казармах, а не в правительстве? Кому нужен этот новый деспотизм, почему не разрешают деятельность политических партий, где парламент?

Друзья Насера колеблются; вправе ли они противостоять голосу народа — ведь ради него они и шли на революцию. В конце концов, парламентская система при Фаруке — это одно, а сейчас — совсем другое. Монархия ликвидирована, у крупных помещиков отняли земли, революция сделала свое дело, так, может быть, пора вернуться к нормальной жизни? Не будет ли понято стремление сохранить власть Совета руководства революции как курс на установление военной диктатуры?

Положение Насера становится отчаянным. Он понимает, чувствует фальшь этих разговоров, он твердо убежден, что «демократии политической должна предшествовать демократия социальная», а для этого нужно перевернуть всю старую общественную структуру. Он не сомневается, что восстановление деятельности партий будет означать конец революции, что все пойдет по-прежнему,

только без короля, что демагоги из Вафда и кровожадные фанатики из «Братьев-мусульман» вновь начнут дурчить людей и натравливать их друг на друга. Он видит дальше других, но как убедить в этом остальных? А за его спиной уже шепчутся: Насер хочет стать диктатором. Опоры в массах у него еще нет. Ему только предстоит создать себе имя, славу, авторитет. Соглашение об эвакуации английских войск, смелое соглашение о закупке советского оружия, национализация Суэцкого канала, — знамя арабского единства еще впереди. Пока что он никому не известный подполковник и за пределами армии никто даже не знает, что не Нагиб, а он — душа и мозг «Свободных офицеров». Все заслуги приписываются Нагибу: он — отец народа; повсюду его портрет: добродушное, чуть лукавое крестьянское лицо с трубкой. А Насер еще не умеет как следует держаться на трибуне, он плохо говорит и не использует своего обаяния. Обстоятельства против него.

Требования разрешить деятельность партий становятся все громче. Совет колеблется, медлит, и, почувствовав это, «либералы» удваивают усилия. На их стороне часть коммунистов, которые ошибочно считают, что, как только будет восстановлена партийная система, перед ними откроются благоприятные перспективы. И вот кризис достигает высшей точки. На заседании Совета 25 февраля 1954 г. Насер бросает на чашу весов свой авторитет. Ждать больше нечего, Совет должен выбирать между ним и Нагибом, этой дутой величиной, всерьез воспринявшей свой титул «заим ас-саура» — вождь революции. Нагибу давно надоел Насер, всегда диктующий из-за кулис свою волю. Пятидесятилетний генерал мечтает избавиться от опеки молодых офицеров и стать президентом конституционной республики.

Но, как и в 1952 г., Совет склоняется перед волей Насера. Он привел их к победе, они верят в его разум, в его силу. Нагиб снят с поста председателя Совета и с поста премьер-министра. Насер — глава правительства. Все становится на свои места.

Но игра еще не выиграна. Весть об отставке Нагиба, подобно молнии, поражает общественное мнение. Народ потрясен, он не подготовлен к этому событию, он привык видеть в Нагибе вождя. Люди чувствуют себя осиротевшими, многие плачут на улицах. Этими настроениями

пользуются «либералы». Они организуют шумные студенческие демонстрации. Над СРР нависла угроза изоляции. Непокойно и в армии: некоторые воинские части готовят выступление, чтобы вернуть к власти Нагиба. Напрасно Насер призывает к стойкости. Совет растерян. Армия расколота. И, чтобы избежать гражданской войны, Совет решает вернуть Нагиба. Решение принято буквально в последнюю минуту: бронетанковые части уже готовятся к выступлению. Всегда склонные поддержать демократические лозунги (недаром самый левый из членов Совета руководства революции, «красный майор» Халед Мохи эд-Дин, служил в танковых частях), офицеры-танкисты собирались силой восстановить Нагиба в должности, думая, что этим они окажут услугу революции. Но до этого не дошло.

25 марта СРР объявил о следующих решениях: политические партии должны немедленно провести реорганизацию; СРР будет распущен 24 июля того же года и не будет создавать свою политическую партию; никто не будет лишен политических прав; первоочередная задача Учредительного собрания — избрание президента республики¹⁶.

Это была капитуляция. Сразу же десятки членов «Братьев-мусульман», включая их лидера Хасана аль-Худайби, были освобождены из заключения. Восемь гражданских министров подали в отставку, ожидая формирования нового кабинета, который будет состоять исключительно из гражданских лиц. Ассоциация адвокатов принимает резолюцию, требующую СРР «вернуться в казармы». Двумя днями раньше Насер заявил: «Я революционер, а не политик». Теперь он видит, что революционеры уступают, а «политики», точнее, буржуазные псли-тиканы, торжествуют.

Насер терпит поражение. Но драме суждено разыграться не в двух, а в трех актах. Последнее слово остается не за генералом, а за подполковником. Для этого Насер мобилизует все резервы. Откуда он может их взять? Офицеры впервые отказались его поддержать, интеллигенция идет за Нагибом, СРР уже объявил, что в июне состоятся выборы в Учредительное собрание. И тогда Насер обращается к массам.

Но пойдут ли с ним массы? Отношение рабочего класса к революционному режиму еще не ясно. Рабочие, как

и весь народ, приветствовал революцию. Но они хорошо помнили события в Кафр-ад-Даваре 13 августа 1952 г., когда забастовка, объявленная по призыву профсоюза, была в тот же день разогнана прибывшими воинскими частями, а два профсоюзных лидера — повешены на следующий день. Правда, утверждают, что как раз Насер голосовал против смертной казни и оказался в меньшинстве, но факт остается фактом: первыми жертвами военного режима оказались рабочие. А к марту 1954 г., когда происходили описываемые события, рабочим было от чего прийти в замешательство. Коммунисты в своем органе «Аль-Малаяйн» охарактеризовали военный режим как правительство, выражающее интересы национальной буржуазии, — часть их стала сотрудничать с вафдистами. «Братья-мусульмане» тоже выступают против военного режима, хотя официально «братство» распущено еще в январе 1954 г., после организованных им уличных беспорядков¹⁷. Ни для кого не секрет, что Нагиб все больше сближается с ними. Разобраться в ситуации трудно.

Успех дела решает организация. Насер заранее сумел прочно утвердить свое влияние в профсоюзах и в Лиге освобождения — массовой организации типа народного фронта, созданной военным режимом для политической мобилизации народа. Лига освобождения — организация в общем довольно аморфная и не играющая никакой роли, но на этот раз она сказала свое слово. Пожалуй, в первый раз за все время своего существования Лига освобождения проявила себя как политическая сила. Ее низовой аппарат состоит из людей, преданных Насеру, ее руководство подобрано и проверено лично им. Лига зовет людей выйти на улицы и поддержать военный режим, поддержать Совет руководства революции. Лозунг, выброшенный Насером, именно таков — за продолжение революции, за продолжение правления Совета, против возвращения партий.

Профсоюзы объявляют всеобщую забастовку, весь транспорт в Каире парализован, Лига освобождения организует массовые демонстрации. На улицах звучит лозунг: «Мы не хотим политических партий, мы хотим правления Совета руководства революции». Странники Насера работают неутомимо, разъясняя простому народу, что будет означать возвращение к власти Вафда, —

а в том, что выборы будут означать победу Вафда, не сомневается никто: вафдисты, как всегда, пройдут голосами крестьян.

В эти три дня — 25, 26 и 27 марта 1954 г. — решалась судьба египетской революции. Ситуация была еще более серьезной, чем непосредственно после переворота 23 июля 1952 г. Все висело на волоске. Если бы Насер проиграл, через три месяца в кресло премьера сел бы Наххаспаша и все вошло бы в старое русло, а плацдарм для революции, созданный армией, был бы утрачен.

Но Насер выиграл. Бросив на чашу весов такую силу, как профсоюзы и массовые организации, он успел укрепить свои позиции и в армии. Бронетанковые части были блокированы войсками, верными Насеру. А демонстрации все нарастали. На улицы вышли пролетарские и плебейские массы, и рядом с этим мощным потоком группы студентов, выкрикивавших лозунги за возвращение партий и за всеобщие выборы, выглядели как жалкие, разрозненные ручейки. Дело шло к концу.

После трех дней массовых демонстраций в Каире и Александрии Совет руководства революции объявил 28 марта, что выборы, назначенные на июнь, отменяются. Нагиб вновь снят со всех постов; на этот раз он окончательно проиграл¹⁸. 15 апреля Совет лишает политических прав всех руководителей партий Вафд, либерально-конституционной и саадистской, занимавших министерские посты с 1942 по 1952 г. Это — решающий удар: Насер избавился от всех видных политиков прежнего режима. Среди лидеров трех партий не было ни одного, кто за десять лет хоть раз не был бы министром. Отныне они изгнаны все разом, включая «великого» Наххаса. И если его приверженцы вновь поднимут крик «Нет Вафда без Наххаса», это будет лишь означать, что нет Вафда. И действительно, эти весенние дни 1954 г. подвели черту под четвертьвековым существованием некогда славленной партии. Египетская буржуазия лишилась своего политического представителя; грандиозная машина была наконец сломана.

16 апреля 1954 г. Насер вновь становится премьер-министром. Он же — председатель Совета руководства революции. Отныне вся власть в его руках — и фактически, и формально.

Началась чистка в рядах военного руководства. Три

члена Совета руководства революции, известные своими левыми взглядами, были уволены из совета (Халед Мохи эд-Дин, Юсеф Саддык, Абдель Монеим Амин). Было арестовано 16 офицеров по обвинению в том, что они, действуя заодно с коммунистами, готовили «беспорядки» в день празднования 1 Мая. По такому же обвинению был арестован отставной капитан Мустафа Камаль Сидки, в прошлом видный деятель организации «Свободные офицеры».

14 офицеров во главе с капитаном Хасаном аль-Мисри (близким к члену СРР Хусейну аш-Шафии) были осуждены на сроки до 15 лет. Затем Революционный трибунал под председательством Богдади присудил к 10 годам тюремного заключения полковника Ахмеда Шауки, незадолго до этого сопровождавшего Нагиба в его паломничестве в Мекку. После этого трибунал был распущен; оппозиция в армии была ликвидирована.

26 октября 1954 г. Насер выступает на массовом митинге в Александрии, и во время его речи один за другим раздаются восемь выстрелов. Террорист, стрелявший в Насера, но промахнувшийся, — член «Братьев-мусульман». Заработал аппарат госбезопасности, во главе которого Насер поставил Закарию Мохи эд-Дина. Более семи тысяч «братьев» были арестованы, 867 из них приговорены трибуналом к различным срокам заключения. Шесть руководителей организации были повешены 8 декабря 1954 г., а за месяц до этого был посажен под домашний арест генерал Нагиб.

Итак, разгромлены все заговоры, рассеяны все враги военного режима. Спустя полтора года, 23 июня 1956 г., прямым всеобщим голосованием Насер избран на пост президента республики. Заканчивается целая глава в истории Египта. Переходный период — период смуты и неустойчивости — позади. Как писал Абдель Малек, «укрепление военной диктатуры, затем провозглашение Республики в 1954 г., введение конституции 1956 г. и избрание Гамалы Абдель Насера на пост президента республики означает конец господства крупной землевладельческой буржуазии»¹⁹. Двухединый помещичье-капиталистический класс, в течение 30 лет управлявший Египтом с благословения и под контролем Англии, наконец сломлен политически.

Но этот класс отнюдь не олицетворял египетского ка-

питализма как такового; более того, он не олицетворял целиком и феодализма. Помещики остались; благодаря лазейке в законе об аграрной реформе они могут иметь 300 федданов каждый, а сколько у них возможностей обойти закон — ведь в их руках и старосты, и деревенская полиция. Промышленная буржуазия, по существу, не затронута — разгромлено лишь ее наиболее консервативное крыло, связанное с землевладением, и это даже на руку «новым» капиталистам, которых затирала традиционная знать. Исчез Сираг ад-Дин, выброшены старые бюрократы высоких рангов, политиканы королевского режима, но «Миср» существует и процветает со своими 29 компаниями, равно как и Аббуд — «сахарный король», равно как Фаргали, Яхья и другие. Снят только верхний слой эксплуататорского класса, обладавший не только экономическим, но и политическим могуществом. В целом буржуазия получила более благоприятные возможности для своего развития, чем когда-либо.

Особенно это относится к буржуазии промышленной. Как пишет Х. Мохи эд-Дин, «составной частью борьбы за независимость была индустриализация. Именно поэтому революционное руководство предприняло ряд мер, направленных на укрепление и сохранение уже существующей промышленности и создание новых предприятий. Был принят ряд соответствующих законов. Таможенные пошлины на импортируемые потребительские товары были повышены, а на промышленное оборудование и машины снижены. Для поощрения капиталовложений новые компании были освобождены от налогов на 8 лет (закон № 43 от 3 сентября 1953 г.). Капиталовложения в промышленность также не подлежали обложению налогом в течение 5 лет... Основной целью было обеспечить развитие экономики и привлечь в нее частный капитал»²⁰.

Правительственный промышленный банк стал широко кредитовать индустриальное развитие. Само правительство финансировало крупные промышленные предприятия. Роль государственного сектора, созданного фактически только после революции, резко возросла.

В 1956 г. на долю государства приходилось 56% капитала вновь созданных промышленных акционерных обществ. Росли не только государственные, но и частные капиталовложения в промышленность. Так, если за 1954 г. было вложено 6,8 млн. егип. ф., то за 1956 г. —

уже 25,6 млн. егип. ф. Предполагалось по мере усиления и развития тех или иных отраслей промышленности распространять акции государства среди частных лиц. Таким образом, перед буржуазией была открыта перспектива приобретения акций уже действующих, рентабельных предприятий. Тем самым для нее были созданы условия более выгодные, чем до революции.

Одна из целей аграрной реформы, собственно, и заключалась в создании условий для перекачки капитала из сельского хозяйства в промышленность, стимулирования частных капиталовложений в промышленный сектор. В какой мере эта цель была достигнута, будет показано ниже. Пока что ограничимся констатацией того, что в 1952—1956 гг. военное правительство наряду с всемерным развитием государственного сектора всячески поощряло развитие частного сектора в промышленности, надеясь поставить его на службу своим интересам.

Поощряло оно также и иностранный капитал. Уже 30 июля 1952 г., через неделю после революции, был опубликован декрет, вносящий изменения в закон № 138 от 1947 г. об анонимных обществах, который предусматривал, что доля египетского капитала в них должна составлять не менее 51%. Новый декрет уменьшал эту долю до 49% и содержал оговорку, позволяющую в определенных случаях включать даже в эти 49% часть акций, принадлежавших иностранцам²¹.

«Первые месяцы существования военного режима были отмечены исключительной умеренностью в области внешней политики и многочисленными попытками изменить законодательство, не поощрявшее деятельности иностранных компаний в Египте... Закон о горнодобывающей промышленности был пересмотрен таким образом, чтобы сделать его приемлемым, если не удовлетворительным, для нефтяных компаний...»²².

Действительно, в тот период в Египте перед иностранным капиталом открылись неплохие перспективы. Как уже говорилось, «Свободные офицеры» накануне прихода к власти не имели никакого определенного плана социально-экономических мероприятий. Поэтому они сразу же после 23 июля поспешили привлечь на службу наиболее опытных и известных экономистов. Не офицеры разработали проект аграрной реформы и декрет об изменении закона об акционерных обществах. Их экономиче-

скими советниками были такие специалисты, как Сайед Марей, Ахмед Фуад, аль-Эмари, доктор Ахмед Хусейн (посол в Вашингтоне) и др. Все они были сторонниками индустриализации, но их концепции, естественно, не выходили за рамки типично буржуазных представлений по этому вопросу. Пользуясь своим авторитетом, которому не разбиравшиеся в экономике офицеры не могли ничего противопоставить, специалисты толкали СРР на путь привлечения иностранных капиталов. Капиталы действительно были нужны, и в тогдашней международной обстановке единственным источником внешней помощи могли быть только западные державы. Следовательно, во внешней политике желательно было придерживаться такого курса, который «не отпугнул» бы Запад. Один из западных авторов даже считал, что в 1952—1954 гг. Запад мог бы предложить арабам вариант «плана Маршалла», что было бы важнейшей победой западных держав в холодной войне²³.

Но мог ли в тот период вариант «плана Маршалла» для Египта быть реализован? С чисто экономической точки зрения — возможно, но при условии, что западные державы правильно оценили бы тенденции развития Египта, значение страны для их глобальной политической стратегии и последствия отказа от использования этого шанса. Но экономика, как известно, неотделима от политики. Для обеспечения экономического контроля над развитием Египта западные правительства должны были создать и политические предпосылки для сотрудничества с египетским военным режимом. Частично они были созданы: Англия согласилась вывести свои войска из Египта, и Насер заявил, что отныне нет препятствий для конструктивного сотрудничества между двумя странами²⁴. Что же касается Соединенных Штатов, то они вообще благожелательно отнеслись к новому режиму, считая, очевидно, что его приход — это шаг к ликвидации традиционного британского влияния на Ближнем Востоке. Эйзенхауэр прислал Нагибу в подарок серебряный пистолет.

Но подобной «нормализации отношений» недостаточно. Политическое сотрудничество Запада с Египтом могло быть успешным лишь при двух условиях: признания особой роли Египта в арабском мире (или во всяком случае невмешательство в политику Каира, исходя-

щую из предпосылки о такой роли) и понимания египетской позиции в арабо-израильском конфликте.

В начале 50-х годов главной целью политики Англии на Ближнем Востоке стало создание военно-политического блока, призванного обеспечить британское влияние в этом районе, приобретшем особо важное значение для Лондона после потери Индии, а также по мере бурного роста добычи ближневосточной нефти. В этот блок западные стратеги планировали включить и Египет. Но для революционного правительства, недавно добившегося избавления от иностранной оккупации, вступление в военный блок, контролируемый той же Англией, давнишним врагом, было немыслимо. Египет отказался от участия в любой проектировавшейся организации подобного рода. Тогда Вашингтон и Лондон сосредоточили свое внимание на Ираке. Ирак стал краеугольным камнем новой организации. И когда Насер, утвердив свою власть внутри страны, получил возможность активно заниматься внешней политикой, первое, с чем он столкнулся, был Багдадский пакт, главной фигурой которого был традиционный соперник Египта — Ирак. В тот период у власти там стояла реакционная феодально-монархическая клика, не скрывавшая своей непримиримой вражды к революционному правительству Египта.

Насер оценил это как сознательный удар, нанесенный Англией и Соединенными Штатами по Египту, как попытку унижить Египет и ослабить его позиции в арабском мире. Делая ставку на Ирак, вооружая его, продолжая в то же время сохранять свое господство в Иордании (где у власти находилась другая ветвь хашимитской династии, правившей в Ираке), поощряя притязания Иордании на Сирию, западные державы тем самым отталкивали от себя Египет. И Насер принял вызов. Он объявил Багдадский пакт «тюрьмой для народов» и повел против него решительную борьбу. Отныне его отношения с Западом были испорчены. Их ухудшению способствовала позиция Запада в арабо-израильском конфликте.

С 30-х годов взоры всего арабского мира были прикованы к Палестине. Для арабских националистов, испытавших горечь неудач в борьбе за освобождение и объединение арабских стран, Палестина стала полем новой битвы — битвы против сионистов, в лице которых

арабы видели «агентов, присланных империализмом, чтобы отнять у арабов их землю». Арабские националисты видели в палестинском вопросе не только зло, но и возможность мобилизовать арабов всех стран на борьбу за освобождение и единство, пробудить в них чувство национальной общности, кровного братства. И арабское национальное движение на самом деле поднялось на новый уровень, после того как арабы повсеместно, от Мосула до Хартума, ощутили палестинский конфликт как общенациональную трагедию. После образования Израиля агрессивная, провокационная политика его правящих кругов только разжигала пламя конфликта. В 1954 г. израильские экстремисты начинают новую серию провокаций против Сирии. Весь арабский мир, включая и Египет, чувствует себя под угрозой. У всех свежи в памяти уроки поражения в войне 1948—1949 гг. Ясно, что только создание сильной современной армии позволит избежать поражения во «втором раунде». Но для этого нужна современная техника, а египетская армия оснащена безнадежно устаревшим оружием, у нее нет шансов успешно противостоять Израилю.

С осени 1952 г., когда майор Али Сабри вел переговоры в Пентагоне, до сентября 1955 г., когда Насер лично вступил в переговоры с американским послом, египетский военный режим делал попытки получить от Соединенных Штатов оружие, необходимое для того, чтобы поднять техническую оснащенность египетской армии до уровня израильской. Однако Вашингтон использовал ситуацию для шантажа Египта. Поскольку другого источника снабжения оружием у экономически отсталых стран в то время не было, американские правящие круги не сомневались в эффективности своей политики. Они знали, что покупать оружие у Англии, войска которой только что ушли, для каирского правительства невозможно, а Франция, находившаяся в те годы в полном подчинении у Вашингтона, не посмела бы испортить американскую игру. И никому в Вашингтоне не могло прийти в голову, что Египет обратится с просьбой о поставках оружия к социалистическим странам.

Мало кому это приходило в голову и в самом Каире. Но в числе людей, которые подумали о такой возможности, был Насер, и это решило проблему. Когда он понял, что США не отходят от своей позиции и требуют в каче-

стве цены за оружие участия Египта в организации «коллективной обороны», а время не ждет и война с Израилем может вспыхнуть в любой момент, то обратился к Советскому Союзу. В 1965 г., выступая в Москве, Насер говорил об этом: «Тогда колониализм вообразил, что он может нас запугать, используя против нас свою базу, созданную в самом сердце арабского мира для того, чтобы угрожать нам вооруженными нападениями. Мы отвергли эту угрозу и обратились к вам с просьбой помочь нам ликвидировать монополию на поставку оружия»²⁵.

27 сентября 1955 г. Насер объявил о заключенном с Чехословакией соглашении о поставках оружия. Кажется, он сделал простую и само собой разумеющуюся вещь; ему нужно было оружие, он мог его получить у одной из двух сторон, противостоящих друг другу на мировой арене. Одна отказалась, он обратился к другой, та согласилась. Но для того, чтобы сделать этот простой и очевидный шаг, нужны были смелость, широта взглядов, решимость опрокинуть установившиеся, привычные представления о том, что «можно» и чего «нельзя». Именно смелость отличает крупного политического деятеля от рядового «государственного мужа» при равенстве остальных данных. Первый решится выйти за пределы круга традиционных понятий и проложить новый путь, второй, даже если и увидит его, не осмелится совершить необычный шаг.

Для западных политических кругов весть о закупке Египтом советского оружия грянула как гром с ясного неба. Такой дерзости со стороны руководителя вчерашней полуколонии никто не ожидал. Буржуазная печать подняла невообразимую шумиху. В один день Насер стал заклятым врагом западных держав.

В Египте, как и следовало ожидать, популярность Насера резко возросла. Но наибольший успех его акция имела в других арабских странах. До этого он там был почти неизвестен. Революцию 1952 г. связывали с именем Нагиба. В некоторых арабских странах отношение к Насеру было весьма прохладным. В Сирии, например, где «Братья-мусульмане» весьма сильны, Насеру не могли простить его расправы с «братьями» в Египте; суданцы крайне отрицательно отнеслись к смещению и аресту Нагиба, который со стороны матери был суданцем. Но после 27 сентября 1955 г. все это уже не имело значения.

Насер дал пощечину империалистам, он бросил вызов всемогущей Америке, он стал героем арабской нации, «новым Саладином».

В плане внешней политики закупка советского оружия и борьба против Багдадского пакта во многом предопределили будущие направления деятельности Насера. Впервые вступив в контакт с социалистическим миром, Насер в дальнейшем уже всегда будет учитывать наличие столь мощного противовеса империалистическому лагерю. Закупка советского оружия — это первый шаг в разработке политической линии, ставшей основой его дипломатии, — линии неприсоединения, позитивного нейтралитета.

По сути, этот шаг, так же как впоследствии национализация Суэцкого канала, был навязан Западом. Насер не разрабатывал заранее свою политику — он импровизировал, моментально реагируя на складывающуюся ситуацию. Когда империализм пытался запугать или шантажировать его, как это и случилось впервые в истории с оружием, он, опираясь на помощь стран социализма, принимал вызов. Его заслуга в том, что он первым из политических деятелей «третьего мира» оценил те огромные возможности, которые открыла перед развивающимися странами мировая социалистическая система, понял — и проверил на собственном опыте, — что империализм уже не обладает монополией ни на поставку оружия, ни на экономическую, техническую и финансовую помощь.

Повторяем, Насер дошел до этого эмпирическим путем. Западные державы своей близорукой политикой толкнули его на путь, принесший им впоследствии столько огорчений. Но могло ли быть иначе? Мог ли в международной обстановке в 1952—1955 гг. государственный департамент отказаться от идеи создания империалистического, антисоветского, военно-колониального блока на Ближнем Востоке? Разумеется, нет, иначе он не был бы органом, осуществлявшим внешнеполитическую стратегию, соответствовавшую в тот момент интересам американского империализма. Мог ли Эйзенхауэр игнорировать арабо-израильский конфликт? Нет, ибо он не мог не думать о следующих выборах, не мог не подчиниться политике своей партии. Из этого следует, что США не могли пойти навстречу желаниям Египта. Интересы импе-

реализма и национальные интересы Египта оказались несовместимыми. В этом — суть проблемы, суть закономерности, которая привела Насера к закупке советского оружия и к борьбе против Багдадского пакта. В свою очередь эти события положили начало эволюции внешнеполитической концепции египетского руководства, создали новую ситуацию на Арабском Востоке. Полковник И. Беер напрасно сокрушался по поводу «упущенного шанса» Запада в Египте. Ближневосточный вариант «плана Маршалла» никогда не был реальным.

Если в 1955 г. многое прояснилось и определилось во внешней политике, то во внутренней ясность отсутствовала. Главный враг — помещичье-капиталистическая верхушка — был разбит, но надежных союзников еще не было, прочная социальная опора не была найдена. Уже говорилось, что Лига освобождения не могла стать сильным политическим инструментом. Х. Мохи эд-Дин пишет: «Организация освобождения не являлась революционной партией. Она была простым объединением всех реально существующих сил со всеми их противоречиями и проблемами... Неспособность превратить эту организацию в истинную партию революции была сама по себе реальным выражением отсутствия ясной идеологической линии в политической работе... Организация освобождения, по сути дела, не смогла утвердить себя среди масс»²⁶.

Отсутствие определенной социально-политической ориентации проявлялось и в том, что наряду с ликвидацией правых, реакционных партий военный режим преследовал и левые элементы. Как было напечатано в одном американском журнале, «удары наносились и по правым и по левым, и по рабочим и по помещикам... Тщательный подсчет мог бы показать, что крупные капиталисты получали меньше средней нормы синяков от нового режима, а рабочие и левые деятели — больше. Однако крупные капиталисты утратили свою былую мощь и не могли, как раньше, с легкостью подкупать и манипулировать, а с нетерпением ждали, когда же армейские „волки“ уберутся обратно в свои казармы»²⁷.

Известная деятельница английской лейбористской партии Б. Кастл посетила Египет в 1954 г. и вынесла впечатление, что революция «заморожена» и не двига-

ется, застряла на месте. Ее коллега Бивен пришел к выводу, что египетская революция — всего лишь фасад²⁸.

Вероятно, так это тогда и выглядело. Но, как верно заметил египтянин, с которым Б. Кастл говорила на эту тему, Бивен ошибался в одном: он думал, что революция так и останется всего лишь фасадом²⁹.

Одним из последствий суэцкого кризиса была египтизация иностранных предприятий — принудительная продажа иностранцами своих акций египтянам. 15 января 1957 г. опубликованы законы № 22, 23 и 24, лишившие иностранцев прав собственности на все банки, страховые и торговые компании. Это означало конец эксплуататорской деятельности английских и французских банков, которые, обладая капиталом в 5,6 млн. ф. ст., контролировали средства вкладчиков на сумму 180 млн. ф. ст. Одновременно были национализированы 64 английские, французские и австралийские страховые компании с общим капиталом 17,1 млн. егип. ф., а также многочисленные иностранные торговые фирмы.

Все эти мероприятия можно рассматривать как продолжение процесса, начатого национализацией компании Суэцкого канала — освобождения экономики от засилья иностранного капитала. Ничего угрожающего интересам национального капитала в этом нет — так, по крайней мере, казалось в экономическом аспекте. В аспекте же политическом именно волна национализации и египтизации, поднявшаяся в 1956—1957 гг., была началом конфликта между военным режимом и национальной буржуазией.

Существенный элемент деятельности частного капитала — доверие к государственной власти. Чисто экономические и финансовые льготы еще не гарантируют активности частного сектора — нужна уверенность в будущем. Деятельность частного капитала неразрывно связана с риском. Любое помещение капитала — это риск. Никакие экономические льготы и тем более патриотические призывы не побудят капиталистов к инвестициям, если они инстинктивно чувствуют, что риск превосходит «оптимально допустимую» норму. Когда египетские капиталисты увидели, как легко, быстро и без колебаний правительство Насера национализировало чужую собственность, в сердца многих из них закрался страх. С одной стороны, у них были основания радоваться — изго-

няли их конкурентов. Но, с другой—кое-кто начал думать: а не поступит ли правительство, если вдруг найдет нужным, и с ними таким же образом?

Этих опасений не было, если бы в правительстве сидели «свои люди». Но все дело было в том, что военный режим сохранял монополию на власть и, предоставляя капиталистам экономические льготы, отказывался допустить их к управлению государством. Это и послужило главной причиной «кризиса доверия» в отношениях между частным капиталом и правительством³⁰.

Английский исследователь П. О'Брайен писал: «С коммерсантами и промышленниками больше уже не консультировались по поводу разрабатывавшихся режимом планов экономического развития, и они не получали сверху того благосклонного одобрения — в социальном и политическом планах, — которое необходимо, чтобы рассеять их опасения относительно будущего частной инициативы в Египте. Поэтому, хотя экономический климат стал более благоприятным, политика правительства породила чувство неуверенности в деловом мире, особенно после 1959 г., когда официальные деятели и печать стали проявлять открытую враждебность к капитализму»³¹.

Опасения буржуазии усиливались в связи с тем, что в Египте все сильнее проявлялись тенденции к государственному руководству экономикой, к планированию экономического развития. Одним из инициаторов внедрения плановых начал в египетскую экономику был, между прочим, выдающийся польский экономист, ныне покойный Оскар Ланге, консультировавший египетское руководство по этому вопросу во время своего пребывания в Каире в 1954 г. Первые организации, призванные вести планированием экономики, были созданы еще в 1952 г., и их функции постоянно расширялись. Причины усиленного внимания к планированию были объяснены в официальном документе: «Необходимость создания планирующих органов с неизбежностью вытекает из того, что... отсутствуют соответствующие учреждения, способные хотя бы предложить, а тем более пустить в ход... средства, необходимые для увеличения продукции и капиталовложений»³². Иными словами, ускоренное экономическое развитие необходимо, чтобы страна не задохнулась, но частная стихия не могла создать механизм, обеспечивающий это развитие.

13 января 1957 г. была создана Экономическая организация, в ведение которой перешел государственный сектор. К этому времени государственные и смешанные компании располагали капиталом всего в 17 млн. егип. ф., но после египтизации, к концу 1958 г., капитал возрос до 58,6 млн. егип. ф.³³. Если в 1950 г. на долю частного сектора приходился 81% всех капиталовложений, то в 1956 г. — только 40%, а 60% — на долю государства³⁴.

Все это отнюдь не означает отказа от поощрения частного капитала. Напротив, правительство продолжает возлагать большие надежды на сотрудничество с частным сектором, особенно теперь, когда в результате египтизации местные дельцы приобретают имущество выезжающих из страны греков, ливанцев, евреев и других и, следовательно, имеют основания быть довольными правительством.

И действительно, дела у частного капитала идут совсем неплохо. По данным Национального банка Египта, за 1958—1959 гг. прибыли 144 акционерных обществ выросли на 7% по сравнению с предшествовавшим годом³⁵. Если в течение 1959 г. было образовано 19 акционерных обществ, то в 1960 г. — уже 36, а их номинальный капитал достиг 30,7 млн. егип. ф., увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 25,2 млн. егип. ф., т. е. на 460%³⁶. «Перед египетской буржуазией, кажется, открылся золотой век», — напишет впоследствии, вспоминая об этом периоде, французский специалист по арабским делам Э. Руло³⁷.

Польский экономический журнал характеризует тип «государственно-военного капитализма», практиковавшийся на том этапе египетским военным режимом, как «японский вариант»³⁸. Создавать благоприятные условия для частного капитала, поощрять его к инвестициям в промышленность и на этой основе поднять экономику, оставляя за собой общий контроль, — такова идея экономических советников Насера.

«Можно сказать, — пишет Х. Мохи эд-Дин, — что эта политика имела две стороны: способствовать развитию национального капитала и в то же время лишить его какого бы то ни было политического контроля»³⁹.

Очень скоро жизнь показала, насколько успешной оказалась задача поощрения класса капиталистов в об-

ласти экономики при одновременном устранении их с политической арены.

Буржуазия была довольно широко представлена в Национальном собрании — новом верховном законодательном органе, созданном согласно конституции, одобренной референдумом 23 июня 1956 г. Право выдвигать кандидатов в Национальное собрание было предоставлено Национальному союзу — новой массовой организации, заменившей Лигу освобождения. Фактически решающую роль в этом играл исполком Национального союза (состоявший из Богдади, Амера и Закарии Мохи эд-Дина). Из 2508 кандидатов, выдвинутых в собрание, исполком утвердил 1188, отвергнув, таким образом, почти половину⁴⁰. 15 июля 1957 г. были объявлены результаты выборов. Представляет интерес состав Национального собрания. В него вошли 16 министров, 3 заместителя министров, 46 адвокатов, 46 землевладельцев, 40 омада (деревенских старост), 34 офицера, 20 врачей, 21 государственный служащий, 15 владельцев недвижимого имущества, 14 офицеров полиции, 12 инженеров, 10 преподавателей, 10 коммерсантов, 8 чиновников магистратов, 8 журналистов, 5 шейхов аль-балад (муниципальных должностных лиц), 4 бухгалтера, 9 фабрикантов, 4 предпринимателя (очевидно, дельцы, занятые в непромышленной сфере), 2 аптекаря, 1 шейх, 7 служащих частных фирм, 2 работника радиовещания, 4 рабочих⁴¹.

Как видно из этого перечня, имущие слои получили подавляющее большинство в собрании. Впрочем, значения в решении действительно важных дел этот орган не имел. Да и сам Национальный союз ненамного отличался от Лиги освобождения. Английский автор писал: «Когда я посетил ОАР в 1960 г., у меня сложилось впечатление, что никто не принимал Национальный союз слишком серьезно; вряд ли кто-нибудь мог разобраться в сложной структуре его комитетов и советов...»⁴².

Все знали, что реальной силой в стране является армия, а важные вопросы решает президент Насер. Он один пользовался подлинным и неоспоримым авторитетом. Ему одному — с вполне понятным в тех условиях преувеличением — приписывалась заслуга, что Египет избавился от иностранного господства, от власти кучки инациональных по происхождению аристократов, от турецко-черкесско-албанской знати и левантинско-грече-

ско-итальянско-еврейской торговой и деловой прослойки, что открыло возможности для продвижения «чисто египетским» элементам⁴³. На Насера смотрели как на человека, восстановившего национальное достоинство Египта, впервые сделавшего Каир местом, где вершится политика Египта. Насер велел развесить на улицах плакаты с текстом: «Подними голову, брат мой, времена позора миновали!». Он вытравил в египтянах своего рода общенациональный комплекс неполноценности — результат долгого порабощения, и неудивительно, что люди, собравшиеся 26 июля 1956 г. на площади в Александрии, плакали от радости, слыша, как Насер разговаривает с империалистами.

Кроме того, в глазах простых людей у Насера был ореол выходца из народа, сына сельского почтальона, рядового армейского офицера. Египтяне, привыкшие к тому, что ими управляли короли, султаны и паши, впервые видели в Каире правительство, состоящее из обычных людей, выходцев из мелких слоев.

Однако, несмотря на личную популярность Насера и его успехи на «внешнем фронте», широкие массы относились индифферентно к различным часто менявшимся, но мало что менявшим по существу формам политического устройства. Личный авторитет Насера маскировал положение, при котором спустя несколько лет, прошедших со дня революции, богатые остались богатыми, а простой народ по-прежнему жил в нищете. Тем временем частный капитал стремился использовать государственные каналы для расширения своей активности и влияния в экономике страны. Усиленно развивался процесс создания новых связей — связей нового государственного аппарата с частным капиталом. Часть офицерства, попав на руководящие административные и хозяйственные посты с окладом, в 2—3 раза превышающим их прежнее армейское жалование, обогатилась, коррумпировалась, стала превращаться в привилегированную касту, сливавшуюся с буржуазной верхушкой.

Жизненный уровень трудящихся оставался крайне низким. В 1952 г. доход на душу населения составлял 35 егип. ф., в 1957 г. — 37. Как признал министр финансов в докладе о проекте бюджета на 1958 г., в результате роста цен и увеличения налогов стоимость жизни за первые шесть лет после революции повысилась на 30%.

В действительности рост цен был еще большим, особенно если учесть резкое вздорожание таких товаров, как ткани, сахар, керосин, сигареты и др.

Согласно действовавшему законодательству о труде и социальном обеспечении минимальная заработная плата рабочего была установлена в размере 18 пиастров в день (1 егип. ф. равен 100 пиастрам). Однако реальные доходы промышленных и сельскохозяйственных рабочих не только не достигали этого минимума, но во многих случаях составляли 8—10 пиастров. В результате повышения налогов и страховых сборов упала реальная заработная плата государственных служащих.

Аграрная реформа продолжала осуществляться: по данным на 1962 г., среди крестьян было распределено уже 645,6 тыс. федданов (из общего количества обрабатываемой земли, равного почти 6 млн. федданов). Землю получили 226 тыс. крестьянских семей, то есть около 2 млн. феллахов из общего количества почти 19 млн.⁴⁴ Выкупные платежи и налоги ложились на крестьянина тяжким бременем. По данным обследования, проведенного газетой «Аль-Гумхурия», крестьянин, владеющий 3 федданами земли, должен был выплачивать в год более 125 егип. ф., в то время как его доход не превышал 115 егип. ф.⁴⁵

Лондонская «Таймс» в статье, озаглавленной «Новая жизнь для всех, кроме феллаха», писала, что «для египетского крестьянина жизнь осталась такой, какой она была всегда, — с более дорогими парафиновыми свечами, с менее крепким чаем и всегда с большим числом ртов, которых нечем кормить. Для него революция все еще маячит впереди — букра филь мишмиш, что на его языке означает „завтра, когда зацветут абрикосы“»⁴⁶.

Незавершенность революции чувствовалась во всем. Это создавало атмосферу недовольства, которому правительство могло противопоставить лишь личный авторитет Насера и лозунги арабского национализма и единства. Но этого было мало. И Насер, чутко прислушивавшийся к общественному мнению, чтобы смягчить недовольство масс отсутствием обещанного равенства и социальной справедливости, счел необходимым выступить против привилегированных — сначала только на словах.

В речи на IV конгрессе кооперативов 27 ноября

1958 г. Насер упомянул о возникновении в стране «новой аристократии». «Те, кто считает, что они стали хозяевами этой страны, ошибаются», — заявил Насер. Антикапиталистические нотки уже явно прозвучали в его речи, когда он сказал: «Демократическое общество — это отнюдь не обязательно общество с многопартийной системой. Это такое общество, которое мы создадим, когда покончим с эксплуатацией, коррупцией и капиталистической угрозой». Под «капиталистической угрозой» Насер, судя по всему, подразумевал тогда не частный сектор вообще, а крупные капиталистические объединения, приобретающие характер монополий. Он резко критиковал эти «группировки» или «блоки» (такятулят)⁴⁷.

Почти одновременно с этой речью «Роз-аль-Юсеф» опубликовала статью Абдель Куддуса, в которой говорилось, что в стране возник «класс привилегированных» (табакат асхаб аль-имтиязат). В этом классе «собраны наряду с капиталистами директора крупных компаний и крупные чиновники», и этот класс «постоянно пытается управлять государством в своих частных интересах». В том же номере была помещена статья Фатхи Халиля «Новая аристократия», в которой говорилось об опасности, которую представляет «сектор класса капиталистов, стремящийся к монополии»⁴⁸.

Таким образом, в конце 1958 г. египетское руководство начало кампанию против крупного капитала, подчеркивая при этом, что речь идет не о борьбе против частного сектора как такового.

Обратимся теперь к военному режиму в Ираке, сложившемуся в 1959 г. Сначала — несколько слов об иракской революции 1958 г., свержшей господство проимпериалистической феодально-монархической клики Нури Саида.

Предпосылки революции нарастали в течение многих лет. В подполье действовали политические партии, среди которых выделялась своей энергией и самоотверженностью коммунистическая партия. Армия также не оставалась в стороне от борьбы. По данным, приводимым Хаддури, уже в начале 1954 г. в армии возник кружок «Свободные офицеры» (возможно, под египетским влиянием, хотя ни о каких организационных связях с египетскими военными сведения нет)⁴⁹. Выступление готовилось долго, организовать его было исключительно трудно. Нури

Саид, сам бывший генерал, переживший на своем долгом веку немало переворотов и заговоров, был всегда начеку и больше всего опасался именно удара со стороны армии. Он запретил выдавать боевые патроны и снаряды воинским частям, за исключением, разумеется, тех случаев, когда их посылали на какую-либо операцию. И подходящий момент для выступления настал лишь в июле 1958 г., когда Нури Саид решил отправить войска в Иорданию с целью организации интервенции для подавления антиимпериалистического восстания в Ливане.

По иронии судьбы частями, отправляемыми в Иорданию, командовали руководители иракских «Свободных офицеров» — бригадный генерал Абдель Керим Касем и подполковник Абд ас-Салям Ареф. Они были друзьями, оба командовали батальонами во время Палестинской войны. Ареф командовал в июле 1958 г. 20-й бригадой 3-й дивизии, расположенной вблизи границы с Ираном, а Касем — 19-й бригадой, дислоцированной к северу от Багдада⁵⁰.

Касем, которому было поручено общее командование частями, предназначенными к отправке в Иорданию, получил боеприпасы. На редкость удачным совпадением было также то, что в этот момент все лидеры режима находились в Багдаде: они готовились 14 июля вылететь в Стамбул на сессию совета Багдадского пакта. К этому дню войска Касема, получив боевые патроны, находились уже на марше. Вместо того чтобы идти в Иорданию, Касем повернул войска на столицу. На рассвете 14 июля подразделения 20-й бригады Арефа штурмовали королевский дворец. В течение нескольких часов все было кончено. «Черный режим» развалился от одного удара. Вся правящая верхушка погибла: король Фейсал и его дядя, бывший регент Абдул Иллах, а также все остальные члены королевской семьи были расстреляны на ступенях дворца. Нури Саид бежал, но спустя два дня был растерзан толпой на улице.

Была провозглашена республика и создано революционное правительство во главе с Касемом. Ареф стал его заместителем и министром внутренних дел (а также заместителем Касема как главнокомандующего армией). В отличие от египетской революции не было создано никакого руководящего военного органа. Массы знали

только двух вождей — Касема и Арефа, их портреты всюду висели рядом.

Неделя шла за неделей, а в Багдаде беспрерывно проходили демонстрации и митинги, со всех концов страны прибывали бесчисленные делегации от населения, чтобы выразить свой восторг и заверить правительство в поддержке. Вышла из подполья коммунистическая партия, пользовавшаяся наибольшим влиянием в массах. Широко развернулась деятельность крестьянских союзов, молодежных, женских, студенческих организаций, сторонников мира. Забурлила, забила ключом политическая жизнь, придушенная при старом режиме. Реакция притаилась, богатые люди дрожали за свою жизнь. Начались процессы деятелей «черного режима», был создан Народный трибунал. На здании парламента слова «бисмиллях» (во имя бога) были заменены словами «бисмишшааб» (во имя народа).

Был провозглашен декрет об аграрной реформе, в основном скопированный с египетского закона 1952 г. Все ожидали, что вот-вот в той или иной форме будет объявлено о присоединении Ирака к ОАР: Ареф летал в Каир, был принят Насером, выразил свое восхищение и преданность «вождю арабской революции». Страна ожидала, что после непродолжительного переходного периода состоятся выборы в парламент. Формально продолжал существовать единый фронт, состоявший из партий, еще задолго до революции установивших контакт со «Свободными офицерами» (Коммунистическая партия, Баас, Национально-демократическая, Партия независимости, Демократическая партия Курдистана) ⁵¹.

Национально-демократическая партия и Партия независимости были всего лишь группировками столичной интеллигенции, не имевшими организаций в собственном смысле слова, особенно в провинции. Только коммунисты и баасисты могли соперничать в масштабе всей страны, причем на стороне коммунистов было значительное преимущество.

Но вопрос о выборах и вообще о будущем устройстве страны упирался в позицию Касема, с самого начала стремившегося к личной власти. Знавшие Касема единодушно отмечали наряду с его личной честностью и воздержанностью непомерное тщеславие и честолюбие. Касем и не намеревался проводить выборы, так как это

могло бы привести к господству одной или нескольких партий и положить конец чрезвычайному положению, при котором он только и мог осуществлять свою диктатуру. Бесконечно обещая и оттягивая установление нормальной партийно-политической жизни, Касем, по существу, превратил переходный период в перманентное состояние. Он не желал также создавать свою собственную партию, возможно понимая, что у него нет данных для роли партийного вождя, а возможно, опасаясь, что новая партия без сколько-нибудь серьезной идеологической и организационной базы не выдержит конкуренции с уже существующими. Для создания такой базы он должен был привлечь теоретиков и организаторов и тем самым попасть в некоторую зависимость от них. Конечно, Касем был в состоянии создать однопартийный режим, запретив все другие партии, но это привело бы к образованию партийной элиты, с которой нужно было делиться властью, к выработке программы и ограничению тем самым свободы маневра. Касем предпочитал окружать себя только беспартийными специалистами, время от времени меняя их, и не сковывать себя определенными формулами, установками и программами. Он понимал, что пример Насера для него не подходит: в отличие от Насера он не чувствовал себя достаточно сильным, авторитетным и опытным деятелем, чтобы быть уверенным в своей гегемонии в любой созданной им политической организации.

Касем, вероятно, инстинктивно чувствовал свою ограниченность и несоответствие своей личности роли руководителя государства (хотя это вполне уживалось с желанием быть таковым). Ощущая комплекс неполноценности, он стремился держаться подальше от таких людей и организаций, которые могли обнаружить свое превосходство над ним. Он решил препятствовать возвышению таких людей и политических сил, лавировать между различными группами. Тем самым он добровольно отстранился от устойчивой массовой базы, от определенной программы действий, от генерального стратегического курса. Касем сам создал предпосылки для будущего краха своей диктатуры.

К осени 1959 г., разгромив сторонников Баас, Касем загнал в подполье коммунистическую партию, которая имела наибольшее влияние в народе и действительно

была партией революционного авангарда. Именно тогда, летом 1959 г., начав антикоммунистические репрессии, Касем сделал роковой шаг к 8 февраля 1963 г.

При оценке описываемых событий нельзя обойти роль армии, пассивную, но вместе с тем решающую. Если бы весной 1959 г. армия была на стороне коммунистов или хотя бы сочувствовала им, все могло быть иначе. Но влияние коммунистов было более или менее сильно только в авиации. В целом офицерский корпус был настроен не в пользу коммунистов. Несомненно, при любой попытке коммунистов применить силу армия подавила бы ее, а без поддержки армии или хотя бы ее части любое вооруженное выступление было авантюрой.

Ливанский журналист Мадждалани, хорошо знакомый с иракскими делами, писал: «Касем как только мог старался избегать увольнения офицеров, служивших при режиме Нури Саида. Он устранил только нескольких, которым не доверял. Армия сохранила таким образом свое традиционное командование, враждебное по отношению к любой радикальной политике, предполагавшей глубокие перемены»⁵².

Это было характерно для политики Касема. Вопреки требованиям демократов он не подверг чистке государственный аппарат, укомплектованный реакционными бюрократами, оставшимися от нурисаидовского режима. Поэтому, например, аграрная реформа осуществлялась крайне медленно и неуклюже, земля распределялась черепашьями темпами, помещики и «саркалы» (управляющие) саботировали осуществление реформы, пользуясь попустительством или поощрением местных властей.

Чтобы сломить сопротивление реакции и провести аграрную реформу в жизнь, надо было опереться на массы, развязать революционную активность крестьянства. Но для этого нужна была программа, нужна была проникнутая сознательностью и энтузиазмом политическая организация, партия революционного авангарда. Но этого-то, как уже говорилось, Касем и боялся. Такая партия имелась, и никто лучше коммунистов не смог бы поднять и воодушевить массы; ударив по этой партии, Касем лишил себя организации, которая в состоянии была бы выполнить революционную программу. Он разогнал крестьянские союзы. В конечном счете Касем, хотел он

этого или нет, свел к нулю аграрную революцию. Крестьянство — самый массовый отряд революции — потеряло веру в Касема.

Засевшее в центральном и местном аппарате антинародное бюрократическое охвостье, перешедшее к Касему по наследству от старого режима, признавало только одну «идеологию» — антикоммунизм. Консервативные и своекорыстные, полные религиозных и шовинистических предрассудков, они ненавидели коммунистов, символизировавших дух интернационализма, гуманизма, свободной мысли.

Все это относилось и к военной бюрократии — к тому старшему офицерству, которое Касем оставил нетронутым. На это старшее офицерство равнялось и среднее, а младшее не было достаточно сильным и самостоятельным. Все это позволяет понять пассивную роль армии в целом и активно-антикоммунистическую позицию военной верхушки, окружавшей Касема и непрерывно толкавшей его вправо.

Как сочетались ее реакционность и антикоммунизм с позицией, занятой 14 июля, когда она выступала против монархии? Прежде всего, не следует переоценивать революционности иракского офицерства на том основании, что оно свергло режим Нури Саида. История показывает, что нередко реакционных деспотов свергают силы, субъективно являющиеся не более прогрессивными. Ненависть к данному деспоту, стремление свергнуть данную олигархию сами по себе никогда не были гарантией прогрессивности. Большинство высших и средних офицеров иракской армии были в социальном смысле ненамного левее правящих деятелей режима Нури Саида. Разница состояла в том, что они принадлежали к другому поколению, более националистически настроенному, отвергали рабское прислужничество перед Англией, унижавшее национальное достоинство Ирака, отвергали политику Нури Саида с ее фанатическим антинасеризмом и курсом на сколачивание «священного союза» арабских монархов. Кроме того, при «черном режиме» они не могли играть политической роли: власть издавна и прочно была монополизирована кликой старых сановников. А у молодых, но уже занявших видные посты в армии офицеров были, как показывает пример Касема и Арефа, и честолюбивые политические устремления, но они могли

проявиться лишь после устранения старой, надоевшей всем за тридцать лет клики.

Выступая против проанглийской клики Абдул Иллаха — Нури Саида, иракские офицеры в 1958 г. чувствовали себя — и открыто об этом говорили — прямыми продолжателями дела «Золотого квадрата». (Речь идет о четырех полковниках-националистах, возглавлявших в 1941 г. антибританское движение, направленное против империализма, но не имевшее какой-либо социальной ориентации.)

Офицеры поколения 1958 г. унаследовали не только задачи и лозунги своих предшественников, но и все черты их мировоззрения, ограниченного национализмом, способного толкнуть лишь на борьбу против иностранного гнета и местной прогнившей тирании, но не больше.

На примере арабских офицеров — не только иракских — хорошо видно, как национализм и антиимпериализм уживаются с крайней ограниченностью и убожеством социальной мысли, с антидемократическим духом, с узким и слепым антикоммунизмом, с мелкобуржуазным антиинтеллектуализмом. Левое крыло молодых сирийских офицеров было исключением: во-первых, потому, что в основном это выходцы из трудовых слоев, из обездоленной и дискриминированной части населения, и, во-вторых, на их формирование огромное влияние оказали взгляды передовой интеллигенции, программные установки Баас (являвшиеся объективно прогрессивными даже тогда, когда практической деятельностью Баас руководили правые лидеры). Кроме того, не надо забывать о более высоком культурном уровне сирийского общества по сравнению даже с египетским, не говоря уже об иракском. Даже в Египте значительная часть офицеров-националистов с недоверием и неприязнью относилась к социалистическим идеям, противилась созданию партии социалистического авангарда.

Все сказанное позволяет понять, почему основная масса иракских офицеров-националистов, поддержавших революцию 1958 г., оказалась на реакционных позициях в социальном плане, когда встал вопрос о развитии революции, об общественных преобразованиях и демократизации политической жизни. Именно люди этого типа, несмотря на смену отдельных личностей, окружали Касема в 1958—1963 гг. и обоих братьев Арефов впослед-

ствии. Милитаристско-бюрократическая каста оставалась серьезной силой в Ираке вплоть до последнего времени и служила главным препятствием для прогрессивного развития страны.

Эта каста была опорой режима Касема, и в немалой степени именно под ее воздействием долгожданная революция выродилась в бесплодную диктатуру человека, не обладавшего ни программой, ни идеями, ни способностью дать людям, чего они требовали и что он обещал. А обещал Касем ни много ни мало как «новую революцию каждый месяц». Но людям не нужна была «революция каждый месяц» — им нужна была одна, но подлинная революция, которая могла бы уничтожить неравенство и эксплуатацию, нищету и безработицу. Такой революции иракский народ при Касеме так и не дождался. Слова «во имя народа», высеченные на фронтоне здания бездействующего, так и не созданного парламента, остались символом незавершенной, иссякшей революции, затерявшейся, подобно ручью в пустыне.

Крах режима Касема был неизбежен. Вопрос был лишь в том, кто его свергнет. Больше всего Касем «насоллил» баасистам и каумистам⁵³, и вполне естественно, что в конце концов смертельный удар обрушился на Касема с их стороны. Уже после провала мосульского мятежа в марте 1959 г. руководство иракской партии Баас пришло к выводу, что отныне единственный путь к власти лежит через убийство Касема. Началась тщательная подготовка к покушению. По разным причинам его откладывали, и оно состоялось лишь в октябре 1959 г. По автомобилю Касема, когда он проезжал по центральной улице Багдада, был открыт огонь. Касем был ранен. Руководству Баас пришлось бежать из страны.

Многочисленные попытки организации покушения на Касема не приносили результатов. Решено было свергнуть его путем военного переворота, вступив для этого в союз с недовольной частью офицерства. Естественно, первым союзником был Ареф, бывший заместитель Касема, еще в конце 1958 г. вступивший с ним в острый конфликт, приговоренный к смертной казни, но затем выпущенный из тюрьмы. У него сохранились связи с армейскими кругами. Лидер баасистов Саади был зятем генерала Табакчали, казненного по распоряжению Касема еще в 1959 г. в связи с мосульским делом. Табакча-

ли был популярен в армии, и, расстреляв его, Касем нажил себе врагов среди офицеров. Среди «обиженных» Касемом по тем или иным причинам офицеров были Тахер Яхья, Наджи Талерб, Салех Махди Омаш и другие хорошо известные в армии лица.

Удар планировался не только против Касема, но и против коммунистов, с которыми баасисты собирались свести счеты. Заранее было решено создать «национальную гвардию», были заготовлены для нее тысячи зеленых нарукавных повязок, дубинки, автоматы. Были составлены по кварталам и улицам списки коммунистов, подлежащих немедленному аресту.

Руководство заговорщическими силами окончательно оформилось еще в 1962 г. В него вошли баасистские лидеры и представители армии.

На рассвете 8 февраля 1963 г. жителей Багдада разбудил грохот бомбардировки. Танки и самолеты восставших войск штурмовали здание министерства обороны, где жил Касем, охваченный манией преследования, постоянно опасавшийся заговора. (Днем он спал в своем кабинете, украшенном двумя его портретами и несколькими бюстами, по ночам работал под усиленной охраной.) После отчаянной обороны охрана капитулировала. Касем долго отстреливался в подвале. Он связался по телефону с Арефом и, взывая к старой дружбе, просил разрешить ему выехать за границу, но получил отказ. Лишь к 6 часам утра 9 февраля все было кончено. Из подвала полуразрушенного здания навстречу солдатам парашютного батальона вышел, шатаясь, отбросив в сторону автомат с пустым магазином, человек в разорванной, обгоревшей генеральской форме. Это был «единственный вождь» Абдель Керим Касем. Его привезли в здание радиостанции, где он предстал перед судом только что созданного Национального совета революционного командования. Ареф обрушился на своего бывшего друга с обвинениями, Касем молча сидел в углу. Его тут же приговорили к смертной казни. В 13 час. 30 минут 9 февраля Касема, привязав к стулу в зале арабской музыки, расстреляли — вместе с его родственником, бывшим председателем Народного трибунала Махдауи и другими свергнутыми лидерами.

Для того чтобы у жителей Багдада не оставалось сомнений, что их «единственный вождь» мертв, на сле-

дующий день по телевидению был продемонстрирован свалившийся под стул труп Касема, прошитый автоматными очередями.

Ареф стал президентом, но фактически вся власть была сосредоточена в руках правых баасистов во главе с Саади, человеком честолюбивым и жестоким. Вместо диктатуры воцарилась разнузданная тирания.

Ни в одной арабской стране политические перемены не сопровождаются таким кровопролитием, как в Ираке. Но такого жестокого насилия, такого бешеного разгула палачей, как в 1963 г., даже в этой многострадальной стране не было никогда.

Истребление коммунистов в феврале и марте; заточение в тюрьмы и концлагеря десятков тысяч демократически настроенных людей; пытки и издевательства чисто гестаповского типа; расправа с коммунистами в мае; истребительная война против курдского народа летом и осенью — таковы основные вехи господства клики Саади.

Армейская верхушка была отодвинута на второй план. Саади, Шабиб и их группировка монополизировали власть. Вскоре военные лидеры поняли, что это не тот режим, к которому они стремились. Военно-бюрократическая верхушка относилась к баасистам в Ираке примерно так же, как буржуазия относилась к баасистам в Сирии: меньшее зло по сравнению с коммунистами, но люди ненадежные, а главное, не желающие делиться властью и способные на любой поворот. Таково же было отношение к баасистам и слабой иракской буржуазии. Совершенно правильно писал Ю. Островитянов, что «февральский мятеж был воспринят частью буржуазии как антикапиталистический переворот. Для этого были свои причины. Усилия правых баасистов установить свою неограниченную власть неизбежно вовлекли их во все более резкие столкновения с другими классами и слоями. Удары режима не сосредоточивались на одной мишени, а рассыпались веерообразно, поражая самые различные по своему характеру цели... Такие действия правящих экстремистских групп в сочетании с их внешне радикальными доктринами ассоциировались в сознании определенных буржуазных кругов с извращенными представлениями о социализме... Претензия на надклассовую и наднациональную роль закономерно оборачивалась для

правых сил Баас войной против всех ведущих классов»⁵⁴.

Баасисты, занятые преследованиями коммунистов и сторонников Насера, войной с курдами и усиливавшимися междоусобными склоками, не заметили угрозы, надвигавшейся со стороны армии. Впоследствии Саади, уже находясь в эмиграции, говорил: «Революцию начали младшие офицеры четвертого батальона, но в Национальный совет мы ввели только старших офицеров. Мы не подвергли ситуацию в то время систематическому анализу. Так, мы сделали президентом Абд ас-Саляма Арефа, хотя уже через три дня после революции у нас возник с ним конфликт»⁵⁵. Действительно, высшее офицерство иракской армии оказалось ненадежным попутчиком баасистов.

Баасисты совершили распространенную ошибку — не позаботились об очищении верхушки армии от людей, вросших в традиционную структуру и противящихся всяким радикальным переменам, всякому экстремизму, левому или правому. Генералы видели в баасистах прежде всего политических авантюристов, оттирающих их от власти, на которую они претендовали. Когда баасистские главари окончательно передрались между собой, Ареф совершил 19 ноября 1963 г. новый переворот и ликвидировал баасистский режим в Ираке. К власти, наконец, впервые пришла непосредственно военная верхушка — та, которую Касем ослаблял и перетряхивал, чтобы остаться единоличным диктатором, и которую баасисты оттеснили на задний план. С тех пор в течение ряда лет военно-бюрократическая корпорация являлась самой влиятельной силой в стране, хотя говорить о ней как о силе единой было бы неверно: борьба отдельных армейских группировок фактически не прекращалась.

Общая оценка националистической военной бюрократии Ирака уже была дана выше, и в годы, следовавшие за 1958—1963 гг., эта сила, в основном косная и консервативная, не изменилась. Мадждалани подчеркивал, что после свержения Касема «небольшое число офицеров, тесно связанных с Касемом, было уволено, но основная масса старших по возрасту офицеров осталась нетронутой. Несмотря на политическое руководство партии Баас, консервативные тенденции все еще преобладают в армии»⁵⁶. Эти тенденции окрепли после изгнания

баасистов, когда исчезла необходимость маскироваться под социалистов, чтобы быть в милости у баасистских главарей.

Правда, в 1964 г. в Ираке были провозглашены так называемые социалистические декреты, на основании которых был национализирован ряд промышленных предприятий. Был также создан по примеру ОАР Арабский социалистический союз, задуманный как массовая партия. Но было бы грубой ошибкой ставить эти явления на одну доску с тем, что происходило в это время в ОАР и Сирии.

Промышленность в Ираке развита слабо, а промышленная буржуазия, немногочисленная и небогатая, никогда не была сколько-нибудь серьезной политической и социальной силой. В отличие от Сирии и Египта переход промышленных предприятий в руки государства в Ираке не был вызван борьбой между государственной властью и буржуазией и не означал принятия смелого и далеко идущего решения отвергнуть капитализм. Если говорить о буржуазии промышленной, то она никогда и не претендовала на власть. А крупная торговая буржуазия Багдада, Басры, Мосула не пострадала сколько-нибудь существенным образом. Проведенная в 1964 г. национализация принесла пользу государству, но небольшую, так как ввиду общей отсталости и слабости роль промышленности в целом в Ираке была далеко не так велика, как в Египте и Сирии. Основным источником бюджетных поступлений — отчисления от нефти имеют несравненно большее значение, чем доходы от обрабатывающей промышленности⁵⁷. В связи с этим нет и проблемы вывоза капитала, утечки валюты, т. е. именно тех проблем, которые в первую очередь вызвали серьезный конфликт на экономическом фронте между государством и буржуазией в ОАР и Сирии. В Ираке национализация 1964 г. была продиктована не экономической ситуацией, а политическими побуждениями (желание заручиться поддержкой Насера, почитателем которого Ареф всегда был).

Но каунистам, воспринявшим национализацию и создание АСС как начало процесса объединения Ирака с ОАР, пришлось быстро разочароваться. Армейская верхушка вовсе не собиралась идти на объединение: во-первых, в силу тех же факторов, которые уже были перечислены, когда речь шла о революции 1958 г.; во-вторых, не

желая перемен, которые принесло бы объединение (справедливо опасаясь, что Насер заменит их своими людьми). Да вряд ли и Абд ас-Салям Ареф при всем его преклонении перед Насером был склонен уступить место первого человека в стране. 14 июня 1965 г. министры-насеристы были вынуждены уйти из правительства. Сразу же фактически прекратил свое бледное существование и Арабский социалистический союз: все его руководители были выведены из правительства еще до увольнения насеристов, а после этого даже на само помещение АСС был — весьма символически — повешен замок.

За восемь лет, прошедших после провозглашения аграрной реформы, всего лишь немногим более 300 тыс. крестьянских семей получили землю, что составляло $\frac{2}{5}$ всех безземельных и малоземельных семей. Крестьяне получили худшие земли (чуть ли не половину — в неорошаемой местности), а лучшие участки остались у помещиков. Нищета, засилье помещиков и ростовщиков оставались бичом иракской деревни.

Коммунистическая партия как при первом, так и при втором Арефе оставалась в подполье. Никакие внешнеполитические шаги не могли смягчить органического антикоммунизма военной и гражданской бюрократии.

Военно-бюрократическая буржуазия противилась созданию любой политической организации с сильной идеологической программой, которая могла бы увлечь массы. Именно поэтому под запретом находились и компартия, и Баас. Поэтому не начал активно действовать Арабский социалистический союз. Господствующая группа не желала и усиления капиталистических тенденций, справедливо считая, что сильный частный сектор, господствующий в экономике и пользующийся поддержкой западного капитала, неминуемо захочет установить и политический контроль в стране.

Безусловно, на развитие современного Ирака большое влияние оказала война с курдами. Отвлекая ресурсы от народного хозяйства, препятствуя нормальному развитию страны, опустошительная война, принесшая курдскому народу неимоверное горе, зловещим бременем давила на экономику, политику и общественную атмосферу Ирака. Война была нужна правящей армейской верхушке, ибо, когда она идет, армия в центре вни-

Мания, ее ведущую роль никто не оспаривает, все привилегии военщины оправдываются, а любая оппозиция приструнивается под флагом «интересов нации». В условиях военного положения легче объяснить зажим демократии. Поэтому война продолжалась бы, если бы она не была связана с растущими и даже чрезмерными для Ирака расходами и потерями и сознанием, что перспективы победы нет, и все это, вместе взятое, вызывало серьезное недовольство населения. Правительству пришлось пойти на прекращение войны.

Население Ирака было недовольно правлением армии. Из многочисленных свидетельств на этот счет приведем лишь высказывание корреспондента английской газеты: «Армейские офицеры как класс становятся все более непопулярными в Ираке из-за роскошной жизни, которую они ведут со времени Касема, и своих вечных интриг и вмешательства в управление страной»⁵⁸.

Журнал «Международни раднички покрет» писал в 1967 г.: «Офицеры занимают ключевые позиции не только в центральном аппарате, но и в провинциях, в государственном секторе экономики, общественных организациях, в системе массовой информации и т. д. Армия овладела всеми сферами общественной жизни, от экономики до культуры и спорта. Совместно с разросшимся административным аппаратом, которому присущ образ мыслей, оставшийся еще от турецкого „эффендизма“ и британского колониального управления, армия представляет собой основной регулятор жизни в стране... Определенные процессы привели к объективному укреплению позиций консервативных сил... Бывшие феодалы переезжают в города, вкладывают средства, приобретенные рентой, в современные отрасли хозяйства, особенно в городское строительство, торговлю и т. д., но не в производственную сферу. Приноровившись к условиям и обычаям современной политической борьбы, они связываются с другими консервативными силами. Укреплению позиций консервативных сил способствуют расширение и рост самостоятельности администрации и армии, в которых эти силы по традиции имеют сильную опору, но которые нельзя полностью отождествлять»⁵⁹.

Армия стала превращаться в привилегированную корпорацию. По сравнению с армиями соседних стран иракские военнослужащие получали самое большое жа-

лованье, а офицеры, служившие в курдских районах, где многие годы с перерывами шла истребительная война против курдского национального меньшинства, имели повышенные оклады и дополнительные отпуска. Отставные офицеры обзаводились богатыми виллами. Генерал-лейтенант Тахир Яхья, несколько раз возглавлявший правительство, получил в Ираке прозвище «багдадский вор». Все открыто говорили, что он нажил 5 млн. динаров на взятках от нефтяных компаний.

Военно-бюрократический режим, насажденный Касемом и сохранный в основных чертах обоими Арефами, время от времени размахивал флагом «арабского социализма». Но социализм несовместим с антикоммунизмом, а сотни коммунистов и других прогрессивных деятелей, патриотов, лучших сынов иракского народа томились в тюрьмах, подвергались зверским пыткам. Никакие реформы, никакие позитивные внешнеполитические акты не меняли реакционной, террористической сути режима. 3-я национальная конференция компартии Ирака, состоявшаяся в декабре 1967 г., констатировала: «Существующий в Ираке режим давно уже изжил себя».

Падение режима было лишь делом времени, вопрос заключался в том, какая именно из соперничающих военных групп его свергнет. Абд ар-Рахман Ареф, случайно ставший президентом в результате гибели брата в авиационной аварии и не обладавший его способностями и энергией, ни в малейшей степени не подходил к роли государственного деятеля. Он не был по натуре диктатором, но также не мог — или не хотел — стать инициатором процесса демократизации общественной жизни. Офицеры-«каумисты» были недовольны им из-за того, что он не предпринимал никаких шагов в направлении арабского единства, офицеры-баасисты распространяли на него свою враждебность к его брату, ликвидировавшему правление Баас в 1963 г., офицеры старой, «нурисайдовской» английской школы были раздражены внешнеполитической позицией Арефа, и его пусть половинчатыми атаками на «Ирак петролеум компани». Офицеры, отражающие интересы буржуазно-либеральных кругов, отвернулись от Арефа после того, как он уволил с поста премьер-министра лидера этих кругов аль-Баззаза. Сторонники возобновления войны против курдов не могли простить Арефу, что он противился попыткам вновь ее

начать. Сами курды были разочарованы фактическим отказом правительства выполнить свое обещание и предоставить им автономию. Левые были возмущены продолжающимися репрессиями и грубым антикоммунизмом режима, правые — нежеланием Арефа пойти на восстановление буржуазно-парламентского правления и открыть двери западному капиталу. Для агентуры империализма правительство Арефа было врагом из-за своей антиимпериалистической позиции в период «шестидневной войны», и в то же время многие обвиняли Арефа, что он пренебрегал нуждами армии, что привело к тяжелой неудаче в боях на иорданско-израильском фронте.

20 апреля 1968 г. тринадцать высших офицеров в отставке направили Арефу письмо, в котором требовали возвращения к конституционной жизни, подготовки парламентских выборов и осуждали «личную власть, ее изоляцию от народа, ее неспособность осознать масштаб палестинского поражения». В июне бейрутская печать сообщала об активизации политиков периода монархии, получающих из-за границы деньги и оружие, о недовольстве религиозных исламских кругов правительством Арефа. Еще в январе 1966 г. ушли в отставку шесть членов кабинета, в июне — два министра-курда, в начале июля — министры аграрной реформы и труда. 12 июля премьер-министр Тахир Яхья объявил о реорганизации правительства. И наконец, в ночь на 17 июля Ареф был вытаснен из постели офицерами своей собственной гвардии, которые ознакомили его с требованием восставших военных и затем отправили его на аэродром, где уже ждал самолет...

Как сообщала египетская печать, переворот 17 июля совершили две силы — республиканская гвардия и военная разведка. Республиканская гвардия стала серьезной силой после подавления путча бывшего премьера Абд ар-Раззака в июне 1966 г. Гвардия стала вмешиваться в политику, ее офицеров стали называть «офицерами дворца». Начальник гвардии подполковник ад-Дауд и командир танкового батальона гвардии майор Гайдан обсуждали с Арефом политические вопросы, однажды потребовав изменений в правительстве⁶⁰.

Другим центром заговора была военная разведка; заместитель начальника разведки подполковник Найеф был членом группы молодых офицеров, называвшей себя

«Арабское революционное движение». После переворота Найеф стал премьер-министром, ад-Дауд — министром обороны. Видную роль стали играть и авторы письма 20 апреля: Бакр стал президентом, Аммаш — министром внутренних дел, Такрити — начальником штаба армии. Но это «двоевластие» продолжалось лишь несколько дней: 30 июля президент уволил премьера. Найеф и ад-Дауд оказались за пределами Ирака. Генерал Бакр стал главой государства, премьер-министром и главнокомандующим. Партия Баас вновь пришла к власти, но это уже была не та партия, что в 1963 г. Она многому научилась на собственном опыте, и в ее рядах все с большей силой стали проявляться левые, антикапиталистические тенденции.

Почему иракская армия, подобно египетской и сирийской, не смогла при Касеме и Арефах сыграть роль революционно-демократической силы?

Ответ на этот вопрос в основном уже был дан при анализе причин антикоммунистической позиции армии после революции 1958 г. Антикоммунизм несовместим с социально-прогрессивными и демократическими тенденциями, и не только потому, что он отсекает именно ту политическую силу, которая наиболее активно и искренне стремится к глубоким прогрессивным социальным преобразованиям, но и потому, что антикоммунистические настроения толкают к восприятию реакционных концепций, отрицательно влияют на формирование общего мировоззрения, мешают восприятию передовых идей, способствуют закреплению шовинистических и религиозных представлений. Разумеется, есть и обратная связь: антикоммунизм порождается именно ограниченно-националистическими, религиозными взглядами, не говоря уже о классовой неприязни. Отнюдь не случайно Насер, Не Вин, сирийские левые баасисты пришли к сотрудничеству с коммунистами. В египетском варианте дело, разумеется, не в том, что Насер не мог обойтись без компартии, малочисленной и не очень влиятельной, а в том, что сотрудничество с коммунистами логически вытекает из признания основных принципов социалистической идеологии. В коммунистах видят уже не противников и не конкурентов, а союзников.

То, что в Ираке в 1958—1959 гг. коммунисты были сильны и могли претендовать на власть, напугало воен-

ную корпорацию, смотревшую на компартию прежде всего не с идеологической, а с политической точки зрения, видевшей в ней конкурирующую политическую машину.

Но дело также в идейном воспитании, формировании людей, в характере устанавливаемых ими классовых связей, в степени влияния националистических, религиозных и прочих предубеждений. Дело и в уровне общего развития, культуры, широте взглядов, способности ставить общие интересы выше групповых.

Арабский национализм — исключительно сильная идеология, опирающаяся на историю, традиции, весь ход политической борьбы, использующая на редкость жгучий и болезненный для арабов палестинский вопрос. Мусульманская религия влияет на все отношение человека к жизни, к вещам, определяет во многом его мировоззрение и поведение.

Как национализм, так и религия способствуют развитию отрицательного отношения к коммунистам как к сообществу антинациональному, интернациональному, атеистическому. Мелкособственническая психология, которая господствует в среде, откуда выходит офицерство, не признает коммунистов, они противны ее органическому конформизму, они чужие.

Вырваться из плена этой психологии могут пока лишь немногие, наиболее передовые, светлые головы. Коммунисты были и есть в армиях ряда арабских стран, но их мало. Основная масса послушна традициям и всей атмосфере, которая ее окружает с детства. Поэтому антикоммунистические предубеждения еще сильны среди революционно-демократического офицерства Египта и Сирии. И наконец, к этому следует добавить классическую мелкобуржуазную боязнь коммунистов как врагов частной собственности. Все это, вместе взятое, с учетом того влияния и силы, какие имели коммунисты в Ираке после революции (чем они и напугали военную верхушку), позволяет понять корни антикоммунистической, а следовательно, и антидемократической позиции иракской военной бюрократии.

Следует сказать и о специфике Ирака. Великое зло этой страны — разнородность, партикуляризм, конфессионализм, преобладание групповых интересов. Житель Ирака смотрит на себя прежде всего как на араба или

курда, а потом уже как на иракца. Араб смотрит на себя прежде всего как на суннита или шиита. Правые баасисты видели главных врагов в коммунистах, полагая, что те никогда не простят им резни 1963 г. Каумисты были против и тех, и других, а также против правительства.

Наконец, большое значение имеет общий культурный уровень, связанный с уровнем социального и экономического развития. В Ираке он ниже, чем в Египте и Сирии. Сила и страстность иракского национального характера не уравновешиваются терпимостью, гуманизмом, широтой взгляда на вещи. Традиции кровной мести, поднятые в XX веке до уровня политической борьбы, приобрели характер традиций групповой мести и тем самым огромный, трагический масштаб. Единство прогрессивных сил в Ираке до последних лет было крайне затруднено.

На этом фоне становится понятным, почему каста высших армейских офицеров сумела удержаться у власти и превратилась в господствующую прослойку — военно-бюрократическую буржуазию. Не имея определенной социальной ориентации и программы, способная иногда на довольно крутые повороты, обладающая некоторой широтой маневра, эта прослойка смогла править Ираком лишь временно.

В странах Тропической Африки, где к власти пришла армия, судьбы военных режимов сложились по-разному. Остановимся на эволюции некоторых из них.

В Того первоначально казалось, что военные взяли власть лишь на время. В первом кабинете Эйадемы помимо него самого было трое военных и семь гражданских лиц. В январе 1969 г. Эйадема заявил, что армия добилась внутреннего мира и экономической стабильности и поэтому предполагается возвращение к нормальной политической жизни. Была создана партия «Объединение тоголезского народа» (РПТ), в руководстве которой оказалось немало гражданских политических деятелей. На пленуме Центрального комитета РПТ, состоявшемся в августе 1971 г. в Лама-Кара по инициативе этих политиков, мечтавших вернуть армию в казармы, был лозунг «конституционализации режима» и велась подготовка к восстановлению гражданского правления. Однако политики просчитались. Они не учли, что офицеры вовсе не собираются расставаться с властью и

что сам Эйадема отнюдь не жаждет стать рядовым, пусть даже высокопоставленным, офицером.

Борьба продолжалась недолго и закончилась полной и легкой победой военных. Эйадема провел ее весьма искусно: сразу после пленума, 23 сентября 1971 г., он подтвердил намерение восстановить гражданский режим и сообщил, что не собирается выставлять свою кандидатуру в президенты. Поднялась волна протестов, множество писем было направлено Эйадеме с просьбой отменить это решение. Судя по всему, армия оказала серьезный нажим на государственных служащих, побуждая их выступать против партийного руководства, в котором большинство составляли гражданские политики. И спустя пять дней Эйадема заявил, что он «вместе с армией подчиняется воле народа»⁶¹.

В ноябре того же года состоялся съезд партии РПТ в Палиме. К открытию съезда обстановка изменилась, «дух Лама-Кара» выветрился. Единственная газета «Того-пресс» писала: «Необходимость придать режиму классический современный конституционный характер стала излишней. По мнению делегатов съезда, бессильный и медлительный парламентаризм не должен иметь места в Того»⁶². Эйадема, выступая на съезде, так отозвался о своем первоначальном решении восстановить парламентский режим: «Это решение не получило народного одобрения... тоголезцы возмутились при одной мысли о возвращении политиков»⁶³. Съезд рекомендовал произвести Эйадему из бригадных генералов в дивизионные и избрал его председателем партии. Был создан Национальный совет — высший орган партии в промежутках между съездами. В совете определенное число мест официально было отведено высшим офицерам, которые таким образом институционализировали свое постоянное влияние в партии.

На референдуме 9 января 1972 г. генерал Эйадема, выставивший на одобрение народа эту новую однопартийную военную систему, получил 99,87% голосов. Тем самым новый режим был окончательно утвержден. Его формальной основой является партия РПТ, представляющая собой массовую организацию. По данным, относящимся к началу 1972 г., в партии состоит 86,55% всего взрослого населения Того.

Особенностью верхушки тоголезской армии является

то, что в ней преобладают выходцы с более отсталого севера страны, не имеющие специального военного образования, а выдвинувшиеся из нижних чинов французской армии: их пять человек из восьми. Остальные — выходцы с юга, учившиеся во французских военных учебных заведениях.

Политическая стабильность, экономические успехи и неоспоримый авторитет генерала Эйдаема дают иностранным наблюдателям основание считать военный режим Того одним из наиболее прочных в Африке.

В Верхней Вольте генерал Ламизана так же твердо держит власть в своих руках, но здесь военный режим имеет иной характер. В 1970 г. были проведены всеобщие выборы и назначен гражданский премьер-министр Уэдраого. Нет единой правящей партии, существует многопартийная система. На референдуме в июне 1970 г. была одобрена конституция, предусматривающая, что пост президента должен занимать высший по званию офицер армии, треть членов кабинета министров назначается из числа военных. Таким образом, как и в Того, армия легализовала свою гегемонию в политической жизни, но разница в том, что в Верхней Вольте конституция предусматривает, что нынешний период переходный и в 1975 г. будет восстановлена гражданская власть. По мнению иностранных наблюдателей, военный режим пользуется авторитетом в стране, так как он энергично борется за решение экономических проблем: Верхняя Вольта по производству национального продукта на душу населения занимает предпоследнее, 135-е место в мире, ниже стоит лишь Малави. «Верхняя Вольта: выжить, ничего не имея» — так была озаглавлена статья в американском журнале «Африка рипорт»⁶⁴.

В Дагомее военный режим генерала Согло был свергнут в декабре 1967 г. в результате военного переворота (четвертого за короткое время существования республики), и к власти пришел Альфонс Алле, начальник генерального штаба, назначенный на эту должность после установления власти Согло. Кризис правительства Согло нарастал с осени 1966 г., когда Согло ввел «налог национальной солидарности», что означало фактически сокращение заработной платы на 25%. Забастовали государственные служащие, за ними — учителя. Иными словами, ситуация повторилась: те же проблемы, те же противоре-

чие между нехваткой средств и нежеланием социальных слоев, которые «что-то значат» в политике (в основном служащих), мириться с материальными лишениями во имя экономики средств.

Кризис был кое-как урегулирован, но он продемонстрировал неспособность Согло решить проблемы, на которых сломал себе шею Магу. Это усилило оппозицию молодых офицеров, которые еще в начале 1967 г. создали Военный комитет бдительности, заменивший Комитет национального обновления, образованный Согло вскоре после прихода к власти. По-видимому, новый комитет вышел из-под контроля молодых офицеров, поскольку одним из их первых шагов после того, как 17 декабря 1967 г. два подразделения, насчитывавшие 60 человек, совершили переворот и свергли Согло, был роспуск Военного комитета бдительности.

В своей прокламации молодые офицеры, захватившие власть, заявили: «Мы, молодые офицеры дагомейской армии, сознавая, что ответственность лежит на всей армии в целом, понимая, что наши руководители обманывают народ...» — и т. д. Они критиковали «слабость и несостоятельность», проявленные бывшим лидером, утверждали, что «все новые жертвы требовались от народа, покупательная способность которого резко сократилась, что привело к застою в делах, к запустению в магазинах и на рынках... Крестьянские массы, от которых постоянно требовали все больших усилий, истощали себя трудом, не улучшавшим их положения...» В прокламации резкой критике были подвергнуты некоторые члены военного правительства, «опьяневшие от власти, забывшие военное достоинство». Затем по радио выступил новый президент Алле, заявивший, что армия — это «единственная организованная сила в стране, где политические партии были лишь организациями для выборов... Вновь мы были вынуждены вмешаться, чтобы не допустить перерастания недавних забастовок, вызванных безответственностью властей, в беспорядки, могущие скомпрометировать и даже уничтожить престиж дагомейской армии...»⁶⁵.

Таким образом, военный режим Согло не устранил ни одного из тех зол, против которых офицеры выступили в 1965 г. Как видно из заявлений лидеров нового военного режима, осталась и коррупция, хотя Согло широ-

ко провозглашал борьбу с ней и старался «создать новую атмосферу» в обществе, выдвигая лозунги «За возвращение на землю» и «Министров — на поля».

Не удалось покончить с коррупцией и второму военному режиму. Распустив Комитет безопасности, новые власти создали Революционный военный комитет во главе с капитаном Ашеме, который совместно с комендантом Куандете совершил переворот 17 декабря. Но прошло лишь несколько месяцев, и капитан Ашеме предстал перед чрезвычайным трибуналом по обвинению в хищении 68 млн. ф.⁶⁶ В марте 1968 г. правительство приняло постановление о создании «военной репрессивной комиссии» для борьбы с коррупцией. Предусматривалось, что за хищение средств в объеме до 100 тыс. афр. ф. полагается выговор, более 1 млн. — увольнение с должности и т. п.

Тем временем конституционный комитет подготовил проект конституции, одобренной затем (в марте 1968 г.) путем референдума. Однако на выборах в мае 1968 г. ни один из пяти кандидатов в президенты не получил большинства голосов, и тогда военные власти аннулировали результаты выборов и назначили президентом Эмиля Зинсу, бывшего министра иностранных дел. Формально военный режим сдал дела гражданскому правительству, но армия осталась верховным арбитром.

Президенту Зинсу и контролировавшим его военным не удалось добиться стабильности, и через два года стрелка политического циферблата Дагомеи, обжевав полный круг, вернулась к исходному пункту. «Большая тройка» вновь вернулась на сцену: традиционные лидеры — Апити, Мага и Ахомадегбе — опять встали у руля. На этот раз они правили не по очереди и не в комбинации «двое против одного», как раньше, а все вместе. Уникальная система триумvirата, установленная в апреле 1970 г., предусматривала, что 2,5 млн. населения страны будут управлять три равноправных президента, каждый из которых на протяжении двух лет должен был исполнять роль главы правительства.

Первым был Мага, который продержался два года, но следующему, Ахомадегбе, не повезло. Армия вновь, и на этот раз, видимо, навсегда, смахнула «троих королей» с шахматной доски дагомейской политики. 26 октября 1972 г. майор Матье Кереку совершил переворот и обра-

зовал из молодых офицеров военно-революционное правительство. Обосновывая причины переворота, Кереку заявил, что три свергнутых президента получили власть «из рук военной директории, которая доверила им ее в надежде, что они сумеют решить стоящие перед страной проблемы. Когда их неспособность к этому стала очевидной, армия лишила их доверия и распустила президентский совет»⁶⁷.

Подобно Эйадеме, но в отличие от Ламизаны Кереку заявил, что не намерен уступать власть кому бы то ни было⁶⁸. Он не стал восстанавливать прежние политические партии, распущенные еще при Согло, а заявил: «Наша цель — создать подлинно национальную и народную партию. А пока что наряду с военно-революционным правительством, которое стало одновременно законодательным и исполнительным органом, мы создали Военный совет революции. Он состоит исключительно из военных»⁶⁹.

Новое правительство объявило, что пересмотрит структуру административного аппарата с целью ликвидации регионализма, удалит из армии группы старших офицеров, которые были связаны с неокOLONIALИСТИЧЕСКИМИ кругами, учредит национальную комиссию по выработке перспективной программы развития страны и привлечет к ее работе представителей профсоюзов и молодежи⁷⁰.

Корреспондент «Правды», оценивая режим, установленный после пятого за годы независимости военного переворота в Дагомее, писал: «Сейчас у власти стоит правительство, думающее об интересах всего народа в целом»⁷¹.

Режим Кереку проявляет левые тенденции, сближается с Гвинеей. После поездки в Гвинею Кереку говорил: «То, что я там увидел, было до такой степени поучительным, что если бы сегодня проводился референдум, аналогичный тому, который проводился 28 сентября 1958 г., то я без колебаний проголосовал бы так же, как народ Гвинеи... Там происходит подлинная революция, которой я восхищаюсь... Мы сумеем воспользоваться гвинейским примером»⁷².

В Мали после переворота 1968 г. военные прочно удерживают власть. Правда, в Военном комитете национального освобождения произошли серьезные перемены: заместитель председателя и премьер-министр Йоро Диа-

ките, бывший начальник офицерской школы, был в 1971 г. выведен из состава комитета, обвинен в заговоре и приговорен к пожизненным каторжным работам. В 1973 г. было объявлено, что он умер от болезни сердца. Сейчас в состав комитета входят полковник Муса Траоре и десять капитанов. Все шесть губернаторов округов также капитаны.

Большинство иностранных обозревателей считают, что основные направления политики Модибо Кейта сохранились, но больший упор сделан на порядок и дисциплину. Армия объявила, что новый строй опирается на труд, дисциплину и справедливость, а свобода не означает анархии. Объявлено, что, как только созреют необходимые условия, власть будет передана гражданским лицам. В интервью с польским журналистом Т. Пасербиньским третий человек в правящей группе, капитан Юсуф Траоре, так охарактеризовал программу Военного комитета: «Независимое развитие экономики и неприсоединение». В ответ на вопрос об идеологии режима капитан сказал: «Одни считают нас левыми, другие — правыми. Мы же делаем свое дело. Мы хотим сотрудничать с каждым, кто поможет нам достичь указанных целей»⁷³.

В Гане пришедший на смену Нкруме военно-полицейский режим не имел определенной программы, что было неизбежно для офицеров, преследовавших своим выступлением прежде всего разрушение старого, а не создание нового. Поскольку эта группа ориентировалась на буржуазные круги, правительство Анкры признало примат частного сектора, считая его главным фактором развития.

Уменьшился удельный вес государственного сектора. Характерные черты денационализации были таковы: продажа государственных предприятий только местному капиталу; иностранный капитал участвует лишь на долевых началах; проданными оказались большей частью именно те предприятия, которые были рентабельными и могли принести прибыль государству; стоимость государственных предприятий, подлежащих продаже, была чрезвычайно занижена.

Проводилась жесткая дефляционная политика. Заработная плата была заморожена. Однако цены продолжали расти. Серьезнейшей проблемой для нового режима

стала катастрофически растущая безработица. Положение платежного баланса не улучшилось.

Военное правительство возлагало надежды на помощь международного капитала, который вновь стал проявлять интерес к Гане. Международный валютный фонд предоставил Гане в 1966 г. кредит на 53 млн. долл.⁷⁴. Однако надежды на приток частного иностранного капитала в целом не оправдались. Иностранный капитал ограничился лишь участием в нескольких государственных предприятиях. Местный капитал не имел средств для приобретения крупных предприятий. Убыточные предприятия остались в собственности государства, значительная часть их простаивала.

Во внешней политике проводилась линия «прозападного неприсоединения». Военный режим открыто ориентировался на сотрудничество с главными капиталистическими державами.

В области внутренней политики упор делался на беспощадное подавление любой возможности оппозиции. Были изданы декреты о борьбе с «подрывной деятельностью», предусматривающие, в частности, право военных трибуналов судить гражданских лиц и выносить приговоры вплоть до расстрела (минимальное наказание для лиц, признанных виновными в «подрывной деятельности», — 25 лет каторжных работ)⁷⁵.

Правительство объявило, что в 1969 г. оно намеревается восстановить гражданское правление, однако не было никаких признаков действительной эволюции режима в сторону демократии. Все прогрессивные элементы подвергались преследованиям на том основании, что они были сторонниками прежнего режима. Лишены были своих должностей даже несколько сот вождей племен, назначенных при Нкруме. Но крупнейшие вожди, такие, как Асантехене, остались на своих местах.

Отсутствие идей, динамизма, смелости и целеустремленности; очевидный для всех отказ от попыток вывести страну на путь самостоятельного развития, склонность к капитуляции перед неоколониализмом; неспособность решить тяжелые экономические проблемы, в частности предотвратить рост безработицы, усиливали непопулярность военного режима. Первоначальный энтузиазм с которым многие восприняли переворот, писала «Ганейэн таймс», рассеялся: «Люди, которые приветствовали воен-

но-политическую ось в начале 1966 г. и соревновались в хвале и панегириках... кажутся теперь разочарованными режимом, хотя и его безотлагательного ухода»⁷⁶.

Ограниченность, узость взглядов военных руководителей становилась все более очевидной. Их явная неспособность решить проблемы Ганы на капиталистическом пути породила настроения в пользу некапиталистических методов преодоления отсталости и строительства нового общества. Многие с тоской стали вспоминать времена Кваме Нкрумы, ждать его возвращения.

2 апреля 1969 г., за пять месяцев до объявления всеобщих выборов, генерал Анкра ушел с поста председателя Национального совета освобождения Ганы. Причиной сенсационной отставки «сильного человека», лидера военной хунты, было самое банальное взяточничество. Деятель, провозгласивший одним из главных мотивов переворота 1966 г. «борьбу с коррупцией», был уличен в том, что брал деньги от иностранных компаний. Таким образом, к концу существования (сентябрь 1969 г.) первый военный режим в Гане пришел с сильно подмоченной репутацией.

Гражданский режим возглавил доктор Кофи Бусиа, сторонник капиталистического развития, принципиальный противник Нкрумы. За два года этот режим потерпел полный крах во всех сферах — экономической, социальной и политической. Уровень жизни снизился, безработица и нехватка продовольствия достигли угрожающих размеров. Надежды на иностранную помощь не оправдались. В 1971 г. вся помощь извне равнялась выплаченному Ганой внешнему долгу. Цены на какао на мировом рынке продолжали падать. Во время сбора урожая 1971 г. скупщики не смогли оплатить фермерам собранную продукцию из-за того, что центральная закупочная организация в соответствии с новыми порядками могла предоставлять скупщикам деньги для уплаты фермерам только после фактического поступления бобов на склады, а фермеры привыкли получать аванс в начале периода сбора урожая, который длится от октября до марта. Результатом был рост контрабандной продажи какао-бобов и резкое недовольство фермеров.

Правительство Бусиа провело драконовскую девальвацию седи — ганской валюты, и цены на товары первой необходимости выросли вдвое, а то и втрое. Девальва-

ция явилась самой непопулярной мерой Бусиа и ускорила его падение.

Правительство все время вело борьбу с профсоюзами, вмешивалось в профсоюзные дела и в конце концов разогнало Конгресс профсоюзов Ганы. Возмущение рабочего класса вызвали массовые увольнения докеров, потребовавших улучшения условий труда. На съезде союза студентов в апреле 1971 г. была проявлена полная оппозиция правительству.

Английский еженедельник «Обсервер» писал, что правительство Бусиа «было робким, болезненно реагировало на критику, высокомерно и грубо относилось к своим критикам, голос которых звучал все громче по мере ухудшения экономического положения страны. У правительства возник конфликт с независимо настроенными судебными властями. Оно жестоко контролировало печать... Оно грубо запретило проведение конгресса профсоюзов и — что было для него самым роковым — направило против себя верхушку армейского руководства.

В то время как ни одна из других недовольных групп не обладала возможностью противостоять правительству, армия смогла это сделать, и, поскольку народ не поддерживал правительство Бусиа, она без особого труда его свергла»⁷⁷.

Армия по экономическим мотивам тоже была недовольна режимом Бусиа. В 1971 г. правительство урезало расходы на оборону на 10%. Девальвация семи больно ударила по офицерам.

Боясь переворота, правительство начало перемещать офицеров. В частности, командование 1-й пехотной бригадой было поручено подполковнику Ачампонгу. По иронии судьбы он и оказался главой заговора (вспомним Ирак 1958 г., Касема и Арефа).

13 января 1972 г. 1-я пехотная бригада по приказу Ачампонга заняла стратегические пункты в столице. Опять, как бы в насмешку, их охранял 5-й батальон, которым ранее командовал Ачампонг. Переворот был бескровным.

Ачампонг родился в 1931 г. в Кумаси и происходит из племени ашанти. Он был учителем, а в 27 лет вступил в ряды армии и был послан на учебу в Англию. В 1962—1963 гг. служил в части, посланной в Конго в составе войск ООН. В период правления Национального совета

освобождения Ачампонг занимал пост комиссара в одной из областей, при Бусиа был батальонным командиром. Его продвижение было медленным, так как он не был связан с военной кликой, свергшей Кваме Нкруму. Его сообщники по перевороту 1972 г. были майоры, служившие ранее под его командованием. Все они были строевыми, а не штабными офицерами и никогда не занимались политикой⁷⁸.

Руководящим органом стал Совет национального спасения, председатель которого Ачампонг стал также председателем Исполнительного совета, который осуществлял государственную власть. Посты президента и премьер-министра были упразднены, политические партии распущены. В Совет национального спасения наряду с молодыми офицерами, совершившими переворот, вошли и некоторые старшие офицеры. Первоначально в совет вошли 12 офицеров, из них 7 стали также членами исполнительного совета, также состоящего из 12 человек⁷⁹. Впоследствии число членов Совета национального спасения было сокращено до 9.

Подполковник Африфа, один из главных инициаторов свержения Нкрумы, попытался присоединиться к Ачампонгу, объявив себя его другом и сторонником, но через два дня после прихода Ачампонга к власти был арестован по обвинению в заговоре против последнего⁸⁰.

Как писала французская газета «Монд», «армия осуществляет непосредственный контроль над страной... Все члены Совета национального спасения, за исключением министра юстиции Мура, — офицеры. Десять комиссаров, возглавляющих десять административных районов страны, — полковники или майоры»⁸¹.

Как объяснял сам Ачампонг причины переворота?

«Равнодушно смотреть, как страна переходила от кризиса к кризису, от катастрофы к катастрофе, было бы изменой народу. Вооруженные силы Ганы 13 января перешли к действию, чтобы раз и навсегда положить конец притворству и лицемерию, которые стали господствовать в нашем обществе, и дать народу возможность начать все сначала и построить осмысленную жизнь на реалистической основе, на принципе экономической и социальной демократии, подлинного равноправия, полной занятости и максимального участия всего народа в использовании естественных ресурсов нашей земли».

«13 января, — говорил Ачампонг, — мы совершили не просто государственный переворот, не просто заменили одни личности другими, а поступили так, чтобы осуществить в нашей стране настоящую прогрессивную национальную революцию... Страна вступила на подлинно революционный путь. Наша цель — преобразовать самые основы нашего общества...»

Избегая слов «капитализм» и «социализм», Ачампонг тем не менее заявил, что «так называемая система свободного предпринимательства должна быть выброшена на свалку истории и что на смену ей придет „эффективное планирование“»⁸².

Ачампонг заклеил «новый класс непомерно богатых политических проходимцев, в руках которых сосредоточилась непропорционально большая доля национального богатства. Они купались в фантастическом богатстве, в то время как простые люди, рабочие и крестьяне, труд которых приводит в движение колеса экономики, нуждались в самом необходимом. Совет национального спасения намерен положить всему этому конец».

Спустя полтора года после прихода к власти нового военного режима в Гане корреспондент «Монд» писал о недовольстве ганских капиталистов этим режимом: «Дела крупных компаний, имеющих множество филиалов и располагающих иностранными капиталами, находятся в состоянии застоя. Придирки со стороны административных органов к их представителям, неверие в будущее, которое побуждает их не пополнять запасы, строгий контроль за внешней торговлей — все это тормозит экономическое развитие»⁸³.

Совет национального спасения передал в руки государства 55% собственности всех горнорудных концернов, действовавших в стране под иностранной вывеской. Иностранные компании преобразуются в национальные. Решено полагаться на собственные ресурсы, а не на иностранные займы, которые, как отметил Ачампонг, «в большинстве случаев так и не поступали в страну»⁸⁴. Он подчеркнул, что отныне правительственные расходы будут покрываться целиком из внутренних ресурсов.

Национальная валюта была ревальвирована, что вызвало всеобщее одобрение населения. Золотовалютные резервы увеличились за один год с 31 млн. до 116 млн. се-

ди. Торговый баланс, ранее сводившийся с дефицитом, был сведен с положительным сальдо⁸⁵. Восстановлена выплата дотации на ремонт жилья и снижена квартирная плата тем, кто живет в государственных домах. Отменены поборы на «нужды национального развития» (при Бусиа этот налог составлял 5% заработной платы). Все свидетельствует о том, что новый режим всерьез озабочен проблемой повышения уровня жизни. «Частью нового курса, — писал корреспондент „Правды“, — стало расширение собственной продовольственной базы. Установлен гарантийный минимум закупочных цен на какао, рис, хлопок, сахарный тростник и другую продукцию, причем поставки эти оплачиваются крестьянам немедленно. Результаты этого курса налицо. Страна, доведенная прежним режимом до грани банкротства, накопила теперь значительные валютные резервы. Возросло производство какао, золота, древесины — главных экспортных товаров Ганы. В результате ожесточенной схватки с иностранными монополиями государство обеспечило себе 55% участия в компаниях, добывающих золото и алмазы, а также в лесной промышленности. Засилью иностранного капитала нанесен серьезный удар»⁸⁶.

В Республике Заир [бывшее Конго (Киншаса)] военный режим генерала Мобуту претерпел заметную эволюцию. Его главные достижения — национальная консолидация, экономическая стабильность, ликвидация прежней зависимости от заграницы, восстановление национального достоинства, наведение порядка в администрации.

Правительство Мобуту сократило наполовину оклады членам парламента и провинциальных правительств. Запрещается покупка и аренда за иностранную валюту. Иностранцы, желающие учредить предприятия в Конго, должны обладать капиталом не менее чем в 50 млн. конголезских ф., т. е. 333 тыс. долл.

Военный режим в Конго вернул городам их африканские названия, провозгласил Лумумбу национальным героем, восстановил в правах депутата Гизенгу, заочно приговорил к смертной казни Чомбе. Восстановлены хорошие отношения с другими африканскими странами, которые в период правления Чомбе подвергли Конго изоляции. Антиимпериалистическая позиция Мобуту на международной арене вновь подняла авторитет государства

во внешнем мире. Его смелая, принципиальная позиция в споре с «Юнион миньер», окончившемся компромиссом, несомненно, создала Мобуту популярность в народе.

В результате реорганизации кабинета и создания новой партии Народное движение революции 10 из 18 министерских постов заняли выпускники университета, а три — выпускники других высших учебных заведений.

Централизуется власть. С 1 февраля 1968 г. ликвидированы автономия городских коммун (районов) и их самостоятельный юридический статус. Отныне бургомистры коммун не избираются, а назначаются министерством внутренних дел по рекомендации правящей партии, а выборные органы при бургомистрах в городах заменяются назначаемым советом. В какой мере Мобуту удастся сочетать централизацию с мобилизацией творческой активности масс — без чего невозможен переход от бесперспективного военного режима к прогрессивной демократической власти, отстаивающей независимость страны, — покажет будущее.

Мобуту провозгласил доктрину национализма и «подлинного заирского пути развития», «заирской самобытности». Речь идет прежде всего о «духовной деколонизации», об осознании «заирской индивидуальности». Переименованы не только города — возвращено старинное название самой страны, вместо европейских имен жителей введены национальные; сам президент уже не Жозеф Мобуту, а Мобуту Сесе Секо.

Правящий режим уже нельзя в полном смысле слова назвать военным. Армия остается главной опорой Мобуту, его резервом на случай ухудшения политической обстановки, но не генералы принимают решения в Киншасе. Президент систематически усиливает влияние Народного движения революции — массовой политической организации, которая не считается партией, а объединением национальных сил, движущей силой общественно-политической жизни. Политбюро НДР объявлено высшим органом власти, перед которым отчитываются президент, правительство, парламент. Разумеется, политбюро состоит из надежных сторонников Мобуту.

Сам Мобуту говорил в одном из своих интервью: «В настоящее время в Африке тринадцать глав государств — военные. Из них я в наибольшей степени отда-

лился от армии, с тех пор как стал первым должностным лицом страны... Сегодня в политических органах страны нет ни одного военного. Ни одного в Национальном исполнительном совете, ни одного среди государственных или окружающих комиссаров»⁸⁷.

Состоявшийся в мае 1972 г. съезд НРД высказался за то, чтобы Заир перестал быть «кладовой сырья» для иностранных монополий, за индустриализацию. Поощряется приток иностранного капитала, но во всех новых компаниях присутствует национальный капитал. Поощряется и местное частное предпринимательство, но при обязательном государственном контроле. Класс национальных капиталистов растет, но правительство бдительно следит за ними. Недавно Мобуту резко критиковал предпринимателей за то, что они «больше колониалисты, чем вчерашние колониалисты», имея в виду их политику в вопросах заработной платы и цен.

Несомненны успехи в развитии экономики. Создан гидроэнергетический комплекс в Инга, будет построен большой металлургический завод в Малуку, реконструируются судовой верфи, растет легкая промышленность. Ведется борьба с коррупцией и полигамией. Несомненные достижения режима, его стабильность признаются всеми.

Подводя итоги деятельности военных режимов в Тропической Африке, можно отметить следующее.

Офицеры колониальной выучки, совершавшие перевороты, были заинтересованы не в революционных преобразованиях, а в сохранении существовавшей системы. В целом их мировоззрение было идентично мировоззрению буржуазно-бюрократических политиков, воспитанных в западном духе, но офицеров отличает недоверие к парламентской демократии и стремление к большей самостоятельности страны, а также в большинстве случаев (по крайней мере на первых порах) — гораздо меньшая коррумпированность.

В некоторых странах (Дагомея, Гана) военные режимы «первого поколения», опиравшиеся на офицерство данного типа, сошли со сцены и — через переходный период гражданского правления — уступили место военным режимам «второго поколения», руководимым офицерами новой формации. Это офицеры более молодые, менее связанные как наследием воспитания в армиях

бывших метрополий, так и близостью к оставшейся в наследство от колонизаторов элите. Их отличает от «первого поколения» антиимпериализм и — в неодинаковой степени — неверие в капиталистические методы ликвидации отсталости. Во взглядах Ачампонга, а тем более Кереку заметны не только антиимпериалистические, но и антикапиталистические элементы. С другой стороны, военные лидеры в Нигерии, Заире и Того, по-видимому, верят в «свободное предпринимательство», но под строгим контролем государства и склоняются к системе государственного капитализма.

Как правило, военные не склонны уступать власть и «возвращаться в казармы», и никто не может их заставить это сделать, если они сохраняют внутреннее единство и веру в свои способности дать стране прочное и эффективное правление. Последний фактор, очевидно, отсутствовал у военных лидеров Ганы, свергших Нкруму, а в Сьерра-Леоне и Дагомее к этому добавились внутренняя борьба и непрерывные расколы. Концепция армии-арбитра не разрабатывалась и не обосновывалась в Африке так подробно, как в Аргентине или Индонезии, но все же в странах с военными режимами армия провозглашается гарантом национального единства. Так, в программе тоголезской партии РПТ, принятой в ноябре 1969 г., говорится: «Сегодня исключение армии из политической жизни нации — это явление, принадлежащее прошлому... военные все реже ограничиваются казармами. Представление об армии как о „великом немом“ все больше утрачивает силу. Эта интеграция армии в нацию дает последней стабильность и уверенность»⁸⁸.

Только в Верхней Вольте существует военный режим, официально обязавшийся последовать примеру Сьерра-Леоне и Ганы и со временем вернуть власть гражданским политикам. В Того, Дагомее, Нигерии, Гане, ЦАР военные пока что не предусматривают близкого ухода от власти. И, видимо, они могут остаться у власти надолго при указанном выше условии — единства своих рядов и веры в свою способность успешно управлять страной.

Но тут возникает вопрос: каковы критерии успешного и эффективного управления? Можно ли признать успешным то, чего к настоящему времени добились военные режимы в Африке?

Прежде всего заметим, что военный режим с самого

начала имеет один органический дефект: он незаконен, неконституционен, он — дитя переворота. Даже если его одобряет подавляющее большинство населения, с точки зрения формальной юридической законности военный режим лишен легальной основы. А если говорить о существовании дела, а не о букве закона, то военный режим обязан доказать, что он лучше своего предшественника, то есть он должен обеспечить политическую стабильность, социальную справедливость, национальное единство и экономический подъем. Лишь в этом случае он «легализует» себя в глазах общества не только формально, но и фактически. Наконец, военный режим должен избегать отождествления с военной диктатурой, он не должен держаться на насилии.

Исходя из этих критериев, что можно записать в актив африканских военных режимов?

Пожалуй, более успешно, чем что-либо, выполняется программа национальной консолидации. Это облегчается тем, что сама по себе армия в принципе является инструментом интеграции нации, сплочения народов и племен (с оговорками, которые уже высказывались выше, когда речь шла о Нигерии). В африканской армии, несмотря на этническую пестроту личного состава, применяется один язык — английский или французский, солдаты воспитываются в духе принадлежности к единой нации. Данная задача облегчается и другим обстоятельством: военные, сторонники дисциплины и централизации, по своей природе не могут не выступать против этнической или региональной автономии, ослабляющей центральную власть и способствующей центробежным тенденциям. Не случайно Мобуту и Иронси решительно перестроили прежнюю административную систему: первый сразу же уменьшил число провинций с 22 до 12 и ограничил права местных властей, второй, по сути дела, ликвидировал федерацию в Нигерии и пытался создать унитарное государство. Все имеющиеся данные говорят о том, что военные в принципе борются с трибализмом, хотя на практике в ряде случаев они сами оказываются далеко не свободными от его влияния.

Военные более широко, чем их предшественники, используют национализм как идеологическую платформу и средство сплочения нации. Уже говорилось о концепции «заирской самобытности». Приведем слова Матье Кере-

ку: «Наша революция прежде всего должна быть подлинно дагомейской. Мы не должны связывать себя с чуждыми идеологиями. У нас есть своя, дагомейская социально-культурная система...»⁸⁹.

Почти все военные режимы провозгласили намерение бороться за социальную справедливость, против привилегий отдельных общественных групп, а некоторые военные лидеры старались подать личный пример скромности и экономии средств. Так, генерал Ламизана в Верхней Вольте подчеркивал, что его оклад в шесть раз ниже, чем у его предшественника Ямеого, у него нет личного «мерседеса», а только «пежо», а министр сельского хозяйства сообщил, что его заработная плата ниже, чем в то время, когда он был преподавателем. Были уменьшены оклады и дополнительные выплаты высшим чиновникам, закрыто несколько посольств Верхней Вольты за границей, закрыта в целях экономии средств телевизионная станция, на содержание которой расходовалось 70 тыс. долл. в год⁹⁰. Генерал Согло в Дагомее демонстративно велел отключить установки для кондиционирования воздуха в столичных особняках⁹¹. Генерал Бокасса в Центральноафриканской Республике отдал свою первую заработную плату на строительство больницы, запретил государственным деятелям посещать бары, дансинги и базары, а также обрушился на «государственных служащих, постоянно пребывающих в пьянстве за счет государства» и объявил, что «буржуазия ликвидирована». В той или иной мере этой линии придерживаются и другие военные лидеры, некоторые из них демонстративно продолжают жить в казармах.

Об экономических мероприятиях уже говорилось. Наиболее эффективными они оказались в Того и Верхней Вольте — тех странах, где военные режимы стабильно функционируют с самого начала и имеют уже солидный «стаж».

Особого внимания заслуживает политика военных режимов в отношении проблемы занятости, что в условиях Тропической Африки означает прежде всего проблему государственных служащих. Уже говорилось о недовольстве профсоюзов политикой гражданских властей в этом вопросе. Военные, придя к власти, столкнулись с этой проблемой, упирающейся в нехватку финансовых средств. В Дагомее военные власти сразу предупредили профсою-

зы, что они не допустят никакой торговли в вопросе о заработной плате; один из военных лидеров сказал, что если служащие хотят повышения заработной платы, то пусть сами и управляют страной. В Верхней Вольте и ЦАР некоторые требования профсоюзов были удовлетворены, но в то же время их предупредили, чтобы они не выдвигали новых. Президент Ламизана недвусмысленно заявил, что профсоюзы не должны «подменять собой государственную власть»⁹². Отношения постепенно нормализовались. Хуже было в Дагомее при генерале Согло, который отказался удовлетворить требование профсоюзов об отмене 25% снижения заработной платы. Один из профсоюзов обвинил «военно-технократический режим генерала Согло» в «непревзойденном цинизме»⁹³, после чего некоторые профсоюзные лидеры на время угодили в тюрьму. В 1967 г. новая волна забастовок заставила правительство пойти на уступки профсоюзам, что в значительной мере способствовало краху режима Согло.

В целом к настоящему времени отношения между военными режимами и профсоюзами, по-видимому, стабилизировались.

Как сложились отношения армии с бюрократическим аппаратом?

После ухода колонизаторов бюрократия составила ядро новой элиты, у нее не было соперников. Как пролетариат, так и буржуазия ввиду своей слабости и малочисленности не могли претендовать на гегемонию в обществе, мелкая буржуазия распылена и политически неорганизована, крестьянство политически инертно, и, наконец, молодая радикальная интеллигенция не обладала ни реальными позициями, ни — после ликвидации господства колонизаторов — эффективными, мобилизующими массы лозунгами. Бюрократический аппарат чувствовал себя хозяином положения, офицерство было его частью и в то же время его инструментом. И вдруг инструмент власти сам стал властью. Естественно, от отношений еще вчера всемогущей бюрократии с новыми хозяевами — военными — во многом зависит судьба военного режима.

Во-первых, надо отметить, что офицеры не стали — да и не смогли бы — подменять собой административный аппарат. Дж. М. Ли правильно подчеркивает, что в отличие от Латинской Америки и Ближнего Востока в Тропической Африке военные не создали «контрбюкрата-

тию», офицеры не заменили гражданских чиновников в административном аппарате⁹⁴. В любом случае ничтожная численность офицерского корпуса африканских армий и не позволила бы этого сделать. Кроме того, за исключением наиболее скомпрометированных и оскандалившихся высокопоставленных чиновников, старый аппарат, как правило, остается нетронутым. Никаких серьезных коллизий ни в одной из стран, где военные пришли к власти, не замечено, бюрократия служит новому режиму вполне лояльно. Объясняется это просто: классовым чутьем бюрократия ощущает, что система, в которой она является привилегированным слоем, как таковая сохранилась; ведь почти все военные режимы, о которых речь шла выше, не проявляют глубоких радикальных и тем более революционных намерений, которые могли бы обеспокоить чиновничество. Последнее в большинстве случаев, вероятно, и не чувствует особых перемен в своем материальном положении и общественном статусе.

Но при гражданском режиме элита, прежде всего бюрократия, имела своего непосредственного политического представителя — правящую партию. С приходом военных партийной жизни в прежнем виде наступил конец. Свергнутые государственные лидеры были и руководителями партий, им не нашлось места при новом режиме, и партии были распущены. Во всех без исключения странах с военными режимами в Тропической Африке бывшие партийные лидеры не смогли пробиться к ответственным постам. Военные не доверяли им как потому, что эти люди были скомпрометированы в прошлом и сотрудничество с ними не способствовало авторитету новой власти, так и потому, что правящие офицерские группы подспудно опасались, что гражданские политики с их опытом и связями смогут найти поддержку среди недовольных групп населения и начать плести интриги. Это, однако, не означало, что оппозиционно настроенные по отношению к бывшему режиму интеллектуалы, сторонники радикальных решений и проповедники модернизации, автоматически оказались в фаворе у новой власти. Им не нашлось места и при военном режиме; очевидно, военные, интуитивно чувствуя свою слабость в идеологическом и социальном планах, узость своей общественной базы, опасались, что предоставление свободы действий молодым интеллектуалам приведет к созданию независи-

мых от власти центров общественно-политической активности и монополия на власть и идейное влияние ускользнет от правящей офицерской группы.

Естественно, наиболее резко это недоверие проявляли военные режимы, образованные в результате свержения прогрессивной власти. В Гане вскоре после устранения Нкрумы газета «Дейли график», отражая взгляды правившей хунты, призывала окончательно удалить с политической арены «всех набобов, активистов и идеологов»⁹⁵. Совет национального освобождения пытался опереться в гражданской среде на «профессиональный класс» — высокооплачиваемых адвокатов, врачей и т. п., которые были враждебны Нкруме и его идеям и приветствовали режим Анкры. Эти люди доминировавшие в Учредительном собрании, созванном в период первого военного режима в Гане, приняли решение, что члены парламента не должны получать жалованья; это было сделано для того, чтобы не допустить в парламент радикальную мелкобуржуазную интеллигенцию, которая в отличие от богатых лиц свободных профессий не могла бы в таком случае из чисто материальных соображений позволить себе избрать парламентскую карьеру.

Следует отметить еще один факт: офицеры старшего поколения, «западной» выучки и консервативных взглядов, в большей мере, чем молодые, идут на сотрудничество с деятелями старых, распущенных ими партий и в какой-то мере прислушиваются к их советам. Такие лидеры, как Ачампонг и Кереку, вообще не признают политиканов «старого режима», считая, что оставленная колонизаторами элита в целом и ее политические представители в частности полностью обанкротились и способны принести лишь вред.

«Политика без политической жизни, политика без политиков» — таков негласный лозунг большинства руководителей военных режимов в Тропической Африке. Создать собственную политическую организацию, систему «приводных ремней», разработать методы мобилизации масс сами военные не могут — у них нет ни соответствующей подготовки, ни опыта, ни кадров, а самое главное, нет в большинстве случаев идеологии, заслуживающей этого названия, нет программы преобразований, нет социальной и политической философии. Было бы удивительно, если бы все это имелось у людей, жизненный

опыт которых в основном сводился к учебе в английском военном училище, а затем к рутинной службе в армии, построенной по британскому образцу, или к службе во французской армии и участию в колонизаторских войнах в Индокитае и Алжире. В вопросах экономических такие военные лидеры могут полагаться на технократов, специалистов, но социально-политическая проблематика для них — terra incognita, горизонт их ограничен. И в вопросах политических им часто просто не на кого положиться, так как политиканы прежнего режима из числа воспитанной колонизаторами элиты не могут предложить ничего, кроме отвергнутых жизнью рецептов, а новое поколение радикальной интеллигенции внушает им опасения.

Поэтому военные лидеры такого типа предпочитают — или вынуждены — обходиться без партий и организаций в подлинном смысле слова, заменяя их суррогатом в виде аморфных, показных «массовых движений» без четкой социально-политической ориентации. Нельзя сказать, что подобные режимы держатся только на штыках: ни один военный режим в Тропической Африке не может быть охарактеризован как террористическая военно-полицейская диктатура. Африка пока что, к счастью, не дала ни своего Стресснера, ни Батисты. Отчасти это объясняется слабостью левых, оппозиционных сил в отсталых африканских странах. Но антидемократический, социально-консервативный характер большинства рассматриваемых режимов очевиден, убожество политической мысли многих военных лидеров бросается в глаза; складывается впечатление, что они озабочены прежде всего тем, чтобы сохранить статус-кво и более эффективно и упорядоченно вести дела в рамках прежней системы, не затрагивая ее основ. Привилегированная элита сохраняет свое положение и свои богатства, структура неокOLONиальной эксплуатации в целом сохраняется.

Все это вызывает разочарование у прогрессивных сил, однако они слабы и разобщены, демократическое движение находится в зачаточном состоянии, классовое самосознание трудящихся только начинает развиваться. Армия стоит на страже режима, который не жалеет средств, чтобы умножить ее привилегии. В Гане Совет национального освобождения, придя к власти, на 5% увеличил оклады военнослужащим. В Верхней Вольте военнору-

жащие, занявшие посты в административном аппарате, сохранили свое прежнее жалование, на них не было распространено сокращение окладов чиновникам, предпринятое в целях экономии. В Уганде после переворота, совершенного генералом Амином, расходы на армию были утроены.

Пуританские, антикоррупционистские взгляды военных продолжают широко проповедоваться, но, как показал ряд фактов, например уже упоминавшаяся скандальная практика Совета национального преобразования в Сьерра-Леоне, военные, придя к власти, далеко не всегда оказываются свободными от коррупции. Точно так же не подтвердился миф о монолитности военных. Приведенное выше описание событий, последовавших за военными переворотами в Гане, Нигерии, Дагомее, Сьерра-Леоне, показывает, что, придя к власти, военные не меньше, чем гражданские, подвержены расколам и внутренней борьбе.

Продолжая рассмотрение вопроса о деятельности военных после прихода к власти, обратимся к Юго-Восточной Азии.

В Пакистане военный режим Айюб Хана сразу же осуществил серьезную «чистку»: был арестован ряд политических деятелей прежнего режима, в том числе руководство некоторых политических партий в полном составе. Многие чиновники, уличенные в контрабанде, финансовых махинациях и т. п., были отданы под суд, их преступления были преданы огласке.

Вскоре был опубликован специальный декрет, согласно которому создавались особые трибуналы для расследования дел нерадивых или неправильно ведущих себя чиновников. В течение года после издания этого декрета были уволены или понесли другие наказания 3 тыс. чиновников.

Дальнейшая эволюция политической системы должна была происходить следующим образом: военное положение объявлялось временной мерой, и задача армии заключалась в том, чтобы подготовить условия для возвращения к гражданскому правлению. Сначала предполагалось ввести систему «основной демократии» (о ней будет сказано ниже), затем выработать и дать силу конституции, после чего можно отменить военное положение и разрешить деятельность политических партий.

80 тыс. выборщиков, избранных в рамках системы «основной демократии», должны были по новой конституции, провозглашенной в марте 1962 г., выбрать президента, 156 членов Национального собрания и 300 членов двух провинциальных собраний. Первые выборы по этой системе состоялись в 1965 г. Айюб Хан был выбран на пост президента значительным большинством голосов. Деятельность политических партий была разрешена в 1962 г., но только «в общем». Правительство могло не разрешить деятельность той или иной конкретной партии⁹⁶.

Главной опорой режима оставалась армия. Формально ее руководящая роль в государственной жизни никак не была зафиксирована. В конституции говорилось лишь (ст. 238), что в течение двадцати лет должность министра обороны может занимать только старший офицер вооруженных сил; таким образом, военная сфера была полностью изъята из-под контроля гражданских лиц. На некоторых руководящих административных постах находились военные, однако в целом в администрации было мало офицеров и непосредственная роль армии в сфере гражданской жизни была несравненно менее значительна, чем в Индонезии, Бирме или ОАР.

Армия и бюрократия составляли опору режима. Большинство офицеров и значительная часть высших чиновников — выходцы из помещичьей среды, защищающие ее интересы и не оторвавшиеся от нее, не выделившиеся в обособленные корпорации (как в ряде других стран «третьего мира», где офицерство, в основном мелкобуржуазное по происхождению, в значительной мере прошло процесс отчуждения от породившей его среды). Объясняется это, очевидно, тем, что влияние класса землевладельцев на выходцев из его рядов более прочно и устойчиво, чем влияние промежуточных, мелкобуржуазных слоев на офицеров, вышедших из их среды; земельная собственность, связанные с ней традиции, порождаемые ею социальные связи определяют политические и идеологические позиции офицерства. Военный режим в Пакистане выражал в первую очередь интересы средних и мелких помещиков, которые оказались вынужденными в условиях кризиса буржуазно-помещичьего парламентаризма возложить надежды на армию, ставшую основой авторитарной единоличной власти. Это — своего рода

«аграрный бонапартизм» (как известно, бонапартизм середины XIX в. во Франции отражал объективно интересы парцелльного крестьянства; «аграрный бонапартизм» в Пакистане тоже отражал интересы земельных собственников, только другой категории).

То, что пакистанская армия в лице ее офицерства остается тесно связанной с помещичьим классом, определяет сравнительно слабое развитие в ней тенденций к превращению в автономную корпорацию. Армия не образовала полностью военного режима, она сохраняла за собой функции арбитра. Социальные связи офицерства и его «английское» формирование, прозападные взгляды и консерватизм способствовали тому, что армия в Пакистане тормозила развитие прогрессивных тенденций.

Понимая, что политики старого режима, которых он смел с арены государственной жизни, всегда будут находиться в оппозиции к его режиму, Айюб Хан не упускал случая дискредитировать их, противопоставляя им «простой народ». Одно из его типичных заявлений звучало так: «Сердце у нашего народа здоровое. Болезнь, затронувшая политиков, не коснулась его души, оставшейся такой же благородной, верной и чистой, как всегда»⁹⁷.

Средние и мелкие помещики, то есть социальная среда, из которой вышло большинство офицеров, оставались главной опорой режима. В их интересах и была проведена аграрная реформа 1959 г., коснувшаяся лишь Западного Пакистана и ограничившая размер земельных участков 500 акрами орошаемой и 1000 акрами неорошаемой земли. Это как раз размер участков, подчеркивает Сайид, которыми обладают семьи большинства офицеров⁹⁸.

От аграрной реформы пострадали (хотя и получили большую компенсацию) богатейшие землевладельцы, но режим Айюба от этого только укрепился: экономическое, а следовательно, и политическое могущество крупных феодалов, слишком самостоятельных, было значительно ослаблено⁹⁹.

Средние и мелкие помещики и связанные с ними политики, заседающие в Национальном собрании, поддерживали существующий режим, обеспечивающий их интересы. Кроме того, правительство держало их в зависимости, так как на местах решающую роль играли назначенные из центра губернаторы и комиссары, ведающие фи-

нансовыми делами, налогами и т. п. «Непослушным» помещикам всегда можно было дать почувствовать неразумность их поведения, ущемив их интересы в округах, которые они представляют в парламенте.

Сложнее обстояло дело с буржуазией. Немногочисленная верхушка капиталистического класса Пакистана господствовала в промышленности. По данным американских исследователей, около 250 капиталистов контролировали в 60-х годах 75% промышленности; ведущее положение занимали четыре группы (Мемон, Хиниоти, Бохра и Ходжа), получавшие почти половину доходов от промышленности¹⁰⁰. Эти люди имели основания быть довольными военным режимом, принесшим стране стабильность и наладившим сотрудничество с иностранным капиталом. Но время шло, беспокойство, которое испытывал деловой мир до прихода к власти военных в связи с угрозой перемен «слева», постепенно забывалось, крепнущая буржуазия претендовала и на политические привилегии, и авторитарные черты режима все больше начинали ее стеснять. Английский наблюдатель сообщал: «Айюб более непопулярен в городах, чем в сельской местности. Это объясняется тем, что... торговцы отнюдь не безразлично относятся к лишению их политических привилегий. В Карачи, Дакке и Лахоре дельцы и адвокаты яростно критикуют правительство. Среди говорящих по-английски пакистанцев в городах редко можно встретить человека, поддерживающего правительство»¹⁰¹.

Если над буржуазией не висит, подобно дамоклову мечу, угроза социальной революции, она тяготится авторитарным режимом, монополизировавшим политическую власть, требуя своей доли участия в решении судеб страны, причем доли преобладающей. Режим Айюб Хана обеспечил в общем благоприятные условия для развития буржуазии в экономическом смысле, но она претендовала и на политическую власть. В этом — суть оппозиции класса капиталистов военному режиму в Пакистане.

В довольно открытой оппозиции правительству находилась значительная часть духовенства. «Муллы, которые в общем противятся реформам, проводимым нынешним правительством, опасаясь потерять свое влияние на массы, фактически ждут благоприятного момента»¹⁰².

В Восточном Пакистане режим Айюб Хана был непопулярен уже потому, что его базой явилась армия, для

бенгальцев, по существу, почти чужая. К тому же и до переворота 1958 г. в Восточном Пакистане было развито движение за автономию, сочетавшееся с борьбой за демократизацию общественной жизни, за социально-экономические преобразования. Реформы, проведенные Айюб Ханом, отнюдь не удовлетворили демократические круги бенгальского населения.

Постепенно все более широкое недовольство охватывало самые различные слои населения. Низкий жизненный уровень, тяжелые материальные условия в сочетании с отсутствием демократических свобод привели к возникновению мощной оппозиции режиму Айюб Хана. Первыми выступили в 1968 г. студенты, но подлинно массовым оппозиционное движение стало после того, как в него включились рабочие и служащие. В январе 1969 г. был создан Комитет демократических действий, потребовавший освобождения политических заключенных, отмены чрезвычайного положения, разрешения забастовок, проведения всеобщих прямых выборов. В марте правительство пошло на уступки и согласилось ввести парламентскую систему, однако успокоить массы, открыто поднявшиеся на борьбу против Айюб Хана, было уже невозможно. Не прекращались забастовки, митинги, резко активизировались экстремистские группировки, не проходило дня без вооруженных столкновений, массовые поджоги зданий стали обычным явлением, особенно в восточной части страны. Правительство утратило контроль над положением в стране, и 25 марта 1969 г. Айюб Хан передал власть главнокомандующему армией генералу Яхья Хану, который через неделю был провозглашен президентом. Был осуществлен ряд реформ, некоторые требования оппозиции были удовлетворены, положение в стране стабилизировалось, но подспудно напряженность сохранялась.

В декабре 1970 г. Яхья Хан был вынужден выполнить данное им обещание и провести всеобщие выборы. Из 313 мест в Национальной ассамблее 167 получила партия Народная лига, выражавшая интересы бенгальцев — жителей восточной части страны. Ее лидер Муджибур Рахман получил законное право сформировать правительство Пакистана, однако военные власти страны негласно решили не признавать результатов выборов. Трудно сказать, в какой степени военные в самом деле опа-

сались распада страны и отделения бенгальской части, а в какой просто не хотели уступить место гражданскому правительству, да еще во главе с лидером оппозиционной партии, к тому же бенгальцем. Скорее всего они опасались того и другого. Кастовая гордость генералов, аристократическое пренебрежение выходцев из знатных пенджабских и пуштунских родов к бенгальцам, недоверие и презрение к демократии и нежелание признавать выраженную на выборах волю народа предопределили роковой для военной верхушки Пакистана выбор. 25 марта 1971 г. Муджибур Рахман и другие лидеры Народной лиги были арестованы, войска внезапно начали избиение бенгальского населения в Дакке. К утру следующего дня главный город Восточного Пакистана пылал в огне пожара, за одну ночь было перебито около 50 тыс. человек. Эта кровавая, преступная акция пакистанской военщины, прибегнувшей ради сохранения власти к геноциду, была первым звеном в цепи трагических событий, повлекших за собой гибель свыше миллиона мирных жителей и приведших в конце концов к войне с Индией, поражению и распаду Пакистана. На развалинах прежнего государства нашел свой бесславный конец и пакистанский военный режим.

В предыдущей главе говорилось о предпосылках переворота 1965—1966 гг. в Индонезии. Что произошло после прихода армии к власти?

Армия продолжала управлять Индонезией. В советской печати была дана оценка индонезийской армии как «правлящей политической группировки»¹⁰³. Советский ученый А. Юрьев, давший глубокий и всесторонний анализ военного режима в Индонезии, писал, что в этой стране «армия превратилась и в наиболее могущественную политическую группировку, и одновременно в основной элемент исполнительного аппарата государственной власти, в ее главную опору»¹⁰⁴.

Корреспондент «Монд» приводил слова Сумискума, секретаря ведущей политической организации Индонезии — Голкара: «Индонезийская политическая элита — это армия и государственные служащие»¹⁰⁵. Армия в этой формуле не случайно стоит на первом месте. «Раньше нами управляли сто министров, теперь — сто генералов», — говорят в Джакарте. Армия, насчитывающая 390 тыс. солдат, к которым нужно прибавить 100 тыс. по-

лицейских — самая организованная и авторитетная сила в Индонезии. Разгромив в 1965 г. коммунистическую партию, ликвидировав режим Сукарно и создав новую политическую систему, вездесущая и все контролирующая армия твердо держит в руках все нити общественной и экономической жизни. Сначала при Сукарно, а затем в рамках «нового порядка» армия завершила процесс, суть которого А. Юрьев охарактеризовал как «сращивание старшего и высшего офицерства сухопутных войск с коррумпированным гражданским чиновничеством в классе бюрократической буржуазии»¹⁰⁶. Этот автор справедливо пишет о единстве интересов генералитета и гражданских кабиров («капиталистов-бюрократов») как «составных частей единого класса бюрократической буржуазии», называя армию «гегемоном и одновременно орудием этого класса»¹⁰⁷.

В отличие от ряда других стран в Индонезии военный режим не скрывает своей социально-политической ориентации. Армия направила развитие Индонезии по капиталистическому пути. Частный сектор, как местный, так и иностранный, получил льготы, которых раньше не было. Происходит реприватизация государственной собственности: уже к середине 1971 г. президент Сухарто дал принципиальное согласие на реприватизацию 54 национальных компаний. Правительство содействует преимущественно развитию частного сектора промышленности, устраняет существовавшие ранее ограничения капиталистического предпринимательства. Большое внимание уделяется привлечению иностранного капитала. В 1972 г. в «Правде» сообщалось, что за последние пять-шесть лет Индонезия только по государственной линии получила кредитов на 2,4 млрд. долл.¹⁰⁸. Корреспондент «Монд» писал, что многочисленные иностранные предприниматели «оспаривают друг у друга этот рынок — 120 млн. населения, где можно через три-четыре года возместить первоначально вложенный капитал. Прошли времена, когда господствовали анархический социализм и бескомпромиссный национализм Сукарно. Доверие финансистов восстановлено, и деньги вновь хлынули»¹⁰⁹. Этот же журналист продолжал: «Политика полной ориентации на иностранные капиталы может привести к систематическому ограблению Индонезии компаниями, главным образом японскими, но также американскими»¹¹⁰.

Экономическим развитием страны (определенные успехи которого бесспорны, особенно в плане финансовой стабилизации) руководят под эгидой военной верхушки специалисты, ориентирующиеся на капиталистическое развитие, технократы западной школы, профессора-экономисты, в большинстве своем выходцы из бывшей Социалистической партии и выпускники Берклийского университета в США. Все посты глав министерств, занимающихся вопросами финансов, экономики и торговли, полностью укомплектованы специалистами, получившими образование в Америке.

Сама армия тоже не остается в стороне от процесса ускоренного развития частного предпринимательства. В начале 1971 г. армии официально принадлежали 63 предприятия. Дивизия «Силиванги», входящая в элиту армии, имеет собственное торгово-промышленное предприятие, собственный банк и т. д. «Так политическое единовластие армии подкрепляется ее экономической и финансовой автономией»¹¹¹.

Внедрение армии в экономику сопровождается ее коррумпированием, начавшимся еще при Сукарно. Коррупция охватила все стороны жизни страны, и военные оказались подверженными ей еще в большей степени, чем чиновничество. «Солдаты почувствовали себя хозяевами страны»¹¹². Стали распространяться грабежи и вымогательства. Создавались комиссии по борьбе с коррупцией, но принятие действенных мер крайне затруднено — военные, по существу, считали себя безнаказанными в условиях, когда армия управляет страной.

В административном аппарате наблюдается засилье военных. К концу 60-х годов 22 из 25 губернаторов провинций были военными. В начале 70-х годов на Северной Суматре 15 из 17 глав администрации в областях второго разряда были военными, на Центральной Яве — 18 из 35 и т. д. Из 50 послов за границей 21 был военным, из 86 генеральных секретарей и начальников главных управлений министерств военными были 34¹¹³. Корреспондент «Фигаро» писал, что «на архипелаге нет деревни, где сержант или капрал не играли бы руководящую роль. В стране нет государственного предприятия и мало частных фирм, во главе которых не находились бы полковник или генерал»¹¹⁴. Генерал возглавляет правительственное бюро, отвечающее за стабилизацию рынка риса,

генерал председательствует в торговой палате Джакарты, он же распределяет автомашины «фольксваген» и т. п.¹¹⁵. Как отмечал советский автор Р. Русев, для высокопоставленных военных генеральский чин — «это не только военное звание, но и политическое „приданое“, полученное от армии при переходе на гражданскую службу»¹¹⁶.

Назначенные правительством 75 военнослужащих входят в число 460 депутатов Совета народных представителей, а около 300 военнослужащих — в число 920 депутатов Народного консультативного конгресса, считающегося высшим органом власти.

Отношение военного режима к политической жизни можно было бы, как писал польский журналист, определить лозунгом: «Политика — нет! Экономическое развитие — да!»¹¹⁷. Что понимается под экономическим развитием, мы уже видели. Партийно-политическая жизнь, по мнению военных, только раскалывает нацию, приводит к интригам и затрудняет «экономическое оздоровление». Армейская газета писала: «Политика — это хобби для образованных людей... Не подлежит сомнению, что пока и политика, и демократия — предметы роскоши, доступные только горожанам»¹¹⁸. Министр внутренних дел генерал Амир Махмуд заявил: «Во всем мире центрами подрывных действий являются университеты...»¹¹⁹. В специальном постановлении организации, ведающей государственной безопасностью, указывалось, что «все социальные группировки, будь то правительственные или частные организации, отныне не имеют права организовывать встречи, митинги и прочие общественные мероприятия в целях проведения дискуссий по вопросам национальной идеологии».

Тем не менее без политики управлять страной нельзя. Правящие Индонезией генералы сознавали, что они, не давая простора «политикам», чтобы не ослабить или даже не подорвать военный режим, в то же время не могут обойтись без организованной политической поддержки. Вся деятельность военного правительства, как писал А. Юрьев, «была направлена на достижение двух трудно сочетающихся задач: сохранение и укрепление доминирующей роли вооруженных сил и расширение политической базы нового режима»¹²⁰.

Оставшиеся в наследство от прежнего режима поли-

тические партии, и прежде всего наиболее влиятельная из них — мусульманская партия Нахдатул улама, пошли на временный союз с армией в борьбе против коммунистов, но вовсе не желали уступать ей руководящую роль. Более того, воспользовавшись временным исчезновением с политической арены коммунистической партии и ослаблением Национальной партии, тесно связанной в прежнее время с Сукарно, мусульманские лидеры недвусмысленно делали заявку на политическое руководство страной, отражая интересы помещиков. Из этого ничего не получилось. Постепенно, весьма сложным путем, оттесняя и ограничивая партии, меняя их руководство, армия «приручала» политические партии, «обрабатывала» их и наконец приступила к полной реорганизации партийной системы в целом. В 1970 г. президент Сукарно предложил разделить все партии на две группировки — «духовную» и «материальную». Эту искусственную идею не удалось, однако, претворить в жизнь, в частности из-за скрытого саботажа руководителей партий. И тогда военные решили создать собственную политическую организацию, которая бы заслонила и оттеснила партии. Так родился Голкар — Объединенный секретариат функциональных групп¹²¹. Убедившись в узости своей социальной базы и ненадежности «традиционных» партий, армия решила создать всецело послушную ей партийную машину, при помощи которой военным всегда было бы гарантировано большинство в представительных органах.

Руководство Голкаром открыто взяли на себя военные. Председателем этой организации стал генерал Муртоно, генеральным секретарем — генерал Супарджо.

Выступая под лозунгом «модернизации и развития», Голкар, за которого в обязательном порядке должны были голосовать служащие государственных учреждений, получил на выборах в марте 1971 г. 62,8% голосов. Из остальных партий успеха добилась лишь Нахдатул улама, получившая около 19% голосов за счет религиозных крестьян. Некогда мощная Национальная партия не набрала и 7% голосов, так как ее массовую базу — служащих — отнял Голкар.

Ослабив таким образом партии, военные провели «унификацию» партийной жизни и свели все партии к двум: партия единства развития и партия демократии развития. В первую входят мусульманские партии; во

вторую — националистические (светские) и христианские. Только эти два конгломерата партий плюс Голкар будут иметь право выступать на следующих всеобщих выборах, но «на уровне деревни» будет иметь право вести агитационную работу только Голкар, оба же партийных объединения имеют право действовать только начиная с округа и выше. Учитывая, что Индонезия по преимуществу крестьянская страна, нетрудно понять смысл этого постановления и предсказать исход выборов.

Итак, армия легализовала и закрепила свою власть. Она предпочитает не называть открыто свой режим военным, но в то же время официально обосновывает свои притязания на руководящую роль. Сухарто заявил в 1970 г.: «Вооруженные силы сознают, что, кроме них, никто не способен разрешить стоящие перед нацией задачи... Вооруженные силы не хотят быть лишь пожарной командой, они должны устранить причины пожаров...».

В документе, принятом на всеиндонезийском политическом семинаре в 1966 г., говорилось: «Народ поверил свою судьбу индонезийским вооруженным силам». В другом армейском документе указывалось, что вооруженные силы «призваны взять на себя роль стабилизатора и катализатора общественной жизни...». Председатель Голкара генерал Муртоно говорил: «Если даже Голкар рассыплется, у нас останутся государственные служащие и армия. Если начнется разброд среди служащих... у нас останется армия, а уж с ней навряд ли что-нибудь случится»¹²². Другой крупный военный деятель заявил французскому журналисту: «Вооруженные силы — двигатель страны и единственный гарант ее безопасности»¹²³.

Все это не что иное, как развитие давних идей главного идеолога индонезийской армии, бывшего руководителя вооруженных сил республики генерала Насутиона, утверждавшего, что армия не технический инструмент, а функциональная группа, в компетенцию которой входят политические, экономические, социальные и культурные проблемы, что армия — часть социальных сил и должна стать мощной политико-идеологической силой, что армия играет ведущую роль в обеспечении авторитета государства, ведет народ к достижению цели революции и т. п.¹²⁴. При «новом порядке» опущено лишь за ненадобностью слово «революция», так же как «опущен», оттеснен на

задний план и сам Насутион — националист, пытавшийся в отличие от других военных лидеров Индонезии бороться не только с коммунизмом, но и с капитализмом.

Армия в Индонезии может открыто обосновывать правомерность своей руководящей роли; сегодня ей никто реально не угрожает. Военно-бюрократический режим прочен, он чувствует себя уверенно. Сможет ли он действительно создать себе широкую социальную базу и разрешить противоречия, неизбежно возникающие в процессе уродливого, деформированного капиталистического развития Индонезии, покажет будущее.

Рассмотренные выше особенности индонезийской армии в еще большей степени присущи тайландской, которая, хотя и не обосновывала теоретически своего доминирующего положения, на практике пошла еще дальше по пути превращения в автономную корпоративную буржуазную силу.

Таиланд — нетипичная страна для афро-азиатского мира, поскольку она никогда не была колонией и не прошла через национально-освободительную революцию. Вместе с тем это страна, находящаяся под военным управлением почти непрерывно, начиная с 1932 г. Анализ политической роли тайландской армии позволяет понять суть процесса консолидации военно-бюрократической корпорации и превращения ее в господствующую в государстве силу.

До 1932 г. Таиланд в течение столетий представлял собой как бы окаменевшую, застывшую в своем развитии, точнее, отсутствии развития, страну, управлявшуюся наследственной аристократической верхушкой. Во главе стоял монарх — вершина классической феодальной пирамиды. Армия временного типа была создана лишь после четвертого царствования Бангкокской династии, то есть после 1851 г., когда возник профессиональный офицерский корпус. Начиная с конца XIX в. офицеров посылали учиться за границу, и естественное стремление к модернизации общества, появлявшееся у них после ознакомления с зарубежной жизнью, вступало в противоречие с системой, основанной на средневековом абсолютизме и строгой иерархии, практически закрывавшей доступ к ответственным должностям всем, кроме узкой касты принцев. Монополия на власть, сосредоточенная в руках аристократической олигархии, была ликвидирована в

1932 г. в результате заговора, организованного группой военных и гражданских деятелей. В нее входили 64 гражданских лица (в основном государственные служащие во главе с профессором международного права Приди Паномионгом), 33 офицера армии и 18 офицеров флота¹²⁶. Офицеры были в чине от капитана до полковника.

Абсолютная монархия была заменена конституционной. Дворцовая клика утратила монополию власти. Но капитаны и полковники, которые свергли прежний режим, вскоре убедились, что они таскали каштаны из огня для других, как это часто бывает при восстаниях и переворотах. В палате представителей из 70 мест офицерам принадлежало 16¹²⁶. Но группа Приди, с ее более или менее прогрессивной и демократической ориентацией, также не заняла доминирующих позиций. Преобладание получили консервативные чиновники старой закваски, не принадлежавшие, правда, к придворной камарилье, но враждебные ко всяким новшествам и склонные к авторитарным методам. Борьба между этими двумя группами создала ситуацию, в которой группа военных решила захватить власть и совершила в 1933 г. второй переворот. На этот раз уже не было комбинации с прогрессивно мыслящими гражданскими элементами; фактически к власти пришла армия.

«Сильным человеком» нового режима стал Пибун Сонгграм, министр обороны с 1934 г., премьер-министр с 1938 г. Постепенно гражданские политики один за другим вытеснялись с ключевых постов и заменялись военными. В период правления Пибун Сонгграма, ставшего фельдмаршалом, военные утвердились как господствующая политическая сила. В 1938 г. из 21 члена Государственного совета 11 были военными, равно как 53 из 78 назначенных депутатов¹²⁷.

Падение режима Сонгграма было связано не столько с внутренними, сколько с внешними факторами: во время второй мировой войны он связал судьбу страны с Японией и поплатился за это, когда стало ясно, что Япония терпит поражение. Переворот 1944 г. был редким случаем крушения военного режима в результате акции, инициаторами которой были гражданские круги. Роль военных резко упала, в восьми кабинетах, находившихся у власти с 1944 по 1947 гг., только пять армейских офицеров занимали министерские посты.

Вновь появившиеся на политической арене Приди и его сторонники изменили конституцию таким образом, что отныне государственные должностные лица и офицеры лишались права занимать политические посты. Но это продолжалось недолго. В ноябре 1947 г. произошел переворот и власть захватила военная хунта, в которую входили 65 офицеров (из них восемь — генералы). По данным Миллса, «только трое из них были участниками переворота 1932 г. ... Подавляющее большинство имели лишь среднее образование... В основном это были младшие офицеры, недовольные маленьким жалованьем, а также засильем старой гвардии, контролировавшей правительство»¹²⁸.

Инициаторы переворота объяснили свои действия необходимостью восстановить «растоптанную честь армии» и ликвидировать коррупцию и пороки правящих кругов. Пибун Сонгграм вновь вернулся на политическую арену. Вскоре, однако, обнаружилось разногласия между армией и флотом. В ноябре 1951 г. верхушка флота попыталась вырвать власть из рук армейской клики. Обстоятельства, связанные с этой попыткой, напоминают опереточный сюжет: США преподнесли в дар Таиланду судно-драгу; церемония передачи судна состоялась на его борту, главные роли были отведены американскому послу и Пибун Сонгграму. В разгар церемонии отряд матросов подплыл к судну на катере, поднялся на борт, на глазах у посла и всей бангкокской знати схватил фельдмаршала, отплыл вместе с ним и посадил Пибуну под арест на одном из военных кораблей. Началась «война» армии и флота, причем военные корабли стояли на рейде на реке, а войска атаковали их с обоих берегов. Исход трехдневных боев решила авиация, которая присоединилась к армии и разбомбила корабли, включая тот, на котором был заточен фельдмаршал. Пибуну удалось спастись, мятеж был подавлен.

Национальное собрание было распущено, был восстановлен порядок, согласно которому половина членов собрания назначалась правительством.

На этот раз военная клика не собиралась выпускать из рук бразды правления,—на все ключевые посты вновь были назначены офицеры. Однако противоречия, как вскоре выяснилось, существовали не только между родами войск, но и внутри самой армии. Вскоре началось

острое соперничество различных клик. Наибольшим могуществом обладал главнокомандующий армией генерал Пин Чунхаван, о котором Вильсон пишет: «Его политическая деятельность уже вышла за пределы армейской сферы, распространилась на деловой мир и другие области жизни. Зять Пин Чунхавана, Пао, превратил клику в разветвленную организацию, контролировавшую полицию, правительство, парламент и другие органы власти¹²⁹. Но, как только Пин был заменен на посту главнокомандующего армией генералом Саритом, последний сразу же получил преимущество. К 1957 г. борьба закончилась победой клики Сарита.

Первоначально Сарит, чтобы придать режиму видимость законности, опирался на парламент. Выехав за границу для лечения, он поручил управление страной гражданскому правительству, которое не замедлило обнаружить свою несостоятельность при попытках решить экономические и административные проблемы, запуталось в финансовых затруднениях, не смогло справиться с растущей оппозицией. Тогда, вернувшись внезапно из-за границы, фельдмаршал Сарит совершил в октябре 1958 г. бескровный переворот, отменил конституцию и установил личную военную диктатуру. В январе 1959 г. он ввел в действие новую временную конституцию, согласно которой члены Национального собрания назначались правительством¹³⁰. С игрой в демократию было покончено.

Шестилетнее господство Сарита закончилось лишь с его смертью. Гражданское правление было восстановлено, но ненадолго. В 1971 г. фельдмаршал Таном Киттикачон возглавил новый военный переворот и армия опять пришла к власти. Новый военный режим в отличие от режима Сарита имел не одного, а двух «сильных людей»: это сам Таном и генерал Прапат Чарусатиен. Чуть ниже их стояли еще два могущественных военно-политических деятеля — генерал Крит Сивара, заместитель командующего армией и генеральный секретарь Национального исполнительного совета, и полковник Наронг Киттикачон, сын Танома и зять Прапата; он был председателем комитета по пресечению деятельности лиц, опасных для общества¹³¹.

Спустя 13 месяцев после переворота, в декабре 1972 г., была принята новая конституция, согласно которой все

299 членов Национального собрания не избирались, а назначались. Из этих 299 человек 200 были военными (134 — представители армии, 30 — флота, 23 — авиации, 13 — полиции). Из прежнего Национального собрания, избранного до переворота в 1969 г., в новое вошел лишь один человек, и тот генерал (Сирипотин) ¹³².

Журнал «Эйшен серви» писал, что после переворота началось постепенное отстранение офицеров, которые при свергнутом режиме «вросли» в гражданскую систему; доминировали «чистые» военные. Оценивая военный режим в социально-экономическом плане, журнал отмечал: «...наблюдается увеличение разрыва между богатыми и бедными, между элитой и массами... В плане политического развития военный режим отбросил Таиланд по меньшей мере на два десятилетия назад, не внося в то же время существенных улучшений в экономическое развитие, внутренний порядок и оборону» ¹³³.

Окончательное установление военной диктатуры в Таиланде было облегчено особенностями развития страны — крайне отсталой, не обладающей современной промышленностью. В Таиланде промышленный пролетариат и промышленная буржуазия крайне незначительны по численности и политическому влиянию. Торговая буржуазия представлена в основном китайскими купцами; это костяк делового мира страны, пружина всей экономики и в то же время крайне непопулярная общественная группа, не имеющая никакого открытого политического влияния. «Правящая элита» состоит из столичных бюрократов, гражданских и военных. Во времена абсолютной монархии Таиландом управлял узкий слой, который можно назвать феодальной бюрократией, — аристократическая замкнутая придворная каста, царедворцы и высшие сановники. После 1932 г. природа элиты изменилась, она перестала быть замкнутой кастой, группировавшейся вокруг дворца, знатное происхождение уже не являлось непременным условием принадлежности к верхушке общества. Но социальная суть системы изменилась мало: консервативная, своекорыстная бюрократия, более «демократическая», чем раньше, лишь по своему происхождению, по-прежнему вершила делами.

В Таиланде никогда не было демократических традиций. Строго определенная иерархия определяла всю жизнь общества. Косные каноны регламентировали по-

ведение людей в деревенской общине и наложили отпечаток на характер городского общества. Армия, построенная на иерархии, вполне «вписывалась» в эту систему. В стране, где не было ни политических партий, ни профсоюзов, армия являлась единственной организованной силой. Никаких политических, социальных, психологических преград на ее пути к власти не было. Судьба позволила Таиланду избежать колониального порабощения, и это также облегчило установление военного режима. Страна не знала национально-освободительного движения, которое пробуждает и активизирует массы, генерирует политическую энергию, переворачивает пласты общества. Дворцовые перевороты были единственным видом проявления политической активности, который знало таиландское общество. Сохранение независимости, обособленность от внешнего мира привели к изоляции страны от основных течений международной общественной мысли, к консервации средневековых общественных отношений.

Таиланду удалось остаться в стороне от бурь, бушующих вокруг него. Армии не приходилось выполнять функции обороны страны. Поэтому вооруженные силы имеют возможность сосредоточить свою энергию на других проблемах, активно выступать в политической сфере. Армия обеспечила себе автономию, вышла из-под контроля гражданских властей. С 1932 г. все министры обороны и их постоянные помощники, равно как все служащие министерства¹³⁴, — офицеры действующей армии. Никакого контроля над расходованием средств, ассигнуемых на нужды вооруженных сил, со стороны гражданских инстанций нет.

Офицерство занялось хозяйственной деятельностью и прочно осело в экономике страны. Министерство обороны руководило рядом промышленных предприятий, включая организацию, ведающую распределением горючего, кожевенные, стекольные, текстильные, консервные фабрики. Большинство коммерческих радиостанций в стране принадлежало армии. Существовал военный банк — частное коммерческое предприятие, самый крупный пакет его акций принадлежал министерству обороны.

Таким образом, верхушка армии превратилась в коллективного капиталистического предпринимателя. Финансовые средства, материальные возможности и права

армии намного превышали все, чем располагали частные предприниматели.

По оценке Миллса, правящая элита Таиланда составляет от одного до двух процентов всего населения страны и сосредоточена в основном в Бангкоке. На самой вершине пирамиды стоят 10—15 человек, члены всемогущей военной хунты. Второй эшелон элиты составляет примерно тысяча человек: это генералы и полковники, высшие государственные сановники, парламентская верхушка, несколько принцев и, возможно, несколько ведущих дельцов; число последних в любом случае не может быть велико, так как большинство капиталистов в стране — китайцы. Наконец, ниже стоят представители третьей категории элиты, в своем большинстве государственные чиновники, а также люди свободных профессий, журналисты и др., как правило, лица, имеющие образование. Эти люди имеют прочно установленное положение и заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей, по своим взглядам они консервативны¹³⁵.

Вильсон также отмечал: «Нет никаких признаков того, что руководство армии имеет какое-либо желание революционизировать социальную или экономическую систему страны. Как правило, оно является консервативным и в ряде аспектов реакционным...»¹³⁶. Этот же автор указывал, что военные установили взаимовыгодное сотрудничество с деловым миром, которому в настоящее время нечего опасаться¹³⁷.

Конституционный фасад, разумеется, никого не обманывал, но время от времени часть парламентариев начинала фрондировать; их успокаивали¹³⁸, как пишет Вильсон, «должностями, привилегиями и другими взятками».

Коррупция в Таиланде достигла фантастических размеров. В этом отношении представляет интерес карьера покойного диктатора фельдмаршала Сарита Танарата. Он начал свою деятельность «политика» в бытность командиром полка на севере страны, где организовал контрабандную торговлю опиумом и получил таким путем средства для выдачи «сверхштатного» жалования солдатам. Затем этот метод приобретения лояльности армии был применен Саритом уже в масштабе всей страны. Придя к власти, Сарит заявил: «Я ненавижу коррупцию, и я ее ликвидирую». В это время его капитал составлял около 500 тыс. долл.; за последующие шесть лет Сарит

увеличил его примерно в триста раз; получая жалование 500 долл. в месяц, он сколотил состояние почти в 140 млн. долл. Диктатор получал доходы и взятки от владельцев строительных фирм, курортных отелей, страховых, паромных, промышленных компаний, наживался на государственной лотерее, спортивных состязаний и т. д. Сарит имел неофициальный гарем. Все это стало достоянием гласности после его смерти. Пока он был жив, лояльность армии обеспечивала ему спокойное правление. Армию он подкупал. Как сообщал армейский журнал «Лук», Сарит «подмаслил солдат пенсиями, домиками, школами для их детей. Сарит финансировал строительство завода, изготовляющего транзисторные радиоприемники для солдат, а также компанию для продажи им в кредит телевизоров. И, что особенно существенно, он купил верность своих генералов. Генералы же не забывали своих полковников, майоров и капитанов». На смену ему пришли люди, многие из которых вряд ли являются более честными. Так, сообщалось, что министр внутренних дел и одновременно главнокомандующий вооруженными силами генерал Прапат Чарусатиен контролировал банки, судоходные компании и занимался торговлей свининой.

К этой характеристике режима остается добавить, что в своей внешней политике он являлся на сто процентов антинациональным и проимпериалистическим. Тайландские милитаристы охотно и тесно связали судьбы своей страны с американским империализмом. Они послали войска в Корею на помощь американским интервентам, а впоследствии активно помогали Соединенным Штатам вести разбойничью войну против народа Вьетнама. Тайланд стал краеугольным камнем блока СЕАТО, оплотом агрессивной политики США в Юго-Восточной Азии.

Эволюция тайландской армии является симптоматичной и поучительной. Это законченный пример окончательного вырождения военной верхушки, превращения ее в бюрократическо-милитаристскую антинациональную касту. Тенденции подобного перерождения наблюдаются во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, но нигде, пожалуй, они не представлены в столь чистом и завершенном виде, как в Тайланде, нигде этот процесс не доведен до своего логического конца. Вот почему пример армии этой страны важен и интересен для нашего исследования. Эволюция тайландской армии может слу-

жить образцом для многих претендующих на государственную власть военных элит в странах «третьего мира». В своем роде в ней воплощен идеал. Это идеал честолюбивых и корыстолюбивых милитаристов-бюрократов, рассматривающих военную службу как средство обеспечить себе бесконтрольную власть, высокий социальный статус и материальное благополучие.

Таиландская армия стала автономной, самостоятельной политической и социальной силой. Она никому не подчинялась внутри страны, напротив, она господствовала над всем и всеми. Армия в Таиланде была не орудием государства, а олицетворением государства. Присоединив к себе верхушку государственного аппарата и класса феодалов, а также небольшой слой национальных капиталистов, армия образовала вместе с этими элементами всемогущую эксплуататорскую корпорацию, господствующую элиту. Она не служила какому-либо классу общества и не выражала его интересы, а сама являлась своеобразным квазиклассом. Этот самодовлеющий и самовоспроизводящийся механизм — не что иное, как военно-бюрократическая буржуазия.

Функции обороны государства для этой армии являлись даже не второстепенным, а третьестепенным делом. Оружие в ее руках служило обеспечению и охране своего господства. Власть для себя, а не для кого-то другого, власть ради власти и ради обогащения — таков негласный девиз армии этого типа. Здесь армия уже не арбитр, выступающий с «надклассовых» позиций в час национального кризиса, а организация, стремящаяся узаконить и увековечить свое монопольное положение коллективного хозяина страны. Это паразитическая корпорация обуржуазившихся бюрократов, одетых в военные мундиры и использующих в интересах сохранения своей власти и своих привилегий винтовки подчиненных ей солдат под флагом обороны страны. По существу, это, собственно, даже и не армия в подлинном, первоначальном смысле слова, а эксплуататорская прослойка бюрократической буржуазии, замаскировавшаяся под армию. Тот факт, что привилегированные люди в Таиланде носили офицерские погоны, не должен заслонить их социальной сути, их места в системе общественных отношений. Нет принципиальной разницы между той «парламентской и административной буржуазией», о которой применительно к

Тропической Африке говорят африканские ученые (в том числе коммунисты), и тайландской «новой буржуазией» в милитаристском обличье. И те и другие играют одинаковую социальную роль и преследуют идентичные цели: они используют государственную власть для того, чтобы обеспечить себе экономические и политические привилегии.

Пример Таиланда вряд ли может стать образцом для других стран «третьего мира»: временная устойчивость военного режима объяснялась уникальным сочетанием таких преимуществ экономического характера, какими другие страны не обладают. Таиланд — крупнейший производитель и экспортер риса и каучука; растет вывоз оловянной руды и тика. Изобилие риса и бурный рост производства кукурузы способствуют смягчению продовольственной проблемы, а экспорт каучука и олова дает иностранную валюту в объеме, достаточном для того, чтобы обеспечить ввоз необходимого для более или менее удовлетворительных темпов экономического развития количества оборудования и сырья. Пассивность народа, отсутствие революционных традиций способствуют существованию стабильной консервативной структуры, что в свою очередь привлекает иностранный капитал (особенно японский) и обеспечивает тем самым материальную базу военного режима, процветавшего за счет превращения Таиланда в политический плацдарм империализма и экономический придаток развитых капиталистических держав.

В октябре 1973 г., после исключительно мощных, беспрецедентных в истории страны выступлений студенчества, военный режим в Таиланде пал. Еще в июне студенческие вожаки, возмущенные исключением из университета девяти студентов, выдвинули политические требования: в течение шести месяцев завершить разработку проекта постоянной конституции. Страну охватило Движение за конституцию, в рамках которого сконцентрировалась борьба против военного режима. Арест активистов движения в начале октября привел к крупнейшей в истории Таиланда демонстрации 13 октября; в ней участвовало около 400 тыс. человек. Следующий день, 14 октября, стал «кровавым воскресеньем» Таиланда: войска и полиция, разгоняя новую демонстрацию, убили около 350 человек. Но дни, а точнее говоря, часы военного ре-

жима были уже сочтены. В критический момент вспыхнули разногласия между военными лидерами: Таном Киттикачон и Прапат Чарусатиен намеревались продолжать «кровавую баню» вплоть до полного подавления антиправительственных выступлений, но генерал Крит Сивара воспротивился этому и в противовес специальным частям, посланным в столицу группой Танома — Прапата, ввел в действие части 1-й армии. Как и в Судане в 1964 г., раскол в армии означал конец военного режима. Спустя несколько часов, 15 октября, Таном, Прапат и Наронг бежали из страны. К власти пришло гражданское правительство.

Таким образом, разложившийся и снискавший всеобщую ненависть режим военно-бюрократической буржуазии в Таиланде рухнул в результате двух непосредственных факторов: энергичнейшего выступления студенчества, ставшего катализатором недовольства общества, и отсутствия единства в рядах военной верхушки в решающий момент. И то и другое в свою очередь явилось следствием явственно обозначившегося банкротства военного режима, не отражавшего интересов не только масс, но и средних слоев.

Итак, анализ деятельности военных после прихода к власти свидетельствует, что генералы старшего поколения, профессиональные военные колониальной выучки могут (и то далеко не всегда) «навести порядок», в той или иной мере добиться политической и экономической стабилизации, однако возглавить великую битву за преодоление отсталости, за создание нового, развитого государства они не в состоянии, да и стремления нет — слишком они выросли в буржуазно-бюрократическую верхушку. Но возникает вопрос, может ли молодое революционное офицерство управлять страной, опираясь только на армейский аппарат.

Уже сам по себе психологический склад военных не способствует развитию у них качеств, необходимых для политической работы как среди интеллигенции, так и среди масс.

Обычно кадровый офицер в лучшем случае может быть лишь толковым администратором, и то, как правило, на низшем и среднем уровне. Патриотизм, преданность долгу, воля, решительность, дисциплина, организованность — этого недостаточно, когда речь идет не

просто о наведении порядка, а о сложнейшей, тонкой терпеливой работе, необходимой для коренной перестройки общественных отношений.

«Если первоочередная цель заключается в убеждении, а не в принуждении, — пишет М. Джановиц, — то об эффективности военной олигархии на внутреннем фронте надо судить, исходя из способности военных создать массовую политическую базу или способствовать ее возникновению.

После взятия власти перед военным режимом встает задача обеспечения национального руководства. Чтобы выполнить ее, военные должны создать жизнеспособный массовый политический аппарат вне рамок своей собственной организационной структуры, но под своим решающим влиянием»¹³⁹.

После того как порядок установлен, считает Шиллс, военные мало что могут сделать, чтобы проникнуться уверенностью в себе и произвести впечатление на общественность. «Есть опасность, что они повиснут в пустоте, заполненной только такими достижениями, как чистое правительство и чистые улицы». «Они, — продолжает Шиллс, имея в виду военных, — не дельцы и не государственные служащие, имеющие свою концепцию экономического развития. Если они начнут поощрять какую-либо из этих двух групп или обе одновременно, они сами ослабят свою позицию, дав возможность образоваться независимым центрам власти и определения ориентации. Если же они не станут поощрять или терпеть деятельность независимых групп, в стране будет застой»¹⁴⁰.

Суть дилеммы, о которой пишет Шиллс, заключается в следующем: старый аппарат, созданный еще при колониализме, не соответствует требованиям нового этапа революции — в лучшем случае он обеспечивает выполнение текущих дел, более или менее четкую работу административной машины. Новый аппарат, призванный осуществлять революционные задачи, должен быть аппаратом политическим, идеологическим. Но именно в силу этого такой аппарат будет иметь определенные преимущества в смысле влияния на общественное мнение перед военными, власть которых — в чистом виде — лишена идеи. Без политической организации, оставаясь в вакууме, военный режим не сможет долго просуществовать — ему нужна опора в массах. Военный режим —

дителя переворота, он лишен законности, его заслуги носят не конструктивный характер, они сводятся к удару по старому, непопулярному режиму, — надолго этого багажа не хватит. Лишенный политического стержня, конструктивной программы, мобилизующей массы идеологии, военный режим останется бесплодным. Но, дав простор развитию политических сил, разрешив создание массовой организации с идеологической платформой, военный режим рискует вступить на путь медленного, но неизбежного самоуничтожения.

Советский автор В. Иорданский пишет: «Военные методы решения африканских экономических и социальных проблем оказались не более эффективными, чем старые методы свергнутых правительств. Сталкиваясь с реальными противоречиями действительности, с трудностями экономического и социального развития, военные диктатуры стремительно „изнашиваются“, утрачивают свою силу, свой первоначальный созидательный запал»¹⁴¹.

Голландский исследователь Г. Даадлер отмечает: «Масса бюрократических обязательств не позволяет военным полностью заменить гражданскую администрацию. Самое большее, что они могут сделать, — это ввести военные кадры в гражданские учреждения и контролировать деятельность последних, что создает новое звено в механизме управления. Это усложняет действие каналов связи и может замедлить принятие решений на всех уровнях, кроме самого высшего. Результатом может быть путаница»¹⁴².

Американский ученый Ле Вин пишет, что, «в сущности, военные в конце концов обращаются к тем самым формам, использование которых гражданскими лидерами они предавали анафеме»¹⁴³.

В наше время в развивающихся странах чисто военные режимы не могут оказаться жизнеспособными на сколько-нибудь длительный период: слишком велики и срочны задачи, стоящие перед этими странами. Военные режимы должны либо видоизмениться, то есть превратиться в режимы социальные, имеющие массовую базу, политическую организацию и идеологию, либо уйти со сцены. Не случайно революционное военное руководство в Алжире, Сирии, Бирме стремится мобилизовать активность масс и создать тем самым широкую базу для своей власти, стремится создать авангардную политиче-

скую партию. Фактически такие режимы уже перестают быть военными.

Но трансформация военных режимов в режимы социальные — это отнюдь не просто организационная работа по «подведению под них» массовой опоры и созданию политической базы. Военный режим, чувствуя свою слабость, часто ищет опору, и это — очень важный момент для понимания политической ситуации, сложившейся в странах, переживших военные перевороты. Режим ищет базу и тем самым ищет для себя социальную опору. Его толкает к этому ряд факторов как внутреннего, так и внешнего порядка, прежде всего необходимость опереться на кого-то в борьбе против врагов извне и изнутри, сохранить свою власть, обеспечить экономическую независимость страны. Последний пример такого рода — эволюция режима Мобуту. Но военный режим при всей его довольно широкой независимости действий, при наличии широкого поля для маневрирования все же не полностью свободен в выборе ориентации. Характер базы, которую он нащупывает, определяется во многом генезисом этого режима, его социальными связями, отношением к различным общественным силам уже на первом этапе его деятельности.

Аргентинский автор Торкуато ди Телла обращает внимание на такой фактор, как степень отчуждения военных от предшествовавшего режима, в недрах которого созрела их решимость вступить на поприще политики. Он правильно отмечает, что чем глубже это отчуждение, тем сильнее тенденция вовлечения военных в борьбу за коренное изменение существующей системы, чем она слабее, тем вероятнее, что дело ограничится обычным военным переворотом¹⁴⁴. Развивая эту мысль, можно сказать, что уже сам по себе характер того влияния, которому подвергаются военные до переворота, в период первоначального формирования их политических взглядов, во многом предопределяет их политический курс после переворота. Но ведь характер этого влияния зависит от общего политического климата в стране в период созревания революционной ситуации. Сила и глубина решимости военных осуществить не просто переворот, а радикальные перемены структурного характера обычно прямо пропорциональны степени накала политической борьбы в стране в целом, степени недовольства общест-

ва прежним режимом, уровнем развития революционной мысли в среде гражданской интеллигенции, снабжающей военных идеями и политической платформой.

Так, в Египте накануне 1952 г. существовал глубокий разрыв между обанкротившейся, окончательно дискредитированной королевской верхушкой и общественным мнением, выразителем которого была политически высоко развитая интеллигенция, весьма левая по своей ориентации, но не имевшая организации. Важнейшие идеи из идеологического арсенала этой интеллигенции были сразу же взяты на вооружение «Свободными офицерами». Кардинальные проблемы—аграрная и эвакуация английских войск — при прежнем режиме не были решены. Военные лидеры сразу же встали перед необходимостью их решения, что в свою очередь в известной мере предопределило отношение к ним как внутренней, так и международной реакции и способствовало дальнейшему формированию их взглядов в радикальном направлении.

В Бирме, начиная с 30-х годов, общественная атмосфера была пропитана антиимпериалистическими и демократическими, а затем и социалистическими идеями, которые использовались официальной идеологией, имелось и сильное марксистское течение. Революционные офицеры в период подготовки к взятию власти под воздействием этой общей атмосферы выработали свою программу. В Сирии молодые офицеры, пришедшие к власти в 1966 г., разработали свою платформу, исходя из официальной идеологии партии Баас и не без влияния идей коммунистов. В обоих случаях военные-революционеры «перехватили» идеологическое знамя из рук радикальной гражданской интеллигенции в условиях, когда последняя была бессильна добиться от буржуазно-реформистского правительства решения насущных задач. Исторически сложилось, что авангард прогрессивно настроенной интеллигенции, выражавший интересы масс, оказался одетым в военные мундиры, но все же это был авангард определенного политического движения, а не какая-то самодовлеющая сила, варившаяся в собственном соку. «Отчуждение» этого движения от зашедших в тупик режимов оказалось достаточно глубоким, чтобы социальная ориентация авангарда приняла радикальный характер, побудила его к проведению глубоких социалистических преобразований.

Однако в ряде других стран, особенно в Тропической Африке и в Индонезии, незаметно «отчуждение» военных от буржуазно-бюрократического режима, который они свергли.

Становление и рост бюрократической буржуазии накладывает сейчас наиболее сильный отпечаток на развитие целого ряда молодых национальных государств, особенно в Тропической Африке, включая и те, где у власти стоят военные. Более того, сами по себе военные имеют тенденцию превращаться в этих странах в прослойку такого же типа. От «гражданской» бюрократической буржуазии их отличает многое; они не всегда могут себе позволить столь открыто и беззастенчиво обогащаться на виду у всех. Кроме того, придя к власти, они обычно ликвидируют партии и парламент, лишая тем самым и себя и других возможности использования в своекорыстных целях этих важных каналов социального продвижения и личного обогащения. Однако пример хотя бы Таиланда и Индонезии говорит о том, что в определенных условиях, когда военные чувствуют безнаказанность и обладают прочными позициями в экономике и политике, они могут быть подвержены коррупции не в меньшей мере, чем гражданские лица.

Военная каста в развивающихся странах, в условиях, когда существует частный сектор — питательная среда для обуржуазивания, — не может быть свободной от тенденции превращения в буржуазную прослойку.

Военно-бюрократическая буржуазия не может править страной одна. Она опирается как на государственный сектор с его бюрократическим аппаратом (который, разумеется, не может быть укомплектован только военными), так и на частный сектор (в котором военные вообще могут занимать лишь ограниченное место). Роль частного сектора приобретает особое значение.

Та прослойка, которая в условиях бюрократически-буржуазного режима парламентского типа могла бы сделать источником своего существования государственную службу и партийно-парламентскую деятельность, при военном режиме находится в менее благоприятных условиях. Государственная служба, правда, остается, но возможности партийной и парламентской карьеры сведены к нулю. Это дополнительный стимул к тому, чтобы заняться частным бизнесом, тем более что военное прави-

тельство явно не поощряет «социалистических тенденций» и опасаться национализации предприятий при военной диктатуре буржуазно-консервативного, прозападного типа не приходится. Не сдерживаемая никакими ограничениями, которые проистекали бы из теорий национального социализма, частная инициатива, несомненно, обнаружит тенденцию к бурному росту, но только при двух условиях: политической стабильности внутри страны и помощи со стороны иностранного капитала.

Если эти два условия будут обеспечены, то, как это видно на примере Таиланда, капитализм будет расти довольно быстро. Но по мере его развития неизбежно будут усиливаться факторы, способствующие становлению самостоятельной буржуазии и превращению ее в класс, претендующий не только на экономические привилегии, но и на участие в политическом руководстве. Подобная перспектива предвещает возможную ликвидацию монополии на власть, осуществляемой бюрократической буржуазией, включая и ее военную разновидность.

Но для многих стран наиболее вероятным представляется другая перспектива. Им вряд ли удастся добиться стабильности в обозримом будущем, так как подобная стабильность в политическом плане может быть обеспечена лишь на основе более или менее успешного экономического развития. Но успешное экономическое развитие, преодоление того затяжного кризиса, в котором оказалось большинство развивающихся стран, наталкивается на препятствие прежде всего в виде продолжающейся империалистической эксплуатации, неблагоприятного для экономически отсталых стран соотношения цен на мировом капиталистическом рынке и других факторов, о которых уже говорилось. Проблема накопления повсюду далека от своего разрешения. Крайне острой остается проблема кадров; более того, она обостряется по мере того, как развивается столь угрожающая для стран «третьего мира» тенденция, как «утечка мозгов», т. е. эмиграция в поисках лучших условий наиболее квалифицированной части интеллигенции в развитые капиталистические страны.

Характерная черта того этапа развития, который переживают сейчас развивающиеся страны, — это кризис попыток форсированного преодоления отсталости. Но в то время, как страны, избравшие некапиталистическое

развитие, могут пользоваться широкой и эффективной поддержкой социалистических государств, страны, идущие по пути капитализма, опираются в основном на империалистические державы, которые своей экономической политикой, с одной стороны, поощряют развитие местного капитализма, но с другой — тормозят его.

Империализм заинтересован в увековечении отсталости «третьего мира» для сохранения возможности его дальнейшей эксплуатации. В то же время огромная разница в органическом составе капитала между экономикой индустриально развитых и отсталых стран побуждает империалистический капитал «подтягивать» хозяйство последних к современному уровню, чтобы расширить возможности инвестиций, вынуждает его в какой-то мере способствовать индустриализации этих стран. В этом же направлении капитализм толкает и вынужденная конкуренция с социалистическими государствами. Поэтому империализм одновременно заинтересован и в сохранении и в ломке старой, колониальной структуры в развивающихся странах.

Результатом этого и является такое развитие капитализма в «третьем мире», которое в большинстве случаев носит полуколониальный, уродливый, рахитичный характер.

Опыт показывает, что капиталистический путь, является ли его двигателем так называемая национальная или же бюрократическая буржуазия, не может привести к быстрому и эффективному решению насущных национальных проблем освободившихся стран. А это значит, что сохранится почва для политической нестабильности, приобретающей в большинстве стран «третьего мира» хронический характер. Трудно поэтому рассчитывать на «спокойствие и безопасность», которые, как указывал Ф. Энгельс, необходимы для буржуазии. И перед теми военными режимами, которые не добьются политической стабильности (а их будет, по-видимому, большинство), открывается неутешительная перспектива: развитие частного сектора, недостаточное для быстрого экономического роста как по объему, так и по направлению инвестиций (буржуазия, избегая неоправданного риска и не будучи в состоянии конкурировать с иностранным капиталом, по-прежнему будет предпочитать непроизводительные сферы); развитие государственного сектора, превра-

щающегося в кормушку для алчной бюрократической касты, неэффективно и нерентабельно. Результатом может быть лишь стагнация экономики и как следствие — новый рост недовольства масс, на этот раз уже не оправдавшими ожиданий военными правителями.

Таким образом, оба рассмотренных варианта эволюции военных режимов заставляют сделать вывод о их временности и недолговечности. Поскольку же, однако, армия, тем более в условиях политической нестабильности, приобретающей хронический характер, вряд ли откажется от своих претензий играть руководящую роль, остается прийти к заключению, что в рядах самой армии будут расти силы, пытающиеся найти выход из заколдованного круга на ином, некапиталистическом пути.

Однако, прежде чем перейти к вопросу о возможности прогрессивной ориентации военных не только в антиимпериалистическом, но и во внутреннем, социальном плане, целесообразно хотя бы вкратце остановиться на некоторых тенденциях активизации роли вооруженных сил в политике третьего из «развивающихся континентов» — Латинской Америки.

Ни в одном районе «третьего мира» вооруженные силы никогда не имели столь сильных традиций участия в политической жизни, как в Латинской Америке. Там говорят, «если армия и не управляет сама, она решает, кто управляет». Militarism давно и прочно наложил свой отпечаток на всю политическую жизнь латиноамериканских республик. Сейчас военные прямо или косвенно держат под своим контролем 12 государств Латинской Америки. За 150 лет в этом районе мира было совершено около 550 военных переворотов, не считая неудавшихся путчей. Однако характер переворотов меняется, и было бы большой ошибкой считать, что в Латинской Америке, так же как и сто лет назад, власть то и дело захватывают просто хунты честолюбивых офицеров.

Армию в Латинской Америке иногда называют «сверхпартией» (суперпартидо), и этот термин выражает то представление о роли армии в политике, которое культивируется в среде военщины. Армия рассматривается военными как гарант стабильности государственных институтов, как сила, которая должна предотвращать междоусобицы, не допускать, чтобы страна распалась или оказалась в состоянии хаоса и анархии. В то же время —

и именно в силу этой первой функции гаранта порядка — армия присваивает и вторую функцию — арбитра. Поскольку заранее постулируется, что конституционная власть как таковая не всегда в состоянии обеспечить порядок и стабильность (так как она исходит в конечном счете от партий и фракций, борющихся между собой, и поэтому склонна отражать в первую очередь не общенациональные, а групповые интересы), делается естественный вывод, что только армия, свободная от фракционности и являющаяся общенациональным институтом, вправе и обязана в «момент смуты» вмешиваться в политику и выступать в «защиту всей нации». Получается, что армия как бы не вмешивается в политическую жизнь, не участвует в борьбе, а лишь обеспечивает нормальное течение политической жизни, соблюдение политиками «правил игры». Формально такая концепция вполне совместима с доктриной «аполитичности» вооруженных сил: армия становится как бы «над» политикой, «над» партиями, превращается в «сверхпартию»; к ней, как к последнему прибежищу, обращается нация в час кризиса. Армия — арбитр, и она же — верховный носитель идеи национализма. «Политика принадлежит партиям, отечество принадлежит армии».

Концепция армии как носителя национального идеала и выразителя общих интересов, верховного арбитра, конечно, связана с латиноамериканской традицией милитаризма и «каудильизма» (от слова «каудильо» — вождь), но за последние десятилетия она получила новое политическое содержание. «Каудильизм» в прямом смысле слова сохраняется лишь в небольших, отсталых странах, и такие классические «каудильо», как Гомес, Сомоса, Трухильо, Батиста, в основном принадлежат прошлому (хотя и сегодня имеются исключения, например Стресснер в Парагвае). В более развитых латиноамериканских странах «каудильизм» изжил себя, даже с точки зрения офицерского корпуса, сознающего, что «каудильо» в конечном счете приносят ему больше вреда, чем пользы. Его правление дискредитирует армию в глазах населения, офицерство в целом как корпорация не чувствует себя в безопасном и привилегированном положении под властью капризного деспота, поддерживающего свое господство при помощи вечных интриг и натравливания одной группы военных на другую. Логика единоличной диктатуры

неизбежно ведет к усилению роли тайной полиции и преторианской гвардии за счет ослабления влияния кадровой армии. Офицерство уже прониклось чувством профессиональной корпоративной солидарности. Оно заинтересовано в сохранении и увековечении своего привилегированного положения как особой корпорации и не желает зависеть от прихотей диктатора, даже если он сам вышел из военной среды. По мере превращения в милитаристско-бюрократическую корпорацию офицерство начинает стремиться к тому же, чего добивается всякий устоявшийся, вросший «в систему» и достигший привилегий социальный слой, — к гарантии стабильности. Чем сильнее политические позиции армии, тем меньше шансов на установление единоличной военной диктатуры. Это подтверждают примеры Бразилии, Аргентины, Чили. Власть захватывают не «каудильо», а военные хунты. Но это опять-таки не прежние хунты — аполитичные, по существу, военные клики, вырывавшие друг у друга бразды правления с единственной целью добиться для себя власти и привилегий. Это, если можно так выразиться, «хунты с программой». Какова эта программа, зависит от общих факторов — уровня революционного движения, соотношения сил и т. п.

Анализ 45 военных переворотов после 1930 г. показывает, что только в десяти случаях перевороты имели левую тенденцию; 31 акция имела правый или крайне правый характер. Это не означает, что инициаторы реакционных переворотов обязательно отстаивали интересы традиционного правящего класса латифундистов.

В большинстве латиноамериканских республик времена безраздельного господства аграрной олигархии миновали. Экономические позиции латифундистов в целом сохранились, но их политическая мощь резко упала. Да и сами офицеры уже не являются, как в прежние времена, выходцами из семей аграрной аристократии. Так, исследование, проведенное в 1964 г., показало, что 73% вышедших офицеров аргентинской армии являются выходцами из среды буржуазии, лиц свободных профессий, состоятельных чиновников, 25% — из мелкой буржуазии и лишь 2% — из аристократических семейств¹⁴⁵. В большинстве случаев главная среда, из которой выходят офицеры, — это состоятельные семьи в небольших городах, семьи чиновников, торговцев, лиц свободных профессий¹⁴⁶.

Значения социального происхождения офицеров не следует преувеличивать. В процессе обучения из них стараются вытравить классовые корни, воспитать профессиональную солидарность, корпоративный интерес, «армейский патриотизм», и это ослабляет чувство социального протеста у выходцев из нижних слоев населения. Развивается кастовость. Выдержав экзамены, пройдя по конкурсу в военное училище, юнец из мелкобуржуазной, чаще всего провинциальной семьи уже гордится своей потенциальной принадлежностью к избранной, узкой элите, ощущает лояльность по отношению к «военной семье», в которую ему удалось попасть. Никакого понимания социальных, экономических, политических проблем у него нет, а в училище они преподносятся ему в примитивном и одностороннем виде, в духе крайнего антикоммунизма. В нем воспитывается чувство профессиональной солидарности, преклонение перед военными традициями, автоматическое подчинение приказу, взгляд на вооруженные силы как на защитника «национальных ценностей». Окончив училище, молодой офицер возвращается в круг, ограниченном в основном офицерской корпорацией, от малограмотных солдат его отделяет уже кастовый барьер. Вступает в силу профессиональный престиж, о котором аргентинский социолог Луис де Имас писал: «...Чтобы обладать атрибутами престижа, требуется приверженность определенным ценностям. Офицер, не располагающий таким престижем, необходимым для продвижения на предпочтительные должности, остается на периферии карьеры, ему достаются второстепенные посты»¹⁴⁷. Речь идет о необходимости практиковать стандартное «вероисповедание» военной корпорации, о милитаристском конформизме, о выработке стереотипного мировоззрения, составным элементом которого является национализм антикоммунистического толка. Немалую роль играют материальные привилегии офицерства. В Аргентине офицер, прослуживший 30 лет, имеет пенсию в размере полного оклада, а в Венесуэле — в размере оклада офицера, стоящего чином выше. В Колумбии офицер может выйти в отставку после 25 лет службы и получать 80% оклада. В Чили офицер имеет право выйти на пенсию на 15 лет раньше, чем профессор университета, и получить пенсию на 25% больше. В Чили офицерам предоставляются беспроцентные займы для строительства до-

мов, в Венесуэле — кредиты от правительства из расчета 4,5% вместо минимум 12% для гражданских лиц. Продукты питания офицеры в Чили могут покупать примерно за половину их стоимости. Косвенные льготы, вместе взятые, составляют, по некоторым подсчетам, не менее 60% основного оклада офицера в Аргентине и 40% — в Чили и Мексике¹⁴⁸.

Социальные привилегии и материальные льготы, предоставляемые офицерству, способствуют закреплению в его среде духа «элитизма», сознания принадлежности к избранной корпорации. По своей психологии офицер приближается к городскому буржуа с его тягой к привилегиям и комфорту. Резкие перемены в обществе для него нежелательны, обстановка кризиса, угрозы «анархии и хаоса» вызывают раздражение, обращаясь против радикальных политических групп. В этой обстановке армия выступает сплоченно как корпорация. Даже если офицеры происходят из низших слоев населения, «удельный вес» наследия, полученного ими от своих семей и социального окружения в далеком детстве, ничтожен по сравнению с тем мощным зарядом профессиональной обработки, который был им дан за долгие годы пребывания в училище и казарме.

Процесс унификации заходит слишком далеко и глубоко, чтобы оставить серьезные социальные корни. Корпорация поглотила и ассимилировала выходцев из различных слоев общества. Устоявшиеся, приобретенные черты касты милитаристско-бюрократические корпорации, каковыми являются армии в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Чили, воспитывают и выдвигают тип стандартно мыслящего профессионала — кадрового офицера, пропитанного буржуазным, чиновничьим, карьеристским и иерархическим духом. Такой офицер послушно идет за высшим начальством на выполнение политического задания, т. е. военного переворота, точно так же как он пошел бы по приказу на выполнение военной операции. Высший воинский начальник в стране — это «первый офицер», персонифицирующий «миссию армии-арбитра». И перевороты происходят не под руководством каких-либо полковников или майоров, образующих военные хунты, а под командованием высших военных начальников.

Исследование мотивов антикоммунистических на-

строений эквадорского офицерства показало, что дело прежде всего в страхе перед приходом коммунистов к власти на том основании, что в этом случае армия будет ликвидирована и заменена милицией¹⁴⁹. Офицерство опасается, что народная революция уничтожит ту систему, органической частью которой является привилегированная военная корпорация. Особенно усилились эти опасения после кубинской революции. В этом отношении офицерство следует за буржуазией. Как писали латиноамериканские марксисты, «напуганная реальностью угрозы революции и перспективами ее, большая часть буржуазии повернулась вправо, к более тесному союзу с империализмом, а в ряде случаев и с олигархией... Речь идет уже не о сохранении всей прежней социально-экономической и политической структуры, а о постепенном преобразовании определенных докапиталистических элементов этой структуры (в первую очередь в сельском хозяйстве) при одновременном широком и „безусловном“ привлечении иностранного капитала и курсе на всемерное развитие частного капиталистического предпринимательства. Все это — в рамках диктаторских, как правило, военных режимов, представляющих „консолидированный интерес“ всех прослоек господствующих классов, без ущемления интересов олигархии и в теснейшем союзе с империализмом США»¹⁵⁰.

Именно эта политика, которую указанные авторы называли «чем-то вроде латиноамериканского варианта прусского пути», и является объективным содержанием политического курса «институционализированных» военных режимов в Бразилии, Боливии, Чили.

Крупной буржуазии и иностранным монополиям требуется создание благоприятных условий для расширения их деятельности на капиталистической основе. Для индустриализации буржуазия нуждается в накоплении средств, в использовании государственных ресурсов, а все это связано с дальнейшим нажимом на трудящихся, чтобы экономить за их счет, с замораживанием заработной платы, закрытием нерентабельных предприятий и т. п. Оппозиция широких слоев населения подобному курсу «жесткого» капиталистического развития неизбежна, и подавить ее буржуазно-либеральными методами трудно. Отсюда — необходимость для буржуазии установления «сильных режимов», концентрации власти в руках воен-

ных, которые, хотя и ставят свои корпоративные интересы выше интересов буржуазии и способны серьезно ущемить те или иные слои ее, в общем, стремясь предотвратить социальную революцию, выступают как одна из движущих сил капиталистического развития Латинской Америки.

Представляет интерес сравнение военных переворотов в Бразилии в 1964 г. и в Чили в 1973 г. Разумеется, силы, стоявшие у власти к моменту переворота в этих странах, были отнюдь не идентичными. Гуларт по своим взглядам и по характеру социальной опоры был далек от Альенде. Однако для нас важно подчеркнуть, что, во-первых, в обеих странах буржуазия и средние слои, включая мелкую буржуазию, были напуганы реформами, проводившимися левыми режимами, и, во-вторых, что обеспокоенное этими же реформами реакционное, антикоммунистическое большинство офицерства выступило на стороне правой оппозиции.

Выступив против президента Гуларта и поддержав военный переворот, бразильская буржуазия повиновалась инстинкту самосохранения. Американский автор Горовиц писал: «Средние классы высказались в пользу правых, ибо все другие политические линии выглядели как такого рода радикальное социальное развитие, которое исключало сохранение их привилегий»¹⁵¹.

Когда в середине марта 1964 г. Гуларт на массовых митингах заявил о своем решении национализировать шесть нефтеперерабатывающих заводов, находившихся в частных руках, и экспроприровать 10-километровую полосу необрабатывавшейся земли, расположенную вдоль железных и шоссейных дорог, кампания, которая давно велась против него, достигла апогея. В Сан-Паулу реакция организовала массовую женскую демонстрацию против президента, так называемый «семейный поход — с богом за свободу». Губернатор штата Сан-Паулу раздавал оружие отрядам, нанятым помещиками и крайне правыми лидерами городской буржуазии.

Почти то же самое происходило в Чили в месяцы, предшествовавшие сентябрьскому перевороту 1973 г., — вплоть до пресловутого «марша с кастрюлями» в Сантьяго, в котором участвовали тысячи женщин из буржуазных семей, вплоть до организации вооруженных отрядов ультраправых («Патриа и либертад»).

В Бразилии часть вооруженных сил, особенно младшие офицеры и сержанты, все чаще выступали в поддержку левых сил. Еще в сентябре 1963 г. взбунтовались 600 сержантов сухопутной армии. 25 марта 1964 г. в Рио-де-Жанейро 425 моряков устроили сидячую забастовку, требуя социальных реформ и политических прав для рядовых. Один из младших офицеров сухопутной армии тогда же заявил: «Бой наших барабанов будет ответом на плач голодных детей на Северо-Востоке. Мы, солдаты народа, — такие же трудящиеся, как и другие, но наш инструмент — винтовка, и поэтому мы будем лучшими кузнецами победы, когда придет час свести счеты с угнетателями»¹⁵².

В Чили, как и в Бразилии, реакционная военная верхушка была обеспокоена ростом симпатий к левым среди военных «низов». Несколько более чем за месяц до переворота свыше сотни моряков на базах в Вальпараисо и Талькуано были арестованы военной полицией и подвергнуты пыткам с целью вынудить у них признание о «подпольной работе» левых партий в вооруженных силах¹⁵³.

В Бразилии переворот проходил под руководством высшего военного начальника вооруженных сил — начальника генерального штаба армии генерала Кастило Бранко. То же произошло в Чили: переворот возглавил командующий сухопутными силами генерал Пиночет. В Бразилии после переворота из армии было уволено 122 старших офицера, включая 16 генералов и 5 адмиралов¹⁵⁴. В Чили как накануне, так и после переворота происходили массовые аресты или увольнения прогрессивно настроенных офицеров; многие, включая генерала Бачелета, были убиты или преданы трибуналу в месяцы, последовавшие за свержением Альенде.

Наконец, — об этом много писали в нашей печати — к обоим переворотам приложило руку ЦРУ. Генералы, совершившие перевороты, были выкорыщами Пентагона, поддерживали теснейшую связь со своими коллегами из Соединенных Штатов. В частности, действия сил, выступавших против Альенде, непосредственно координировало ЦРУ, осуществлявшее операцию, получившую кодовое название «Кентавр». Более 1880 чилийских офицеров учились в Форт-Гулике — военно-учебном центре США в зоне Панамского канала. Шесть из них составляли план путча для Пиночета. Сам Пиночет и его правая

рука, другой главарь хунты генерал Ли, в течение десяти лет были соответственно военным и военно-воздушным атташе в Вашингтоне, а третий член хунты, адмирал Мерино, был военно-морским атташе в Лондоне. Пиночет, Ли и Мерино были офицерами связи с армиями НАТО.

Многие офицеры как бразильских, так и чилийских вооруженных сил поверили настойчиво распространявшимся слухам о том, что «марксисты готовят расправу с армией» (вспомним, что аналогичной версией оправдывали свои антикоммунистические акции индонезийские офицеры после событий 30 сентября 1965 г.). В журнале «Форчун» приводились слова одного бразильского офицера: «Мы решили съесть их (коммунистов) на завтрак, прежде чем они съедят нас на обед»¹⁵⁵. А после переворота в Чили «Нью-Йорк таймс» поместила высказывание чилийского офицера: «Когда Альенде стал президентом, мы поняли, что он поставил своей целью разрушить институты государства. В первые два года ему удалось уничтожить экономическое могущество средних слоев, которое лежит в основе наших национальных институтов»¹⁵⁶. Утверждалось, что Народное единство готовило 17 сентября незаконный переворот, «упрежденный» армией.

Налицо, как мы видим, поразительное сходство в предпосылках, мотивах, методах осуществления и пропагандистском обрамлении обоих переворотов.

Журнал «Латинская Америка» писал: «В связи с тем, что произошло в Чили, встает также вопрос, почему армия — „народ в форме“ — решила учинить такую зверскую расправу над своими соотечественниками. Здесь стоит напомнить об особенностях, присущих чилийской армии с ее прусской муштрой и особой системой подчинения. Это одно, хотя и не самое главное. Главное же в том, что армия в значительной степени стоит на позициях средних слоев населения. Это объясняется как социальным составом, так и положением офицерства в обществе. Изменение идейно-политических позиций средних слоев за три года революции, отход их от позиции Народного единства, озлобление мелкого и среднего предпринимателя не сразу, но постепенно повлияли на большинство военных»¹⁵⁷.

Чилийские генералы, временно служившие скрепя сердце революционному правительству Альенде, ненавидели президента и убили его не потому, что они сыновья

крупных капиталистов и помещиков, что лично у них Народное единство что-то отняло. Высшее офицерство было неотъемлемой составной частью того «кистеблишмента», существованию которого потенциально угрожало правительство Альенде. Традиция аполитичности, невмешательства армии в политику, защиты конституции соблюдалась лишь до тех пор, пока «игра велась по правилам» буржуазной системы. Армия не стала бы свергать Фрея или Алессандри. Как только возник режим, начавший ликвидировать классовое господство буржуазии, пресловутая традиция аполитичности оказалась отброшенной. Наивно было полагать, что армия будет охранять режим, открыто декларировавший свое намерение построить социализм. В решающий момент верхушка вооруженных сил в Чили сплоченно выступила в защиту подвергнутого угрозе буржуазного порядка. Закономерность классовой борьбы оказалась сильнее чилийской традиции «невмешательства» военных в политику.

Что касается среднего и младшего офицерства, то оно не может быть причислено к элите, но тут действует другой фактор: кастовая солидарность, неизбежно развивающаяся в замкнутом профессиональном институте. Офицерам с момента их поступления в военное училище прививается корпоративный дух — об этом уже шла речь выше. Но офицеров толкали против революции и их социальные связи: по своему происхождению чилийские офицеры в основном выходцы из мелкобуржуазной среды, их не заботят интересы олигархии, но вращаются они главным образом в тех гражданских кругах, которые состоят из представителей средних классов, интеллигенции — людей, в среде которых росла ненависть к режиму Альенде. Не исключено, что многие офицеры всерьез опасались постепенного утверждения «подлинно социалистической» власти, при которой старой армии не будет уже места, ее заменят милицией или же хотя и сохранят, но полностью перетряхнут и обновят весь офицерский корпус.

Наконец, классовое сознание солдат можно было разбудить лишь систематической политической работой, которая способствовала бы «перевоспитанию» и ряда молодых офицеров. Но именно от проведения такой работы Альенде и был вынужден воздерживаться. С первого дня президенту, что бы он ни делал, приходилось «одним

глазом» смотреть на армию, предугадывать ее реакцию, стараться не задеть ее, не оттолкнуть от себя, не дать козырей в руки сторонникам переворота. Альенде великолепно знал, что командование вооруженных сил не потерпело бы никакой «политработы» в армии, никаких попыток правительства «политизировать» армию, превратить ее из орудия защиты порядка и конституционной власти в инструмент проведения левой социальной политики, в армию, политически ориентированную в социалистическом духе. Роковая слабость правительства Народного единства с начала и до конца состояла в том, что реальная вооруженная сила в стране находилась вне его контроля. Изменить это положение было невозможно, если учесть особенность прихода этого правительства к власти — мирным, парламентским путем; оставалось лишь уповать на «нейтралитет» военных.

Мог ли Альенде «вооружить народ»? В буквальном смысле вооружить народ в мирное время невозможно, речь могла идти лишь о создании народной милиции, рабочих отрядов. Но военные восстали бы против этого как по формальной причине (это означало бы, что правительство не доверяет способности армии обеспечить порядок в стране — оскорбление для армии), так и исходя из своих фактических интересов: уже говорилось, что регулярная армия не терпит возникновения конкурирующей силы в виде милиции или различных «специальных» формирований.

Но, даже если бы такая милиция была создана, каковы были ее шансы в борьбе с современной регулярной армией, оснащенной танками и реактивными самолетами? Как показывает опыт, регулярная армия, если она монолитна и находится под единым, решительным руководством, обычно побеждает любые нерегулярные формирования. Но именно в случае, если армия едина. Если бы часть чилийской армии присоединилась к народу, если бы отдельные командиры отказались выполнить приказ, среди военных могли возникнуть колебания, начаться столкновения между воинскими частями, было бы выиграно время для мобилизации сил рабочего класса. Но все это могло произойти в случае, если бы руководство Народного единства, заранее узнав о заговоре военщины и подготовившись его отразить, успело бы бросить на встречу отрядам мятежных солдат гораздо хуже воору-

женные, но зато несравненно более многочисленны рабочие отряды. Но этого не произошло...

Однако картина была бы далеко не полной, если бы мы, говоря об армии в Латинской Америке, ограничились констатацией того, что она, как правило, занимает реакционные позиции. Генеральный секретарь Доминиканской коммунистической партии Иса Конде, выступая на XXIV съезде КПСС, говорил, что в некоторых латиноамериканских странах «в состав движущих сил антиимпериалистической революции включаются основные контингенты вооруженных сил»¹⁵⁸. Речь идет, таким образом, о том, что в Латинской Америке армия может играть и прогрессивную роль, более того, роль движущей силы революции.

Советский ученый А. Шульговский еще в 1967 г. отмечал существование в Латинской Америке военных группировок, «которые свои националистические взгляды связывают с требованием глубоких социальных преобразований и борьбы против империализма. По их убеждению, вооруженные силы призваны возглавить „национальную революцию“, как это сделали их коллеги в Египте и некоторых других странах Африки и Азии»¹⁵⁹. Речь идет о так называемых «насеристах».

Офицеры насеристской ориентации видят в насеризме такие черты, как антиимпериализм, воля к утверждению независимости и национального достоинства, борьба против отживших социально-экономических структур. По мнению социолога В. Альбы, насеризм в вооруженных силах распространяется гораздо быстрее настроений в пользу социальной демократии. По его мнению, насеризм в Латинской Америке является своего рода «военным социализмом», а представители этой концепции — «офицеры лаборатории», т. е. военные технократы в сотрудничестве с гражданскими технократами, прогрессивными предпринимателями, марксистами¹⁶⁰. Вероятно, если говорить о насеристах-военных, среди них нет ни предпринимателей, ни марксистов. Насеризм военных можно рассматривать как попытку выбрать средний путь между социалистической революцией (которая, как они считают, несовместима с интересами армии как привилегированной корпорации) и буржуазно-реформистским, в конечном счете колониалистским путем развития. Те офицеры, которые не готовы еще встать на марксистские позиции,

но в то же время искренне желают ликвидации зависимости и отсталости своих стран, ищут путь, который позволил бы обеспечить прогрессивное развитие Латинской Америки под руководством групп «просвещенных военных революционеров».

В шведской газете «Афтонбладет» в феврале 1972 г. было опубликовано интервью с одним из руководителей партизанского движения Боливии Рубеном Санчесом, бывшим офицером, участвовавшим в 1966 г. в борьбе против отряда Че Гевары, затем взятым в плен и перешедшим на сторону партизан. Ему задали вопрос: «Как могло случиться, что профессиональный военный превращается в революционера и переходит на сторону партизан?». Он ответил: «Мое детство прошло в крайней бедности. Я очень рано на себе познал неслыханное социальное неравенство в боливийском обществе... Когда в 1967 г. я попал в плен к партизанам, то не имел ни малейшего представления о том, за что они ведут борьбу. Антимунистическая обработка в армии осуществлялась на неслыханно высоком уровне... Не менее сотни военных ежегодно направлялись из Боливии на базы США для обучения, где они подвергались идеологической обработке. Не в меньшей мере такая же обработка проводилась в высшем военном училище в Ла-Пасе. Именно там люди становятся более привязанными к военной организации, забывая о требовании народной справедливости...»¹⁶¹.

В какой-то мере это интервью позволяет понять нынешнюю роль перуанских вооруженных сил. В Перу армия, воспитанная и обученная инструкторами Пентагона, нанесла удар по господству империализма и местных эксплуататоров. Об этом речь будет идти в следующей главе; здесь лишь отметим, что пример перуанского офицерства вдохновил военных и в других странах Латинской Америки. В Панаме и Эквадоре у власти находятся офицеры, выступающие против империализма и помещиков, проводящие глубокие и серьезные реформы. Хорхе Тексиер писал: «Интересная особенность освободительного процесса на континенте — появление националистических военных правительств в Перу и Панаме. Они пришли к власти, свергнув олигархические касты, правившие при поддержке иностранных монополий... С исторической точки зрения появление в Латинской Америке на-

ционалистических военных режимов такого рода является одним из путей развития антиимпериалистической борьбы в условиях, когда рабочий класс и его партия еще не обладают достаточным влиянием, чтобы повести массы на завоевание власти»¹⁶².

Итак, можно сделать вывод, что политические и идеологические течения, проистекающие из разочарования в капитализме и неверия в его способность обеспечить преодоление отсталости развивающихся стран, распространяются не только в гражданской, но и в военной среде. Патриотизм, антиимпериализм некоторых слоев военных, особенно молодого поколения, могут логически привести их к антикапиталистическому мировоззрению. Разумеется, и таким офицерам будет не просто преодолеть культивируемый в их среде корпоративно-профессиональный дух, несовместимый с демократией, служением трудовому народу, верой в социализм. Было бы иллюзией возлагать на военных-националистов чрезмерные надежды; но еще большей ошибкой было бы игнорировать, зачеркивать далеко еще не исчерпанный прогрессивный потенциал военных в развивающихся странах.

Подтверждением этого служат недавние события в Афганистане и Эфиопии. В Афганистане в июле 1973 г. изжившая себя феодальная монархия, консервировавшая на редкость архаичную социальную систему, была опрокинута армией под руководством бывшего премьер-министра, в прошлом военного, Мухаммеда Дауда, ставшего первым президентом республики. Афганские военные активно поддерживают начатый по инициативе Мухаммеда Дауда процесс прогрессивных социально-экономических преобразований.

Большой интерес для нашей темы представляет политическая роль армии в Эфиопии. Это одна из самых бедных стран мира, официально отнесенная ООН в группу наименее развитых и нуждающихся. Из 27 млн. жителей Эфиопии 25 млн. проживает в деревне, с трудом прокармливая себя. Самая древняя монархия на земле (считается, что основателем ныне правящей династии был сын царя Соломона и царицы Савской) была одним из немногих еще оставшихся оплотов феодализма в современном мире, воплощением архаичности и отсталости. Еще давно Э. Гиббон писал в книге «История упадка и разрушения Римской империи»: «Эфиопы прожили во сне поч-

ти тысячу лет, не сознавая окружающего мира, который о них забыл».

На самом деле это был лишь кажущийся сон: и в Эфиопии подспудно назревали перемены. Незаметно росли и зрели новые силы; просто процесс их формирования занял на редкость долгое время. Среди этих сил прежде всего надо упомянуть армию, этот «островок современной цивилизации» в допотопном царстве. Офицеры, получившие современное военное образование, хорошо вооруженную армию, осознали трагичность положения страны и прислушались к голосам представителей прогрессивной эфиопской общественности, требовавшей перемен.

Начало 1974 г. было тяжелым временем для Эфиопии. Жестокая засуха, неурожай привели к голодной смерти сотен тысяч людей. Инфляция, резкое повышение цен на ряд товаров в сочетании с природными бедствиями поставили страну на грань катастрофы. Народ стал волноваться, начались забастовки в столице. В этот момент один из батальонов 5-й дивизии арестовал и несколько дней содержал под арестом командующего сухопутными силами. Затем выступила 2-я дивизия: по радио Асмары была зачитана петиция солдат, жаловавшихся на мизерное жалованье, недостаточное питание, низкое пенсионное обеспечение. Затем к пехотинцам присоединился личный состав авиации. Император объявил об увеличении солдатского жалованья, но волнения не прекратились. 2-я дивизия установила контроль над городом Асмара, к ней присоединились военно-морские силы. Один из генералов, направленных императором во взбунтовавшиеся войска, вернулся в столицу в сопровождении 8 сержантов, делегированных недовольными солдатами. 3-я дивизия заняла город Диредаву. Наконец, 28 февраля 4-я дивизия вошла в Аддис-Абебу, заняла аэропорт, телефонную станцию, банки, почту. Премьер-министр Аклилу Абте Вольда, только что по требованию военных подавший в отставку, пытался бежать, переодевшись в заплятанную одежду, но был задержан солдатами на вокзале. Новый премьер-министр Макконен, один из крупнейших феодалов, пытался успокоить армию обещанием реформ. Созданный к этому времени координационный комитет вооруженных сил и полиции решил проверить Макконена, дать ему время, хотя наиболее нетерпеливые офицеры стремились к немедленному свержению режима. Группа

летчиков намеревалась бомбить Аддис-Абебу и взять столицу штурмом, но в последний момент один полковник парашютных войск сорвал заговор, перебросив своих солдат на военно-воздушную базу Дебра Зайт и загородив взлетные полосы военными грузовиками.

В ночь с 26 на 27 апреля были арестованы и доставлены в штаб столичной дивизии около трех десятков бывших министров, губернаторов, генералов. Премьер Макконен по указанию императора обещал ввести в действие новую конституцию, но армия уже все меньше верила ему. В ночь с 28 на 29 июня воинские части, расквартированные в столице, при поддержке полиции вновь заняли ключевые пункты, в том числе радиостанции. Был введен комендантский час, арестованы видные представители аристократической верхушки, включая председателя Совета короны. В течение июля большинство высших сановников, аристократов, крупнейших землевладельцев — традиционная опора трона — были либо арестованы по обвинению в коррупции, злоупотреблениях, попытке помешать преобразованиям в стране, либо бежали. Наконец, дошла очередь и до премьер-министра Макконена: он был арестован военными, по требованию которых император, вынужденный делать одну уступку за другой, назначил нового главу правительства.

12 сентября 1974 г. свершилось поистине историческое событие: император Хайле Селассие был низложен военными. Всю власть сосредоточил в своих руках Дерг, или Временный военный административный комитет (ВВАК). В его состав вошло 120 человек, в том числе 45 офицеров в чине не старше майора, остальные — сержанты и солдаты. Фактическим лидером Дерга стал майор Менгисту Хайле Мариам из третьей дивизии, руководивший революцией с февраля 1974 г. Он родом из валамо, одной из наиболее угнетенных и дискриминируемых этнических групп империи (напрашивается сравнение с алавитами в Сирии)¹⁶³. Он возглавил революционное ядро военных, вступивших в конфликт с председателем ВВАК генералом Андомом, человеком буржуазно-реформистских взглядов. 23 ноября 1974 г. Андом был смещен и в перестрелке убит; в тот же день были расстреляны без суда 59 видных деятелей прежнего режима, в том числе 18 генералов и два премьер-министра — Макконен и Абте-Вольда.

В феврале 1975 г. было национализировано большинство крупных промышленных предприятий, а затем провозглашена радикальная аграрная реформа, кладущая конец феодализму.

В ходе революции командный состав армии кардинально обновился. Из 60 генералов, имевшихся в армии к 1974 г., осталось лишь пять. Остальные уволены, арестованы или казнены¹⁶⁴.

Итак, эфиопская армия, бывшая всегда послушным орудием режима, вдруг пробудилась и пробудила все общество. Страна пришла в движение, начался необратимый процесс перемен. Армия твердо вступила на политическую арену, ее главенствующая роль неоспорима.

Несомненно, в таких феодальных странах, как Эфиопия или Афганистан, где нет ни политических партий, ни общественных организаций, где оппозиционные настроения выражали и подвергались за это репрессиям лишь небольшие, по существу неорганизованные группы интеллигенции и студенчества, только вооруженные силы способны дать толчок и стать инициатором социальных перемен. Другой силы пока еще нет. Если в Латинской Америке или более развитых арабских странах ничего нельзя добиться помимо армии или тем более вопреки ей, то в странах отсталых невозможно добиться сдвига без армии.

И если Таиланд дает нам одну модель — установление армейской верхушкой коррумпированного режима военно-бюрократической буржуазии, то Эфиопия и Афганистан дают основание говорить о другой — когда офицерство, проникшись сознанием неотложности перемен, выступает против абсолютистско-феодальной системы, за модернизацию и реформы.

Разумеется, это лишь первые шаги. Пока что армия в такого рода странах действует в условиях политически примитивного общества, без политических партий, без организованных левых сил, представляющих интересы трудового народа. Все это неизбежно появится, и тогда перед военными во весь рост встанет труднейшая проблема социально-политического выбора в условиях несравненно более сложного и дифференцированного, политически быстро взрослеющего общества, в условиях неминущей классовой борьбы.

ГЛАВА IV

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Перевороты, осуществляемые молодыми националистически настроенными офицерами «новой формации», как правило, выдвигают руководителей, не обладающих на первом этапе продуманными социально-экономическими концепциями. Их кредо — национализм. На волне национализма они пришли к власти, и национализм остается краеугольным камнем их идеологии. Они опираются на государственный и военный аппарат — силу, которая позволяет им какое-то время держаться, не опираясь непосредственно ни на один из классов общества, лавируя и маневрируя между отдельными социальными группами. Их поведение, на первый взгляд парадоксальные зигзаги не могут быть объяснены лишь соотношением классовых сил — они определяются чисто политическими мотивами, заботой о сохранении и укреплении власти. Для такого националистического режима важно добиться быстрых результатов в подъеме экономики, успехов внутри и вне страны, которые создали бы ему популярность в народе и укрепили его международное положение, продемонстрировать, что он выгодно отличается от предшествующих режимов независимой политикой и способностью покончить с наследием колониализма. Если это может быть достигнуто на капиталистическом пути, власть покровительствует буржуазии.

Но при этом военный режим в силу своей природы не может отказаться от монополии на политическую власть. Не доверяя обанкротившимся буржуазным или буржуазно-помещичьим политикам и стремясь сохранить единство и поддержку армии путем предоставления офицерам руководящих постов в администрации и экономике, воен-

ный режим не намерен делиться властью с буржуазией. Возникает неизбежный конфликт.

Отметим еще одно обстоятельство. Государство, берущее на себя функцию экономического развития, логикой вещей встает на позицию дирижизма, прибегая к ограничениям в сфере внешней торговли и обращения капиталов, к введению жесткой экономии. Но именно эта политика жесткой экономии и вызывает недовольство буржуазии, которая начинает саботировать политику правительства, что в свою очередь приводит к конфликту. Поскольку сила на стороне государственной власти, она и побеждает, как это было в Египте, Сирии, Бирме. Но в ходе борьбы власть неизбежно должна расширять свою базу влево, так как ее противник находится справа. Государство начинает проводить мероприятия, объективно означающие отход от капиталистического развития.

Необходимость срочного решения насущных национальных проблем, разочарование в буржуазии как в опоре при проведении политики, предусматривающей это решение, разочарование в капиталистических державах — причина распространения антикапиталистических концепций среди военных лидеров в Азии и Африке. Там, где государственная власть более или менее самостоятельна, имеет свободу маневра и выбора, не связана тесно с капитализмом, не отягощена грузом интересов, связанных со старой системой, — там в условиях существования мировой системы социализма, этого нового полюса притяжения и нового источника материальной и моральной поддержки, революционно-демократические военные лидеры могут возглавить процесс перехода на некапиталистический путь развития.

Этому переходу способствует и распространение веры в необходимость строгого государственного контроля над всеми сферами жизни, особенно экономикой. Гегемония армии в общественной жизни усиливает ее. Для военных, органически преданных идее порядка, дисциплины, строгой регламентации жизни, велик соблазн одним ударом покончить с «неорганизованной стихией». Поэтому мероприятия, направленные против частного сектора, часто сопровождаются перегибами. Интересные мысли по этому поводу высказывает французский автор Т. П. Шарнэ: «Военный, даже опираясь на армию, на вербованную из крестьян, остается человеком техники. Индустриализа-

ция — его главная цель. Но, создавая тяжелую промышленность, он тем самым строит экономику концентрированного типа, производительные силы которой прямо находятся под его контролем, в отличие от традиционного сектора или даже самоуправляемого, еще сегментарного, нецельного...».

«Модель военного общества, — продолжает Шарнэ, — выглядит следующим образом: комплекс единиц, с одной стороны, одинаковых и взаимозаменяемых (внутри одного рода войск) и, с другой стороны, взаимодополняющих (различные роды войск), построенный в соответствии с горизонтальным принципом разделения труда и на базе пирамидальной иерархии. Этой модели соответствует в экономике дирижистская структура, в рамках которой группируются хозяйственные единицы, учреждения, национальные компании. Следуя социальной логике, пролетарская, авторитарная по своей сути власть склоняется к коллективистской организации экономической жизни, но скорее в этатистском, чем в обобществленном варианте»¹.

Кроме того, логика политической борьбы диктует необходимость разрушения базы потенциальной оппозиции во имя сохранения монополии власти — разрушения любой ценой, без заботы об экономических последствиях.

Так, антипомещичьи мероприятия необходимы, чтобы сломить могущество влиятельного класса феодалов, силы, оппозиционного режиму, и завоевать правительству поддержку самого многочисленного класса общества — крестьянства. Однако при нехватке техники, опыта, кадров эти мероприятия часто приводят к падению производства товарной продукции, что ухудшает экономическое положение страны и приводит к недовольству масс.

Национализация торговых предприятий резко ослабляет экономические позиции и политическое влияние буржуазии, но, как показывает пример Бирмы и частично Сирии, распространение ее на розничных торговцев приводит к росту числа безработных и недовольных и, что еще важнее, к серьезному расстройству всей системы снабжения населения товарами, к нехватке продуктов, спекуляции и т. п.

Политическая задача революционно-демократического режима — превратить в свою надежную опору крестьянство и самый влиятельный в политическом отношении

социальный слой — интеллигенцию. А экономическая — обеспечить такой рост сельскохозяйственного производства, который позволил бы решить продовольственную проблему и увеличить экспортную продукцию. Обе задачи требуют создания слоя устойчивых хозяев, так как при неразвитой промышленности коллективизация сельского хозяйства не может быть эффективной. Какой-то вариант нэпа неизбежен для экономически отсталых стран, вставших на некапиталистический путь.

Однако курс, предусматривающий сознательное допущение и использование частной инициативы, чреват огромной опасностью. Ведь одно дело — нэп в Советской России, с пролетарской диктатурой и мощной, закаленной партией, с благоприятными условиями для быстрой индустриализации, а следовательно, для преимущественного роста государственного сектора и развития рабочего класса. Другое дело — предоставить простор частной стихии в стране, где нет ни диктатуры пролетариата, ни в ряде случаев даже самого пролетариата как сознательного, преданного делу социализма класса; где нет опытной, закаленной, боевой партии с непоколебимой научной марксистской идеологией и железным пролетарским ядром; где нет условий для быстрой перестройки экономики и создания социалистической индустрии, которая обеспечила бы решающую победу над частником и позволила перейти к коллективизации сельского хозяйства, т. е. к ликвидации капитализма в его последней цитадели — деревне.

В условиях экономически отсталой африканской или азиатской страны свободное развертывание частной инициативы может привести к тому, что безудержно разрастающаяся частная стихия захлестнет и руководящие слои общества, деформирует весь путь развития страны. Чтобы предотвратить этот процесс, необходимо наличие крепкой идейной политической партии — социалистического авангарда.

Армия не может стать политическим авангардом общества. Создание передовой партии, преданной делу построения социализма, — обязательное условие успешного и последовательного развития страны по некапиталистическому пути, который только в таком случае и при наличии благоприятных международных условий может привести к социализму.

Но в таком случае речь будет идти уже не о военном режиме как таковом. Он неизбежно трансформируется. Нельзя говорить о военном режиме в полном смысле слова, если имеются в виду такие страны, как Бирма, Сирия, Ирак, хотя в них процесс создания авангардной партии, по существу, еще далек от завершения.

Для создания подобной партии необходима идеологическая база. Поскольку речь идет о борьбе против носителей капиталистических отношений и буржуазной идеологии, ясно, что противопоставить им можно только идеологию социалистическую. Это еще не научный социализм, но это уже антикапиталистическая идеология, вовлекающая массы в борьбу под социалистическими лозунгами и тем самым облегчающая внедрение в дальнейшем марксистского мировоззрения в широкие слои народа.

Совершая такую политическую и идеологическую эволюцию, военные националисты — выходцы из мелкобуржуазной среды становятся на позиции революционной демократии. Непролетарские социалистические теории, под знаменем которых они выступают, объективно отвечают интересам народных масс, так как имеют антиимпериалистическую и антикапиталистическую направленность и способны эволюционировать в сторону научного социализма.

Идеология революционных демократов отражает классовый характер ее носителей — представителей промежуточных социальных сил, мелкобуржуазных по своему происхождению, но в ходе революции способных пойти дальше того рубежа, которым отмечены непосредственные интересы мелкой буржуазии.

Социалистические концепции революционных демократов — это попытка соединить воедино лозунги национализма, под которыми они подняли на борьбу с империализмом массы и пришли к власти, с идеями построения социалистического общества, частично подсказанными внутренним развитием (несостоятельность капитализма, тяга масс к социальной справедливости, устранению эксплуатации), частично воспринятыми извне, почерпнутыми из великой сокровищницы опыта социалистических стран. Отсюда — непоследовательность, противоречивость непролетарских, революционно-демократических доктрин социализма. Отдельные из них имеют явно эклектический характер.

Но практика революционных демократов опережает их теорию. В Египте на грани 50—60-х годов практика революции повела руководителей дальше тех рубежей, которые они себе поставили; логика классовой борьбы вынудила их ударить и по тем слоям общества, которые они первоначально не собирались трогать. Средняя промышленная буржуазия, которую они и имели прежде всего в виду, говоря о «неэксплуататорской собственности», не стала союзником и помощником режима. Революционно-демократическое руководство выступало за мирное устранение буржуазии и помещиков с командных высот и отвергало марксистскую позицию, основанную на «насилии» и «экспроприации без компенсации». Однако реакция сама прибегла к насилию.

Как отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «революционно-демократические силы некоторых освободившихся государств направили их развитие по некапиталистическому пути и осуществляют ныне серьезные практические шаги в этом направлении. Расширяются связи революционно-демократических партий с международным рабочим и коммунистическим движением, усиливается их интерес к идеологии научного социализма»².

Без распространения идеологии научного социализма успешное некапиталистическое развитие невозможно. Вырвать массы из плена националистических, религиозных, патриархальных, феодальных и буржуазных представлений и понятий можно только путем воспитания в них социалистической идеологии. Но воспитателем, распространителем этой идеологии может быть только политическая организация. Таким образом, мы опять возвращаемся к вопросу об авангардной политической партии, стоящей на социалистической платформе. Ядро этой партии в будущем составит рабочий класс; только этот класс, полностью заинтересованный в построении социализма, лишенный частнособственнических тенденций, может обеспечить устойчивую основу движения к социализму.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры революционно-демократических преобразований в странах, где были установлены военные режимы. Начнем с Египта.

Военный режим Египта находился во власти обстоятельств, вытекающих из характера Египта как страны,

только еще избавляющейся от полуколониального положения, страны потрясающей нищеты и непрерывно увеличивающегося населения. Перед Насером стояли неотложные экономические и социальные проблемы — продовольственные, перенаселенности (освоение пустыни под пашню), форсированной индустриализации и ликвидации монокультурного характера хозяйства. Со всеми этими задачами пришлось бы столкнуться любому египетскому правительству. Коренной порок военного режима состоял в том, что он пытался решить их без радикальной ломки прежней социальной структуры. С каждым годом становилось все очевиднее, что решение национальных задач страны невозможно без социальных преобразований более глубоких, чем свержение монархии, ликвидация титулов пашей и ограничение крупного землевладения.

Из приведенных в таблице данных виден небольшой удельный вес современного промышленного пролетариата (10% городского населения и менее 3% общего населения), что во многом и объясняет то, что он не стал гегемоном национально-освободительной революции. Далее — огромный удельный вес городских низов; полубезработных и безработных, предпролетариата, ремесленников, прислуги (56% городского населения). Следующая по величине группа — служащие и интеллигенция (22% городского населения). В деревне — абсолютное преобладание безземельных и малоземельных крестьян (79%).

Эти же данные говорят о колоссальном разрыве в уровне доходов: на долю 1,4% населения (буржуазия и помещики) приходилось немногим менее 30% доходов (319 из 912 млн. егип. фунтов).

Знакомство с данными приводит к выводу, что страна с подобной социальной структурой стоит накануне экономических и общественных потрясений, ей угрожает либо хозяйственный крах, либо социальный взрыв. Если 37% городского населения составляют люди, не имеющие определенных занятий, это означает одно: город переполнен людьми, которые, спасаясь от голода, бежали из деревни и перебиваются случайными заработками. Но в данных не отражен еще такой фактор, как рост народонаселения. Между тем за 12 послереволюционных лет чистый прирост населения в Египте составил 8 млн. человек.

Структура общества и доходов различных общественных групп в Египте (данные 1958 г.)*

Категория	Численность, тыс. человек	% город- ского на- селения	Доходы, млн. егип. ф.	Доходы на душу, егип. ф.
<i>Городское население</i>				
Без определенной профес- сии	2 983	37		
Домашняя прислуга	934	12	20	21,4
Предпролетариат	186	2	5	26,8
Рабочие традиционного сектора (т. е. не заня- тые в крупной про- мышленности)	400	5	16	40,0
Пролетариат	790	10	48	60,8
Низшие служащие	1 117	14	118	105,6
Предприниматели тради- ционного сектора	736	9	94	127,7
Средние служащие сво- бодных профессий	614	8	83	133,5
Буржуазия и аристокра- тия (включая деревен- скую, живущую в го- роде)	240	3	203	845,8
Всего	8 000	100	587	
<i>Сельское население</i>				
Деревенская беднота безземельные	14 000	73	50	3,5
малоземельные (1 феддан)	1 075	6	7	6,1
Средняки (1—5 федда- нов)	2 850	15	76	26,8
Привилегированные богатые крестьяне (5 федданов)	875	5	76	87,4
сельские капитали- сты	150	1	116	773,1
Всего	18 950	100	325	

* Hassan Riad, L'Egypte Nasserienne, Paris, 1964, стр. 41, 60.

Только форсированная индустриализация могла стать выходом из положения, и военные лидеры с самого начала своего правления поняли это. Они прилагали массу усилий и давали всевозможные льготы частному капиталу, чтобы направить его в промышленность. Но чем дальше, тем больше они испытывали разочарование.

Уже в отчете Египетской федерации индустрии за 1953 г. констатировалось, что инвестиции банков и кредиты, предоставленные ими на нужды экономического развития, сокращаются. Рост промышленной продукции был слишком медленным. В 1957 г. ее индекс составил 123,3 (1954 г. — 100). Общая сумма промышленных инвестиций, составлявшая в 1956 г. 26,2 млн. егип. ф., упала в 1957 г. до 12,9 млн. егип. ф. Причину этого падения объясняет Абдель Малек — «огромный страх, который испытали имущие классы в момент Суэца»³. Это подтверждает уже высказанную выше мысль, что в моральном аспекте суэцкий кризис, приведший к национализации иностранной собственности, усугубил недоверие буржуазии к военному режиму.

Уже говорилось, какие льготы были предоставлены после 1952 г. иностранному капиталу. Но, как отмечают Ж. и С. Лякутюры, «иностраннный капитал еще до национализации компании Суэцкого канала вел себя сдержанно... Западный капитализм остерегался иметь дело с режимом полковников...»⁴. Новые льготы были предоставлены иностранному капиталу в 1954 г.: было разрешено переводить прибыли за границу в валюте страны-инвестора и т. д.⁵. Но и это не дало ожидаемых результатов. Такое же положение создалось и с привлечением местного капитала в индустрию. Созданный специально для кредитования промышленности, промышленный банк, имея капитал 9 млн. егип. ф., к концу 1957 г. предоставил кредиты на сумму всего 4,5 млн. егип. ф.⁶. Банки с большой неохотой кредитовали промышленные компании.

В документе, подготовленном экономистами из Национального банка Египта, говорилось: «В Египте роль частного предпринимательства в процессе экономического развития также не была эффективной... и правительству пришлось взять на себя ответственность и инициативу в поощрении новых капиталовложений путем применения всевозможных средств протекционизма, субсидиро-

вания и непосредственного финансирования. В определенный период (особенно в 1957—1960 гг.) фактор риска — принципиальная основа функционирования частного предпринимательства — почти полностью перестал действовать. В этот период частное предпринимательство на практике означало не что иное, как даровое распределение богатства среди людей, не выделяющихся особыми способностями»⁷. Иначе говоря, правительство шло навстречу буржуазии, создавая для нее все мыслимые условия, защищало ее и субсидировало, но это не давало результатов.

Вопреки ожиданиям аграрная реформа, которая должна была способствовать переливу капиталов в промышленность, мало что дала в этом отношении. В 1955 г. из аграрной сферы было высвобождено 45 млн. егип. ф., но в промышленность было вложено всего 6 млн. ф.⁸ Дельцы вкладывали капиталы в городское строительство (от 15 до 20 млн. егип. ф. ежегодно, как правило, в двух городах — Каире и Александрии)⁹. Особенного размаха достигло вложение капиталов в городское строительство в 1954 и 1955 гг.: за два года оно составило около 82,5 млн. егип. ф., в то время как капиталовложения в промышленность не превышали 16,6 млн. ф.¹⁰ В 1956 г. капиталовложения в городское строительство составляли 75,8% всех частных инвестиций¹¹. Картина не изменилась и в последующие годы: в 1958 г. более $\frac{3}{4}$ всех частных инвестиций шло в городское строительство.

Главная причина в том, что эта сфера деятельности была гораздо прибыльнее, чем промышленное предпринимательство. Но были и другие причины: половинчатая политика правительства, бывшего и по левым, и по левым (по левым больше); антикоммунистические тенденции военной бюрократии, проявлявшиеся то подспудно, то (как в 1958—1959 гг.) открыто; привилегии, которые предоставлялись иностранному и частному капиталу, — все это порождало у части буржуазии уверенность, что режим не пойдет влево, не встанет на путь преобразований радикального, социалистического характера. Поэтому капиталисты безбоязненно продолжали старую игру, игнорировали увещания правительства, занимались всевозможными валютными махинациями, нимало не заботясь о национальных интересах, о нуждах индустриализации.

Создалось парадоксальное положение: правительство, облегчив условия деятельности частного капитала, дав ему льготы, стремясь внушить доверие к государственной власти, нанесло ущерб собственным интересам. Капиталисты лишь больше нагтели и с удвоенной энергией бросились в непродуцированную сферу.

Но, как отмечалось, были и иные настроения: после суэцкой волны национализации многие капиталисты потеряли доверие к правительству. Все, кто ожидал, что правительство рано или поздно перейдет от экспроприации иностранной собственности к покусению на привилегии местных имущих классов, чувствовали себя обреченными и именно поэтому стремились как можно быстрее, пока еще есть время и не «схватили за горло», заработать побольше денег. А это толкало их к вложениям капитала в сферы, приносящие наибольший доход в максимально короткий срок. Получался заколдованный круг.

Особенно важное значение приобрела утечка валюты, крайне дефицитной для Египта. В 1959—1960 гг. был раскрыт ряд махинаций, посредством которых дельцы транжирили валюту. Утечка валюты стала приобретать характер подлинного бедствия для экономики¹².

Крупные капиталисты, финансисты, коммерсанты стали объединяться и потихоньку создавать своего рода монополистические блоки. Так, они достигли соглашения по вопросу, какова должна быть норма их прибыли от сделок с государственными компаниями. Многие важные проекты, утвержденные пятилетним планом, остались нереализованными, так как частный капитал, который предполагалось привлечь для их осуществления, не желал ввиду их неизбежной на первых порах нерентабельности участвовать в них. Стало заметно поразительное отсутствие конкуренции в вопросе о ценах, и у правительства возникли вполне обоснованные подозрения, что частные компании, чтобы не мешать друг другу брать подряды по наиболее выгодным для себя ценам, тайно делили между собой «сферы влияния». Капиталисты наживались на махинациях, связанных с амортизацией оборудования, и т. п.¹³.

«Исследования, проведенные Комиссией по планированию, показали, что в общей сумме, предназначенной для проведения в жизнь программы экономического раз-

вития, частный капитал составляет не более 10—15%, — писал Х. Мохи эд-Дин. — Правительство предприняло все усилия, чтобы оказать влияние на частный сектор, введя материальное стимулирование использования прибылей для осуществления пятилетнего плана. Однако и это не дало каких-либо ощутимых результатов. Наконец после длительных переговоров правительство было вынуждено в 1959 г. издать закон, определяющий максимум прибыли. Согласно этому закону запрещалось распределение прибылей, которые более чем на 10% превышали сумму прибыли 1958 г. Дело в том, что капиталисты полагали, что план увеличения национального дохода вдвое в течение десяти лет является слишком честолюбивым и невыполнимым замыслом. Они считали также, что если этот план и будет осуществлен, то это произойдет в основном за счет их прибылей. Именно поэтому они оказали сопротивление закону 1959 г., открыто ставя под сомнение успех плана и отказываясь от участия в нем. Более того, капитализм объявил войну плану, войну тому, что он называл «жертвой настоящего поколения ради будущего поколения»¹⁴.

Итак, буржуазия в общем процветает — в основном за счет непродуцированной сферы и махинаций, прибыли ее растут. Но ее отталкивает, как отмечал Абдель Малек, то, что «армия намерена сама вершить политику, то есть сохранять монополию на власть... Она не заботится, чтобы окружить себя избранной ассамблеей, в которой различные фракции египетской буржуазии могли бы заставить себя слушать, могли бы открыто защищать свои интересы, даже контролировать исполнительную власть. Эти круги лишь в очень незначительной степени участвуют в подборе министров... Но ведь эти группы привыкли к власти. Прежде именно они назначали и свергали министров, вели переговоры с иностранными державами, контролировали прессу, партии, парламент, одним словом, осуществляли власть в государстве»¹⁵. Теперь же буржуазия зависит от военного режима, ревниво охраняющего свою монополию на власть. Намерения Насера всегда окружены тайной, он действует молниеносно, не советуясь с «солидными людьми», и эти «солидные люди» не доверяют ему, не рискуют вкладывать свои капиталы в предприятия, инициатором создания которых является эта, по существу, чужая для них власть.

Буржуазия проявляет глухое недовольство, мечтая об ослаблении «бремени» государственного вмешательства. Ей кажется, что пора приступить к «освобождению» страны от него. Возникает потенциальная угроза антиправительственных заговоров, образуется питательная среда для оппозиции. И правительство это понимает. Больше ждать нечего. Задача, о которой писал Халед Мохи эд-Дин, — способствовать развитию национального капитала, лишая его при этом политического контроля, — оказалась нереальной. Еще раз подтвердилось, что нельзя иметь в стране сильный класс частных собственников, изолируя его в то же время от власти. Насеру не удалось «сварить кашу» с буржуазией.

В изданной в Каире в 1961 г. книге «Разговор о социализме» говорилось: «Наше государство долго и терпеливо ждало, что богатые классы образуются. Но крупные собственники вместо этого стали препятствовать осуществлению планов экономического развития»¹⁶. Здесь, пожалуй, верно все, кроме слова «образуются». Египетская буржуазия, учитывая ее «колониальное» происхождение, прошлое, традиции, психологию, подход к жизни, наконец, финансовую слабость, экономические условия и политическую обстановку в стране, не могла действовать иначе. Ее интересы оказались несовместимыми с интересами национального развития, которыми вынуждено было руководствоваться правительство, — иначе не было смысла в его деятельности, в его «популизме», в его монополии на власть. Военный режим должен был либо добиться осуществления индустриализации, удвоения национального дохода в течение десяти лет, либо расписаться в своей несостоятельности. Буржуазия встала на его пути, и он ударил по буржуазии. Никакие этические сомнения при этом не возникали: у власти стояли люди, не являвшиеся выходцами из капиталистической среды и не связанные с ней экономически и иными интересами, люди, уверенные в своей силе, опиравшиеся на армию и государственный аппарат.

«К 1961 г., — пишет О'Брайен, — у офицеров уже было мало уверенности в способности или готовности частного сектора следовать линии, начерченной для него Национальным комитетом по планированию. Не желая рисковать успехом плана, с которым они себя уже прочно связали, офицеры предпочли национализировать те от-

расли экономики, которые могли быть поставлены под контроль центра»¹⁷.

11 февраля 1960 г. было объявлено о национализации Национального банка Египта и банка «Миср» — правительство нанесло удар по цитадели египетского капитализма. Банк «Миср» с его 29 компаниями стал уже к этому времени могущественной монополистической организацией. Как заявил глава Экономической организации доктор Кайсуни, банк «Миср», активы которого превышали 1000 млн. егип. ф., превратился в подлинную холдинг-компанию¹⁸, наподобие тех, которые были запрещены антитрестовским законом в США¹⁹. Впоследствии стало известно, что 42% акций банка «Миср» принадлежали всего 50 лицам, из которых 10 человек владели 20% всех акций, а один только «сахарный король» Аббуд имел 14% акций банка²⁰.

«Аль-Ахрам» писала, что банк «Миср» достиг «монополистической стадии», что это угрожало «навязыванием господства государственной власти»²¹. В этом — суть проблемы. Экономическое могущество крупной буржуазии толкало ее к установлению контроля над государственной властью.

Национализация банка «Миср» была прелюдией к более серьезным шагам. 20 июля 1961 г. правительственным декретом были национализированы все банки и страховые общества, а также ряд промышленных и других компаний (всего 44 компании). Национализация коснулась 1772 человек. По другому декрету 83 компании превращались в смешанные акционерные общества, в которых государству должно было принадлежать не менее 50% капитала. Этот закон нанес удар по 1715 капиталистам. Согласно третьему декрету, в 148 компаниях частным лицам было запрещено иметь акции на сумму более 10 тыс. егип. ф. Излишки переходили к государству. Под действие декрета подпали 2070 крупных акционеров²².

Правительство национализировало внешнюю торговлю и торговый флот. Импорт могли осуществлять государственные компании или компании, в которых государству принадлежало не менее 25% капитала.

Правительством было принято решение о скупке 35% акций всех фирм, экспортирующих хлопок. Тем самым под контролем государства оказалась экспортная тор-

говля этим важнейшим товаром — основным источником получения иностранной валюты.

Новая аграрная реформа сократила максимум земле-владения вдвое — до 100 федданов на человека. Была национализирована вся земля, принадлежащая иностранцам, — примерно 142 тыс. федданов у 2614 лиц.

Паника охватила буржуазию. Однако в Египте она была бессильна что-либо сделать. Иначе обстояло дело в Сирии, где буржуазия могла использовать националистическое недовольство. На рассвете 28 сентября 1961 г. сирийские воинские части, расположенные в гарнизоне Катана, вблизи Дамаска, двинулись на столицу. Фактический наместник Насера в Сирии маршал Амер отверг ультиматум, предъявленный офицерами, и был арестован. Группа офицеров, захватившая власть, объявила о выходе Сирии из состава ОАР. Главой правительства был назначен Маамун аль-Кузбари, известный своими тесными связями с так называемой «Аш-шарика аль-хумасийя» («Общество пяти»), составлявшей ядро сирийской буржуазии²³.

И вновь, как и в час суэцкого кризиса, Насер проявил качества государственного деятеля крупного масштаба. Он выбрал единственно правильное решение — отказался от попытки силой удержать Сирию в составе ОАР.

Еще более важно, что Насер извлек из сирийского кризиса далеко идущие выводы. Он убедился, что угроза революции исходит от буржуазии, что враг находится справа. Выход Сирии из ОАР стал переломным во всей его политической деятельности, толкнул к решительным шагам на пути коренных социальных преобразований в жизни Египта, уже намеченных к тому времени.

В речи 16 октября 1961 г., возможно одной из самых важных, Насер подверг себя резкой критике, заявив, что переоценил свои силы и недооценил силы реакции, боролся против империалистических пактов и баз, в то время как империализм находится также «во дворцах и сейфах миллионеров». Насер признал, что он и его помощники дали возможность реакционным элементам войти в Национальный союз, сохранили прежний, неэффективный государственный аппарат, вместо того чтобы сделать его инструментом в руках народных масс. Насер признал, что не было обеспечено революционное воспитание народа²⁴.

«Если законы, изданные в июле 1961 г., имели в виду нейтрализовать крупную буржуазию, то речь 16 октября означала, что она будет ликвидирована», — писал Абдель Малек²⁵.

Через два дня, 18 октября, был сформирован новый кабинет. Из 28 человек 13 были офицеры, в том числе президент и 5 вице-президентов. Еще через четыре дня объявили об аресте 40 человек, в основном бывших вафдистов (они были освобождены спустя четыре месяца), и о наложении секвестра на имущество 167 «реакционных капиталистов», представителей всех «больших семейств» традиционной египетской элиты. Спустя три года Насер признал, что он долго колебался, прежде чем принять решение о секвестре имущества²⁶. В самом деле, это было открытое объявление войны буржуазии, шаг бесповоротный, и он был сделан²⁷.

Подобно тому как несколькими годами раньше была разгромлена и изгнана с политической арены верхушка крупных землевладельцев и их представителей — политиканов старой эпохи, так в 1961 г. была разгромлена и изгнана с политической арены крупная буржуазия. У нее была отобрана собственность общей стоимостью 1 млрд. егип. ф. Наиболее известные представители буржуазии были объявлены «врагами народа» и обречены на «изоляцию», т. е. лишение политических прав. Патриарх египетской буржуазии «сахарный король» Аббуд предстал перед трибуналом государственной безопасности по обвинению в финансовых злоупотреблениях.

«Если бы мы отдали руководство хозяйством в руки частного сектора, мы бы ничего не добились» — в этих словах Насера суть долго назревавшего конфликта, приведшего к революционным мерам 1961 г. Как пишет Халед Мохи эд-Дин, «пятилетний план не мог осуществляться без установления почти полного контроля над капиталовложениями в государственный сектор. Не было иного пути, кроме национализации и установления народного контроля, привлечения трудящихся масс к активному участию в строительстве общества. Президент Насер пришел к практическому и теоретическому выводу о невозможности развития по капиталистическому пути, о невозможности претворения в жизнь плана развития, кроме как на социалистической основе. Он заявил народу о неизбежности социалистического решения проблем,

определив этим содержание теоретической концепции и вытекающую из нее политическую и экономическую деятельность»²⁸.

Но, как правильно подчеркивает тот же автор, «нужна была теория, подтверждающая путь, избранный революцией»²⁹. Действительно, революция вступила в стадию поиска теории. Египет дает любопытный пример развития революции, при котором практика опережает теорию, а революционное руководство, уже совершив на практике решающий шаг, начинает разрабатывать теорию, подыскивать теоретическое обоснование своих действий.

Поскольку эти действия направлены против препятствовавших революции эксплуататорских классов, буржуазии и помещиков, то вполне естественно, что теоретической основой этой политики мог быть только социализм. Это было ясно еще до октября 1961 г. «Поиски теории» заключались в разработке такой концепции социализма, которая, по мнению лидеров военного режима, соответствовала бы египетским условиям. Было решено придать процессу выработки этой концепции широкий, массовый характер и для этого созвать Национальный конгресс народных сил. В свою очередь для созыва конгресса требовалось заложить хотя бы основы массовой политической организации, на базе которой конгресс мог быть созван. Национальный союз, в руководство которого, как сказал Насер, пробрались реакционеры, не подходил для этого, и он был распущен. Было решено создать Арабский социалистический союз, в котором рабочим и крестьянам должно принадлежать не менее 50% мест во всех выборных органах. Насер заявил: «Рабочие и крестьяне — это первая сила, заинтересованная в социализме».

Еще в августе 1961 г. правящие круги констатировали банкротство «старых кадров» и «старой интеллигенции»³⁰. После 16 октября началась подготовка к созданию нового политического аппарата, которой, как мы увидим далее, суждено было затянуться на несколько лет. Но важно отметить, что понимание невозможности работать с людьми «старой закалки», особенно в идеологической сфере, впервые было проявлено именно в тот период.

Национальный конгресс народных сил открылся

21 мая 1962 г. Созыву конгресса предшествовала тщательная подготовка, которой руководил сам Насер. На конгрессе Насер огласил проект Хартии национального действия — документа, определившего новый политический и социально-экономический курс страны. Хартия была единогласно принята конгрессом. Этот важнейший документ позволяет судить об идеологии египетских революционных демократов.

Главное в хартии — утверждение социализма как формы общественного устройства, выбранной руководством ОАР, и отрицание капиталистического пути развития. Причина этого формулируется в хартии совершенно четко: «Капитал в своем естественном развитии в стране, которая была обречена на отсталость, не в состоянии больше повести к экономическому подъему в то время, когда в развитых странах выросли крупные капиталистические монополии, опирающиеся на эксплуатацию богатств в колониях»³¹. И в другом месте: «Глубокая пропасть отсталости, существующая между развитыми странами и теми, кто пытается догнать их, не позволяет идти к прогрессу, основываясь на личных усилиях, мотивом которых служит стремление к эгоистической прибыли... Работа ради расширения основ национального богатства не может допустить стихийности частного эксплуатирующего капитала и его необузданных стремлений... Вывод — необходимость господства народа над всеми орудиями производства»³².

К этим положениям хартии можно добавить следующую формулировку, содержащуюся в передовой статье газеты «Аль-Ахрам» от 11 июля 1962 г.: «Социализм для арабов стал исторической необходимостью, так как доказано, что невозможно осуществить экономическое и промышленное развитие и преодолеть огромную отсталость, навязанную нам длительным господством феодализма и империализма, на путях традиционной капиталистической системы»³³.

Мысль, что социализм стал для Египта исторической необходимостью, выражена в хартии с большой силой: «Социалистическое решение задачи преодоления экономической и социальной отсталости в Египте и достижение прогресса революционным путем не основываются на каком-то абстрактном выборе, а являются исторической необходимостью, продиктованной реальной дейст-

вительностью, чаяниями народных масс, изменившейся обстановкой во всем мире во второй половине XX в.».

Из этого следует вывод: «Научный социализм — это благоприятная форма для правильного пути к прогрессу. Любой другой путь не может обеспечить желанного прогресса». Таким образом, хартия говорит именно о научном социализме, а не об «арабском социализме», идею которого некоторые египетские теоретики выдвигали на протяжении нескольких лет. Сам Насер не употреблял термина «арабский социализм».

Что понимали руководители ОАР под научным социализмом? По определению Насера, социализм означает «обеспеченность и справедливость», причем справедливость достигается усилиями, «направленными на ликвидацию разногласий между классами и на уничтожение эксплуатации во всех ее формах и проявлениях». Понятие «эксплуатация» не включает в себя все виды эксплуатации, осуществляемой собственниками средств производства. Речь идет лишь о так называемом эксплуататорском капитале (т. е. фактически о крупной и частично средней буржуазии). Дело в том, что хартия, провозглашая «необходимость господства народа над всеми орудиями производства, над направлением его доходов согласно установленному плану», тут же подчеркивает, что «господство народа над всеми орудиями производства не вызывает необходимости национализации всех средств производства, не отменяет частной собственности, не затрагивает вытекающего из нее законного права на наследство». Господство народа над орудиями производства достигается созданием «сильного общественного сектора», которому отводится ведущая роль в экономике, и наличием частного сектора, «участвующего без эксплуатации в развитии в рамках общего плана» (т. е. в основном мелкой буржуазии. — Г. М.).

Национализации подвергается только «эксплуататорский капитал», а «неэксплуататорский капитал» не только не ликвидируется, а даже поощряется и объявляется частью народных сил. Разница между этими двумя видами капитала в том, что первый пытается установить свое господство над правительством (еще раз к вопросу о том, как болезненно реагировал революционный режим на попытки частного капитала вторгнуться в сферу политического руководства), опереться на империализм,

эксплуатировать рабочий класс и получать максимальную прибыль, а второй ликвидирует эксплуатацию рабочих путем предоставления им справедливой заработной платы, права участия в прибылях предприятия и в управлении им.

Что касается аграрного вопроса, то хартия ясно высказалась против обобществления земли. «Правильное решение аграрного вопроса заключается не в превращении земли в государственную собственность, а в необходимости существования частной собственности на землю и в расширении этой собственности путем предоставления права на нее большему числу арендаторов наряду с укреплением этой собственности путем сельскохозяйственной кооперации и расширения ее рамок с целью охватить все стадии производственного процесса с начала и до конца».

Таким образом, хартия считала возможным сохранение при социализме мелкой буржуазии в городе и деревне.

«Те, кто полагает, что июльские законы положили конец частной инициативе, впадают в большую ошибку», — указывалось в хартии. Однако признавалась лишь такая частная собственность, которая базируется не на спекуляции и монополии, а на «труде, на готовности пойти на риск». Трудно практически представить себе, что означала эта формулировка, равно как и другая, относительно «получения законной прибыли без применения эксплуатации». Очевидно, речь шла о мелком производстве, использующем незначительное число наемных рабочих, о торговле, подрядах на строительство и т. д. Но в целом хартия отводила достойное место частному сектору и в промышленности, мотивируя это тем, что «частный сектор сыграл роль катализатора по отношению к государственному сектору, ибо открывает сферу свободной конкуренции в рамках генерального экономического планирования».

Хартия признавала тяжелую промышленность базой экономики и решительно утверждала принцип планового хозяйства. «Действенное социалистическое планирование — это единственный способ, который обеспечивает использование всех национальных ресурсов».

По сравнению с предшествующими этапами революции большие сдвиги заметны у авторов хартии в отноше-

нии к классам и классовой борьбе. Если в 1959 г. Насер говорил о возможности развития революции «не с помощью классовой войны, а с помощью любви и братства»³⁴, то в хартии говорилось: «Союз реакции и эксплуататорского капитала должен пасть... Мирное разрешение борьбы может быть достигнуто лишь при одном условии — обезоруживания реакции». В хартии отмечается, что до революции в Египте существовала классовая диктатура реакции, а авангардом народных сил, поднявшихся на революцию, были рабочие и крестьяне. «Нельзя игнорировать и отрицать неизбежную и естественную борьбу между классами». Однако авторы хартии считали необязательной и нежелательной перспективу кровопролитной и ожесточенной классовой борьбы и тем более гражданской войны и высказывались за то, чтобы отнять у реакции оружие и тем обезвредить ее, чтобы открыть путь к «мирному решению классовой борьбы». Но обезоружить реакцию — это и значит применить насилие, осуществить диктатуру (пусть даже это совершится без кровопролития). Следовательно, хартия являлась серьезным шагом вперед по сравнению с прежними концепциями гармонического примирения классовых интересов в рамках Национального союза на основе «любви и братства».

В союз трудящихся сил народа включались «крестьяне, рабочие, солдаты, интеллигенция и национальная буржуазия». Как показал опыт, под «национальной буржуазией» (синоним «неэксплуататорского капитала») подразумевалась главным образом мелкая буржуазия. В августе 1963 г. было национализировано еще 276 частных и смешанных компаний и фирм. Были национализированы многие предприятия пищевой, текстильной, химической, фармацевтической промышленности и т. п. В большинстве случаев это были предприятия, принадлежавшие средней буржуазии.

Взаимосвязь между демократией и социализмом определялась в хартии следующим образом: «Демократия — политическая свобода, а социализм — социальная свобода. Нельзя отделять одно от другого... Свобода голосования без свободы получить кусок хлеба не имеет ценности...».

Организующей силой социальной революции был объявлен Арабский социалистический союз — «социалисти-

ческий авангард, который ведет за собой массы...». Лица, эксплуатирующие чужой труд, не должны быть членами союза, хотя на практике в деревне это сплошь и рядом нарушалось. Насер неоднократно высказывал озабоченность по поводу того, чтобы представители эксплуататорских классов не проникли в АСС. «Если феодалы или капиталистические эксплуататоры, — заявлял он, — займут командные посты в народной организации, это будет означать, что мы ничего не добились». Насер неоднократно подчеркивал, что революционные идеи должны исходить от рабочих и крестьян.

Выступая на открытии сессии Национального собрания в марте 1964 г., Насер заявил: «Хартия не догма, а метод для всестороннего развития. Хартия должна быть инструментом для сплочения сил трудового народа, а не превращаться в путы, сковывающие этот союз»³⁵.

Анализ Хартии национального действия не оставляет сомнений, что это — революционно-демократическая программа, подводящая теоретическую базу под мероприятия, совокупность которых составляет некапиталистический путь развития.

Подводя итоги деятельности египетской армии как политической силы (а их можно подвести, так как, видимо, самостоятельная политическая роль армии в Египте уже сыграна), следует констатировать ее большие и неоспоримые заслуги в национально-освободительной революции. Армия выступила в 1952 г. как авангардная сила народного антиимпериалистического и антифеодального движения. И в последующие годы она стояла на страже завоеваний революции, не допуская восстановления помещичье-буржуазного режима и противодействуя подрывной деятельности империализма.

Одной из главных слабостей режима, установленного после революции 1952 г., была та, что он, возникнув в результате военной акции, остался режимом военным. Армия рассматривалась (во всяком случае, считала себя) руководящей силой в стране, призванной решать судьбы родины и революции. В этом — причина ее постепенного превращения в привилегированную корпорацию, в элиту. Результатом этого превращения было распространение среди значительной части офицерства, особенно высшего, особой, «элитарной» психологии, в основе которой лежало стремление сохранить свои привилегированные

позиции. Поэтому было неизбежным стремление высших военных чинов воспрепятствовать консолидации соперничающей силы — политической партии, призванной обеспечить руководство страной. Это противодействие было тем более сильным, что речь шла о создании не просто политической партии, а партии социалистической ориентации, что вдвойне угрожало интересам военно-бюрократической буржуазии, какой становилась военная верхушка вместе со связанной с ней (и в значительной мере вышедшей из рядов армии) административной элитой. Конфликт был неизбежен, и агрессия Израиля 5 июня 1967 г. лишь способствовала его кульминации.

Египетские солдаты во время «шестидневной войны» во многих случаях сражались стойко. Польский автор Я. Дзедзиц правильно писал в журнале «Политика», что «подвели не оружие и не солдаты, а полная самодовольства офицерская прослойка, многие представители которой, находясь на стыке государства и частного сектора, защищали свое привилегированное положение»³⁶.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу, имеющему важнейшее значение для нашей работы.

Все, что выше было сказано о бюрократическом аппарате, в немалой степени относится и к офицерству. Уже отмечалось, что часть офицеров, попав на руководящие посты в администрации и экономике, подверглась обуржуазиванию. По мере их слияния со столичным обществом, буржуазным по своей сути, по мере их продвижения в его верхи³⁷ их прежний романтизм, революционный энтузиазм и скромность сильно потускнели. Многие из офицеров приобщились к гражданской интеллигенции; для успешной карьеры уже недостаточно носить мундир, желательнее иметь еще и диплом факультета права, коммерции или экономических и политических наук. Желаящим прослушать курс в университете это разрешается. Немало офицеров записались на новый военно-технический факультет, открытый в 1961 г. В семилетнем курсе обучения на этом факультете сочетаются среднее военное и высшее техническое образование³⁸.

П. Мейер-Ранке так характеризовал положение офицеров: «Офицеры находятся на верхушке социальной пирамиды. Они занимают посты директоров в хозяйственном аппарате, управляют Суэцким каналом и руководят освоением пустыни. Все 24 поста губернаторов

провинций заняты офицерами армий или полиции, 90% послов за границей — выходцы из офицерского корпуса. Разумеется, на своих гражданских должностях они не носят мундира, но они образуют современную военную касту... Они пользуются влиянием и привилегиями в большей мере, чем остальные жители Египта. Офицерам не разрешено ездить общественным транспортом, чтобы они в своих мундирах не толкались в переполненных автобусах... К их услугам — армейский транспорт... У них свои клубы в Каире и Александрии. Им платят больше, чем любым другим египтянам на соответствующей работе. Уже лейтенант получает 25—30 фунтов в месяц, в то время как молодой человек с университетским дипломом в начале своей работы в государственном учреждении зарабатывает не более 18 фунтов»³⁹.

По данным, приведенным французским ученым Б. Вернье, для военных сохранялась специальная надбавка на дороговизну, отмененная гражданским служащим. Для офицеров строились кооперативные «городки». Они покупали предметы домашнего обихода за 30% цены⁴⁰.

Многие офицеры, писали советские журналисты И. Беляев и Е. Примаков, «пользовались привилегиями для повышения своего благосостояния. Уходя из армии по истечении срока службы, многие генералы и полковники, как правило, получали высокие посты в промышленности и государственном аппарате. Правительство часто обращалось к армии с призывом помочь навести порядок в том или другом государственном учреждении. Со временем перемещение военных кадров из армии в государственный и экономический аппарат превратилось в своего рода постоянно действующий фактор. На новых постах они получали широкие возможности умножать свое благосостояние. Эти генералы и старшие офицеры обзавелись чековыми книжками и счетами в банках. Отмечены случаи, когда счета открывались в иностранных банках, куда переводились суммы в иностранной валюте. Появился тип офицера-дельца, который больше занимался бизнесом, чем боевой подготовкой солдат и сержантов.

Года два назад в каирских газетах начали писать о „новой бюрократии“. Имелись в виду прежде всего во-

енные, получившие высокие посты и оклады в государственном аппарате. Один из наших собеседников с горечью говорил о том, что это была особая каста людей, поставивших свои личные интересы выше государственных. В ОАР распространился термин „военная буржуазия“»⁴¹.

Все эти красноречивые свидетельства дают представление, в каком направлении эволюционировал за годы, прошедшие после революции, офицерский корпус египетских вооруженных сил. Молодой революционер-патриот зачастую становился буржуазным бюрократом, членом привилегированной милитаристской корпорации. Причины этого понять нетрудно: военные лидеры Египта, придя к власти при помощи армии и понимая ее значение, сохранили привилегии, которые предоставлял офицерам монархический режим, и даже приумножили их, стремясь удержать армию как свою главную опору. Но бытие определяет сознание — привилегии способствуют психологическому перерождению. Пока в Египте существовал чисто военный режим, у военной бюрократии не было оснований для беспокойства и в ее лояльности правительству не приходилось сомневаться. Но по мере углубления социальных преобразований эта прослойка начала выражать недовольство. По свидетельству И. Беляева и Е. Примакова, военные летчики (как правило, выходцы из более или менее зажиточных и привилегированных семей) уже в 1961 г., когда Насер издал «социалистические законы», открыто протестовали против того, чтобы в Национальное собрание вошли «продавцы редиски и салата»⁴². Время от времени Насер частично обновлял офицерские кадры, но, по-видимому, этот процесс был слишком медленным и не поспевал за процессом бюрократизации и обуржуазивания военных кадров. Почва для этого оставалась, так как сохранялось привилегированное положение военных, а положить этому конец правительство, вероятно, опасалось. Напротив, чем более глубокие социальные реформы оно проводило, тем больше оно должно было считаться с возможностью оппозиции со стороны высших офицеров и тем больше привилегии оно старалось им предоставить, чтобы сохранить их лояльность. Этот порочный круг привел в конце концов к тому, что ряд высших офицеров, внутренне не принявших революцию и чувст-

вовавших в реформах Насера угрозу своему привилегированному положению, не проявил должного патриотизма и боевого духа в решающий момент. Вполне возможно, что некоторые из них в глубине души считали, что если Израиль добьется падения Насера, то это и к лучшему: израильтяне все равно рано или поздно уйдут с египетской земли, как уже было однажды в 1956 г., зато будет покончено с полевением режима, со слухами о предстоящих новых ударах по состоятельным слоям, с ростом влияния коммунистов.

Разумеется, на фронте в июне 1967 г. воевали не те офицеры-бюрократы, военные дельцы, которые сидели в администрации и хозяйственном аппарате, но общую атмосферу в офицерском корпусе определяли именно они. Настроения, свойственные военно-бюрократической буржуазии, не могли не передаться — до известной степени — и части офицерства в действующей армии.

Настоящей политической работы в армии не было: в ней не существует ячеек Арабского социалистического союза, военнослужащие не имеют права быть членами партии. Многие офицеры были далеки от идей социализма, не прониклись духом защиты революционных завоеваний. Все это сказалось в час военного испытания.

Халед Мохи эд-Дин, говоря о непосредственных причинах июньского поражения, причинах чисто военного характера, указывал, что это лишь последствия более общей и глубокой причины, лишь «отражение существенных пороков в политической структуре... Лозунг Хартии национального действия не был до сих пор эффективно претворен в жизнь. Многие богатые крестьяне и аграрные капиталисты смогли занять места в Национальном собрании и в комитетах Арабского социалистического союза в качестве представителей крестьян. То же относится к рабочим: многие места, которые, как предполагалось, должны были быть зарезервированы для их представителей, фактически оказались занятыми высокопоставленными государственными чиновниками под предлогом, что каждый служащий является трудящимся»⁴³.

Видный египетский журналист, сотрудник газеты «Аль-Гумхурия» М. Ода писал, анализируя причины поражения: «Политическая и идеологическая работа находилась в полном загоне. Главным методом был админи-

стративный. Государственная деятельность осуществлялась для масс, но без масс»⁴⁴. Главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Хейкал писал на эту же тему: «Центры власти и машина контроля обслуживали и защищали только самих себя... Массовое движение развивалось не благодаря этой машине и центрам власти, а вопреки им»⁴⁵. В другой статье Хейкал писал о «группировке власти», в руках которой «всецело находилась администрация».

Эти термины — «центры власти» и «группировка власти», а также «группы давления» — не применялись в ОАР вплоть до шестидневной войны. Об этих центрах стали говорить лишь тогда, когда они были разгромлены после июня 1967 г. Тогда только и выявились подлинные масштабы власти этих «центров» и «групп», настолько мощных, что некоторые египетские авторы даже считают возможным писать о «двоевластии», существовавшем в ОАР до июня 1967 г.⁴⁶ Во главе «второй власти», или «параллельного центра власти», пользуясь термином, употребляющимся в египетской печати, оказался маршал Амер. Штаб Амера, а также военная разведка и органы государственной безопасности были теми двумя «группами давления», которые в какой-то степени контролировали президента Насера и оказывали немалое влияние на политическую жизнь.

Бывший военный министр Бадран заявил на процессе заговорщиков весной 1968 г., что президент Насер еще в 1962 г. намеревался лишить Амера права единоличного решения всех кадровых вопросов в армии, но, как сообщил советский журналист Е. Примаков, «Амер пригрозил отставкой, и Насер, не будучи готовым осуществить хирургическое вмешательство, согласился, по сути дела, на продолжение „двоевластия“»⁴⁷. Другой генерал, Шерид, показал на суде, что он лично слышал, как Бадран в июньские дни 1967 г. заявил Насеру по телефону, что он, Бадран, достаточно силен, чтобы совершить в случае надобности переворот, «не вставая с кресла»⁴⁸.

Выступая в марте 1968 г. в Хелуане, Насер заявил: «Существовала группа военных политических деятелей... Для них революция означала власть... После того как народ поднялся 9 и 10 июня, этот класс почувствовал угрозу для себя и начал помышлять о захвате командо-

вания». Слово «класс» прозвучало не случайно: в другом выступлении, перед журналистами, Насер говорил о том, что «существовал класс военных, которые считали себя естественными наследниками режима, считали себя призванными решать судьбы страны и революции»⁴⁹.

Речь идет о военно-бюрократической буржуазии. В нашем понимании она, конечно, не является классом, а лишь прослойкой, составной — и важнейшей — частью того нового привилегированного слоя, который сложился в Египте после революции 1952 г. и существование которого единодушно признают все авторы, в первую очередь египетские марксисты. Кроме высшего офицерства в эту прослойку входила та социальная категория, которую Е. Примаков характеризует как «отпочковавшийся от армии и разбавленный прозападными технократами слой административных работников», которых стали называть «нереволюционными» или «антиреволюционными» администраторами⁵⁰.

Еще 26 марта 1964 г. президент Насер заявил: «Наш долг — любой ценой помешать появлению „нового класса“, который стремился бы унаследовать привилегии старого... Мы должны лишить этот класс оружия, с помощью которого он попытается, когда представится возможность, поразить союз народных сил»⁵¹. Борьбу прогив «параллельной власти», обладавшей практически правом вето по отношению к его действиям, президент начал вести с помощью АСС, а затем той «секретной организации», которую он намеревался создать внутри АСС. Насер и его ближайшие единомышленники поняли, что «офицерский корпус постепенно превратился из их опоры во второй центр власти»⁵². Группа Амера пыталась парализовать деятельность АСС. Конфликт нарастал, хотя и подспудно.

И вот наступило 5 июня 1967 г. Корреспондент французской газеты «Монд» Э. Руло констатировал, что «многие желали если не военного поражения, то во всяком случае чувствительной неудачи, которая бы заставила раиса уйти в отставку»⁵³. В период шестидневной войны «новый класс», как писал Исса, выступил против Насера, «люди нового класса уже собирались в каирских салонах, чтобы образовать новое правительство. Списки были составлены давно. Партия практически не существует, ее аппарат парализован. Но народ на месте.

Этот народ, о пассивности и аполитичности которого столько говорили, миллионами выходит на улицу и становится хозяином... Движение 9 и 10 июня было движением оппозиции — оппозиции новому классу и его системе»⁵⁴.

Массы победили, народ доказал, что именно он является решающей силой революции. Военная верхушка была сброшена со своих господствующих позиций, но военно-бюрократическая буржуазия была лишь ранена — и от этого с яростью бросилась в атаку. Она организовала заговор, во главе которого оказался маршал Амер. Ключевыми фигурами заговора были бывший военный министр Шамс Бадран, бывший начальник разведки Салах Наср, генерал-майор Осман Нассар. Заговор был сорван; Амер покончил с собой, остальные путчисты попали на скамью подсудимых. «После падения Амера, — писал корреспондент американского агентства ЮПИ, — не осталось никого, кто бы защищал привилегии его сторонников, которые при нем были самым привилегированным классом страны».

«Славу аллаху, вооруженные силы поставлены теперь на надлежащее место», — заявил президент Насер. Х. Мохи эд-Дин писал: «Разгром высшего армейского командования, отличавшегося консервативным отношением к делу революции, презрением к массам, будет серьезно способствовать демократизации всех сторон жизни Египта»⁵⁵.

«Став на путь откровенно враждебный революции, они превратились в центр египетской реакции», — писали о военных заговорщиках корреспонденты «Правды» И. Беляев и Е. Примаков⁵⁶. «Программа 30 марта», единодушно одобренная народом на референдуме 2 мая 1968 г., фактически предусматривала «отказ от использования армии в качестве основного источника, из которого пополнялись все звенья государственного аппарата»⁵⁷.

Вернемся к Сирии. Мы оставили ее в момент окончательного крушения буржуазно-парламентской системы, восстановленной на короткий срок после выхода страны из состава ОАР в 1961 г. Переворот 8 марта 1963 г. стал началом восхождения к власти партии Баас, укрепившейся в сирийской армии.

Баас располагала двумя важнейшими возможностямя-

ми идеологического воздействия на умы — идей арабского единства и своей концепцией социализма. Именно это отличало ее от других националистических партий и течений, идеологией которых был только антиимпериализм. Если добавить к этому централизованную организацию, дисциплину Баас, то причины ее успеха станут понятны.

Итак, в 1963 г. Баас вновь вышла на авансцену. Этому способствовал своеобразный политический вакуум, который возник в результате того, что буржуазные партии были дискредитированы, коммунисты еще не успели оправиться от нанесенных им ударов, а насеристы были ослаблены и подвергались гонениям.

По-видимому, в тот момент буржуазия смотрела на Баас как на меньшее зло по сравнению с коммунистами и сторонниками Насера. В программных установках баасистов не было ничего, что можно было бы рассматривать как определенное намерение, нанести удар по привилегированным классам, связанным как с предпринимательством, так и с землевладением. В Сирии имелись крупнейшие помещики, своего рода латифундисты, некоторые из них владели колоссальными поместьями площадью до 100 тыс. га⁵⁸. В основном это были феодалы турецкого и курдского происхождения, и после достижения независимости серьезной политической роли они не играли. Господствующим классом были капиталисты, одновременно являвшиеся крупными землевладельцами. Основой накопления их капиталов была торговля. Торговля в Сирии была в руках европейцев (чему способствовал режим капитуляций, существовавший в Османской империи). Примерно с XVIII в. в торговле получили преобладание алеппские евреи, затем сирийские христиане, и лишь в XX в. сирийские мусульмане утвердились наряду с христианами в этой сфере.

К середине XX в. в Сирии сложились три основные предпринимательские группы: группа Хумасия (Дамаск), мусульманские купцы-импортеры, ставшие промышленниками — текстильные предприятия, промышленность стройматериалов и т. д., группа Сахнауи (Дамаск), выходцы из компрадоров, христиан и мусульман, — легкая и пищевая промышленность; халебская группа, среди которой выделялись Мударрис — владелец крупнейшей текстильной фабрики и богатейший по-

мещик, Харири и Шабарек — купцы, создавшие текстильные и цементные предприятия.

Часть крупных капиталистов, в том числе богатые армянские купцы из Халеба, приобрели земли в Джебзире и создали крупные капиталистические плантации, где выращивались пшеница и хлопок.

В Сирии насчитывалось 26 тыс. промышленных предприятий, из них 16 тыс. были фабричками, на которых было занято менее 10 рабочих. Лишь на 58 предприятиях число занятых превышало 50. Главная отрасль промышленности по числу занятых (18 тыс.) — текстильная. Крупные текстильные фабрики в Дамаске и Халебе оснащены первоклассным современным оборудованием. Их быстро обогащавшиеся владельцы составляли наряду с собственниками плантаций в Джебзире элиту сирийской буржуазии.

Все эти люди никогда не одобряли партии Баас с ее социалистической терминологией. Для буржуазно-помещичьей элиты «своими людьми» были Халед Азм, Шукри Куатли, Атаси (бывший президент).

От баасистов же, а тем более от баасистов военных, можно было ожидать чего угодно. Они делили между собой власть, устраивали перевороты, свержали друг друга, устанавливали контакты то с коммунистами, то с насеристами. Не было порядка, стабильности, гарантий спокойного, устойчивого развития. Перестала функционировать традиционная парламентско-партийная система, позволяющая буржуазии определять политический курс правительства. Повторился — в сирийском варианте — тот же процесс, что и в Египте. Возник «кризис доверия» между буржуазией и государственной властью, имевшей большую степень независимости и автономии. Первоначально власть вовсе не собиралась наносить ущерб буржуазии, напротив, как и в Египте, она предоставляла ей привилегии. Баасистское правительство разрешило свободное обращение иностранной валюты, сняло некоторые валютные ограничения, начало широко субсидировать через государственные банки частные предприятия (только 104 частных промышленных предприятия получили от государства ссуды на сумму 82,7 млн. сир. ф.)⁵⁹.

Салах Битар, возглавивший правительство в мае 1964 г., пытался всячески успокоить буржуазию, при-

влек ее на сторону власти, обещая, что правительство не будет проводить национализацию. Глава государства генерал Хафез говорил впоследствии (в январе 1965 г.): «Между нами и частным сектором существовало как бы перемирие. Мы давали ему возможность подтвердить его добрые намерения»⁶⁰.

Но этих добрых намерений как раз и не было. Снятие валютных ограничений привело лишь к утечке валюты. Утечка капитала за границу приобрела огромные масштабы. За 1963 и 1964 гг. было вывезено и помещено в банки Ливана, Швейцарии и других стран 800 млн. сир. ф. (весь национальный доход страны составил в 1963 г. 3315 млн. сир. ф.)⁶¹. Государственные ссуды использовались в качестве оборотного капитала для простого воспроизводства, а полученные прибыли вывозились за границу. Все это привело к застою в промышленности, спаду в торговле. Капиталисты, ссылаясь на экономические трудности и нехватку средств, закрывали предприятия или сокращали производство, увольняли рабочих. Росла безработица, десятки тысяч людей были вынуждены эмигрировать из страны. Рос бюджетный дефицит, а также дефицит торгового и платежного баланса.

За весь 1964 г. ни один представитель делового мира не вложил свой капитал в строительство новых промышленных объектов. К концу года сократилось производство хлопчатобумажных тканей, цемента, сахара, строительных материалов и т. д. Резко упал курс акций основных промышленных компаний⁶².

Все это вызывало широкое недовольство населения. Экономические трудности привели к катастрофическому падению популярности Баас в народе. Баасисты хорошо понимали, что это означает: создавалась почва для нового переворота. С таким трудом, после стольких лет борьбы завоеванная власть грозила ускользнуть из их рук. И в интересах самосохранения руководство Баас оказалось вынужденным предпринять шаги, чтобы приостановить падение и развал экономики. Были введены первые ограничения импорта, усилен контроль над финансовыми операциями с заграницей. В начале 1964 г. были национализированы крупнейшие текстильные предприятия.

Но все эти меры дали обратный эффект. Цены на импортные товары стали расти, многие товары вообще ис-

чезли с рынка, стала развиваться контрабанда. Буржуазия, почувствовав на себе первые удары правительства, потеряла к нему всякое доверие. Что же касается иностранного капитала, то он фактически отказался иметь дело с Сирией, мотивируя это резким падением обеспеченности сирийского фунта.

Дамасская торговая палата в своем меморандуме, направленном министру экономики, указала на следующие элементы экономического кризиса: сокращение резервов иностранной валюты, рост внешней задолженности, нежелание иностранных банков предоставлять Сирии кредиты, упадок доверия к сирийскому фунту за границей, уменьшение экспорта, рост цен на внутреннем рынке, трудности со сбытом, застой в торговле и т. д.

По мнению торговой палаты, это объяснялось главным образом политической нестабильностью, из-за которой деловые люди боялись вкладывать капиталы в развитие экономики. Палата рекомендовала правительству практически отказаться от всякого контроля над финансовыми операциями с заграницей, поощрять частную инициативу и т. д. Иными словами, буржуазия требовала от баасистов вернуть страну полностью на путь «классического» капитализма, либеральной экономической политики. И за всем этим стояло одно не высказанное прямо, но вполне очевидное требование: допустить компетентных людей, представителей деловых кругов, к участию в определении политического курса, т. е. покончить с монополией Баас на государственное руководство. Но печальный опыт сотрудничества с буржуазией многому научил баасистских лидеров, если не всех, то по крайней мере молодое левое крыло, которое к концу 1964 г. стало задавать тон в партии.

В результате большой чистки весной 1963 г. из армии были уволены офицеры — сторонники традиционных буржуазных партий и говорилось о наплыве «четвертого поколения» офицерства — новой волны. Это поколение имело три отличительные черты.

Во-первых, это, как правило, были выходцы из простого народа, из провинциальной среды. Э. Руло приводил на страницах «Монд» беседу с Абдель Керимом Джунди — одним из руководителей революционного режима в Сирии. «Я стал военным не по призванию, — сказал Джунди. — Я хотел стать инженером, но скуд-

ность средств, которыми располагала семья, не позволили мне поступить в университет; это — роскошь, которую могли себе позволить лишь сыновья крупной буржуазии. А обучение в военной академии было бесплатным. Кроме того, мы получали стипендию, которая давала нам возможность обеспечить свое существование». «Армия, — писал Руло, — дала ему престиж, соответствующий мундиру, затем авторитет, который он не мог бы получить в другой сфере, и, наконец, власть которая позволила ему вырвать из рук имущих орудия их господства»⁶³. Руло также упоминает двух других офицеров — капитана, сына простого крестьянина, и полковника, сына типографского рабочего.

Во-вторых, устранение офицеров, связанных со столичными привилегированными слоями, привело к ослаблению суннитского элемента в армии, так как дамаская верхушка вся состояла из суннитов. На смену им пришли представители окраин — алавиты, исмаилиты, друзы, т. е. представители религиозных меньшинств, всегда подвергавшихся дискриминации и соответственно враждебно настроенных к традиционной системе.

В-третьих, молодые офицеры окончили военное училище в Хомсе, где имелся ряд прогрессивно настроенных преподавателей, знакомивших слушателей с передовыми общественными идеями. Это способствовало росту интереса к социалистической теории и практике.

Эти обстоятельства объясняют левую ориентацию «четвертого поколения» офицеров. Они не только не были связаны с традиционными правящими слоями, но были враждебно настроены по отношению к ним. Позиция, которую заняла в 1964 г. буржуазия, побудила эту группу офицеров к решительным действиям.

Результатом была волна национализации в январе 1965 г., за которой весной последовали другие декреты, приведшие к тому, что в руки государства перешло 75% промышленного производства.

В 1966 г. в Дамаске был издан официальный документ, озаглавленный «Документы, относящиеся к социалистическим преобразованиям в Сирийской Арабской Республике». В нем излагалось не только содержание декретов 1965 г., но, что более важно, приводилось их обоснование. Поэтому выдержки из документа представляют интерес:

«Партия решила, что контроль над сектором экономики невозможен до тех пор, пока этот сектор не будет превращен в общественную собственность. Она также пришла к убеждению, что только социализм способен создать подходящие условия для развития современной промышленности и национальной экономики в слаборазвитой стране. Партия также решила, что класс буржуазии является эксплуататорской и неэффективной силой...

Решения партии четко говорят о необходимости проведения политики самоуправления, цель которой — предотвратить возникновение бюрократического капитализма со всеми его пороками. Ибо на производстве демократическая политика самоуправления является единственным путем предоставления трудящимся массам возможности контролировать экономику.

...Только социализм может создать условия для приобретения технического опыта. Не следует откладывать проведение социалистических мероприятий до тех пор, пока будет накоплен опыт... Необходимые предпосылки для него будут созданы быстро и эффективно в процессе строительства социалистического общества. Кроме того, мы убеждены, что в мире накоплено немало технического опыта, которым располагают искренние друзья, способные нам помочь...

Наличие частного сектора, охватывающего большую часть нашей национальной экономики и контролирующего основные экономические сферы в нашем обществе, устремившемся к социализму, может означать лишь продолжение эксплуатации дельцами борющихся рабочих и потребителей... Развитие частного сектора зависит от того, что правительство гарантирует налоговые и таможенные привилегии, предоставляет кредиты, дает транспорт и т. д. ...в чем в первую очередь нуждается частный сектор и что идет ему только на пользу. Другими словами, правительство на всех участках деятельности работало бы в интересах частного сектора и для его развития. Это также означает, что правительство осталось бы инструментом в руках капиталистов...

Опыт показал, что частный сектор, несмотря на все благоприятные условия и гарантии, предоставленные правительством, оказался неспособным обеспечить подлинное развитие национальной экономики...

Частный сектор с начала социалистических шагов в

нашей стране контрабандой вывозил капитал... Политика частного сектора может быть охарактеризована как использование контролируемых им торговых и промышленных компаний для извлечения максимальных прибылей. Далее, частный сектор продолжал требовать от правительства содействия и кредитов и переправлять все что можно за границу, пытаясь в то же время положить конец всякому расширению производства внутри страны.

Поэтому оставить национальную экономику в руках отдельных лиц в общих рамках официальной социалистической политики значило бы сохранить все пороки частного сектора и системы свободного предпринимательства. Это означало бы также, что правительство останется орудием дельцов в ущерб борющимся массам, ради которых была совершена революция.

...Все это делало необходимым шаги, предпринятые социалистической революцией для того, чтобы покончить с капиталистическим контролем над национальной экономикой и с эксплуатацией борющегося народа.

Это было достигнуто революцией, когда были изданы декреты, предусматривающие национализацию 21 компании с капиталом 111 692 000 сир. ф. ...

Эти компании производили цемент, сахар, стекло, растительные масла, текстиль и т. д. Этими социальными декретами также были национализированы 24 компании и фирмы на 90%... и 61 компания и фирма на 75%. Всего социалистическими декретами охвачено 106 компаний⁶⁴.

Характерно, что аргументация, обосновывающая национализацию, аналогична египетской Хартии национального действия: неэффективность, своекорыстие, саботаж буржуазии, невозможность добиться экономического подъема на капиталистическом пути. Сходство аргументации проистекает из сходства ситуации.

В 1963 г. баасисты в Сирии, борясь на два фронта — против коммунистов и насеристов, — пошли на союз с буржуазией. Однако вскоре выяснилось, что для такой партии, как Баас, поддержка буржуазии, тем более половинчатая и вынужденная, явно недостаточна. Нужна была опора масс, а массы, разбуженные насеровскими декретами 1961 г., требовали радикальных преобразований. И баасисты решили осуществить «насериизм без На-

сера», тем более что буржуазия, лишенная участия в управлении страной, стала саботировать программу экономического развития. Это в свою очередь еще больше оттолкнуло от нее баасистов, руководство которых к этому времени претерпело изменения: «ортодоксальное ядро» во главе с Афляком и Битаром уступило позиции военной группе, не связанной предрассудками и наслоениями прошлой борьбы против коммунистов. Относительная независимость Баас от буржуазии позволила партии сделать резкий крен влево. Результатом явились январские декреты о национализации. Отныне баасисты в глазах капиталистов превратились во врагов. Понимая это, баасисты, естественно, пошли на сотрудничество с коммунистами, рассчитывая использовать их влияние в массах. Так возникли предпосылки для возрождения единого фронта левых сил.

Вообще, неверно говорить о Баас как о чем-то неизменном. В 1966 г. в результате очередного переворота (23 февраля) к власти в Сирии пришла группа левых офицеров, которая была инициатором реформ 1965 г. Хафез, примкнувший к Битару и объективно ставший препятствием на пути революции, был отстранен. Представители «новой волны» заняли ключевые посты в армейском и партийном руководстве. На 9-й общеарабской конференции Баас в октябре 1966 г. правые баасисты были исключены из партии.

Впоследствии возникла борьба и внутри группы «молодых офицеров». В ноябре 1970 г. один из ее виднейших представителей, кадровый баасист, военный министр генерал Хафез Асад, отстранил от власти Салаха Джемиди, Нурэддина Атаси, Зуэйна и других. Решающую роль в этих событиях сыграла армия: партийное руководство к моменту кризиса состояло в основном из сторонников Джемиди и Атаси, но воинские части, в том числе бронетанковые, оказались на стороне Хафеза Асада и их вступление в Дамаск решило исход борьбы. Один из представителей пришедшей к власти группировки заявил, что отныне Сирия выходит из «инфантильной фазы» своего развития, кладется конец «мифам и демагогии»⁶⁵. При новом руководстве Сирия вышла из состояния изоляции в арабском мире, протянула руку Египту, вступила в Федерацию Арабских Республик, улучшила отношения с Ираком, заняла более гибкую и реалистиче-

скую позицию в палестинском вопросе. Было решено поощрять частные капиталовложения в промышленность; Хафез Асад заявил, что необходимо «вывести экономику из состояния летаргии, освободить от цепей, сковывавших ее развитие»⁶⁶. Советник правительства М. Наср комментировал эти решения следующим образом: «Не отказываясь от социалистических принципов, мы хотим активнее использовать частный капитал, заставить его помочь решению экономических проблем страны. В обстановке, когда крупные капиталисты ушли со сцены, а все основные рычаги в экономике находятся в руках правительства, такая мера, не влияя на характер власти, должна оказаться полезной»⁶⁷.

Новое руководство добилось серьезных сдвигов в политической жизни Сирии: создан Прогрессивный национальный фронт, в котором помимо Баас участвует Сирийская коммунистическая партия, а также юнионисты (националисты-насеристы, или каумисты). Образован Народный совет, в который входят все левые партии; проведены выборы в местные органы самоуправления. Сирийские коммунисты оказывают твердую поддержку антиимпериалистической внешней политике и внутренним мероприятиям режима, который они оценивают как прогрессивный. По их мнению, эти мероприятия «способствуют созданию необходимых условий для перестройки сирийского общества на прогрессивных, демократических основах, создают возможности для построения в перспективе социалистического общества»⁶⁸.

Проводимые в интересах народа преобразования уже привели к серьезным успехам. Под контролем государства находятся все крупные и большая часть средних предприятий, разработка природных богатств, банки, кредитная система, внешняя торговля. На Евфрате с участием Советского Союза возводится крупный гидроэнергетический комплекс, который позволит оросить новые сотни тысяч гектаров земли и даст электроэнергию предприятиям и жилищам.

Партия Баас, видную роль в руководстве которой играют военные, взяла на вооружение программу революционно-демократических преобразований и ведет страну по некапиталистическому пути развития.

Таким образом, фактически от партии Баас периода 1954—1957 гг. остались лишь название и программа (и

то видоизмененная). Остался и костяк активистов, но в целом партия совершенно обновилась. Серьезной силой революционно-демократических преобразований стала армия. Прогрессивное офицерство толкнуло Баас влево и изменило ее характер и ориентацию.

Возникает вопрос: почему в новых условиях офицерская группа не попыталась создать новую партию, отбросив Баас со всеми ее наслоениями и сложной историей? По всей видимости, дело в том, что при наличии налаженной и отрегулированной машины разумнее овладеть ею и взяться за руль, чем демонтировать ее и создавать новую. У партии Баас есть имя, есть готовый, разветвленный аппарат, есть боевая, прогрессивная программа, привлекательная для широких масс, есть традиция, позволяющая ей выступать как партии общерабской.

Наконец, — и это самое главное — есть десятки тысяч приверженцев, которые вовсе не отвечали за оппортунистическую политику Афляка и Битара и примкнули к партии, движимые искренним патриотизмом и стремлением улучшить жизнь народа.

Революционные офицеры поступили совершенно правильно, использовав все эти преимущества партии в интересах прогрессивного развития Сирии.

Своеобразие революционно-демократической роли армии в Сирии в том, что ей не нужно было создавать политическую организацию. Такая организация уже существовала, надо было лишь сменить руководство. Как в Египте и Бирме, армия в Сирии явилась одной из движущих сил национально-демократической революции, перерастающей в революцию антикапиталистическую. Однако Сирия миновала этап чисто военного режима: военные, придя к власти, возглавили режим, уже обладавший социальной ориентацией. Это большое преимущество сирийской революции.

Отсюда логически вытекает и лозунг «идеологической армии» (аль джейш аль-укаиди), выдвинутый в Сирии. Армия выступает не как арбитр и надклассовая сила, а как один из факторов общего процесса революционных преобразований.

Большие изменения претерпела партия Баас и в Ираке. В 1963 г. баасисты уже были у власти в Ираке, но их правление оказалось кратким и неэффективным, а

проведенные тогдашним правым руководством партии антикоммунистические репрессии катастрофически ослабили левые силы и проложили путь к власти консервативной, националистической военщине. Урок пошел на пользу партии; вторично взяв власть в июле 1968 г., она стала действовать иначе, — в ней к тому времени произошли серьезные изменения.

Еще в октябре 1963 г., на шестом съезде Баас, идеологическая комиссия, образованная съездом, обсудила вопрос об отношении партии к марксизму и заявила, что «партия никогда не была чужда марксизму», что «марксизм является одним из источников социалистической идеологии, которым должна пользоваться партия Баас»⁶⁹. Придя в 1968 г. к власти, баасисты освободили из тюрем коммунистов и других демократов, проявили инициативу в сближении с Иракской коммунистической партией, осознали необходимость диалога с ней. В мае 1970 г. был издан новый, на этот раз весьма радикальный, подлинно антифеодальный закон о земельной реформе. Были изданы новые законы о труде, пенсионном обеспечении рабочих и служащих, взят курс на вытеснение иностранного капитала. Иракские коммунисты так оценили значение этих перемен на страницах своего органа «Аль-фикр аль-джадид»: «Революционные изменения, осуществленные партией Баас 17—18 июля 1968 г., и возникший в результате этого режим привели к серьезным успехам на пути национально-демократической революции, в значительной мере углубили решение национальных задач»⁷⁰.

В мае 1972 г. два представителя Иракской коммунистической партии были введены в состав правительства. Еще раньше, в марте 1970 г., было заключено соглашение с курдами, положившее конец многолетней братоубийственной войне, а в конце 1971 г. был обнародован проект Хартии национальных действий, что открыло путь к сплочению патриотических сил Ирака. В апреле 1972 г. был подписан Договор о дружбе с Советским Союзом. Наконец, 17 июля 1973 г. совершилось историческое событие: генеральный секретарь партии Баас Ахмед Хасан Бакр и генеральный секретарь Иракской коммунистической партии Азиз Мухаммед подписали соглашение о заключении Пакта национальных действий. Возник единый фронт левых сил Ирака, и все демократы надеются,

что это важнейшее событие навсегда положит конец длительной борьбе, препятствовавшей прогрессивному развитию страны.

Социально-экономическая политика баасистского правительства вступила в новый этап. Аграрная реформа сопровождалась развитием кооперативного движения в деревне. К лету 1973 г. в Ираке насчитывалось около 1400 кооперативов. Они объединяли крестьян, владевших 80% отчужденной у помещиков земли. Преобладающее число кооперативов имеет потребительско-бытовой характер, однако в течение пяти лет намечено преобразовать их в коллективные хозяйства⁷¹.

Фактом огромного значения явилась провозглашенная 1 июня 1972 г. национализация «Ирак петролеум компани». Одна из крупнейших в мире нефтяных компаний, в прошлом бесконтрольно хозяйничавшая в Ираке, грабительская империалистическая монополия, одно название которой символизировало для целых поколений иракцев иностранный гнет и эксплуатацию, получила тяжелый и неожиданный удар. Для Ирака это событие имело значение не меньшее, чем национализация компании Суэцкого канала для Египта в 1956 г. Но времена изменились и реакция империализма была уже иной, чем в 50-х годах. О вооруженной интервенции никто уже и не заикался, были сделаны лишь попытки организовать экономическую блокаду, но они провалились, и в феврале 1973 г. «Ирак петролеум компани» признала национализацию. Сделан важнейший шаг на пути к полному освобождению богатейших природных богатств Ирака от иностранного контроля. Этому способствовало и то, что при сотрудничестве с Советским Союзом была создана национальная нефтяная компания, успешно начавшая освоение нефтяных полей Румейлы и ставшая базой подготовки национальных кадров.

Английская газета «Файнэншл таймс», без особой симпатии относящаяся к баасистскому режиму, вынуждена была признать: «По сравнению с прошлым положение в стране в целом очень изменилось. Впервые после свержения в Ираке монархии страна располагает и необходимыми материальными ресурсами, и лучшей психологической атмосферой для развития своей все еще отсталой экономики». Газета добавляла: «Никто из наблюдателей в Багдаде не считает, что руководство партии

Баас отойдет от своей основной, социалистической идеологии»⁷².

Какую роль в этих событиях играет иракская армия?

За годы правления Касема и Арефа произошло существенное изменение в структуре иракской элиты вообще и военной верхушки в частности. Элита «провинциализировалась»: если до революции 1958 г. две трети министров были родом из Багдада и Мосула, то уже при Арефе число выходцев из этих крупнейших городов не составляло и половины, а после 1968 г. оно еще сократилось. Стали преобладать выходцы из провинции, но не из сельской местности, а из небольших городов, особенно из Тикрита. В «милитаризированной» элите тон стали задавать сыновья чиновников, лиц свободных профессий, торговцев. По сравнению с прошлым увеличился процент суннитов. Резко сократилось число землевладельцев и предпринимателей на ответственных постах и соответственно — число их сыновей в офицерском корпусе. В течение 1958—1968 гг. ежегодно увольнялись в отставку в среднем от 200 до 300 офицеров. Тип офицера, связанного родственными и деловыми узами с крупной багдадской бюрократией и помещиками, ушел в прошлое, стал доминировать тип мелкобуржуазного националиста, в котором антиимпериализм уживается с антикоммунизмом, недоверием к массам и к демократии.

Люди такой категории подходят для защиты антиимпериалистических и антифеодальных завоеваний, но не годятся для проведения революционных преобразований. И не случайно, что вскоре после прихода баасистов к власти в 1968 г. в высшем органе партии — Совете революционного командования образовались два крыла — военное и гражданское. Инициатором прогрессивных преобразований было гражданское крыло во главе с Саддамом Хусейном, куда входили и прогрессивно настроенные военные, но в целом именно «военная группировка» (Хардан Тикрити и др.) выражала интересы армии как профессиональной корпорации, не склонной к углублению революции. Только когда сопротивление военного крыла руководства Баас было преодолено, возникли благоприятные условия для диалога с коммунистами, мира с курдами, проведения радикальных социально-экономических мероприятий.

Летом 1973 г., после неудавшегося заговора началь-

ника службы безопасности Каззара, полномочия Совета революционного командования были урезаны за счет укрепления других органов власти. Режим партии Баас в Ираке, как и в Сирии, несмотря на то что армия остается его наиболее мощной опорой, постепенно утрачивает черты «чисто военного» режима. Военные—сторонники прогрессивного развития страны понимают, что оно немыслимо без развертывания демократии и сплочения всех левых, патриотических, антикапиталистических сил.

В Бирме, как уже отмечалось, военное правление 1958—1960 гг. явилось как бы репетицией того периода, который наступил после переворота 2 марта 1962 г.

За время, прошедшее между этими двумя периодами, военные руководители основательно продумали пути ликвидации бедственного положения, в котором очутилась страна. Поскольку они были хорошо подготовлены теоретически и, как профессиональные революционеры, знакомы с марксистским учением (некоторые из них в свое время состояли в коммунистической партии), то нащупать этот путь в условиях, когда бирманский капитализм уже обнаружил свое банкротство, для них особого труда, по-видимому, не представляло. К разработке теоретических установок будущей партии были привлечены марксисты, отошедшие от компартии. И когда 2 марта 1962 г. власть снова перешла к военным, то это был уже не временный военный режим, а правление Революционного совета, вооруженное четкой программой и хорошо разработанной системой теоретических взглядов⁷³. Ни до этого, ни после в «третьем мире» не было еще случая, когда армия приходила к власти, имея готовую теоретическую платформу и план создания политической организации для мобилизации масс. В Бирме это стало возможным, во-первых, вследствие особого, «непрофессионального», политического и революционного характера бирманской армии, во-вторых, вследствие большого влияния, которое социалистическая идеология оказала на процесс формирования мировоззрения военных руководителей еще на раннем этапе, и, в-третьих, в результате опыта 1958—1960 гг.

Теоретические взгляды ПБСП были проанализированы в специальных работах⁷⁴, поэтому мы ограничимся приведением некоторых наиболее важных и характерных положений.

Прежде всего, отметим, что партия в основном стоит на позициях, близких к историческому и диалектическому материализму, что отчетливо видно из документа «Философия партии Бирманской социалистической программы. Система взаимоотношений человека и окружающей его среды». Основой общественного развития партия считает производительные силы и производственные отношения и то, каким классам принадлежат средства производства. Партия приняла марксистскую формулировку главного противоречия капиталистического общества. Подчеркивается, что история человечества — это история борьбы классов. Четко сказано, что социализм — это экономическая система, базирующаяся на соответствии общественного характера производства и общественной собственности на средства производства, что в социалистическом обществе, где нет эксплуататоров, будут ликвидированы условия, порождающие классовый антагонизм⁷⁵.

Революционный совет заявил: «Существующие в стране условия показывают, а ее история подтверждает, что никакая другая система, кроме социалистической, не подходит к бирманской действительности и что социалистическая система наиболее благоприятна для крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции страны»⁷⁶.

В политической декларации Революционного совета «Бирманский путь к социализму» была четко указана главная цель революции: «Будет основано социалистическое демократическое государство с целью создания передовой социалистической экономики. Социалистическое демократическое государство базируется на собственной социалистической экономике и защищает ее. Авангардом и стражем социалистического демократического государства являются главным образом крестьяне и рабочие. В нем также найдут место средние слои и все, кто честно и верно работает на общее благо»⁷⁷.

Эта политическая декларация, являющаяся главным программным документом бирманской революции, была одобрена 11-й ежегодной конференцией высшего командного состава вооруженных сил Бирмы 30 апреля 1962 г.⁷⁸ Таким образом, офицерство поддержало и санкционировало социалистическую программу Не Вина.

Революционные руководители Бирмы не оспаривают влияния марксизма на свою идеологию. Поэтому из всех

программ революционно-демократических режимов стран Азии и Африки программа ПБСП является наиболее антикапиталистической, наиболее близкой к научному социализму. Антикапиталистические тенденции в Бирме проявляются открыто. В высших учебных заведениях изучается марксизм-ленинизм. «Капитализм» и «капиталист» стали в Бирме бранными словами⁷⁹.

Вполне естественно, что деловой мир Бирмы расценил приход к власти Революционного совета как удар по своим интересам. Враждебное отношение буржуазии к новому режиму было неминуемым. Не Вин говорил, что «промышленники и капиталисты, как только услышали о строящемся социализме, хорошо поняли, что раз мы сказали „а“ то скажем и „б“. Теперь они выжидают, готовые на все»⁸⁰.

Но, хотя бирманская буржуазия, торговая, преимущественно инациональная, и в самом деле была готова на все, возможности ее были крайне ограничены. При том настроении, которое господствовало в армии, даже убийство Не Вина и его окружения не изменило бы обстановки. Но у буржуазии оставалось оружие — экономический саботаж, подкуп и т. д. Этого Не Вин и опасался, это он и хотел предотвратить. На первом этапе военно-революционного правления бросается в глаза мягкость в обращении с буржуазией, стремление не отпугнуть ее, привлечь на сторону правительства. Нет и намека на репрессии. Не Вин говорил: «Легко стать на путь террора, но трудно справиться с его последствиями»⁸¹. Однако, как и следовало ожидать, классовые, экономические интересы буржуазии оказались сильнее всего и никакое «воспитание в национальном духе» помочь не могло. Уже спустя год после прихода к власти Не Вин был вынужден констатировать: «Раньше мы хотели ряд предприятий, работу которых правительство не могло обеспечить, сохранить за частными промышленниками. И с чем же мы столкнулись? Предприниматели, стремясь получить больше прибылей, стали давать взятки государственным чиновникам. Мы поняли, что если разрешить создание частных промышленных предприятий, то придется столкнуться с подрывной деятельностью извне»⁸².

Вряд ли для Не Вина такое поведение буржуазии было неожиданностью, но он скорее всего решил все же по-

пробовать обойтись с ней «по-хорошему». Когда же стало ясно, к чему это приводит, армия не стала церемониться с дельцами. План национализации предприятий, как промышленных, так и торговых, был подготовлен давно — он вытекал из всей программы революционного руководства; вопрос был лишь в сроках. 15 февраля 1963 г., выступая перед представителями торговых и промышленных кругов, Не Вин категорически заявил, что рано или поздно «все средства производства согласно принципу социалистической экономики будут национализированы». Он сказал капиталистам без обиняков: «Существование частного сектора противоречит нашим целям, национализация — вот принцип социалистической экономики.

Мы позволим имеющимся промышленным предприятиям функционировать, но впоследствии они будут национализированы. Я заявляю это определенно»⁸³.

Спустя неделю были национализированы все частные банки. В октябре 1963 г. был национализирован ряд промышленных предприятий. К концу того же года вся частная импортная торговля перешла в руки государства, а в апреле 1964 г. — вся экспортная.

Главный удар буржуазии был нанесен в марте 1964 г. На этот раз очередь дошла до внутренней торговли. 19 марта, после полудня, рангунское радио передало решение Революционного совета о национализации крупных и средних торговых предприятий. Одновременно около 4 тыс. солдат заняли намеченные к национализации магазины, склады и конторы, взяли под контроль все бухгалтерские книги. 25 групп солдат с офицерами обошли магазины и объявили их владельцам о национализации предприятий. Позднее около 500 торговцев были собраны в различных местах города, где представители военных властей разъяснили им цель национализации — покончить с ростом цен. Торговцы скупали товары в государственных магазинах, придерживали их, а затем продавали по искусственно взвинченным ценам⁸⁴.

За шесть дней в Бирме было национализировано свыше 3 тыс. торговых предприятий, принадлежащих в основном китайцам и индийцам.

Поскольку многие дельцы, зная о предстоящей национализации, заранее реализовали товары и сосредоточили в своих руках огромные суммы денег, 17 мая 1964 г.

был принят закон о денежной реформе, изымавший из обращения купюры наивысшего достоинства — в 50 и 100 джа. Обмен этих денег на новые производился в соотношении, не выгодном для владельцев крупных сумм. Таким образом были лишены крупных денежных средств более 20 тыс. представителей имущих слоев Бирмы, у которых было изъято свыше 500 млн. джа.

Столь радикальных мероприятий власти не проводили ни в одной стране «третьего мира». У капиталистов не только отнимали предприятия — их еще и разоряли. Такие крутые меры власти объяснили тем, что капиталисты после национализации банков изымали вклады, спекулировали и иногда вывозили капитал из страны.

Позиции крупных собственников были подорваны также введением подоходного налога, согласно которому прибыль в размере 100 тыс. джа в год облагалась налогом в размере 95%, а свыше 300 тыс. джа — в размере 99%. Максимальный доход, остающийся после вычета налогов, примерно равнялся максимальному годовому окладу государственного чиновника.

Особенность взаимоотношений между армией и буржуазией в Бирме состояла в том, что буржуазия была, во-первых, по преимуществу инонациональной (что намного облегчало борьбу с ней, обеспечивая сразу же поддержку масс, радовавшихся падению «чужих» эксплуататоров), во-вторых, несравненно более слабой, чем в Египте и Сирии: крупных промышленников и финансистов в Бирме не было. Поэтому сопротивление буржуазии было сломлено относительно быстро и безболезненно.

Кроме того, бирманская буржуазия в отличие от египетской и сирийской открыто не претендовала на государственную власть (опять-таки ввиду своей слабости и инонационального происхождения, в значительной мере закрывавшего ей путь к высоким государственным должностям). Но все равно она представляла угрозу для правящей военной группы, хотя бы потому, что пыталась подкупить государственных чиновников и тем самым подорвать лояльность аппарата. После прихода к власти Революционного совета буржуазия дезорганизовала экономику, чем вызвала недовольство населения, способствовала падению популярности правительства, готовила почву для прихода к власти сил, враждебных Не Вину.

Именно богатые слои населения были базой, опорой потенциальной оппозиции, в этой среде могли рождаться заговоры, и правительство понимало, что ему нужно разбить, подавить эту, пусть еще не оформившуюся оппозицию.

Таким образом, и экономика, и политика диктовали необходимость борьбы с буржуазией, но превалировали политические соображения. И в Египте, и в Сирии, и в Бирме государственная власть ударила по интересам буржуазии, не представляя, как это отразится на экономике, а если и предвидела, что это пройдет без серьезных отрицательных последствий, то предпочитала пока над этим не задумываться.

Логика политической борьбы диктовала необходимость создания устойчивой массовой базы, опираясь на которую можно будет давить сопротивляющиеся привилегированные слои. Широкой массовой базой в Бирме могло быть, естественно, в первую очередь крестьянство⁸⁵. Революционный совет в 1964 г. объявил, что на нынешнем этапе революции основной лозунг — «Аграрная революция прежде всего»⁸⁶. Еще в марте 1963 г. помещиков лишили права отнимать у крестьян за долги землю, урожай и орудия труда и запретили им непосредственно сдавать землю в аренду. В апреле 1965 г. арендная плата вообще была отменена; снова бирманские военные революционеры вели себя более решительно и последовательно, чем любое другое революционно-демократическое руководство стран Азии и Африки.

Еще в октябре 1962 г. лицам, не имеющим бирманского подданства, было запрещено вести ростовщические операции. Затем было списано 100 млн. джа крестьянских долгов. В апреле 1963 г. была ассигнована крупная сумма на предоставление кредитов крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Все эти меры дали внушительные результаты. По данным печати, только одно освобождение от арендной платы и ростовщических процентов увеличило доход крестьянина, обрабатывающего 10 акров земли, с 290 до 570 джа в год.

Была поставлена цель обеспечить крестьянина таким участком земли, который позволил бы ему собрать урожай, достаточный для него и его семьи, т. е. в среднем 10 акров. Речь идет, таким образом, о создании крепкого мелкого (или даже среднего и ниже среднего) крестьян-

ского частного хозяйства. Можно ли назвать это политической созданием кулацкой прослойки, насаждением капитализма в бирманской деревне?

Как в Бирме, так и в других странах аграрная политика революционно-демократических режимов преследует две цели: превратить самый многочисленный класс — крестьянство — в надежную опору режима, в его массовую базу и решить продовольственную проблему (т. е. обеспечить пропитанием непрерывно растущее городское население), а также увеличить производство экспортной продукции.

Польский экономист Е. Клеер писал: «Группа генерала Не Вина, идя к власти, действовала в политическом вакууме. Для захвата власти как таковой в странах „третьего мира“ поддержка не является необходимым условием. Иначе обстоит дело, когда такая группа стремится создать фундамент своей власти, не опираясь на поддержку внешних сил; тут она должна искать опору среди определенных групп или классов. В принципе вопрос может стоять так: почему именно среди крестьянства? Потому, что оно является самым многочисленным классом. В силу своих связей с характером производства оно обладает наименьшими возможностями оказывать давление на правительство, но может иметь большое значение, когда это правительство ощущает потребность в поддержке»⁸⁷.

Надо добавить, что дело не только в многочисленности крестьянства, но в совпадении его интересов с интересами общенациональными.

Заручиться поддержкой крестьянства — значит освободить его от помещичье-ростовщического гнета, помочь ему ссудами и предоставлением машин и осуществить его вековую мечту о самостоятельном участке земли.

Антипомещичьи мероприятия, проведение которых диктуется политическими соображениями, приводят к падению товарной продукции. У крестьян, получивших землю, не хватает орудий труда, скота, финансовых средств, опыта, и обеспечить их всем этим в экономически отсталой, нищей стране — дело многих лет. До тех пор пока соответствующие условия не будут созданы, коллективизация не обеспечит роста производства. Единственный путь — развитие товарного хозяйства по-

средством поощрения крепких индивидуальных хозяйств при всемерном внедрении кооперации.

Следовательно, как политические, так и экономические цели аграрной политики военно-революционных режимов требуют в качестве хотя бы временного шага создания слоя устойчивых частных хозяев. Дело не в том, что революционные демократы преследуют этим цель насаждения капитализма в деревне. Проблему эту надо рассматривать в иной плоскости. Поощрение образования слоя мелких сельских собственников диктуется необходимостью укрепления режима. Другой вопрос, что из этого получится. Не превратится ли класс самостоятельных мелких и средних хозяев по мере своего развития и укрепления в силу оппозиционную по отношению к режиму? Не распространится ли и на деревню закономерность, проявившаяся в городе во взаимоотношениях государственной власти с имущими классами? Совместимо ли существование частного сектора — в деревне и в городе — с антикапиталистической ориентацией правящей группы? Сколько сможет продолжаться положение, при котором частные собственники имеют сильные экономические позиции, но лишены политической власти? Можно ли поощрять их усилия в экономической области, одновременно не допуская их до участия в определении политической линии, сохраняя монополию на власть? На эти вопросы ответа еще нет.

В Бирме и других странах, вступающих на некапиталистический путь, от ориентации государственной власти, ее политики будет зависеть, сможет ли она ограничить рост капитализма в деревне, обеспечивая в то же время подъем сельского хозяйства, или же капитализм, утвердившись в деревне, в дальнейшем захлестнет и город, что приведет к падению или перерождению власти.

Тем самым характер эволюции государственной власти приобретает решающее значение. Практически вопрос стоит так: может ли власть, родившаяся как военный режим, создать широкую и устойчивую политическую систему с социалистической идеологией, массовой базой и кадровой организацией социалистического авангарда? Речь идет прежде всего о создании партии, целеустремленно борющейся за переустройство общества на социалистических началах и вовлекающей в эту борьбу массы трудящихся, в первую очередь рабочий класс.

В программном документе ПБСП, озаглавленном «Организационная деятельность партии Бирманской социалистической программы» (11 декабря 1965 г.), говорилось: «Хотя Революционный совет, который был создан в соответствии со спецификой исторической обстановки, являлся по своему характеру революционным, на первом этапе он оставался военным советом. Однако Революционный совет не стремился сохранять подобное положение вещей, поскольку революцией должна руководить революционная политическая партия». Аналогичная формулировка содержится и в Уставе ПБСП, где отмечалось: «Поэтому Революционный совет решил создать такую политическую партию, которая играла бы руководящую роль в политической жизни Бирмы»⁸⁸. В Платформе ПБСП указывалось, что партия является «революционной социалистической партией», что это не «реформистская партия, призванная лишь улучшить старый порядок, а революционная партия, которая уничтожит старый, несправедливый порядок и установит новый, справедливый»⁸⁹.

А. Левковский отмечал, что своеобразие ПБСП заключается в самом пути ее создания: обычно партии создаются и стремятся к власти для реализации своей программы, в Бирме же сначала была захвачена власть, затем начали создавать партию. «В данном случае партия не орудие прихода к власти определенного класса или его прослойки, а орудие удержания и дальнейшего использования уже имеющейся власти для выполнения уже намеченной программы»⁹⁰.

В июне — июле 1971 г. состоялся I съезд ПБСП. В течение года, предшествовавшего этому событию, число членов партии возросло с 20 тыс. до 73 тыс., число кандидатов составило 261 тыс. Кроме того, к созыву съезда в партии насчитывалось 334 тыс. сочувствующих. Итого — свыше 668 тыс. человек. К лету 1972 г. в рядах ПБСП уже насчитывалось около 80 тыс. членов и более 290 тыс. кандидатов в члены партии.

Генерал Не Вин выдвинул на съезде три главные задачи: создание сплоченной политической партии, построение союза всех национальностей Бирмы, разработка и принятие новой конституции. На съезде было заявлено, что ПБСП должна стать «массовой народной партией всех трудящихся». В принятом съездом Уставе

ПБСП говорилось, что «партия будет стремиться к успешному построению социализма в Бирманском Союзе». Были впервые избраны руководящие органы партии. В Революционный совет, остающийся верховным органом государственной власти, было постановлено избрать четырех гражданских лиц (из 15). Революционный совет признает своим политическим руководителем партию.

В апреле 1972 г. был опубликован проект конституции. Высшим органом власти в стране будет Народный конгресс, депутаты в него выдвигаются партией и избираются народом. Конгрессом избирается Государственный совет, который в свою очередь формирует Совет министров. На всех нижестоящих уровнях власти избираются народные советы.

Свыше полутора миллионов рабочих и служащих входят в рабочие советы. В крестьянских советах состоят около шести миллионов человек.

Народные советы трудящихся образуются на всех предприятиях и учреждениях как органы участия масс в развитии производства и органы защиты их интересов. Все трудящиеся, говорится в Уставе советов, «должны объединиться как братья, как товарищи и создать единую дружественную организацию». Характерной чертой бирманской революционной демократии является широкое развитие общенациональных крестьянских и рабочих семинаров, на которых трудящиеся обсуждают свои проблемы с участием членов Революционного совета. Эти семинары, а также широко распространенные методы морального стимулирования трудящихся (социалистическое соревнование, присвоение звания Героя Социалистического Труда и т. д.) служат как бы противовесом отмеченной «патерналистской», военно-административной тенденции и выгодно отличают бирманский революционный режим от аналогичных режимов некоторых стран Азии и Африки, вставших на некапиталистический путь.

Военно-административные методы руководства и партийного строительства объясняются прежде всего тем, что 100-тысячная бирманская армия занимает ключевые позиции в государстве: режим уже не является чисто военным, он приобрел социальную ориентацию, но армия остается его опорой.

«Армия — основа революции», — заявил генераль-

ный секретарь ПБСП бригадир Сан Ю. Он же сказал: «ПБСП и вооруженные силы должны быть неразделимы как вода. Вооруженные силы существуют как основная опора партии»⁹¹.

В 1971 г. из 73 тыс. членов партии 42 тыс. были военными. Из 150 членов ЦК партии 120 — военнослужащие. Всего в руководящих органах ПБСП военнослужащие составляют 71 %.

Население, по-видимому, настолько привыкло к тому, что реальная сила — это только армия, что бригадир Сан Ю специально разъяснил, выступая на открытии первых курсов «воспитания новой ориентации вооруженных сил» в январе 1967 г.: «Неправильно было бы считать, что только вооруженные силы трудятся во имя создания социалистического общества. Вооруженные силы должны сотрудничать с административными работниками и партийными кадрами»⁹².

После прихода армии к власти стало правилом, что на руководящие административные, а по мере национализации и хозяйственные должности назначались офицеры, которые при этом не освобождались от выполнения своих военных обязанностей. Ряд офицеров проводили полдня в казарме, полдня в кабинете руководителя предприятия или учреждения. Вопрос о перегруженности военных работой стал предметом специального обсуждения на армейских конференциях.

Революционный совет признал необходимым создать систему политического обучения военных кадров: «Армия, — заявил Сан Ю, — сможет выполнить возложенные на нее историей задачи только в том случае, если она станет народной армией, — армией, вооруженной правильной идеологией, борющейся за интересы народа и защищающей интересы народа». Аналогия с тезисом революционного руководства Сирии об «идеологической армии» напрашивается сама собой.

1 июля 1963 г. была открыта Центральная школа политических наук. На открытии школы выступил Не Вин, заявивший: «Теория — направляющий маяк жизни; жизнь — критерий теоретических идей».

«Если бы армия не воспитывалась в должном духе, — сказал Не Вин, — страна полетела бы ко всем чертям».

Предполагается, что армия еще более широко будет

участвовать в производительном труде. В частности, решено создать армейские производственные кооперативы, чтобы армия перешла на самообеспечение.

Еще в 1961 г. была создана полуавтономная Корпорация экономического развития Бирмы с 39 филиалами. Корпорация «выражала интересы усилившейся предпринимательской деятельности армейской буржуазии, которая использовала для своего возвышения армейские и государственные каналы»⁹³. Существовал также Институт вооруженных сил, имевший пять торговых контор. Корпорация и все эти заведения были в 1963 г. национализированы. Так была начата борьба, имеющая целью помешать процессу становления военно-бюрократической буржуазии.

Армия стала играть большую роль в хозяйственной жизни. Американский журнал «Ньюс уик» приводил следующие слова одного английского бизнесмена, посетившего Бирму: «Вы заходите в скромную деревенскую лавочку, чтобы купить горсть риса, и видите за прилавком сержанта. Вы входите в налоговое бюро, и вас встречает лейтенант»⁹⁴.

Армия сохраняла привилегированное материальное положение. Не Вин, выступая 6 декабря 1965 г. в Центральной школе политических наук, говорил: «Военные получают свое первоначальное жалованье, и трудно сразу сказать им, чтобы они пожертвовали частью своего заработка и довольствовались меньшим». В то время как служащий с десятилетним стажем зарабатывает 300 джа в месяц, армейский капитан получает вдвое больше и к тому же обеспечен жильем.

Гегемония армии в общественной жизни усиливает тенденцию к распространению государственного контроля на все сферы хозяйственной деятельности. Это можно понять как с политической точки зрения — правительство, провозгласившее социалистический курс, вполне естественно, опасается оппозиции со стороны класса собственников, интересы которого оно затронуло, — так и в психологическом плане: очень велик соблазн одним ударом покончить с «ненадежной», «неорганизованной» стихией и подчинить всю экономику централизованному плановому руководству, сосредоточив хозяйственные рычаги в руках государства. На практике это, однако, приводило к левацким загибам, так как государство еще не в состоя-

нии взять на себя функции распределения товаров и заменить частника в сфере торговли, особенно розничной. Так было в Гвинее, Сирии, так произошло и в Бирме. Уже в конце 1964 г. пришлось денационализировать свыше 3000 национализированных торговых заведений, так как волюнтаризм в экономике привел к расстройству всей системы снабжения населения и вызвал серьезное недовольство. Не Вин признал в декабре 1965 г., что, хотя национализация торговых предприятий в столице была хорошо подготовлена и проведена по плану, не учли того, что эти предприятия имели свои отделения на периферии, и их пришлось национализировать уже без подготовки. «Мы, — сказал он, — оказались в положении человека, схватившего тигра за хвост. Мы не могли отпустить его»⁹⁵.

Проблема взаимоотношений государства с частным сектором еще далека от своего решения. Это относится как к городу, так и к деревне. Когда были введены единые цены на рис, многие крестьяне стали сеять другие культуры, рыночные цены на которые выше цен на рис. Производство риса стало снижаться, ухудшилось снабжение населения, люди стали делать запасы, появился черный рынок. Расстройство системы снабжения отразилось и на торговле другими продуктами. Пришлось ввести карточное распределение многих продуктов. Сельскохозяйственное производство в 1965 г. упало на 4%, сократился доход на душу населения. Стоимость жизни за 1965—1966 гг. в среднем увеличилась в два раза.

В сентябре 1966 г. Революционный совет отменил государственную монополию на торговлю рыбой, рыбопродуктами и 23 видами сельскохозяйственной продукции, в результате чего снабжение населения улучшилось.

Положение в экономике Бирмы все еще нельзя назвать удовлетворительным. Конечно, можно сказать, что, если бы у власти в этот период было прежнее правительство, положение, вероятно, было бы еще хуже. Но в политике «бы» не имеет никакого значения. Революция для того и совершалась, чтобы покончить с бедами и пороками прежней системы, и, если новое руководство неспособно этого добиться (или если вместо уничтоженных бед и пороков рождаются новые), революционному режиму становится все труднее оправдать в глазах народа смысл своего существования.

Есть основания считать, что бирманские руководители это понимают. Видя, что люди вследствие экономических трудностей прибегают к разным уловкам и не вполне легальным способам поддержания своего жизненного уровня, руководители объясняют это не «происками враждебных сил», а недостатками самой системы. «Уоркинг пиплз дейли» писала: «Обвинять людей за их инстинктивные попытки компенсировать недостатки системы было бы неестественно... Это было бы отказом признать свойства человеческой природы и ее способность применяться к условиям»⁹⁶.

Такая постановка вопроса делает честь бирманским революционерам.

Тем не менее руководство не намерено пускать «человеческую природу» на самотек и оправдывать деятельность, наносящую ущерб государству. В частности, ведется кампания против тех, кто делает запасы.

Одну из главных причин недостатков бирманские революционеры совершенно правильно видят в пороках бюрократического аппарата, унаследованного от прежних времен.

Еще в декларации «Бирманский путь к социализму» было указано: «Большое препятствие на нашем пути к социализму — существующий бюрократический аппарат. При помощи такого аппарата невозможно достижение наших социалистических целей. Будут приняты меры к ликвидации этого бюрократического аппарата, к созданию твердых основ социалистического, демократического аппарата»⁹⁷. Великолепная по своей точности и четкости формулировка. Курсы идеологического воспитания военных — это один из путей создания нового аппарата. Но, во-первых, не так быстро можно найти замену старым, опытным чиновникам огромного аппарата, во-вторых, поскольку бюрократия обладает способностью к самовоспроизводству, многие представители новых кадров также подвергаются опасности перерождения.

На страницах бирманской печати можно встретить постоянные призывы к борьбе с бюрократизмом, многочисленные примеры бездушного и формального отношения к нуждам людей, волокиты, неэффективности, нераспорядительности, стремления избавиться от ответственности, недисциплинированности, халатности и т. д.⁹⁸

Нет также недостатка в призывах к борьбе с корруп-

цией — неотъемлемым злом старого аппарата. В Бирме коррупция издавна была наиболее распространенным злом. В одной из своих речей в 1963 г. Не Вин говорил: «До недавнего прошлого гниением была заражена вся страна: весь административный аппарат, армия, деловые и политические круги.

...Если бы мы привлекли к ответственности всех виновных, то в тюрьмах оказалась бы не половина, а гораздо большая часть населения. Сомневаюсь, чтобы на воле осталось хотя бы 10 процентов»⁹⁹.

Военно-революционный режим с самого начала стремился внедрить новую общественную мораль, основанную на честности и чувстве долга, на добросовестном отношении к труду.

Удалось сделать многое. Японский журналист, изучивший Бирму, писал в 1966 г.: «Рангун — это, возможно, в наибольшей мере свободная от взяточничества столица во всей Юго-Восточной Азии»¹⁰⁰. Действительно, в Бирме, как и в Египте после революции, кривая взяточничества пошла на снижение. Но нечестность в общественных, государственных делах, социальная аморальность в более широком смысле слова все еще распространены довольно широко. Приспосабливаясь к всеохватывающей бюрократической системе, люди стараются заручиться протекцией влиятельных государственных чиновников. «Уоркиннг пиплз дейли» однажды сочла нужным посвятить передовую статью явлению, называемому в Бирме «нар-ле-хму» (по-видимому, бирманский эквивалент слова «блат») ¹⁰¹.

Упор на моральное перевоспитание личности, истоки которого, очевидно, следует искать в буддийском мировоззрении, — характерная черта идеологии бирманских революционеров. В «Философии партии» есть такая формулировка: «Человек по своей природе эгоистичен и своекорыстен»¹⁰². Революционеры Бирмы ставят перед собой задачу воспитать новый тип человека, и без этого они, бесспорно, не достигнут своей цели. Но в равной мере очевидно, что моральное перевоспитание человека невозможно без одновременного подъема производительных сил, без успешного развития экономики. Один из бирманских военных лидеров правильно сказал, что битва на экономическом фронте — «это решающая битва»¹⁰³. Но оба эти фактора взаимосвязаны, и только успех на обоих

фронтах, экономическом и идеологическом, может открыть перед Бирмой путь к социализму.

Пока что «битва на экономическом фронте» разворачивается с переменным успехом.

На бирманской земле нет иностранных предприятий, национализированы основные средства производства, деятельность мелкого частного капиталистического хозяйства ограничена. Строительство новых предприятий ведется лишь государственно-кооперативным сектором. Доля государственного сектора в валовом продукте страны составляет около $\frac{2}{5}$. За последние годы в строй вступили десятки фабрик и заводов, а сейчас разворачиваются работы еще на 40 строительных площадках. Национализированы все частные учебные заведения и введено бесплатное начальное и восьмилетнее образование¹⁰⁴. Инженерное и агрономическое образование получают 70% студентов, а до революции на всю Бирму было два агронома. По всей стране работают вечерние школы. Занятия с детьми и стариками ведут молодые рабочие. Они не покидают деревню, пока не добиваются 100-процентной грамотности. Их лозунг: «Каждый грамотный обязан обучить неграмотного!». Провозглашен лозунг: «Молодежь — на подъем страны!»¹⁰⁵.

Оценивая роль армии в развитии Бирмы, Р. А. Ульяновский писал: «Единственной крупной организованной силой, которая могла в Бирме взять на себя руководство страной, была армия». Он же подчеркивал специфику развития Бирмы по некапиталистическому пути: «...оно началось под руководством революционно-демократического офицерства национально-освободительной армии»¹⁰⁶. Армия и поныне сохраняет свою руководящую роль и в партии и в государстве, но бирманские военные революционеры все яснее понимают необходимость постепенного отхода от военных форм руководства.

31 декабря 1973 г. в Бирме состоялся референдум по проекту новой конституции. В проекте говорится: «Бирма является суверенным, независимым социалистическим государством трудящихся». Государство называется „Социалистическая республика Бирманский союз“. «Социализм — это цель государства, и строительство его базируется на принципах социалистической экономики и демократии». Проект конституции был одобрен бирманским народом, проголосовавшим за социализм. В соответствии

с новой конституцией в марте 1974 г. вся полнота законодательной власти в стране была вручена Народному собранию, которое избрало Государственный совет. Председатель совета Не Вин стал президентом страны. Революционный совет, орган революционной военной диктатуры, правивший Бирмой ровно 12 лет, прекратил свое существование, но созданная им Партия бирманской социалистической программы осталась как единственная руководящая политическая партия.

Так была официально завершена трансформация бирманского военного режима в гражданский однопартийный режим социалистической ориентации.

Остановимся теперь на двух странах Тропической Африки, развивающихся по некапиталистическому пути после военных переворотов, инициаторами которых были офицеры-патриоты.

Первая из них — Народная Республика Конго. Эта небольшая страна обладает рядом преимуществ перед своими соседями: природные богатства, относительно высокий доход на душу населения (130 долл.), высокий процент грамотных, большая прослойка рабочих и служащих (20—25% самодеятельного населения при общей численности населения 1 млн.).

За время независимого существования Конго испытало немало потрясений. Сначала в стране правил послушный колонизаторам буржуазно-бюрократический режим аббата Юлу, сметенный могучей волной народного движения в августе 1963 г. Правящей партией НРД (Народное революционное движение), в рядах которой видную роль играли марксисты, был провозглашен курс на некапиталистическое развитие. Однако постепенно президент страны и лидер партии Массамба-Деба стал склоняться к буржуазно-консервативному курсу, социалистический дух стал выветриваться из партии. И тогда на сцену выступило демократически настроенное офицерство. В сентябре 1968 г. Национальный совет революции во главе с майором Марианом Нгуаби сменил у власти Массамба-Деба. Открылась новая страница в истории страны.

29—31 декабря 1969 г. состоялся учредительный съезд новой партии — Конголезской партии труда (КПТ), проходивший под лозунгом «Конго будет социалистическим!». Съезд принял новое название страны — Народная Республика Конго, новый гимн — «Интернационал».

Глава партии и государства майор Нгуаби заявил на съезде: «Создание партии, основанной на принципах марксизма-ленинизма, диктуется исторической необходимостью»¹⁰⁷.

Социально-экономические преобразования в Конго направлены прежде всего на ликвидацию зависимости страны от неокOLONиализма; это далеко не простая задача, если учесть, что 80% экономики Конго — в руках французских монополий. В области национализации сделаны лишь первые шаги: государство взяло в свои руки порты, электрокомпанию, сахарные заводы, плантации сахарного тростника, радиостанцию и т. д. Создаются новые предприятия и компании. Государственный сектор дает около 13% промышленной продукции, в нем занято до 30 тыс. человек. Существует смешанный сектор; правительству принадлежит от 15 до 30% акций в ряде иностранных фирм, действующих в стране.

«Народная Республика Конго — первое государство Африки, торжественно заявившее, что в своем развитии оно свободно избрало социализм под руководством марксистско-ленинской партии, — постоянно была мишенью империализма. К счастью, в своей борьбе она всегда пользовалась поддержкой первого в мире социалистического государства», — говорил президент Нгуаби¹⁰⁸.

Конголезским революционерам не удалось избежать и внутренних конфликтов, наиболее серьезным из которых был кризис 22 февраля 1972 г., когда группа членов ЦК выступила против Нгуаби и попыталась совершить переворот. Это тяжелое потрясение не смогло, однако, сбить партию с ее курса. В декабре 1972 г. состоялся внеочередной съезд партии, который принял новую программу. В ней говорится, что конголезская революция находится ныне на национально-демократическом этапе, задача которого — заложить основы строительства социалистического общества; всю свою деятельность партия будет строить на основе принципов марксизма-ленинизма. Главная задача нынешнего этапа революции — достижение полной экономической независимости.

Проект новой конституции, принятый съездом, предусматривает создание новых органов власти — народных ассамблей районов и областей. Высшим органом власти будет Национальная народная ассамблея. Деятельность правительства будет контролироваться партией.

Правящий в Конго режим нельзя назвать военным, но он возник в результате акции, предпринятой военными, и армия является одной из его опор в условиях заговоров империализма и внутренней реакции. Власть, провозгласившая не просто социалистическую ориентацию, а открыто признавшая принципы марксизма-ленинизма, в условиях Африки, в условиях засилья иностранного капитала окружена врагами, и без абсолютно преданной, революционной армии существование ее крайне ненадежно. Поэтому руководство КПТ обращает исключительное внимание на проблему воспитания военнослужащих и полиции. Отметим следующий многозначительный факт: решением Чрезвычайного съезда партии в марте 1970 г. была распущена жандармерия, так как «все попытки революции трансформировать этот корпус в соответствии с социалистическими целями народа не увенчались успехом»¹⁰⁹.

В изданной в 1970 г. брошюре «Народной власти — народная армия» говорилось: «Центральный вопрос каждой революции — вопрос о власти, а центральная проблема власти — это проблема армии»¹¹⁰.

Глава государства и партии майор Мариан Нгуаби, выступая на совещании военнослужащих — членов партии вскоре после февральских событий 1972 г., говорил: «Нужно добиться того, чтобы наша армия была революционной с точки зрения воспитания, выносливости, подготовки, маневренности, командования, дисциплины...»¹¹¹. Нгуаби объявил о создании корпуса политических комиссаров в армии. Политический комиссар, говорил он, должен знать, что «согласно воинскому уставу командир роты — начальник подразделения, а комиссар — его помощник. Со своей стороны командир роты должен уступить свое место политическому комиссару, когда тому потребуются выполнить функции, возложенные на него партией»¹¹².

«Наша непосредственная задача, — говорил Нгуаби в этой речи, — внедрить партию в армию так, чтобы она могла ею действительно руководить... Армия должна мобилизоваться и стать реальной силой, способной освободить народ...». Он выдвинул лозунги для армии: «Любить народ, уважать народ и служить народу», а также «Новой армии — новую дисциплину!»¹¹³.

Еще в 1970 г. в Джуэ был создан Центр военного обучения. На церемонии его открытия майор Йомби говорил

о необходимости трансформировать армию, сделать ее эффективным инструментом партии, а следовательно, и народа. «Армия должна быть одновременно политическим, военным и производственным организмом»¹¹⁴. «Армия — аппарат, призванный выполнять политические задачи, возложенные на него партией, среди них — и чисто военную работу»¹¹⁵.

В январе 1970 г., на совещании сотрудников полиции, была принята резолюция, требовавшая от полиции тесной связи с массами посредством идеологической работы¹¹⁶.

Таким образом, в Народной Республике Конго взят четкий курс на «политизацию» армии, превращение ее в народную, революционную силу, находящуюся под непосредственным руководством партии.

Сомали — одна из самых бедных и отсталых стран Африки. Три четверти ее населения — кочевники-скотоводы: девять десятых населения неграмотны. До сих пор страна импортирует все необходимые товары вплоть до спичек и сигарет. Из 8 млн. га плодородных земель возделывается только 400 тыс. Трехмиллионное население живет в крайне тяжелых условиях.

После достижения независимости к власти пришла буржуазно-бюрократическая элита, создавшая карикатуру на демократию: насчитывалось 88 политических партий, покупавших голоса избирателей. Господствовала безудержная коррупция. Буржуазная и феодальная верхушка заботилась лишь о собственном обогащении. Ни партии, ни профсоюзы не представляли интересов народа. Единственной силой, которая смогла положить конец процессу деградации страны, оказалась армия.

21 октября 1969 г., в 3 часа утра, войска под командованием дивизионного генерала Сиада Барре в соответствии с разработанным планом заняли Могадишо. Всем районным военным комендантам был передан приказ — взять власть и создать районные и окружные революционные советы. переворот был бескровным. Генерал Сиад Барре возглавил Верховный революционный совет. Спустя ровно год ВРС торжественно провозгласил социалистическую ориентацию страны.

Сомалийский марксист Басх Ахмед Абди так оценивал эти события: «С приходом к власти руководимого товарищем Сиадом патриотического Октябрьского режима,

который положил конец прогнившей реакционной системе, политическую власть взял в руки один из отрядов национально-демократической революции (вооруженные силы). Этот отряд, который является частью народа, но не заменяет его, вывел нашу страну на путь некапиталистического развития, который ведет к социализму». Он продолжал: «Революционные отряды нашей страны (рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия) призваны разрешить неотложные национально-демократические задачи, поставленные сомалийской революцией. Основные задачи, стоящие перед нашей революцией, носят национально-демократический характер. Из этого следует, что наша страна переживает национально-демократическую стадию, которая еще не закончилась»¹¹⁷.

На вопрос корреспондента французского журнала «Африк-Ази»: «Как вы стали социалистом, господин президент?» — Сиад Барре ответил: «Читая. Очень много читая. Сравнивая одну систему с другой и в то же время анализируя положение нашего народа. К социализму я пришел главным образом потому, что увидел в нем путь, лучше всего подходящий для моего народа... Я не мог вынести, что у нас имелись привилегии. Ведь мы все обладаем равными правами. А для того, чтобы эти права уважались и были равными для всех, есть только один путь — социализм, но научный социализм, т. е. единственный реально существующий социализм, основанный на коллективном благосостоянии, на социальной и экономической справедливости, на человеческом достоинстве... Только научный социализм указывает правильный путь развития нашей страны»¹¹⁸.

В другом интервью генерал Сиад Барре говорил: «Я много читал и пришел к выводу, что в бедах моего народа повинен не только колониализм, но и некоторые пережитки и устаревшие обычаи нашей жизни. Социалистическая система — единственно правильная из всех существующих. Я начал действовать в армии, не произнося слова „социализм“, подобрал верных делу офицеров, помогал им разобраться в этом учении, понять его подлинный смысл. Приучил их быть заодно с народом»¹¹⁹.

Через несколько месяцев после переворота (ставшего, как оказалось, подлинной революцией) были национализированы все иностранные банки, энергетика, сахарная

промышленность, импорт горючего. Под контроль государства перешли филиалы иностранных нефтяных компаний, страховые компании. Квартирная плата была снижена в среднем на 60%. Правительство резко сократило жалование служащим по прогрессивной шкале, причем высокопоставленным служащим — до 40% их заработной платы. Снижено жалование военнослужащим и полицейским. Были приняты меры по контролю над арендной платой, установлены твердые цены на зерно и государственная монополия на его закупку.

Введено бесплатное медицинское обслуживание, запрещена частная врачебная практика. На предприятиях и в учреждениях созданы рабочие советы. Организовано движение «самопомощи», направленное на мобилизацию внутренних ресурсов, своеобразные трудовые капиталовложения: как крестьяне, так и горожане безвозмездно работают на строительстве дорог, больниц, школ, благоустраивают населенные пункты. За два года путем «самопомощи» были осуществлены проекты на сумму 200 млн. сомалийских шиллингов, что составляет около 20% плановых ассигнований по трехлетней программе развития ¹²⁰.

Говоря о путях решения проблемы занятости, Сиад Барре указал, что надо было либо уволить 6 тыс. служащих, т. е. лишить средств к существованию около 20 тыс. человек, либо «затянуть пояса и забыть о роскоши». Было решено идти по второму пути ¹²¹.

В Сомали практикуется проведение массовых кампаний: в 1971 г. — против трибализма, в 1972 г. — по трудовому воспитанию, разъяснению и изучению принципов научного социализма, а также кампания по борьбе с коррупцией. В кампании по ликвидации неграмотности в 1973 г. приняли участие 240 тыс. человек. Созданы трехмесячные курсы национальной ориентации с отрывом от производства.

Особого внимания заслуживает создание бюро по связи с общественностью. Это массовые органы, разъясняющие политику властей, своего рода приводные ремни между военным режимом и массами, возможно — образ будущей партии. К лету 1973 г. уже существовало 10 областных и 50 районных бюро, при которых созданы «центры ориентации». Затем бюро были переданы Политическому управлению, о котором Сиад Барре говорил:

«Задачи и перспективы деятельности Политического управления расширились настолько, что теперь оно может перейти от мобилизации масс к руководству страной в социалистическом строительстве и развитии. Недавно некоторым сотрудникам управления было доверено руководство округами — они стали председателями революционных окружных советов. Большие изменения произошли и в структуре местных органов власти... Возникли областные и окружные революционные советы, которые осуществляют власть в соответствующих территориальных единицах. Мы стремимся к тому, чтобы в органах власти на всех уровнях народ имел как можно большее влияние. На местах народ гораздо лучше знает свои нужды, чем чиновники центральных учреждений»¹²². Какова в этих преобразованиях роль армии, и как смотрит само военно-политическое руководство на эту роль?

«Сомалийская армия тесно связана с народом, — говорит Сиад Барре. — Пока не стоит вопрос о передаче власти гражданским лицам. Мы добиваемся того, чтобы армия слилась с народом... Она — детище народа. Обучение военному делу, общее образование, идеологическая подготовка армии — все это поставлено на службу народу, и только ему. Таким образом, есть военная организация, которая является неотъемлемой частью народных масс. Нет никакого различия между теми, кто носит рубашка цвета хаки, и теми, кто носит белые рубашки... По этому вопросу между нами и интеллигенцией нет никаких разногласий... Прежде чем вмешаться, мы поставили перед собой ряд вопросов. Мы спросили себя, какво будет наше политическое мировоззрение, с какими социальными силами мы сможем сотрудничать, представители каких политических сил будут руководить страной. Еще задолго до революции в рамках этой дискуссии были проведены и дебаты с интеллигенцией. Мы можем сказать, что выбор социалистического пути был уже сделан и что мы решили доверить бразды правления государством молодой активной интеллигенции»¹²³.

Эти высказывания лидера сомалийской революции позволяют сделать вывод, что военные в Сомали идут по пути создания народной армии в рамках нового общества, руководящей силой которого неизбежно должна стать партия социалистического авангарда.

Активно участвует в строительстве нового общества

и армия в Алжире. Алжирская армия относится к типу армий революционных, национально-освободительных, она возникла и сформировалась в огне семилетней кровавой войны против колонизаторов. И, когда в июне 1965 г. армия во главе с полковником Бумедьеном совершила переворот и отстранила от власти Бен Беллу, это, как показали последующие события, не было контрреволюцией, протестом против социалистической ориентации страны. Сейчас военные являются составной частью сил, выступающих за углубление революции. Так, в ответ на призыв Бумедьена офицерский корпус стал инициатором движения за добровольную сдачу земли в фонд аграрной революции. Армия первой внесла денежные средства в фонд аграрной революции. Важное место в осуществлении аграрной революции отводится резервистам, которые во время службы в армии и особенно после ее окончания будут проводниками политического курса правительства среди населения. Поэтому со слушателями военных учебных заведений проводится большая политическая работа в плане подготовки их к правильному пониманию задач и мероприятий алжирского руководства. Все лица, отбывающие воинскую повинность, привлекаются к строительству показательных деревень и других объектов, как, например, транссахарской дороги.

Во все населенные пункты, где будет экспроприрована земля, направлены из армии политические комиссары с широкими полномочиями. В состав комиссий по учету и распределению частных земель включены офицеры, без которых не решается ни один вопрос. В организации Национального союза алжирских крестьян, создаваемые на уровне уездов и провинций, включены представители командования военных округов.

Картина будет неполной, если не упомянуть о прогрессивной роли, которую сыграла армия на Мадагаскаре. Свержение реакционного режима ставленника неокOLONIALИСТОВ Цирананы — заслуга патриотически настроенных военных во главе с молодыми офицерами. Многие еще неясно в сегодняшней ориентации Мадагаскара, но никто не может отрицать, что армия дала первоначальный толчок процессу позитивных перемен.

Наконец, обратимся к Перу. О прогрессивной роли перуанской армии уже говорилось в предшествующей

главе. «Чем объяснить тот факт, что именно военные начали революцию и практически возглавили ее?»—спрашивал генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Перу Хорхе дель Прадо и отвечал на этот вопрос: «События в Перу наглядно показывают, как меняется сознание людей под воздействием успехов социализма и национально-освободительных движений, а также изменившегося соотношения сил на мировой арене»¹²⁴..

Воюя против партизан, молодые офицеры, в основном выходцы из мелкобуржуазной среды, постепенно осознавали несправедливость дела, которому они служили. Их лидеры прямо говорили впоследствии, что справедливая борьба перуанских партизан, подавленная армией, изменила их политические взгляды и способствовала вызреванию решения о необходимости революционного выступления вооруженных сил. Первоначальный импульс к переосмыслению действительности был националистическим и патриотическим, но впоследствии появились и факторы социального характера. Военные создали Центр высших военных исследований, стали изучать социологию, политическую экономию, марксистскую философию. В октябре 1968 г. во главе с генералом Веласко Альварардо, сыном крестьянина, они совершили переворот и свергли буржуазное, проимпериалистическое правительство Белаунде Терри. В истории Перу начался новый этап. Военные стали инициаторами процесса антиимпериалистических и антиолигархических преобразований, приобретающего и антикапиталистические черты.

Шестой съезд Перуанской компартии, состоявшийся в ноябре 1973 г., «выразил признательность выдающимся заслугам перуанских вооруженных сил, руководимых группой честных и патриотически настроенных офицеров»¹²⁵.

Как объяснял генерал Веласко Альварардо, бывший вплоть до 1975 г. руководителем революционного режима, мотивы, побудившие перуанских офицеров занять столь необычную для латиноамериканского офицерства политическую позицию?

«С одной стороны — глубокий кризис традиционной системы, выразившийся в деградации государственных институтов; постоянное обострение основных, не решенных национальных проблем; все более антинациональная, капитулянтская политика; растущее в различных формах иностранное влияние в Перу; неуклонный процесс пау-

перизации общества, обреченного на безграничную эксплуатацию; удушающий климат социальной несправедливости. С другой стороны—растущее осознание военными кругами серьезности всей этой ситуации. Убеждение, что проблемы национальной безопасности неразрывно связаны с проблемами внутреннего фронта. Убеждение, что отсталая, угнетаемая империализмом страна является страной слабой и навряд ли способной существовать в современном мире.

Все это в основном и привело нас к убеждению необходимости фронтальной атаки на главные проблемы Перу. Поэтому установление вооруженными силами своей политической власти в стране стало неизбежным, поскольку гражданские круги, которые могли бы это сделать, не сделали этого. Решение основных проблем требовало радикальных преобразований в стране — революционная задача, которую ни одна из политических группировок не могла или не желала осуществить. Итак, стремясь защитить интересы Перу и нашей нации, вооруженные силы взяли на себя ответственность за управление страной. Мы считали, что это наш патриотический долг».

«Не порывая с прошлым и сохраняя свое институциональное единство, — заявил генерал Веласко Альварардо, — вооруженные силы принципиальным образом изменили свою историческую роль гаранта традиционного порядка, стали фактором собственного внутреннего преобразования и положили начало революционному процессу, который должен иметь большие исторические последствия»¹²⁶.

Это интервью, данное президентом Перу польскому журналисту, чрезвычайно интересно для рассматриваемой нами темы: один из авторитетнейших представителей революционного крыла вооруженных сил «третьего мира» сам формулирует причины, побудившие военных встать на прогрессивные позиции. Здесь мы видим полный комплекс проблем: иностранный гнет, национальное унижение, нищета масс, социальная несправедливость, бессилие или разложение «гражданских политических кругов», т. е. буржуазных партий.

Само по себе осознание патриотами-военными этих проблем в принципе могло побудить их после взятия власти ограничиться осуществлением чисто националистиче-

ских, антиимпериалистических преобразований, мерами по ликвидации коррупции и социальными реформами буржуазного характера. Заслуга перуанских военных заключается в том, что они пошли дальше, поняли необходимость коренной перемены всей системы общественного устройства страны. Генеральный секретарь ЦК Перуанской компартии Хорхе дель Прадо заявил: «В настоящее время революционное правительство вооруженных сил представляет интересы (и об этом оно само заявляет) эксплуатируемых классов: интересы рабочих, крестьян, обедневших слоев мелкой буржуазии, огромного большинства народа... Многие меры, предпринимаемые в последнее время правительством... являются некапиталистическими и даже антикапиталистическими»¹²⁷.

Таким образом, как нам кажется, можно говорить о «перуанском варианте» некапиталистического пути развития. Он обладает рядом специфических черт (в первую очередь это концепция доминирующей роли общественной собственности, или, как ее называют, государственно-кооперативной собственности). Здесь нам важно лишь подчеркнуть революционно-демократический характер преобразований, начатых по инициативе патриотически настроенных офицеров перуанских вооруженных сил.

«Перуанская модель», несомненно, имеет большое теоретическое и практическое значение. Вслед за некоторыми арабскими странами, Бирмой, Конго, Сомали глубокие социальные преобразования антикапиталистического характера стали осуществляться и в одной из стран Латинской Америки. Это еще раз показывает, какой ошибкой было бы зачеркивать возможности прогрессивной эволюции военных в «третьем мире», даже в тех его странах, где армия, непосредственно связанная с Пентагоном, казалось бы, может играть лишь сугубо «охранительную», консервативную, антидемократическую роль. Яркие продемонстрированные революционные потенции офицерства в Перу — не случайное явление; влияние перуанского феномена на другие страны Латинской Америки еще скажется.

С другой стороны, еще раз повторим (и как раз пример Перу это подтверждает), что одни военные сами по себе, даже с наилучшими намерениями не в состоянии развивать революционный процесс без опоры на массы, без создания прогрессивной политической организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутриполитическая борьба в развивающихся странах происходит на фоне борьбы двух систем на международной арене. Империализм, утратив прямое политическое господство над экономически отсталыми странами, отнюдь не собирается отказываться от контроля над их природными богатствами, от эксплуатации их человеческих и материальных ресурсов. Он остается главным врагом независимого развития освободившихся стран. Неоколониалистские круги не только внимательно следят за развитием событий в молодых национальных государствах, но и самым активным образом вмешиваются в него. Естественно, мимо их внимания не могло пройти то усиление политической роли вооруженных сил «третьего мира», которое имело место за последние десятилетия. Империалистические политики давно оценили значение такой социальной прослойки, как офицерство, и прилагают усилия, чтобы завоевать его на свою сторону.

В Азии империалистические круги в большинстве случаев не имеют прямых возможностей «обрабатывать» военных «на месте», так как армии азиатских стран давно стали национальными и избавились от непосредственного воздействия как военщины бывших метрополий, так и американских милитаристов. В этих странах проводится по мере возможности работа с офицерским корпусом. Так, немало офицеров индонезийской армии прошли военное обучение в США, где им, разумеется, прививали и соответствующие политические «доктрины».

Более широкими возможностями влияния на военных пользуется империализм в Африке.

Если в Латинской Америке империализм (во всяком случае, в военно-политическом аспекте) — это почти всегда империализм одной державы, Соединенных Штатов, то в Африке дело обстоит иначе. Здесь интересы различных империалистических держав сталкиваются не

только в экономическом, но и в политическом отношении. Позиции США в Африке несравненно слабее, чем в Латинской Америке или Юго-Восточной Азии, американские капиталовложения здесь относительно невелики, частный американский капитал пока что в целом проявляет мало интереса к Африке (за исключением ЮАР), на шкале стратегических приоритетов Пентагона Африка стоит ниже Европы, Азии и Латинской Америки.

И тем не менее наиболее дальновидные представители деловых и политических кругов США, понимая колоссальные перспективы развития Африки и значение, которое этот континент приобретет со временем в мировом хозяйстве, выступают за то, чтобы уже сейчас занять в Африке достаточно прочные плацдармы для экспансии.

Однако большинство стран Тропической Африки, добившихся ликвидации колониального гнета, сохраняют тесные экономические, а в большинстве случаев и военные связи с бывшими метрополиями, и американскому империализму крайне трудно занять там доминирующие позиции.

Когда правящим кругам Англии и Франции стало ясно, что конец их колониального господства в Африке лишь вопрос времени, они поставили перед собой задачу обеспечить себе «перед уходом» такие позиции, которые позволили бы им сохранить контроль или преобладающее влияние и после превращения колоний в независимые государства. Помимо экономических позиций речь шла о кадрах. Имелось в виду подготовить элиту, которая, будучи прозападной по воспитанию и образу мыслей, заняла бы руководящие позиции в национальном государстве и служила бы проводником политики бывшей метрополии. Речь идет о государственных служащих и офицерах вооруженных сил.

При строительстве вооруженных сил внешние источники помощи имеют большое значение для африканских стран, ибо другого пути для создания национальных вооруженных сил нет. Африканские страны не имеют собственной военной промышленности, и к моменту достижения независимости ни одна из них не располагала в достаточном количестве кадрами, способными обеспечить программу военного обучения. Поэтому ядром вооруженных сил новых государств почти целиком (кроме Египта

и Алжира) стали контингенты, составлявшие часть вооруженных сил бывших метрополий, и эти же державы взяли на себя миссию вооружения и обучения национальных войск.

Таким образом, Англия и Франция добились одной из главных целей, которые они поставили себе перед вынужденным уходом из колоний, — сохранения зависимости этих территорий, даже после их преобразования в суверенные государства, в военной области.

Однако особенности развития молодых суверенных государств уже через несколько лет после достижения независимости привели к тому, что в ряде этих государств вооруженные силы стали играть политическую роль и кое-где превратились в ведущую политическую силу. Тем самым проблема военных связей этих государств с их бывшими метрополиями перенесена в политическую плоскость: то, что во главе вооруженных сил государств стоят, как правило, выходцы из рядов английской и французской армий, в значительной мере придерживающиеся соответствующей политической ориентации и к тому же зависящие от западных держав в плане вооружения своих войск, приобретает определенное политическое значение в момент, когда эти люди берут власть в свои руки.

Буржуазно-бюрократические элиты, которые колонизаторы заранее подготовили накануне ухода из колоний, в ряде случаев показали свою слабость и неспособность справиться с проблемами, возникшими после получения независимости, утратили популярность среди населения (почему, собственно, они и были смещены военными); они оказались не в силах противостоять развитию демократических тенденций, росту профсоюзного движения, приобретающего политический характер, распространению идей социализма, тяге к ликвидации зависимости от империалистических держав. Военные режимы в этом смысле имеют явное преимущество, ибо могут (по крайней мере временно) подавить развитие этих опасных для бывших колониальных держав тенденций. А политические взгляды и ориентация обеих групп в общем идентичны.

Как правило, придя к власти, генералы и полковники британской и французской школ в области внешней и внешнеэкономической политики придерживались проза-

падного курса и старались избежать сближения с социалистическими государствами.

Создалось парадоксальное положение: с одной стороны, интересы независимого и прогрессивного развития новых суверенных государств Африки требуют ликвидации зависимости от империализма, отказа от односторонней ориентации на западные державы, развития дружественных связей с социалистическими странами способными и готовыми помочь им вырваться из отсталости; с другой, в такой важной сфере национального строительства, как военная, зависимость от западных держав в смысле поставок оружия и подготовки кадров остается и закрепляется. Приход же к власти военных колониальной выучки углубляет эту зависимость и распространяет ее и на другие сферы.

Это — одно из серьезнейших противоречий развития ряда молодых суверенных государств Африки.

Американец Кер Сэйл, редактор популярнейшего журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», сделал на страницах другого журнала, «Нэйшен», заявление редкое для американского пропагандиста и потому тем более любопытное. Говоря о том, что у африканских военных намечается тенденция после прихода к власти «изолировать себя от Востока», Сэйл подчеркивал, что это «глупо, поскольку означало бы, что эти военные отрезают себя от очень реального источника помощи; поскольку это приводит к тому, что данные страны превращаются в клиентов Запада, и, самое важное, это приводит не к увеличению, а к уменьшению объема западной, особенно американской, помощи, так как наша явная и декларированная политика состоит в том, чтобы посылать деньги туда, где имеется „коммунистическая угроза“, и проявлять безразличие к тем странам, где такой угрозы нет»¹.

Следует признать, что это разумные соображения. Соединенные Штаты всячески «обхаживают» именно тех, в ком они не вполне уверены, кто может их шантажировать «сближением с Востоком», и не очень охотно раскошеляются для тех, кто «уже у них в кармане». Возможности африканских генералов играть «на слабой струне» Вашингтона — антикоммунизме — не очень велики, прежде всего потому, что они в экономическом и военном отношениях сильно зависят от Англии и Франции. Поэтому проблема для США заключается прежде

всего в том, чтобы укрепить свое влияние в странах, о которых идет речь, не в борьбе с «коммунистической угрозой», а в соперничестве со «старыми хозяевами». По всей видимости, американские политики рассчитывают, что для африканских военных не составит особой трудности переориентироваться с Англии или Франции на США в идейно-политическом плане, так как для этого им не придется менять своих укоренившихся консервативных, прозападных взглядов. Но вопрос заключается не только в этом: для подобной переориентации офицерам «старой школы» пришлось бы рвать прежние связи и привязанности, что помимо всего прочего сопряжено с прямым риском для их личной безопасности, — нет сомнения, что агентура бывших метрополий бдительно следит за изменениями в настроении африканских стран и не задумается убрать любого, кто проявит «нелояльность» (при помощи других «надежных» офицеров). То, что мог сделать на волне антибельгийских настроений в Конго Мобуту — новый человек, ставший военным лидером уже после провозглашения независимости, — не так легко сделать людям, вся жизнь которых была связана со службой в английской или французской армии.

Следует поэтому ожидать попыток соответствующих кругов США заручиться поддержкой нового поколения африканского офицерства, не связанного непосредственно со старым колониальным «истеблишментом».

Газета «Нью-Йорк таймс» писала, имея в виду политику США в Латинской Америке: «Политика Вашингтона ясна. Продавая оружие, он преследует одну основную цель — завоевать друзей и приобрести влияние среди офицерства и латиноамериканских стран, ибо военные почти всегда в состоянии поставить какое-то правительство у власти или свергнуть его»². Это почти в равной мере можно отнести к Тропической Африке.

Но Англия и Франция, отлично сознавая эту угрозу, несомненно, будут прилагать все усилия, чтобы укрепить свое влияние среди африканского офицерства. Поэтому можно предвидеть, что в обозримый период военные в Африке останутся предметом усиленного внимания со стороны всех империалистических держав. По мере того как армия в Африке все более явно вмешивается в политику, в империалистических кругах растет тенденция делать ставку именно на эту силу.

Широко известный американский публицист Сайрус Сульцбергер писал: «В слаборазвитых странах достижение политических целей часто с большей эффективностью обеспечивается оружием, чем голосованием. Тот, в чьем распоряжении находятся танки и самолеты, может осуществлять контроль над государством. Та же иностранная держава, которая предоставляет оружие и снабжает запчастями, оказывает в данном случае решающее влияние»³.

Вполне естественно, что офицерство развивающихся стран, сознавая, какое значение придают его позиции западные державы, намерено использовать это в своих интересах. Характерно следующее обстоятельство. В Латинской Америке Вашингтон делает ставку на «обеспечение внутренней безопасности», т. е. на поддержку военных режимов, подавляющих революционные движения, и поэтому было официально объявлено, что поставки военного снаряжения будут по мере возможности ограничены посылкой легкого оружия, необходимого для антипартизанской войны, в отличие от тяжелого современного оружия, которое для такой войны не годится. Но латиноамериканская военщина и не подумала отказаться от своих требований поставлять ей самолеты, танки и военные корабли. Сколько бы официальные вашингтонские пропагандисты ни разглагольствовали, что дорогостоящие современные виды оружия не нужны и даже вредны Латинской Америке (аргументируя такими, например, подсчетами: стоимость одного реактивного истребителя равна стоимости постройки 500 школ в сельской местности), Пентагон продолжает в ответ на требования латиноамериканских милитаристов поставлять им и реактивные самолеты, и танки, и боевые корабли. Всем ясно, что это вооружение никогда не пригодится странам Латинской Америки, но в этом вопросе ярко проявляется логика развития самодовлеющей системы, заинтересованной в самоутверждении, толкающая военщину к обладанию самыми лучшими, наиболее современными видами боевой техники. В этом проявляется также пагубное для национальной экономики соперничество между вооруженными силами отдельных стран Латинской Америки, «престижная гонка», приводящая к бессмысленной «эскалации вооружений». Объективно поощряя эту гонку, правящие круги США способствуют

расточительной милитаризации Латинской Америки, наносят дополнительный ущерб ее слабой экономике.

Но то, что происходит сегодня в Латинской Америке, завтра вполне может произойти в Тропической Африке, где среди военизации будут развиваться те же тенденции и аппетиты: Можно с полным основанием предположить, что поощряемый империалистическими кругами милитаризм в Африке ляжет тяжким грузом на неокрепшую экономику африканских стран, обречет их на еще большую зависимость от империалистических держав. Таким образом, делая ставку на военных, империалисты сразу пытаются достичь нескольких целей.

Но первая и главная цель при этом — предотвратить руками военных такое развитие событий, которое может привести к приходу к власти демократических народных сил, намеревающихся покончить с зависимостью своей страны, с империалистической эксплуатацией. Эту цель империалистические круги не столько для краткости, сколько для демагогических соображений окрестили словом «антикоммунизм», хотя в большинстве случаев речь идет о борьбе не против коммунистов, а против всех вообще левых, прогрессивных сил. Западные, особенно американские, пропагандисты стремятся представить дело так, что их правительства, поддерживая военных в развивающихся странах, тем самым способствуют предотвращению «захвата власти коммунистами». В уже цитированной книге Сульцбергера приводится следующее суждение американского профессора Гая Паукера: «Перед офицерским корпусом различных стран стоит выбор — либо захватить власть в своих странах, либо позволить коммунистам заполнить вакуум... Для того чтобы преуспеть в соревновании с коммунизмом, офицерскому корпусу потребуется значительная экономическая и техническая помощь... На протяжении последнего десятилетия мы совершили ошибку, концентрируя свои усилия на оказании военной помощи слабым гражданским правителям. Будем ли мы более осмотрительны с нашим вторым и, возможно, последним шансом, оказав конструктивную поддержку военным?»⁴.

Если иметь в виду, что под «коммунистами» здесь, как обычно, подразумеваются все подлинно патриотические и демократические силы, данный тезис Паукера представляется весьма важным для понимания позиции

империалистических кругов и расчетов, которые они связывают с военными в развивающихся странах.

Неоколониализм во всех его проявлениях проникнут духом антикоммунизма. Стоит заглянуть в любой официальный документ, определяющий принципы политики западных держав в «третьем мире», чтобы убедиться в той подчеркнута антикоммунистической окраске, которую империалисты придают своим политическим, военным и экономическим мероприятиям. Уже само по себе настойчивое подчеркивание тезиса о «коммунистической угрозе» наводит на подозрение. Действительно ли Вашингтон в такой мере опасается распространения советского влияния в развивающихся странах?

Просто имеет место сознательная попытка подменить одно другим: подлинные цели — установление или укрепление империалистического контроля над огромными территориями Азии, Африки, Латинской Америки — маскируются тезисом о «защите от коммунизма». Это не что иное, как гигантский блеф, рассчитанный на использование в интересах империализма антикоммунистических настроений правящих кругов ряда развивающихся стран и консервативно настроенной части общественного мнения в «третьем мире». Цель военной помощи, как и военных блоков, — замаскировать подчинение огромных районов «третьего мира» империалистическим державам, дать возможность монополиям эксплуатировать их природные и людские ресурсы.

Времена меняются. Раньше стратегия империализма в колониальном вопросе заключалась в укреплении и сохранении политического господства, обеспечивающего наилучшие условия для колониального грабежа. В настоящее время стратегия империализма по отношению к освободившимся от колониального господства странам состоит в том, чтобы удержать их в рамках капиталистической системы мирового хозяйства в расчете на то, что автоматически действующие законы этой системы обеспечат сохранение экономически слаборазвитых стран в качестве ее отсталого, неравноправного, эксплуатируемого сектора.

Но удержать развивающиеся страны в системе мирового капиталистического хозяйства можно лишь развивая капитализм внутри них. Отказ от капиталистического развития неминуемо приведет (при условии последова-

тельного проведения антикапиталистических социально-экономических преобразований и при условии опоры на силы мирового социализма) к переходу на путь строительства социалистического общества, т. е. к окончательной ликвидации империалистической эксплуатации. Поскольку же сохранение на продолжительный срок докапиталистических структур нереально, ставка на развитие капитализма в «третьем мире» является главным элементом империалистической стратегии.

Но здесь империализм упирается в такое препятствие, как слабость, нерешительность, непопулярность в массах, общая несостоятельность именно того класса, который в принципе должен быть носителем капитализма, — класса буржуазии. Причины этого явления были уже рассмотрены в настоящей работе. И перед империалистическими кругами возникает задача — способствовать развитию капитализма в экономически отсталых странах в субъективно неблагоприятных для этого условиях, при отсутствии достаточно «надежной» местной буржуазии. Логически выходом из положения является попытка найти — по крайней мере на первых порах — некий «заменитель», суррогат буржуазии как силы, способной стать двигателем капиталистического развития. Факты говорят о том, что такой силой, по расчетам руководящих кругов империализма, должна стать армия.

Армия должна создать «прикрытие» для развития буржуазии, помочь ей закончить процесс становления как гегемона общества. Ставка на военные режимы для империализма — это попытка создать искусственно благоприятные условия для утверждения капитализма в «третьем мире». Именно в этом и состоит тот «последний шанс» империализма, о котором писал Паукер.

Можно сформулировать это иначе: речь идет о политике насаждения военных диктатур в качестве надстройки над государственно-капиталистической системой, в рамках которой государство, действуя в конечном счете в интересах капиталистического развития, осуществляло бы задачу капиталистического накопления жесткими методами, не останавливаясь перед ущемлением не только трудовых, но и собственнических слоев прежде всего в политическом, но, если потребуется, и в экономическом отношении.

Здесь мы опять подходим к вопросу о роли государ-

ства в развивающихся странах. Эта роль всегда была исключительно велика. Как отмечали советские ученые Ю. Островитянов и А. Стербалова, «на протяжении целого ряда эпох государство на Востоке являлось не только инструментом, порожденным расколом общества на классы, и орудием классового господства, но и само служило источником классовобразования...»⁵.

Зачатки государственной власти возникли раньше, чем классы; к государству, писал Ф. Энгельс, пришли «стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин... сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов»⁶. Лишь позднее возникло государство как орудие классового господства. «Сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»⁷, — писал Ф. Энгельс.

Борьба двух противоречивых тенденций — к обслуживанию интересов господствующего класса и к отчуждению от общества, возвышению над классами — прослеживается на протяжении всей истории, в том числе и европейской. Как только возвышался и становился гегемонном класс сильных, самостоятельных собственников, начинала преобладать первая тенденция и ослабевала вторая. Вспомним хотя бы слабость централизованной власти в эпоху расцвета феодализма в Европе. И лишь став гегемоном, полностью овладев средствами производства, буржуазия целиком подчинила себе государство.

Но при господстве докапиталистических форм собственности на Востоке этого не произошло. Отсутствие экономически доминирующего класса, многоукладность, при которой так и не сложилось до сих пор господство класса крупных собственников над всем хозяйством, создали благоприятную ситуацию для возвышения центральной исполнительной власти. Общество, не имеющее ярко выраженного класса-гегемона, общество с незавершенным процессом классовой дифференциации, отличающееся многоукладностью, преобладанием мелких производителей, мало или совсем не включенных в систему капиталистического товарного производства, — такое общество является благоприятной питательной средой для мощной государственной власти. Пестрота, мозаичность, разорванность, неоднородность этого общества, шаткость пи-

рамыды, низ которой еше не вышел из докапиталистических общественных отношений, а верхушка уже усвоила образ жизни и мыслей второй половины XX в., слабость «внутреннего сцепления» между компонентами формирующейся нации — все это способствует усилению самостоятельности надстроечных элементов, укрепляет авторитарные тенденции.

В этом же направлении действуют и другие факторы. Только государство способно мобилизовать необходимые средства, аккумулировать капитал, позволить себе финансировать нерентабельные в первые годы предприятия, обеспечить установление международных хозяйственных связей, необходимых для приобретения сырья и оборудования. Общая идеологическая атмосфера также содействует росту авторитета государства. Массы видят в государстве протектора, защитника, возлагают надежду на коллективные усилия, осознав, что только таким образом они смогут выбраться из беспросветной нужды. Мелкая буржуазия, промежуточные слои, городские низы наряду с бюрократией образуют базу государственной власти. Экономическая слабость поддерживает и питает политически сильную власть.

Скорее всего в большей части стран Азии и Африки частнохозяйственный капитализм имеет мало шансов стать структурообразующим фактором, утвердить гегемонию класса капиталистов. Иное дело — государственный капитализм.

Выше уже говорилось о бюрократической буржуазии. Государственный сектор для нее — питательная среда (если не сказать — кормушка), и обуржуазивающаяся чиновничья элита заинтересована в его развитии. С другой стороны, однако, не подлежит сомнению, что «бюрократическая буржуазия» при благоприятных обстоятельствах отнюдь не отказалась бы и от прямого владения предприятиями, пошла бы на сращивание с частным сектором, не выпуская, разумеется, из своих рук государственных рычагов. Если бы это произошло, то получилась бы, перефразируя цитату из «Ринашита», «неклассическая форма развития капитализма»; исторически роль государственного сектора при таком варианте свелась бы к созданию благоприятных условий (первоначальное накопление за счет государства) для становящегося на собственные ноги класса капиталистов.

Однако слабость буржуазии, несоответствие ее возможностей задачам экономического строительства, особенно в эпоху мировой научно-технической революции, отсутствие у нее сильной, способной мобилизовать массы идеологии — все это затрудняет реализацию данного варианта. Бюрократическая элита выполняет функции еще не сложившегося класса, и сложится ли он как класс капиталистов — это еще вопрос. Пока что не класс буржуазии как таковой, а обуржуазивающаяся элита является носителем капиталистических тенденций. Государство в большинстве развивающихся стран, даже идущих по капиталистическому пути, не является орудием классовых интересов сложившейся буржуазии. Оно выступает как самостоятельный собственник основных средств производства. Обуржуазивающаяся элита, как писал советский ученый М. Чешков, — это «некая особая социальная общность, персонифицирующая государство-собственника... Государственная собственность и представляет собой ту форму производственных отношений, на базе которой вырастает в развивающихся странах исторически новый, особый тип социальной общности»⁸. В коллективном труде «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» говорится о «тенденции к превращению государственного уклада в „интегрирующую“, цементирующую данное общество внутреннюю силу, к возникновению на его базе системы устойчивых и долговременных общественных структур»⁹. Авторы этого труда считают «менее вероятным то, что государственный уклад приобретет (или сохранит) капиталистическую ориентацию на базе развития местной буржуазии. Скорее всего подобным лидером и „ориентиром“ здесь выступит иностранный монополистический и государственно-монополистический капитал»¹⁰.

Иностранный капитал (в первую очередь «международные» корпорации) не смущает то, что в развивающихся странах национальная буржуазия не является движущей силой экономического развития, «капитаном индустрии». Монополии рассчитывают наладить вполне успешное и выгодное сотрудничество и с государственно-капиталистическими системами; в конце концов, становление азиатской и африканской буржуазии для них отнюдь не самоцель. Пример Бразилии показывает, что военная диктатура, ведущая страну по капиталистиче-

скому пути и беспощадно подавляющая все опасные для империализма революционные, демократические тенденции, вполне устраивает иностранный капитал. Эта своеобразная «военно-госкапиталистическая модель», по-видимому, представляется империалистам весьма перспективной с точки зрения их интересов.

Более того, они проявляют немалую заинтересованность и в поощрении госкапиталистических тенденций в странах, где военные, придя к власти, провели прогрессивные преобразования, но вместе с тем не препятствуют развитию — при сохранении ведущей роли государственного сектора — частного предпринимательства. Факты последнего времени говорят о том, что иностранный капитал проявляет интерес к Египту, где растет продукция частного сектора, увеличивается его вес во внешней торговле, где разница в доходах между различными группами населения весьма значительна, укрепляются позиции зажиточных крестьян, получивших несомненную выгоду от осуществления антифеодальной аграрной реформы.

Причины этих явлений понятны. Если существует разрыв в материальном положении, в привилегиях, имеется элита высокооплачиваемых чиновников и офицеров, наивно было бы полагать, что эта элита не будет стараться «попутно» обогатиться путем разного рода махинаций, коррупции, родственных связей с землевладельцами, контактов с иностранными фирмами. Если частник господствует в деревне, трудно рассчитывать на то, что удастся избавиться от дельцов, спекулянтов, маклеров, от «новой посреднической буржуазии», орудующей в госсекторе. Эти явления власть старается пресекать, не желая допустить возникновения — на базе сильного, экономически независимого частного сектора — самостоятельного очага политической активности, угрожающего монопольному положению правящей революционно-националистической группы. Но в то же время власть пытается сохранить опору именно в той среде мелких производителей, которая неизбежно порождает такого рода явления.

Постепенно вырисовывается дифференциация в рядах правящей революционной демократии, намечаются две тенденции развития — радикальная и консервативная. Приведенные ранее соображения позволяют считать, что консервативная тенденция, в основе которой лежит опора

государственной власти на мелкого собственника и «бюрократическую буржуазию», вряд ли может иметь результатом становление частногохозяйственного капитализма в его «классической», т. е. известной по западному и японскому образцам, форме. Скорее всего она может привести к господству особого типа переродившихся, «термидорианских» авторитарных элит, опирающихся на бюрократические касты и объективно способствующих развитию капитализма, но в специфической, государственно-капиталистической оболочке.

Империалисты рассчитывают на то, что корпоративные интересы привилегированной военной верхушки развивающихся стран сделают ее противником радикальной тенденции, а связи с «подкармливающим» местную элиту иностранным капиталом воспрепятствуют влиянию сил мирового социализма. Оба эти фактора, по мнению западных политических стратегов, должны привести к тому, что по мере обострения внутриполитической обстановки армия будет занимать все более консервативную позицию, склоняться в сторону Запада.

Очевидно, сама природа экономически отсталых стран, не порвавших еще с капитализмом, способствует превращению профессиональной армии в бюрократическую корпорацию с консервативными взглядами.

Как уже отмечалось в главе, посвященной иракской армии, национализм и антиимпериализм могут уживаться с крайней ограниченностью и убожеством социальной мысли, с антидемократическим духом, с мелкобуржуазным антиинтеллектуализмом. Ограниченность и узость кругозора, недоверие ко всему чуждому и непривычному, косность, религиозные предрассудки, глубоко укоренившийся конформизм порождают подозрительность по отношению к коммунистам.

Новый, огромный, сложный и многогранный мир, ворота в который внезапно распахнулись перед отсталым обществом, пугает, кажется непонятным и чуждым. Появляется инстинктивная тяга к простоте, стабильности, сохранению традиционного, привычного, доступного пониманию порядка вещей, к сохранению привычных, несложных, даже примитивных моральных ценностей и освященных веками представлений. Военное воспитание, делающее упор на порядок, дисциплину, подчинение приказу, единообразию и регламентированию взглядов и по-

ступков, вырабатывает недоверие к теоретизированию, к диалектике, к интеллигентской изощренности мысли, к широкому взгляду на вещи. Развивается недоверие и даже враждебность к демократии (которая к тому же ассоциируется с единственным знакомым видом демократии — буржуазным, т. е. принесенным колонизаторами, «западными людьми»). Растет убеждение в необходимости контроля над политической мыслью, а следовательно, контроля над политическими партиями и деятелями. Растет страх перед тем, что массы под влиянием пагубной агитации могут впасть в «заблуждение», в «уклонение»: отсюда — патерналистский подход к народу, который «нуждается в том, чтобы его вели», тенденция к автократии, уберегающей от соблазнов и чуждых влияний.

Подобные чувства и представления на фоне общей атмосферы, проникнутой национализмом и религиозными предубеждениями, способствуют выработке психологического недоверия к коммунистам как к «белым воронам», как к силе неконформистской, ненациональной и антирелигиозной.

Коммунизм, по мнению многих офицеров-националистов, может иметь почву в развитых странах, поскольку там уже давно существует общество, разделенное на враждующие классы, и движение масс против эксплуатации и угнетения, естественно, разворачивается под знаменем марксистской идеологии классовой борьбы. В Азии же и Африке общество еще едино, противоречия между отдельными слоями, по существу, незначительны, есть лишь противоречия с иностранными угнетателями и с осевшими в стране пришельцами-эксплуататорами, например с европейцами, левантинцами и евреями — в Египте, китайцами — в Индонезии и т. д.; поэтому нет основы для деления общества по партийному признаку, нет основы для борьбы классов. Напротив, нужны единство и согласие, совместные усилия всех подлинно национальных элементов; борьба партий, парламентаризм — все это чуждое и наносное, не соответствующее духу народа, ослабляющее и раскалывающее нацию; особенно, по их мнению, вредны коммунисты, так как они, во-первых, призывают непрерывно к усилению классовой борьбы и тем самым обостряют отношения между классами, во-вторых, своим атеизмом подрывают дух народа и традиции, в-третьих, имеют цель установить диктатуру пролетариата, т. е. за-

хватить власть и устранить всех своих соперников, и, в-четвертых, служат „иностранным интересам“ и не могут поэтому считаться национальной силой. Ввиду этого надо проводить строгое различие между марксистской теорией и социалистическими государствами, с одной стороны, и местными коммунистами, якобы „насаждающими чуждые идеи и переносящими на национальную почву методы, не подходящие для решения проблем Азии и Африки (даже если они оправдали себя в других странах), — с другой“».

Это, разумеется, упрощенная и схематическая трактовка взглядов националистического офицерства, но не нужно забывать, что в странах Азии и Африки с их невысоким уровнем экономического и политического развития массы легче всего усваивают именно упрощенные схемы. Политическое мышление недостаточно развито, легкие для усвоения черно-белые формулировки пользуются наибольшим успехом.

Конечно, не надо забывать, что офицерство не является единой массой. В вооруженных силах повсюду есть люди политически развитые и сознательные, сумевшие подняться над средним уровнем, преодолеть груз традиций, предрассудков, предубеждений, привычных стереотипов, понять дух и смысл марксистского учения. Таких офицеров было немало в индонезийских вооруженных силах, особенно в авиации. Однако преобладающая масса офицерства находится именно на среднем уровне.

Правда, под влиянием логики событий эти взгляды могут меняться. Мы уже видели, что в Ираке и Сирии революционная часть офицерства признала классовую борьбу и изменила свое отношение к коммунистам. Серьезную эволюцию влево проделал и такой виднейший военный лидер «третьего мира», как Насер, политические взгляды которого вначале в основном соответствовали мелкобуржуазным стереотипам и порождали порой недружественное отношение к коммунистам. Радикализация взглядов Насера, признавшего научный социализм (если не полностью, то его важные аспекты) и привлечение египетских марксистов к сотрудничеству со своим правительством, привела к тому, что он оказался «левее» многих офицеров, не пошедших дальше антиимпериалистического национализма.

Вообще было бы неверно исключать возможность

серьезной эволюции в прогрессивном направлении (вплоть до усвоения тех или иных положений научного социализма) значительной части офицеров даже тех армий, которые находятся на службе реакционных режимов. Мы уже видели это на примере вооруженных сил Перу, в рядах которых нашлись люди, осознавшие необходимость крутого поворота влево и радикальных социальных преобразований; в результате этого перуанская армия из оплота реакционного олигархического режима превратилась в революционную силу. Остановимся вкратце на роли военных в Португалии. Хотя Португалия не относится к странам «третьего мира», по многим показателям социально-экономического и политического развития она очень близка к ним, по крайней мере, к более развитым. В Западной Европе по всем этим показателям Португалия прочно занимает последнее место, ее валовый национальный продукт на душу населения лишь немногим более 500 долл.; в сельском хозяйстве господствуют латифундисты, более трети всего номинального капитала страны принадлежит иностранному капиталу или находится под его контролем. Страна, в которой царил режим столь же внутренне бесплодный, пустой и тусклый, сколь свирепый; последняя колониальная держава Европы, с безнадежным, фанатическим упорством цеплявшаяся за свои африканские владения; нищенка, грабившая колониальных рабов; карикатурная «империя», судорожно пытавшаяся сохранить остатки бывшего величия — такой была Португалия до 25 апреля 1974 г. Тысячи солдат — цвет португальской молодежи — погибли в совершенно бесперспективных колониальных войнах, огромный военный бюджет вел страну к экономической катастрофе; мрачная система не имела перспектив развития, не могла породить внутренних импульсов к трансформации, какая-либо эволюция была исключена. Только взрыв мог вывести Португалию из тупика, из деградации, к которой ее привел салазаровский фашизм.

Ударной силой революции стала армия, которую режим считал наряду с политической полицией — зловещей ПИДЕ — своей опорой.

Точнее говоря, не армия, а возникшая в ней организация молодых офицеров — «движение капитанов».

Каким образом среди офицерства армии, ведущей ко-

лониальную войну, возникли оппозиционные настроения? Английский автор Т. Бруно так описывает этот феномен: «Эти младшие офицеры понимали лучше, чем кто-либо, что колониальные войны нельзя выиграть. Они отслужили в Африке три или даже четыре срока, и непосредственный контакт с солдатами дал им полное представление как о потерях, так и о ничтожности шансов на победу.

...Если бы их недовольство было порождено только страхом военного поражения, можно было бы предположить, что движение возглавит такой человек, как Спинола... Но молодые офицеры осознали и наличие социального кризиса, в первую очередь благодаря личному опыту. Их жалование было невелико, бушевавшая инфляция жестоко била по ним. Собственные условия жизни позволили им понять условия жизни огромного большинства народа. Их недовольство приняло политический характер вследствие ненасытных требований мобилизации. Чтобы содержать вооруженные силы численностью в 150 тыс. человек, требовалась всеобщая мобилизация, призыв в армию всей молодежи. В военные школы приходилось принимать не только студентов, но и партийных активистов, перед которыми был выбор — тюрьма или армия. Более того, партийные активисты сообщили мне (хотя это трудно подтвердить фактами), что социалистическая и коммунистическая партии поощряли своих борцов вступать в ряды вооруженных сил, особенно в офицерский корпус, чтобы содействовать радикализации армии. Комбинация этих фактов привела к „политизации“ младших офицеров, они смогли связать причины войны с политическими проблемами внутри страны»¹¹.

Как только уяснена суть проблемы и осознана необходимость выхода из тупика путем революционного выступления — основа заложена. Дальше должна быть проявлена воля к действию и созданию конспиративной организации. К чести португальского офицерства, в его рядах нашлись подлинные патриоты, люди смелые и волевые, прогрессивно мыслящие, решившие спасти Португалию. «Движение капитанов» покончило с фашистским режимом; весна 1974 г. стала для Португалии весной свободы. В рамках образованной, пока еще далеко не полностью оформившейся политической системы Движение вооруженных сил выступало как направляющая сила. Конечно, в историческом плане португальский фашизм

был обречен, но неизвестно, сколько времени он смог продержаться, если бы не выступили революционеры-военные.

Вспомним, что проигранная палестинская война послужила толчком к революционному выступлению молодых египетских офицеров в 1952 г. Имеются и другие примеры. История неопровержимо доказывает, что военные неудачи в большей степени, чем что-либо другое, способствуют краху изжившего себя реакционного режима, неспособного к прогрессивной эволюции и сопротивляющегося назревшим общественным переменам. Армия — детище и оплот такого режима — перестает быть лояльной; солдаты деморализуются, авторитет высшего командования стремительно падает, солидарность офицерского корпуса исчезает, младшее и среднее офицерство «заражается» оппозиционными настроениями, в его рядах появляются революционные элементы, возникает организация, ведущая полки на штурм режима.

Такая судьба постигает и военные реакционные режимы, запутавшиеся во внешнеполитических авантюрах. В настоящей работе уже говорилось о крахе пакистанского военного режима, затеявшего кровавую авантюру в восточной части страны, результатом чего была война с Индией, военное поражение и бесславное падение милитаристско-бюрократической диктатуры. Можно привести и пример Греции — хунта «черных полковников» потерпела фиаско в связи с провалом безрассудной авантюры на Кипре. Инспирированный афинской военщиной путч на Кипре обернулся против нее.

Это проявление определенной закономерности. Военная диктатура, будучи не в состоянии решить внутренние проблемы, должна компенсировать свою несостоятельность успехами на внешнеполитическом фронте. Порочная логика диктатуры толкает ее на путь авантюры, крах которой она уже не может пережить.

Итак, опыт показывает, что левые, прогрессивные взгляды могут возникнуть в среде, казалось бы, абсолютно для этого неподходящей — в офицерском корпусе вооруженных сил, стоящих на страже интересов реакционной правящей верхушки, соответствующим образом обученных, воспитанных, обработанных, проверенных. Но для того, чтобы эти взгляды овладели умами достаточно большого числа офицеров и привели к возникно-

вению оппозиционного политического движения в армии, требуется, чтобы режим зашел в тупик или оказался дискредитированным. Можно предположить, что чилийская фашистская хунта падет рано или поздно в результате такого накопления гнева и ненависти в народе, которое повлияет и на позицию вооруженных сил; в свержении диктатуры непременно примет участие и армия, во всяком случае ее часть. Но пока, как бы ни был ненавистен режим Пиночета народным массам, он еще не обанкротился в глазах офицерства в целом, еще не стал для большинства военных настолько одиозным и обреченным, что от него надо избавиться даже в интересах самой военной корпорации.

Говоря о прогрессивной роли армии, надо иметь в виду следующее. Одно дело — когда в условиях проимпериалистического или феодального, антинародного, коррумпированного и дискредитированного режима, или просто в безнадежно отсталой, деградирующей стране, в обстановке, когда гражданские политические силы не в состоянии добиться перемен, честные патриоты-офицеры устанавливают свой контроль, чтобы спасти отечество, вывести страну из тупика отсталости и унижения, покончить с иностранным гнетом и феодализмом, начать процесс обновления. Другое дело — когда в стране, уже освободившейся от империалистического и феодального господства, военные прогрессивных убеждений становятся инициаторами процесса глубоких социальных, объективно антикапиталистических, преобразований.

О примерах первого рода в настоящей работе говорилось много. В Египте и Ираке, Йемене и Афганистане, в Эфиопии и на Мадагаскаре национально-прогрессивная роль армии была продемонстрирована достаточно убедительно. Когда же к первой тенденции прибавляется вторая, когда национально-прогрессивная роль армии дополняется ролью социально-прогрессивной, мы имеем уже другой образец: Бирму, Сомали, Перу. Здесь дело в различии между военными как национальными революционерами и как революционерами социальными. Первые вовсе не обязательно становятся вторыми. Стремление покончить с иностранным господством, с засильем крупных землевладельцев или с властью коррумпированной элиты не ведет автоматически к убежденности в необходимости борьбы против социального неравенства, против

эксплуатации, осуществляемой «своими» имущими классами. Националист, антиимпериалист, патриот, ненавистник аристократов и латифундистов может никогда не стать сторонником радикальных социальных преобразований. Одни останавливаются, другие идут дальше. На этом рубеже и проходит размежевание. «Тормозить» многих военных побуждают как рассмотренные выше националистически-мелкобуржуазные предубеждения, антикоммунистические стереотипы, социальные связи (прежде всего с имущими слоями, как старыми, так и новыми), тенденции к обуржуазиванию, так и корпоративные интересы. Если «национальная революционность» патриотически мыслящих офицеров в «третьем мире» может считаться безусловной, то их «социальная революционность» — условна и выборочна.

Таким образом, можно сделать вывод, что если армия в «третьем мире» способна играть прогрессивную, революционную роль на этапе борьбы за национальную независимость и ликвидацию феодального господства, то на этапе глубокой социальной революции среди части офицерства проявляются консервативные и антидемократические тенденции, обусловленные ее «особыми», говоря словами Ф. Энгельса, т. е. корпоративными, интересами. Именно на это и делает ставку империализм. Считать армию ведущей силой антикапиталистической революции и руководителем общества в странах социалистической ориентации было бы серьезной ошибкой.

Единственное условие, гарантирующее подлинно демократическое, прогрессивное развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки, — это создание передовой партии, стоящей на позициях научного социализма. Такая партия должна осуществлять руководство армией, способствовать превращению ее в подлинно народные вооруженные силы, свободные от духа «элитарности» и кастовости. Непревзойденным образцом в этом отношении служит история Советской Армии, ставшей под руководством коммунистической партии надежным орудием защиты социалистических завоеваний.

Профессиональная армия буржуазного образца не только не может быть руководителем процесса революционных преобразований, — она не останется и нейтральной, если эти преобразования зайдут достаточно далеко. Пример Ганы, а еще более ярко — пример Чили

показал, что наивно рассчитывать на возможность продвижения в направлении к социализму при условии сохранения вооруженных сил прежнего, буржуазно-профессионального, корпоративного характера.

Вопрос о возможности борьбы революционного народа с реакционной армией выходит за рамки настоящей работы. Армия не может устоять перед поднявшимся народом, если она уже деморализована, лишена единой воли, ощущает себя частью обанкротившегося, изжившего себя режима, если ее профессиональная уверенность в себе и сплоченность подорваны в результате неудачных войн. Примеров этому много — начиная от России 1917 г. и кончая Суданом 1964 г. Во всех этих случаях армия, во-первых, расколота, какая-то часть ее переходит на сторону революции, и, во-вторых, армия не совершает переворот, а лишь обороняется от народа, ненавидящего политическую систему, которую армия представляет.

Опыт Чили имеет прямое отношение и к очень важному вопросу о степени возможной «независимости» армии от общества, ее автономной роли.

Анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса не оставляет сомнений в том, что они считали армию в определенных исторических ситуациях самостоятельной политической силой¹². В ряде трудов классиков марксизма трактуется вопрос о возможности возникновения относительно независимой государственной власти, о роли и претензиях бюрократии, об «искусственной касте» и т. д. Эту государственно-бюрократическую касту никоим образом нельзя рассматривать в отрыве от ее военной разновидности.

В обществе, основанном на господстве частной собственности, армия (точнее говоря, ее верхушка) представляет собой часть бюрократии, военную бюрократию, со всеми закономерностями и характерными чертами, присущими бюрократии вообще, и, конечно, со своей спецификой. Поэтому тенденция к отчуждению от общества, к господству над обществом, присущая бюрократии и подмеченная К. Марксом и Ф. Энгельсом, в полной мере присуща и армии.

Приведем очень важный отрывок из статьи К. Маркса «Правление преторианцев»:

«Однако если во все предшествовавшие периоды правящий класс, возвышение которого соответствовало своеобразию развития французского общества, опирался в

борьбе против своих противников в качестве *ultima ratio* на армию, то все же господствующими являлись интересы определенного класса общества. При Второй империи должны господствовать интересы самой армии. Армии не приходится больше поддерживать господство одной части народа над другой частью народа. Армии приходится поддерживать свое собственное господство в лице своей собственной династии над французским народом вообще»¹³.

Эта характеристика относится ко Второй империи. Напомним, что именно применительно ко Второй империи К. Маркс писал в набросках «Гражданской войны во Франции» о «государственной власти, нашедшей свое последнее и высшее выражение» и «попирающей даже интересы господствующих классов». Следовательно, К. Маркс имел в виду именно господство армии, руководствующей собственными интересами и во имя их способной выступить против господствующего класса.

Способность армии играть самостоятельную и решающую роль отмечал и Ф. Энгельс — не только косвенно, как там, где он писал о временной независимости государственной власти и бюрократии, но и прямо, например (применительно уже не к Франции, а к Германии): «Армия снова стала решающей силой в государстве»¹⁴.

Это не единственный случай, когда Ф. Энгельс говорит об армии как о решающей силе. В работе «Роль насилия в истории» он писал: «В политике существует только две решающие силы: организованная сила государства, армия; и неорганизованная стихийная сила народных масс»¹⁵. Опыт победоносной пролетарской революции в России показал, что успех может быть достигнут, когда первая из этих сил, армия, уже не может или не желает защищать государство — орудие угнетения, а вторая, стихийная сила превращается под руководством партии в организованную.

Резюмируя все сказанное выше, можно прийти к выводу, что тезис о возможности — в определенных, исключительных исторических условиях — выступления армии в качестве относительно самостоятельной и автономной социально-политической силы, преследующей свои особые корпоративные интересы, является научным марксистским положением, разработанным К. Марксом и Ф. Энгельсом в рамках их учения о государстве.

В истории немало примеров того, как в условиях политической нестабильности и смуты, в период социальных сдвигов армия играла роль самостоятельной силы. Приведем пример из древней истории. Советский историк С. Л. Утченко показал, что «в условиях римской политической действительности, т. е. при отсутствии политических партий в современном значении этого слова, при деморализации городского плебса и политической индифферентности сельского населения только армия и могла быть единственно надежной опорой, играя до известной степени роль наиболее консолидированной в тех условиях политической организации»¹⁶. Это понял Цезарь. «Разочаровавшись в римской „демократии“, не считая ее надежной опорой, Цезарь совершенно сознательно подставил на место этой обветшалой и уже недейственной политической силы новую социально-политическую организацию — римскую армию»¹⁷.

Вернемся, однако, к современности. В программных тезисах III съезда Коммунистической партии Боливии отмечено, что армии присуща «тенденция при определенных обстоятельствах к власти над классами и их интересами»¹⁸.

Армия в развивающихся странах — это не просто «сколок с общества», не просто арифметическая сумма такого-то количества выходцев из крестьян, мелкой буржуазии и т. д. На военной службе все эти «выходцы» приобретают новое качество, сплачиваются в новый организм. Армия выступает как новая и в значительной мере самостоятельная социально-политическая сила, приобретает черты корпорации со своими собственными интересами (хотя, разумеется, не всегда одинаковыми).

Любая замкнутая, обособленная организация подвержена угрозе развития кастовости, отрыва от общества, превращения в самодовлеющий механизм. Армия не составляет исключения. Профессиональная солидарность может перерасти в корпоративизм, а корпоративизм — в кастовость. Гордое сознание принадлежности к «избранной» профессии может превратиться в комплекс превосходства по отношению к «гражданским».

Пока что только в Западном полушарии мог появиться девиз: «Политика принадлежит политикам, а отечество принадлежит армии!», но уже сегодня, а тем более завтра он может прозвучать в Азии и Африке. Слова

«армия — это единственная большая партия в стране» были сказаны о Бразилии¹⁹, но с тем же основанием их можно отнести ко многим странам «третьего мира».

Французский ученый Б. Вернье писал: «В прежнем, традиционном обществе военный не выделялся из общей массы. Он не принадлежал к особому корпусу, к отдельной „группе“. Безусловно, многие воины выступали из рядов и завоевывали троны, но это было их личное достижение, ничего не менявшее в структуре того мира, в котором они жили. Нормальным средством продвижения была не военная карьера, а карьера „человека закона“, религии. Сегодня все уже иначе»²⁰. Армия, писала ливанская газета «Ориан», стала «средством социального продвижения»²¹.

Ни одна политическая организация в развивающихся странах не может сравниться с армией по сплоченности, дисциплинированности и централизации руководства. Самое же главное в том, что армия располагает оружием — средством физического воздействия, которое по мере роста технической оснащенности вооруженных сил, как армии, так и полиции, становится все более грозным и неотразимым. Автоматическое оружие в огромной степени усилило способность военных справляться с народными выступлениями.

Правящие круги стран «третьего мира» отдают себе в этом отчет. Бывший президент Венесуэлы Бетанкур писал: «Техническое усовершенствование современного оружия придало армиям большую репрессивную силу. Взвод ударных войск с бронемашинами, ручными гранатами и пулеметами по своей мощи сегодня немногим уступает батальону в прежние времена»²².

Роль армии в поддержании «внутренней безопасности» за последнее время выросла в огромной степени. Поскольку «внутренняя безопасность» — это категория не военная, а политическая, можно сказать, что тем самым выросло значение армии именно как политического, точнее, внутриполитического фактора. Это обстоятельство, которое офицеры и генералы прекрасно сознают, воздействует на них в смысле понимания своей роли в обществе, своих политических преимуществ и возможностей. Институт общества, сознающий свое превосходство над другими институтами в такой же мере, в какой армия в развивающихся странах сознает свое превосход-

ство над всеми политическими организациями и государственными органами, не может не испытывать соблазна «взять дело в свои руки».

По этому поводу журнал «Ринашита» писал: «В экономически отсталом обществе... привилегированная армия, выделившаяся из общественного организма страны, представляет собой единственную силу, обладающую эффективной вертикальной структурой, социальной и культурной однородностью. Силу, с которой не может сравниться ни одна из существующих политических групп, включая господствующие группы... автономную политико-социальную силу, не зависящую от государственного аппарата и от правительства. Эта сила является более современной и эффективной, чем другие действующие в стране, и — именно потому, что она свободна от всякой политической зависимости, — она неизбежно склоняется к тому, чтобы выступать от собственного лица и с собственной инициативой, подчиняющей ее непосредственным корпоративным интересам весь общественный организм; она равнодушна даже к стратегическим интересам господствующих экономических групп»²³.

Формулировки итальянского марксиста нуждаются, как нам кажется, в критике и уточнении. «Однородность» армии — понятие относительное. Армии в Азии и Африке неоднородны ввиду различия образующих их классов и слоев. Главное же возражение вызывает тезис автора по вопросу о полной свободе армии от «политической зависимости».

Об относительной автономии и независимости армии можно говорить лишь применительно к странам, очень слабо развитым в социально-экономическом и политическом отношениях. В более развитых странах «третьего мира» — сошлемся опять на трагический опыт Чили — верхушка армии объективно не отделяет своих интересов от интересов привилегированной элиты. Классовый инстинкт побудил чилийских генералов выступить против революции, хотя непосредственные интересы военных отнюдь не были ущемлены народной властью.

Даже если в силу определенных причин исторического развития данной страны армия получает известную автономию действий, «отрывается» от общества и преследует свои особые, корпоративные интересы (сводящиеся главным образом к защите своего привилегиро-

ванного положения, к его укреплению и гарантии от всяких нежелательных для нее перемен), означает ли это, что она тем самым объективно не отражает интересов никакого класса?

Ответ на это может быть лишь один: в любом случае армия объективно способствует какому-либо пути социально-экономического развития, что отвечает интересам определенного класса или определенных классов. Вспомним, например, что независимый и внешне попиравший даже интересы буржуазии режим Луи-Бонапарта, как показал К. Маркс, объективно выражал интересы определенных классов, в том числе парцелльного крестьянства. В данном случае не имело никакого значения, что военно-бюрократическая верхушка, а тем более сам император субъективно не имели с этим крестьянством ничего общего и меньше всего о нем думали. Важно другое: та социально-экономическая политика, которую проводил бонапартистский режим, в общем и целом соответствовала интересам парцелльного крестьянства, сохраняла условия, предотвращавшие его разложение.

Придя к власти, армия занимается практической государственной деятельностью; вольно или невольно, сознательно или бессознательно она тем самым осуществляет какой-то курс экономического развития, отвечающий интересам одних и противоречащий интересам других классов.

В развивающихся странах армия может стать силой, способствующей как капиталистическому, так и некапиталистическому развитию, и это зависит не столько от субъективных намерений ее руководителей, сколько от условий, сложившихся в обществе.

Армия живет и действует не в вакууме, она окружена обществом, в котором кипит идейная борьба. Армия не может остаться островом или цитаделью капитализма в обществе, все передовые силы которого отвергают капитализм, устремляются к поискам иных решений.

Следовательно, в конечном счете все зависит не от самой армии, а от общества, от уровня его развития, от степени зрелости трудящихся масс и их способности встать в авангарде борьбы за независимость и прогресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I.

¹ В. И. Ленин, Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 22 ноября, 1919 г., — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 327—328.

² Там же, стр. 328.

³ Под промежуточными слоями мы подразумеваем предпролетариат, полупролетарские элементы, ремесленников, мелких торговцев и мелких предпринимателей, то есть городскую мелкую буржуазию и городские низы. Они занимают промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом. К средним слоям мы относим служащих, лиц свободных профессий, студенчество, офицерство.

⁴ Итальянский специалист по проблемам милитаризма Альдо Риццо считает, что в развивающихся странах «военные, нередко выпускники иностранных академий, во всяком случае люди, которые разъезжают и расширяют контакты в международном масштабе, люди, которых необходимость приспособливаться к все более сложным типам оружия и стратегии знакомит с современной техникой, образуют элиту, которая чувствует себя предназначенной для того, чтобы командовать, и часто действительно командует» («Рапогата», 4.X.1973).

⁵ Итальянский психолог Эмилио Сервадио утверждает: «Привычка к жизни в казарме, где дисциплина и иерархия носят непрерываемый характер, где приказы никогда не оспускаются и где критическое мышление становится излишним, побуждает к авторитаризму. Стремление к авторитаризму распространяется изнутри вовне и влечет за собой неизбежное побуждение распространить такой же абсолютный порядок и на общественную жизнь» («Рапогата», 4.X.1973).

⁶ В. И. Ленин, Войско и революция, — Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 113.

⁷ Современные буржуазные авторы недвусмысленно признают первоочередность внутриполитических задач армии. Например, американский исследователь Джордж Лодж писал, что защита от внешнего врага является «наименьшей из профессиональных функций» вооруженных сил. «Главная же их функция — подавление гражданских беспорядков, предотвращение внутренних подрывных действий и сохранение использования угрозы силы в политическом процессе» (G. C. Lodge, Engines of Change, New York, 1970, стр. 177).

⁸ Американский ученый Т. Викофф писал: «Военные придерживаются курса действий, соответствующего политическим условиям данной страны, и сами по себе они не могут считаться ответственными за наличие или отсутствие демократии... Политическая роль военных — это не „политическая болезнь“; скорее это симптом политической незрелости» (Th. W u s k o f f, The Military in Latin American

- Politics, — «Western Political Quarterly», vol. 13, September 1960, 1960, стр. 761).
- ⁹ J. Lee, African Armies and Civil Order. New York, 1969, стр. 158.
- ¹⁰ D. Lavroff, Regimes militaires et developpement politique en Afrique Noire, — «Revue française de sciences politiques», vol. XXII, 1972, № 5, стр. 984.
- ¹¹ «The Military Intervenes. Case Studies in political Development», New York, 1968, стр. 77.
- ¹² Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства, М., 1973, стр. 333—334.
- ¹³ R. First, The Barrel of a Gun, London, 1970, стр. 112.
- ¹⁴ Там же, стр. 146.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ «New York Times Magazine», 10.IV.1966.
- ¹⁷ «New York Times», 1.VII.1966.
- ¹⁸ «За рубежом», 1964, № 8, стр. 20.
- ¹⁹ «International Socialist Journal», 1964, August, стр. 432.
- ²⁰ «Le Monde»,
- ²¹ «За рубежом», 1964, № 8, стр. 2.
- ²² «Известия», 1966, № 302.
- ²³ J. Ziegler, Sociologie de la nouvelle Afrique, Paris, 1964, стр. 240—241.
- ²⁴ Там же, стр. 242—244.
- ²⁵ D. Hargood, Africa from Independence to Tomorrow, New York, 1965, стр. 77.
- ²⁶ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 6, стр. 56.
- ²⁷ «Africa Today», 1965, № 10, стр. 12.
- ²⁸ «Figaro», 14.V.1966.
- ²⁹ «Polityka», 30.II.1968.
- ³⁰ «Политические партии Африки», М., 1970, стр. 104.
- ³¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 24.
- ³² «The Role of the Military in Underdeveloped Countries», Princeton, 1962, стр. 376.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, стр. 364—365.
- ³⁵ «Le role extra-militaire de l'armée dans le tiers monde», Paris, 1966, стр. 80.
- ³⁶ «Le role extra-militaire...», стр. 96—97.
- ³⁷ «The Role of the Military...», стр. 369—371.
- ³⁸ Там же, стр. 373.
- ³⁹ K. Lacina, Armada a moc v ciernej Afrike, Bratislava, 1971, стр. 168.
- ⁴⁰ J. Lee, African Armies..., стр. 105.
- ⁴¹ «The Role of the Military...», стр. 373.
- ⁴² K. Lacina, Armada a moc..., стр. 88.
- ⁴³ «The Role of the Military...», стр. 373.
- ⁴⁴ W. Gutteridge, Armed Forces in the New States, London, 1962, стр. 39—57.
- ⁴⁵ Там же, стр. 39.
- ⁴⁶ «Rinascita», 27.I.1967, стр. 30.
- ⁴⁷ J. Lee, African Armies..., стр. 32—33.

- ⁴⁸ «Le role extra-militaire...», стр. 80—81.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ «American Political Science Review», 1953, June, стр. 517.
- ⁵¹ «The Military in the Middle East», Columbus, 1963, стр. 55.
- ⁵² W. Gutteridge, *Armed Forces...*, стр. 44.
- ⁵³ M. Janowitz, *The Military in the Political Development of New Nations*, Ghicago, 1964, стр. 60.
- ⁵⁴ «The Role of the Military...», стр. 290.
- ⁵⁵ Здесь «младотурки» — в переносном смысле: офицеры младшего поколения, бунтари.
- ⁵⁶ «The Role of the Military...», стр. 290.
- ⁵⁷ Jean-Paul Gharnay, *Le militaire arabe entre le pouvoir et la revolution*. Cahiers internationaux de sociologie, 1972, vol. 53, № 2, стр. 232—233.
- ⁵⁸ Africa, The Ghana Coup, 1966, London, 1967, стр. 49—51, 27, 29.
- ⁵⁹ «The Role of the Military...», стр. 385.
- ⁶⁰ «Rinascita», 27.I.1967, стр. 30.
- ⁶¹ W. Gutteridge, *Armed Forces...*, стр. 16—17.
- ⁶² W. Ademoyega, *The Federation of Nigeria*, London, 1964, стр. 182.
- ⁶³ Там же, стр. 145.
- ⁶⁴ «The Round Table», 1967, January, стр. 43.
- ⁶⁵ «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 1, стр. 98.
- ⁶⁶ Там же, стр. 99.
- ⁶⁷ E. Lengyel, *The Ghanging Middle East*, New York, 1960, стр. 77—78.
- ⁶⁸ H. Riad, *L'Egypte Nasserienne*, Paris, 1964, стр. 163.
- ⁶⁹ Аш Шафии, *Развитие национально-освободительного движения в Египте*, М., 1961, стр. 172—173.
- ⁷⁰ A. Malek, *Egypte société militaire*, Paris, 1962, стр. 64.
- ⁷¹ W. Laqueur, *Middle East in Transition*, London, 1958, стр. 81.
- ⁷² E. Garzonzi, *Old Ills and New Remedies in Egypt*, Cairo, 1959, стр. 15.
- ⁷³ Там же
- ⁷⁴ A. Malek, *Egypte société militaire*, стр. 114.
- ⁷⁵ Л. А. Фридман, *Капиталистическое развитие Египта (1882—1939)*, М., 1963, стр. 272, 276, 279.
- ⁷⁶ P. Vatikiotis, *The Egyptian Army in Politics*, Bloomington, 1961, стр. 28.
- ⁷⁷ N. Safran, *Egypt in Search of Political Community*, 1961, New York, стр. 195.
- ⁷⁸ P. Minganti, *L'Egitto Moderno*, Firenze, 1959, стр. 159—160.
- ⁷⁹ Х. Мохиад-Дин, *Египетская революция, ее развитие и перспективы*, — «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 38.
- ⁸⁰ El Sadat Anwar, *Revolte sur le Nil*, Paris, 1957, стр. 195.
- ⁸¹ В. Ф. Васильев, *Бирма на новых рубежах*, М., 1965, стр. 8, 9.
- ⁸² Заявление Революционного совета о всеобщей амнистии 1 апреля 1963 г., — Не Вин, *Бирма на новом пути*, М., 1965, стр. 154—155.
- ⁸³ L. Puye, *Politics, Personality and Nation Building*, London, 1962, стр. 247.

Глава II

- ¹ «Observer», 30.VIII.1964.
- ² K. L a c i n a, Armada a moc..., стр. 9.
- ³ J. L e e, African Armies..., стр. 90.
- ⁴ «Soldier and State in Africa», Evanston, 1970, стр. 185.
- ⁵ Цит. по: R. F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 197.
- ⁶ Там же.
- ⁷ K. N k r u m a h, Dark days in Ghana, London, 1968, стр. 47.
- ⁸ R u t h F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 429.
- ⁹ K. L a c i n a, Armada a moc..., стр. 96.
- ¹⁰ T. P a s i e r b i n s k i, Afrika i generalowie, Warszawa, 1966, стр. 152.
- ¹¹ Председатель Верховного военного совета Нигера подполковник Сейни Кунче, возглавивший переворот 15 апреля 1974 г., заявил в интервью корреспонденту журнала «Жен Африк»: «Мы не имеем намерения прослыть революционерами... Мы не намерены в конечном счете установить в Нигере новую форму общества; та форма общества, которая у нас имеется, должна быть усовершенствована, прежде чем мы сможем подумать о переходе к какой-то иной форме общества» («Jeune Afrique», 4.5.1974).
- ¹² «Afrique nouvelle», 30.XII.1965; 23.VI.1966.
- ¹³ «Afrique actuelle», 1968, Juillet—Aout.
- ¹⁴ «Soldier and State...», стр. 246.
- ¹⁵ J. L e e, African Armies..., стр. 1176.
- ¹⁶ «The Military in the Middle East», стр. 72.
- ¹⁷ M. N a g u i b, Egypt's Destiny, New York, 1955, стр. 14—15.
- ¹⁸ P. V a t i k i o t i s, The Egyptian Army. Из 11 руководителей организации 8 учились на одном курсе в академии.
- ¹⁹ G. V a u c h e t, Abdel Nasser et son equipe, vol. I, Paris, 1959, стр. 71—73, 94—104.
- ²⁰ E l S a d a t, Revolte sur le Nil, стр. 34—40.
- ²¹ P. V a t i k i o t i s, The Egyptian Army..., стр. 56—57.
- ²² E l S a d a t, Revolte sur le Nil, стр. 40.
- ²³ A. M a l e k, Egypte société militaire, стр. 207.
- ²⁴ «Blitz» (Bombay), 17.IV.1959. Интервью редактору журнала.
- ²⁵ P. V a t i k i o t i s, The Egyptian Army..., стр. 44—68.
- ²⁶ A. M a l e k, Egypte société militaire, стр. 208.
- ²⁷ A. M a l e k, Nasserism and Socialism, — «Socialist register), London, стр. 38—56.
- ²⁸ A. M a l e k, Egypte société militaire, стр. 208.
- ²⁹ J. M a r l o w e, Arab Nationalism and British Imperialism, London, 1960, стр. 212.
- ³⁰ «Фальсафат ас-саура», Каир, 1964, стр. 12.
- ³¹ Там же, стр. 18.
- ³² E l S a d a t, Revolte sur le Nil, стр. 130, 133, 170, 171.
- ³³ R. J o h n, The Boss: The Story of Gamal Abdul Nasser, London, 1960, стр. 110; J. e t S. L a c o u t u r e, L'Egypte en mouvement, Paris, 1956, стр. 143.
- ³⁴ E l S a d a t, Revolte sur le Nil, стр. 192.
- ³⁵ «The Military in the Middle East», стр. 54—55.
- ³⁶ G. T o r r e y, Syrian Politics and the Military, Ohio, 1964, стр. 56.
- ³⁷ «Le Monde», 13.X.1966.

³⁸ G. T o g g e y, *Syrian Politics...*, стр. 57.

³⁹ В интервью с «Газетт де Лозанн» Заим высказался за принятие американской помощи.

⁴⁰ Вначале, до ноября 1956 г., Шишekli правил за ширмой гражданского правительства, а затем отбросил ее и назначил своего ставленника полковника Фаузи Силу «главой государства».

⁴¹ G. H. T o g g e y, *Syrian Politics...*, стр. 60—61.

⁴² На парламентских выборах, состоявшихся после свержения Шишekli, баасисты получили 22 места из 142, увеличив число своих депутатов втрое по сравнению с предыдущими выборами.

⁴³ G. H. T o g g e y, *Syrian Politics...*, стр. 63—66.

⁴⁴ Соглашение о предоставлении экономической и технической помощи Сирии было окончательно подписано в Москве 11.XII.1957.

⁴⁵ На выборах 1954 г. прошел в парламент генеральный секретарь компартии Халед Багдаш, ставший первым в истории арабских стран коммунистом — депутатом парламента.

⁴⁶ «Oriente Moderno» (Roma), 1957, № 11.

⁴⁷ «Orient», 3.X.1961.

⁴⁸ «Le Monde», 20.VII.1963.

⁴⁹ «Le Monde», 14.X.1966.

⁵⁰ В Дамаске пользовалась успехом такая история. К зданию генерального штаба подходит офицер. Часовой спрашивает его: «Что вам угодно?». Тот отвечает: «Совершить переворот». «Вы что, порядка не знаете? Вон за углом очередь».

⁵¹ Генерал А. Х. Насутион начал военную карьеру как кадет в голландской академии КНИЛ в Бандунге.

⁵² G. J. P a u k e r, *The Role of the Military in Indonesia*, — in: «*The Role of the Military...*», стр. 190.

⁵³ Из офицеров ПЕТА вышли такие видные генералы, как Сукирман, Яни, Сухарто.

⁵⁴ A. H. N a s u t i o n, *To safeguard the banner of the revolution*, Djakarta, 1964, стр. 17.

⁵⁵ H. F e i t h, *The Decline of constitutional democracy in Indonesia*, New York, 1962, стр. 208—209.

⁵⁶ H. F e i t h, *The Decline of constitutional democracy*, стр. 404.

⁵⁷ G. J. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 210—290.

⁵⁸ G. J. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 211.

⁵⁹ Там же, стр. 210—211.

⁶⁰ H. F e i t h, *The Decline of constitutional democracy*, стр. 414.

⁶¹ H. F e i t h, *The Decline of constitutional democracy...*, стр. 406—407.

⁶² Там же, стр. 407.

⁶³ J. v a n d e r K r e e f, *Indonesia's military and the State*,—«*Far Eastern Economic Review*», 29.V.1958, стр. 685.

⁶⁴ G. J. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 210—219.

⁶⁵ В 1954—1956 гг. обнаружилось, что армия замешана в контрабандной торговле копррой, каучуком и кофе на Внешних островах. На Северной Суматре один китайский купец вывез с помощью армии в Малайю и Гонконг 5 тыс. т каучука на сумму 75 млн. рупий; половина этой суммы пошла военным. Во время Азиатских олимпийских игр один полковник был арестован за махинации с билетами, при помощи которых он «заработал» 45 тыс. долл. («*Time*», 12.X.1962).

⁶⁶ «*Pacific Affairs*», 1963—1964, № 4, стр. 370.

⁶⁷ «*Pacific Affairs*», 1963—1964, № 4, стр. 360.

- ⁶⁸ G. J. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 223—224.
- ⁶⁹ Формально существовали строгие ограничения импорта, но для обладавших положением, влиянием или связями не составляло особого труда приобрести, например, роскошные заграничные автомобили.
- ⁷⁰ «Правда», 5.VIII.1967.
- ⁷¹ «Коммунист», 1968, № 15, стр. 22.
- ⁷² А. Ю. Ю р ь е в, *Индонезия после событий 1965 года*, М., 1973, стр. 118.
- ⁷³ G. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 227—228.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ L i n k, 31.VIII.1960, стр. 27; G. P a u k e r, *The Role of the Military...*, стр. 229.
- ⁷⁶ «Pacific Affairs», 1963—1964, № 4, стр. 357—358.
- ⁷⁷ «Pacific Affairs», 1963—1964, № 4, стр. 361.
- ⁷⁸ «Time», 12.X.1962.
- ⁷⁹ «Eastern World», 1963, March, стр. 11.
- ⁸⁰ «Pacific Affairs», 1963—1964, № 4, стр. 363.
- ⁸¹ «Time», 12.X.1962.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ A. H. N a s u t i o n, *Towards a People's Army*, Djakarta, 1964, стр. 124.
- ⁸⁴ A. H. N a s u t i o n, *Towards a People's Army*, стр. 126.
- ⁸⁵ «Figaro», 5.VIII.1966.
- ⁸⁶ «Pacific Affairs», 1963—1964, № 4, стр. 364.
- ⁸⁷ Три силы: националисты, религиозные партии, коммунисты.
- ⁸⁸ Политический манифест, с которым Сукарно выступил 17 августа 1969 г. и который был одобрен высшими государственными органами как основа политического устройства страны.
- ⁸⁹ «The Role of the Military...», стр. 229.
- ⁹⁰ «China Quarterly», 1966, стр. 157.
- ⁹¹ Напротив, Сукарно, недвусмысленно угрожая армии, заявил, что вода может обойтись без рыбы, а рыба без воды — нет.
- ⁹² «Rinascita», 19.III.1966, стр. 8.
- ⁹³ «Antara General News», 15.XII.1966.
- ⁹⁴ K a r l v o n V o r y s, *Political Development in Pakistan*, Princeton, 1965, стр. 110.
- ⁹⁵ «Le Role extra-militaire...», стр. 295.
- ⁹⁶ W. A. W i l c o x, *Pakistan Coup d'Etat of 1958*,—«Pacific Affairs», vol. XXXVIII, № 2, стр. 146.
- ⁹⁷ Fazal Moqem Khan, стр. 190.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ W. W i l c o x, *Pakistan Coup...*, стр. 148.
- ¹⁰⁰ Fazal Moqem Khan, стр. 194—199.
- ¹⁰¹ «Soldier and State in Africa», Evanston, 1970, стр. 106.
- ¹⁰² Там же, стр. 99.
- ¹⁰³ «Soldier and State...», стр. 75.
- ¹⁰⁴ Р. Н. И с м а г и л о в а, *Этнические проблемы современной Тропической Африки*, М., 1973, стр. 144.
- ¹⁰⁵ В конце 1963 г. Согло уже возглавлял правительство; это произошло после того, как отношения между Апити и Мага зашли в тупик и вызвали острый политический кризис, а профсоюзы провели всеобщую забастовку. Тогда Согло руководил временным правительством, передавшим власть блоку Апати—Ахомадеге.

- 106 «Soldier and State...», стр. 96.
 107 Там же, стр. 65.
 108 «Soldier and State...», стр. 71.
 109 J. M. L e e, African Armies..., стр. 21.
 110 «Remarques Africaines», 8.IX.1966, стр. 422.
 111 «Le role extra-militaire...», стр. 106—117.
 112 Там же, стр. 115.
 113 «Remarques Africaines», 26.I.1966, стр. 35—36.
 114 «Remarques Africaines», 25.I.1966, стр. 35—36.
 115 «Remarques Africaines», 8.IX.1966.
 116 W. A d e m o y e g a, The Federation of Nigeria, London, 1964,
 стр. 180—181; W. G u t t e r i d g e, Armed Forces, стр. 46.
 117 W. G u t t e r i d g e, Armed Forces..., стр. 27, 36—37.
 118 R u t h F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 362.
 119 R u t h F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 248.
 120 Там же, стр. 303.
 121 R u t h F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 300.
 122 «Polityka», 5.II.1966.
 123 Нзеогву погиб, сражаясь за Биафру. Окафор был убит вос-
 ставшими северными войсками в июле 1966 г. Ифеаджуна был рас-
 стрелян во время войны в Биафре за организацию заговора против
 главаря сепаратистов Оджукву.
 124 «Polityka», 10.IX.1966.
 125 «The Round Table», 1967, January, стр. 43—44.
 126 «World Politics», 1968, № 2, стр. 190.
 127 Там же.
 128 Там же.
 129 «Polityka», 10.IX.1966.
 130 «Polityka», 5.II.1966.
 131 J. Z i e g l e r, Sociologie de la nouvelle Afrique, Paris, 1964,
 стр. 139—140.
 132 «Nation», 21.III.1966, стр. 320.
 133 «Soldier and State...», стр. 180, 181.
 134 «Observer», 13.III.1966.
 135 «African Forum», 1966, vol. II, № 1, стр. 31—41.
 136 J a n o w i t z, The Military in the Political Development, стр. 54.
 137 «Tribune», 3.III.1967.
 138 «Africa Report», 1966, April, стр. 17.
 139 K w a m e N k r u m a h, Dark days in Ghana, London, 1968,
 стр. 38.
 140 K w a m e N k r u m a h, Dark days in Ghana, стр. 45.
 141 Там же, стр. 46.
 142 Там же, стр. 47.
 143 «African Forum», 1966, vol. II, № 1, стр. 31—41.
 144 R. F i r s t, The Barrel of a Gun, стр. 370.
 145 «Nation», 21.III.1966, стр. 320.
 146 «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1, стр. 18.
 147 «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1, стр. 58.
 148 K w a m e N k r u m a h, Dark Days in Ghana, стр. 40.
 149 «Partisans», 1966, Mai—Juin, стр. 29—30.
 150 «Tribune», 24.II.1967.
 151 «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1, стр. 59.
 152 Там же, стр. 17—18.
 153 «The Economist», 18.II. 1967.

- ¹⁵⁴ Секу Туре, Гвинейская революция и антиимпериалистическая борьба, — «Проблемы мира и социализма», 1967, № 4, стр. 54.
- ¹⁵⁵ «Jeune Afrique», 5.III.1967.
- ¹⁵⁶ «Polityka», 30.XI.1968.
- ¹⁵⁷ «Polityka», 19.I.1974.
- ¹⁵⁸ «Jeune Afrique», 17.III.1973.
- ¹⁵⁹ «The Journal of Modern African Studies», 1972, vol. 10, № 1, стр. 22.
- ¹⁶⁰ «The Journal of Modern African Studies», 1972, vol. 10, № 7, стр. 24.
- ¹⁶¹ «The Journal of Modern African Studies», 1972, vol. 10, № 1, стр. 31.
- ¹⁶² Там же, стр. 19.
- ¹⁶³ «African Communist», 1973, № 2.
- ¹⁶⁴ Ю. Грядун, Новые горизонты Судана, М., 1969, стр. 58.
- ¹⁶⁵ Там же, стр. 59.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 85.
- ¹⁶⁷ «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1, стр. 59.
- ¹⁶⁸ Ахмед Бихаэд-Дин, Эпоха военных переворотов, — «Розль-Юсеф», 24.II.1958, стр. 10.

Глава III

- ¹ El Sadat, Revolte sur le Nil, p. 122.
- ² «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 38.
- ³ «Фальсафат ас-саура», стр. 19.
- ⁴ Аш-Шафи, Развитие национально-освободительного движения в Египте, стр. 178.
- ⁵ W. L a q u e r, Middle East in Transition, стр. 89.
- ⁶ W. L a q u e r, Middle East in Transition, стр. 87, 86.
- ⁷ Там же, стр. 88.
- ⁸ Цит. по: Аш-Шафи, Развитие национально-освободительного движения в Египте, стр. 179.
- ⁹ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 74.
- ¹⁰ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 39.
- ¹¹ Аш-Шафи, Развитие национально-освободительного движения в Египте, стр. 186.
- ¹² Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 72.
- ¹³ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 39.
- ¹⁴ Там же, стр. 38.
- ¹⁵ «Фальсафат ас-саура», стр. 23.
- ¹⁶ Keith Wheelock, Nasser's New Egypt, London, 1960, стр. 32.
- ¹⁷ В июне 1953 г. органы безопасности установили, что «Братья мусульмане» создали три тайные организации для работы среди офицеров, сержантов и полиции. Среди «завербованных» ими офицеров были лазутчики СРР, систематически докладывавшие о подрывной деятельности «братьев». Вначале СРР ограничился предупреждением и лишь впоследствии распустил организацию (Ch. Ph. H a r g i s, Nationalism and Revolution in Egypt, Stanford, 1964, стр. 219).
- ¹⁸ 28 марта Нагиб елe пробился к зданию Совета министров на заседание СРР, прокладывая себе путь с пистолетом в руке через толпы сторонников Насера. Во время заседания Насер и Салах Са-

лем то и дело выходили на балкон успокаивать толпу. Утром 29 марта члены СРР провожали из Каира короля Сауда. В аэропорту Нагиб пытался улететь вместе с Саудом, но был задержан.

¹⁹ Abdel Malek, *Egypte société militaire*, стр. 83

²⁰ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 40.

²¹ Abdel Malek, *Egypte société militaire*, стр. 94.

²² Tom Little, *Egypt*, London, 1958, стр. 219—220.

²³ Oberst Dr. J. Beer, *Der Nahe Osten—Schicksalsland zwischen Ost und West*, Munchen, 1959, стр. 82.

²⁴ T. Little, *Egypte*, стр. 242—246.

²⁵ «Правда», 31.VIII.1965.

²⁶ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 40.

²⁷ «The American Socialist», 1959, January.

²⁸ «The New Statesman», 8.II.1963.

²⁹ Там же.

³⁰ Эдмунд Асфур писал о «взаимном отсутствии доверия между деловым миром и офицерами и о естественном желании тех, кто держит власть, использовать эту власть».

³¹ Patrik O'Brien, *Revolution in Egypt's Economic System*, London, 1966, стр. 314.

³² R. A. U.: *Resumé—le Plan quinquennal pour le développement économique et social 1960—1965*, Le Caire, стр. 3—4, 7.

³³ Abdel Malek, *Egypte société militaire*, стр. 112.

³⁴ *The Development of Manufacturing Industry in Egypt, Israel and Turkey*, New York, 1958, стр. 21.

³⁵ «National Bank of Egypt Economic Bulletin», 1960, № 3—4, стр. 264.

³⁶ «National Bank of Egypt Economic Bulletin», 1961, № 1, стр. 56—57.

³⁷ «Le Monde», 20.IX.1963.

³⁸ «Economista» (Warszawa), 1965, № 3, S. 582.

³⁹ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 40.

⁴⁰ Abdel Malek, *Egypte société militaire*, стр. 117.

⁴¹ «Аль-Ахрам», 16.VII.1957.

⁴² J. Parker, *The United Arab Republic*,—«International Affairs», 1962, № 38, стр. 22—23.

⁴³ Еще в 1905 г. лорд Кромер писал: «Производство и ремонт обуви почти полностью монополизированы греками и армянами. Производство и продажа суконных тканей контролируются евреями, сирийцами и европейцами, портняжное дело — евреями». Среди имен, упоминавшихся в «Ежегоднике акционерных компаний» за 1951 г., 31% составляют египтяне-мусульмане, 4% — копты, 17% — евреи, 12% — сирийцы и ливанцы, 9% — греки и армяне, 31% — европейцы. («Social Forces in the Middle East», New York, 1955, стр. 124, 130).

⁴⁴ Abdel Malek, *Egypte société militaire*, стр. 75.

⁴⁵ «Аль-Гумхурия», 17.IX.1958.

⁴⁶ «The Times», 15.V.1959.

⁴⁷ «Orient» (Beyrouth), 6.I.1959.

⁴⁸ «Роз эль-Юсеф», 1.XII.1958.

⁴⁹ M. Khadduri, *The Role of the Military in Iraqi society. The Military in the Middle East*, Columbus, 1963, стр. 44.

⁵⁰ J. Beer, *Der Nahe Osten—Schicksalsland zwischen Ost und West*, стр. 227—228.

- ⁶¹ Однако в правительстве Касема ни коммунисты, ни ДПК не были представлены.
- ⁵² Gebrhan Majdalani, *The Baath experience in Iraq*,—«Middle East Forum», 1965, vol. XLI, № 2, стр. 46.
- ⁵³ Каумисты (по-арабски «аль-каумийюн») — националисты-пан-арабисты, сторонники объединения арабских стран. Их еще называют юнионистами и насеристами.
- ⁵⁴ Ю. Островитянов, «Прошлое и настоящее национально-го социализма партии Баас», — «МЭиМО», 1966, № 11, стр. 45.
- ⁵⁵ «Arab Political Documents...», стр. 33.
- ⁵⁶ G. Majdalani, «Middle East Forum», 1965, № 2, стр. 46.
- ⁵⁷ Ирак в 60-х годах ежегодно получал в виде доходов от нефти около 130 млн. ф. ст. Весь государственный бюджет составлял около 200 млн. динаров (2 динара=1 ф. ст.).
- ⁵⁸ «Guardian», 8.VIII.1966.
- ⁵⁹ Vranislav Vukovic, *Irak na raskrascu*,—*Medunarodny Radnicki Pokret*, 1967, № 1, стр. 91, 96.
- ⁶⁰ «Аль-Ахрам», 18.VII.1968 г.
- ⁶¹ «Probleme der Entwicklungsländer», 1973, № 51, стр. 49, 52.
- ⁶² «Probleme der Entwicklungsländer», 1973, № 51, стр. 52.
- ⁶³ Там же, стр. 49.
- ⁶⁴ «Africa Report», 1973, May—June.
- ⁶⁵ «West Africa», 6.I.1968.
- ⁶⁶ «Известия», 26.VII.1968.
- ⁶⁷ «Правда», 24.II.1972.
- ⁶⁸ «Afrique-Asie», 25.VI.1973.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ «Правда», 24.II.1972.
- ⁷¹ «Правда», 8.VIII.1973.
- ⁷² «Afrique-Asie», 25.VI.1973.
- ⁷³ «Polityka», 26.I.1974.
- ⁷⁴ «Current History», 1967, March, стр. 151.
- ⁷⁵ «Tribune», 10.III.1967.
- ⁷⁶ «Ghanaian Times», 26.II.1968.
- ⁷⁷ «Observer», 16.I.1972.
- ⁷⁸ «Sunday Telegraph», 16.I.1972.
- ⁷⁹ «Africa Report», 1972, April.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ «Le Monde», 28.II.1973.
- ⁸² «Правда», 17.I.1973.
- ⁸³ «Le Monde», 28.VII.1973.
- ⁸⁴ «Правда», 17.I.1973.
- ⁸⁵ «Le Monde», 28.VII.1973.
- ⁸⁶ «Правда», 6.III.1974.
- ⁸⁷ «Eurafrica», 1973, № 10—12.
- ⁸⁸ «Probleme der Entwicklungsländer...», стр. 49.
- ⁸⁹ «Afrique-Asie», 25.VI.1973.
- ⁹⁰ «Soldier and State...», стр. 85.
- ⁹¹ «The Military Intervenes», New York, 1968, стр. 93.
- ⁹² «Soldier and State...», стр. 94.
- ⁹³ Там же, стр. 95.
- ⁹⁴ J. Lee, *African Armies...*, стр. 173.

- ⁹⁵ «Soldier and State...», стр. 200.
- ⁹⁶ «Annual supplement to the EIU Quarterly Economic Review», Pakistan, 1966, стр. 1.
- ⁹⁷ Field Marshal Mohammad Ayub Khan, Speeches and Statements, Karachi, vol. II, July 1959—June 1960, стр. 25.
- ⁹⁸ Khalid B. Sayeed. Pakistan's Constitutional Autocracy,—«Pacific Affairs», vol. XXXVI, № 4, стр. 365.
- ⁹⁹ Показательно, что в последние годы власти Айюб Хана потеряли свои посты два богатейших представителя феодальной верхушки: наваб Калабага, бывший губернатор Западного Пакистана, и министр иностранных дел Бхутто, нынешний премьер-министр.
- ¹⁰⁰ «The American Economic Review Papers and Proceedings», 1962, vol. 52, стр. 54.
- ¹⁰¹ Brian Japping, Under Ayub's thumb,—«Guardian», 23.I.1967.
- ¹⁰² «Le role extra-militaire...», стр. 293.
- ¹⁰³ «Правда», 23.VI.1971.
- ¹⁰⁴ А. Юрьев, Индонезия после событий 1965 года, М., 1973, стр. 245.
- ¹⁰⁵ «Le Monde», 11.XI.1972.
- ¹⁰⁶ А. Юрьев, Указ. соч., стр. 73.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 75.
- ¹⁰⁸ «Правда», 23.II.1972.
- ¹⁰⁹ «Le Monde», 12.II.1972.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ А. Юрьев, Указ. соч., стр. 144.
- ¹¹² Там же, стр. 76.
- ¹¹³ А. Юрьев. Указ. соч., стр. 75; «International Affairs», 1968, № 1, стр. 42.
- ¹¹⁴ «Figaro», 7.VII.1973.
- ¹¹⁵ «Asian Survey», 1973, February, стр. 137; «Figaro». 7.VII.1973.
- ¹¹⁶ Р. Русев, Индонезия: генералы и политика, — «МЭиМО», 1968, № 12, стр. 59.
- ¹¹⁷ «Polityka», 24.VII.1971.
- ¹¹⁸ Цит. по: А. Юрьев, Указ. соч., стр. 132, 182.
- ¹¹⁹ «Asian Survey», 1973, February, стр. 129.
- ¹²⁰ А. Юрьев, Указ. соч. стр. 79.
- ¹²¹ Концепция функциональных групп возникла еще при Сукарно. В ее основе лежит теория отрицания классовой борьбы в Индонезии, деления общества по признаку места той или иной социальной группы в различных сферах жизни. Так, в группу «материального развития» входят как рабочие и крестьяне, так и чиновники и предприниматели, в группу «духовного развития» — интеллигенция, молодежь, женщины и др., отдельные группировки включают военнослужащих и священнослужителей.
- ¹²² «Asian Survey», 1973, February, стр. 134.
- ¹²³ «Le Figaro», 7.VII.1973.
- ¹²⁴ A. H. Nasution, Towards a People's Army, Djakarta, 1964, стр. 22, 109, 112 и др.
- ¹²⁵ L. A. Mills, Southeast Asia, Illusion and Reality in Politics and Economics, Minneapolis, 1964, стр. 95.
- ¹²⁶ D. A. Wilson, The Military in Thai Politics,—«The Role of the Military in Underdeveloped Countries», стр. 283.

- ¹²⁷ D. In ser, Thailand. A political, social and economic analysis, London, 1963, стр. 76.
- ¹²⁸ L. A. Mills, Southeast Asia..., стр. 99.
- ¹²⁹ D. A. Wilson, The Military in Thai Politics, стр. 264.
- ¹³⁰ D. A. Wilson, The Military in Thai Politics, стр. 265.
- ¹³¹ «Asian Survey», 1973, February, стр. 162, 165.
- ¹³² «Asian Survey», 1973, February, стр. 177.
- ¹³³ Там же, стр. 174.
- ¹³⁴ В Таиланде были распространены плакаты такого содержания: «Королевство — это дом, а армия — забор вокруг этого дома».
- ¹³⁵ L. A. Mills, Southeast Asia, стр. 103—104.
- ¹³⁶ D. A. Wilson, The Military in Thai Politics, стр. 275.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ M. Janowitz, The Military in the Political Development of New Nations, Chicago, 1964, стр. 84.
- ¹⁴⁰ «The Role of the Military in Underdeveloped Countries», Princeton, 1962, стр. 56.
- ¹⁴¹ «За рубежом», 1968, № 2, стр. 23.
- ¹⁴² H. Daadler, The Role of the Military in the Emerging Countries, The Hague, 1962, стр. 22—23.
- ¹⁴³ «Africa Report», 1967, № 12, стр. 23.
- ¹⁴⁴ T. S. Tella, G. Germani, J. Graciorena, Argentina, Sociedad de masas, Buenos Aires, 1965, стр. 282.
- ¹⁴⁵ «America Latina», 1964, № 4, п. 47.
- ¹⁴⁶ John J. Johnson, The Military and Society in Latin America, Stanford, 1964, стр. 106—108.
- ¹⁴⁷ Jose Luiz de Imaz, Los que mandan. Las Fuerzas Armadas en Argentina,—«America Latina», 1964, № 4, стр. 43.
- ¹⁴⁸ J. Johnson, The Military and Society in Latin America, стр. 103, 167, 166.
- ¹⁴⁹ «Latin American Research Review», 1966, vol. II, № 1, стр. 20.
- ¹⁵⁰ Ф. Мьерес, К. Медина, Кризис структуры и пути выхода из него, «Проблемы мира и социализма», 1967, № 5, стр. 68, 66.
- ¹⁵¹ Horowitz, Revolution in Brazil,—«New Politics», 1964, № 2, стр. 79.
- ¹⁵² «Le Monde», 6.X.1966.
- ¹⁵³ «Новое время», 1973, № 40.
- ¹⁵⁴ New Politics, 1964, № 2, стр. 74.
- ¹⁵⁵ «Fortune», September, стр. 148.
- ¹⁵⁶ «New York Times», 29.IX. 1973.
- ¹⁵⁷ «Латинская Америка», 1974, № 1, стр. 77.
- ¹⁵⁸ «Правда», 6.IV.1971.
- ¹⁵⁹ А. Шульговский, Оружие и политика в Латинской Америке, — «Международная жизнь», 1967, № 5, стр. 46.
- ¹⁶⁰ Victor Alba, El ascenso del militarismo tecnocratico,—«Panorama», 1963, № 6, стр. 5—39.
- ¹⁶¹ «Aftonbladet», 29.II.1972.
- ¹⁶² «Проблемы мира и социализма», 1972, № 2, стр. 75. Представитель марокканских марксистов Ахмед аль-Марракши высказал следующую мысль: «Военные перевороты представляются весьма привлекательными и имеющими шансы на успех в тех странах, где застой процесс созревания национально-демократической рево-

люции... Во многих странах национальному движению не удается организоваться в политические партии, а главное, в них нет революционного авангарда или же он слаб. Стремление к переменам, не находя выхода среди гражданского населения, проявляется в действиях военных групп, которые поэтому могут выступить в качестве революционной силы» («Проблемы мира и социализма», 1972, № 2, стр. 75).

¹⁶³ «Unita», 20.XII.1974.

¹⁶⁴ «Le Monde», 27.XII.1974.

Глава IV

¹ J. P. Charney, Le militaire arabe entre le pouvoir et la revolution...—«Cahiers internationaux de sociologie», 1972, vol. 53, № 2, стр. 232—233.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС», — «Коммунист», 1967, № 10, стр. 38.

³ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 103.

⁴ J. U. Lacouture, L'Egypte en Mouvement, стр. 348.

⁵ Abdel Malek, Egypte, société militaire, стр. 105.

⁶ Там же, стр. 103.

⁷ «National Bank of Egypt. Egypt's Economic Growth 1953—1963. An Appraisal, NBE Economic Bulletin», 1964, № 1, стр. 47.

⁸ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 81.

⁹ Там же.

¹⁰ Аш-Шафи. Развитие национально-освободительного движения в Египте, стр. 261.

¹¹ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 81.

¹² Как выяснилось в 1961 г., Ф. Тагер (один из столпов египетского капитализма) ежегодно переводил в Лондон 10 млн. егип. ф.

¹³ «Аль-Ахрам», 8. XII. 1961.

¹⁴ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 42.

¹⁵ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 106, 107, 115.

¹⁶ «Тахаддасуна ан аль-иштиракийя», Каир, 1961. Еще раньше египетский журнал констатировал: «Деловой мир Египта не желает внести свой вклад в национальную реконструкцию» («Egyptian Economic and Political Review», 1959. May—June, стр. 27—28).

¹⁷ O'Brien, Revolution in Egypt's Economic System, стр. 315.

¹⁸ Холдинг-компании — компании, специально создаваемые для владения акциями других компаний, как правило, не имеют своих производственных предприятий.

¹⁹ «Аль-Ахрам», 6.III.1960.

²⁰ «Аль-Гумхурия», 20.II.1960.

²¹ Цит. по: Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 136.

²² «National Bank of Egypt. Economic Bulletin, XIV (1961)», № 3, стр. 326 — 332.

²³ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 165.

²⁴ «Аль-Ахрам», 17.X.1961.

²⁵ Abdel Malek, Egypte société militaire, стр. 160.

²⁶ «Arab Political Documents», 1964, American University of Beirut, стр. 114.

²⁷ Существовала версия, что на этот шаг повлияло раскрытие заговора, в котором участвовало около 30 офицеров, связанных с буржуазными кругами. Они якобы вступили в контакт с вафдистами

- и обратились к Амеру с требованием положить конец диктатуре и
восстановить парламентскую демократию.
- 28 «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 43.
- 29 Там же.
- 30 «New York Times», 13.VII.1961.
- 31 «Аль-Ахрам», 11.VII.1962.
- 32 «The Egyptian Gazette», 22.V.1962.
- 33 «Аль-Ахрам», 11.VII.1962.
- 34 «Проблемы мира и социализма», 1966, № 8, стр. 41.
- 35 «Аль-Ахрам», 27.III.1964.
- 36 I an D z i e d z i c, Oczekiwanie,— «Polityka», 8.VII.1967.
- 37 С m. Keith Wheelock, Nasser's New Egypt, London, 1960,
стр. 47—48.
- 38 A b d e l M a l e k, Egypte société militaire, стр. 176—177.
- 39 P. M e y e r-R a n k e, Der rote Pharao, Hamburg, 1964, стр. 64.
- 40 «Le role extra-militaire...», стр. 126.
- 41 «За рубежом», 1967, № 27, стр. 8.
- 42 «За рубежом», 1967, № 27, стр. 7.
- 43 «Democracie nouvelle», 1968, № 2, стр. 117, 120.
- 44 «Правда», 6.XII.1967.
- 45 «UAR: EIU Quarterly», 1967, № 4, стр. 5.
- 46 «Democracie nouvelle», 1968, № 2, стр. 96.
- 47 «Новое время», 1968, № 17, стр. 5.
- 48 «Le Monde», 28.II.1968.
- 49 «Polityka», 24.II.1968.
- 50 «Новое время», 1968, № 17, стр. 6.
- 51 «Democracie nouvelle», 1968, № 2, стр. 97.
- 52 «Rude Pravo», 19.VII.1968.
- 53 «Democracie nouvelle», 1968, № 2, стр. 97.
- 54 Там же.
- 55 «Democracie nouvelle», 1968, № 2, стр. 122.
- 56 «За рубежом», 1967, № 39, стр. 15.
- 57 «Правда», 28.IV.1968.
- 58 «Le Monde», 17.X.1966.
- 59 В. В и к т о р о в, Прогрессивные преобразования в Сирии,—
«МЭиМО», 1965, № 5, стр. 130.
- 60 Там же, стр. 131.
- 61 Там же.
- 62 «МЭиМО», 1965, № 5, стр. 131.
- 63 «Le Monde», 17.X.1966.
- 64 «Documents relating to Socialist Conversion in the Syrian Arab
Republic», Damascus, 1966, стр. 17—22.
- 65 «Unita», 31.III.1972.
- 66 Там же.
- 67 «За рубежом», 1972, № 19, стр. 17.
- 68 «Правда», 27.VII.1972.
- 69 «МЭиМО», 1969, № 1, стр. 46.
- 70 «Народы Азии и Африки», 1973, № 1, стр. 13.
- 71 «Правда», 12.VII.1973.
- 72 «Financial Times», 27.VII.1973.
- 73 Только половину членов Революционного совета составляли
офицеры, занимавшие ответственные административные посты в пе-

- риод первого правления Не Вина (J. Silverstein, *Military Rule in Burma*,—«Current History», 1967, January, стр. 41.
- ⁷⁴ См. Н. П. Аникиев, Р. А. Ульяновский, Программа национального возрождения (философия партии «Бирманский путь к социализму»), — «Народы Азии и Африки», 1964, № 4.
- ⁷⁵ Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 206, 209, 211, 212.
- ⁷⁶ Там же, стр. 165.
- ⁷⁷ Там же, стр. 145.
- ⁷⁸ Там же, стр. 244.
- ⁷⁹ В. Ф. Васильев, Бирма на новых рубежах, стр. 21.
- ⁸⁰ Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 81.
- ⁸¹ Там же, стр. 88.
- ⁸² Там же, стр. 41, 43.
- ⁸³ Там же, стр. 41, 43.
- ⁸⁴ «Guardian» (Rangoon), 20.III.1964
- ⁸⁵ По данным Не Вина, крестьяне составляли более 80% населения, рабочие — около 15%, остальные — 5% (Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 66).
- ⁸⁶ «Working People's Daily», 9.XII.1964, special supplement.
- ⁸⁷ J. Kleeg, *Socializm w oficerskich epoletach*, — «Polityka», 23.V.1964.
- ⁸⁸ Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 186.
- ⁸⁹ Там же, стр. 232.
- ⁹⁰ А. Левковский, Положение в Бирме,— «Проблемы мира и социализма», 1966, № 7, стр. 70.
- ⁹¹ «Forward», 1.V. 1972.
- ⁹² «Working People's Daily», 17.I.1967.
- ⁹³ В. Ф. Васильев, Бирма на новых рубежах, стр. 17.
- ⁹⁴ «News week», 3.I.1966.
- ⁹⁵ «New York Times Magazine», 27.II.1966.
- ⁹⁶ «Working People's Daily», 10.I.1967.
- ⁹⁷ Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 146.
- ⁹⁸ См. «Working People's Daily», 20.V.1967 и др.
- ⁹⁹ Не Вин, стр. 48.
- ¹⁰⁰ «Jomiuri», 21.IX.1966.
- ¹⁰¹ «Working People's Daily», 16.I.1967.
- ¹⁰² Не Вин, Бирма на новом пути, стр. 213.
- ¹⁰³ «Working People's Daily», 4. VIII.1966.
- ¹⁰⁴ «Правда», 4.I.1973.
- ¹⁰⁵ «За рубежом», 1971, № 40, стр. 17.
- ¹⁰⁶ Р. Ульяновский, Бирма на новом пути, — «Международная жизнь», 1972, № 4, стр. 22, 23.
- ¹⁰⁷ «За рубежом», 3.IV.1970.
- ¹⁰⁸ «Известия», 29.II.1972.
- ¹⁰⁹ «Au pouvoir du peuple—armée du peuple», Brazzaville, 1970, стр. 31.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 23.
- ¹¹¹ Commandant Marien Ngouabi «Le Role de L'Armée. Service Presidentiel de Presse et l'Information», стр. 12.
- ¹¹² M. Ngouabi, Le Role de l'Armée, стр. 12—13.
- ¹¹³ Там же, стр. 14.
- ¹¹⁴ «Au pouvoir du peuple—armée du peuple», стр. 8.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 9.

- 116 Там же, стр. 9.
 117 «African Communist», 1973, № 4.
 118 «Afrique-Asie», 25.VI.1973.
 119 «За рубежом», 1973, № 673, стр. 17.
 120 «Stella d'Ottobre», 14.IX.1971.
 121 Siad Barre, My Country and My People, стр. 100.
 122 «Stella d'Ottobre», 6.XII. 1973.
 123 «Afrique-Asie», 25.VI.1973.
 124 «Проблемы мира и социализма», 1971, № 1, стр. 14.
 125 «Латинская Америка», 1974, № 4, стр. 58.
 126 Polityka, 20.VII. 1974 г.
 127 «Правда», 27.VII. 1974 г.

Заклучение

- ¹ «Nation», 31.III.1966, стр. 314.
² «New York Times», 6.III.1966.
³ C. L. Sulzberger, Unfinished Revolution, New York, 1965, стр. 220.
⁴ Там же, стр. 220—221.
⁵ «Новый мир», 1972, № 12, стр. 201.
⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 152.
⁷ Там же, т. 21, стр. 170.
⁸ М. Чешков, «Элита» и класс в развивающихся странах, — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 1, стр. 88.
⁹ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы, М., 1974, стр. 192.
¹⁰ Там же, стр. 191.
¹¹ Thomas C. Vigneau, The Portuguese coup,—«World Today», 1974, July, стр. 282, 283.
¹² См. К. Маркс, Наброски «Гражданской войны во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта», «Классовая война во Франции», «Революция в Испании» и др.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Революция и контрреволюция в Германии, Конституционный вопрос в Германии и т. д.
¹³ К. Маркс, Правление преторианцев, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 12, стр. 413.
¹⁴ Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, — Сочинения, т. 8, стр. 61.
¹⁵ Ф. Энгельс, Роль насилия в истории, — Сочинения, т. 21, стр. 446—447.
¹⁶ С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 197.
¹⁷ Там же.
¹⁸ «Partido Comunista de Bolivia. Tesis programatica aprobada en el III Congreso Nacional», 1971, стр. 12.
¹⁹ «Le Monde», 6.X.1966.
²⁰ Bernard Vernier, Armée et politique au Moyen Orient, Paris, 1966, стр. 220.
²¹ «Orient», 5.IV.1963.
²² «America Latina y Desarrollo Social», Santiago de Chile, 1966.
²³ «Rinascita», 5.IV.1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I. Предпосылки выхода армии на политическую арену</i>	3
<i>Глава II. Причины переворотов и цели военных</i>	61
<i>Глава III. Военные у власти</i>	180
<i>Глава IV. Армия и революционная демократия</i>	296
<i>Заключение</i>	365
<i>Примечания</i>	392

Георгий Ильич Мирский
«ТРЕТИЙ МИР»:
ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ,
АРМИЯ

*Утверждено к печати
Институтом мировой экономики и международных отношений
Академии наук СССР*

Редактор *М. М. Новакова*. Младший редактор *Р. Г. Селиванова*. Художник *И. Н. Куклес*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *В. В. Воловик*.

Сдано в набор 8/X 1974 г. Подписано к печати 18/XI 1975 г. А-12807. Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 2. Печ. л. 12,75. Усл. п. л. 21,42. Уч.-изд. л. 22,89. Тираж 13 000 экз. Изд. № 3553. Зак. 775. Цена 1 р. 48 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома
Москва, ул. Макаренко, 5/16.

Цена 1 р. 48 к.

Г. И. МИРСКИЙ „ТРЕТИЙ МИР“